Министерство образования и науки Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет

Ч48
Н34

НАУКА ЮУрГУ

Материалы 65-й научной конференции

СЕКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Том 1

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2013

ББК Ч481.46.я43 + Ч215.1.я43
Н34

Оргкомитет 65-й научной конференции
Ваулин С.Д. (председатель), Рождественский Ю.В., Спасибожко В.В., Шабиев С.Г., Спиридонов Е.К., Карпов А.Н., Соколинский Л.Б., Шестеркина Л.П., Парфентьева Н.Д., Хомутова Т.Н., Горшенин В.П.. Дрозин А.Д., Гузеев В.И., Ровный Б. И., Казаринов Л.С., Солдатова Е.Л., Тошев А.Д., Майсак В.Н., Лившиц В.А., Окольнишникова И.Ю., Кундикова Н.Д., Михайлов Г.Г., Быков Е.В., Авдин В.В., Шиндина Т.А., Баев И.А., Радионов А.А., Классен А.Н., Демин А.А., Волошина И.А., Чуманов В.И., Серко И.А., Балахонова И.М., Рогозин А.Ф., Орлова Е.Ю., Борщенюк В.Н., Чванова Е.Е., Кравцов А.И., Шкерина Г.А., Давыдова О.И., Плаксин О.А., Романов Е.В.

Ответственный за выпуск Ваулин С.Д.

Н34 **Наука ЮУрГУ**: материалы 65-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук: в 2 т. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. — Т. 1. — 427 с.

ISBN 978-5-696-04458-3 (т. 1)
ISBN 978-5-696-04457-6

Представлены материалы 65-й научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и сотрудников, которая состоялась в апреле 2013 года.

Отпечатано с авторских оригиналов.

ББК Ч481.46.я43 + Ч215.1.я43

ISBN 978-5-696-04458-3 (т. 1)
ISBN 978-5-696-04457-6

© Издательский центр ЮУрГУ, 2013

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

УДК 070.11+378.016:070
ББК Ч600.08+Ч448.47

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛИСТ: ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА И ЗАДАЧИ ОБРАЗОВАНИЯ

Л.П. Шестеркина

В статье рассматривается практически значимая проблема подготовки журналиста в условиях конвергенции. Автор формулирует основные характеристики универсального журналиста, настаивая на необходимости формирования профессиональных и личностных качеств журналиста, востребованных в современном медиапространстве.

Ключевые слова: универсальный журналист, журналистское образование, конвергенция СМИ, конвергентный ньюсрум.

С появлением конвергентных СМИ и возникновением конвергентных редакций в журналистике сформировалось понятие универсального журналиста [1]. Основное отличие конвергентного журналиста от традиционного в том, что он должен определить оптимальный для конкретной новости формат и уметь создать в нем свой материал. В частности, ему нужно владеть техникой интервью, уметь подбирать факты и данные, пользоваться видеокамерой, диктофоном, обрабатывать видео-, аудио- и фотоматериалы, иметь навыки графического дизайна, уметь писать тексты (для газеты, радио, телевидения, Интернета) [1].

В работах Я.Н. Засурского, посвященных проблемам журналистского образования в современном информационном обществе, также подчеркивается: «Сегодня журналист обладает цифровыми технологиями, позволяющими одновременно работать для газеты, радио, телевидения, Интернета, мобильной журналистики. Это универсализация журналистской профессии, которая базируется на конвергенции информационного процесса, где визуальное начало соединяется с началом слуховым и текстовым. Все это, конечно, приводит к новым подходам в обучении студентов» [1].

Результатом таких подходов в образовательном процессе должно стать обретение студентами компетенций, необходимых для конвергентного процесса: знание информационных потребностей своей аудитории; понимание системы ценностей целевой аудитории: фигуры — «маяки», референтные группы, язык, стилевые предпочтения; причастность к определенным сообществам; понимание важности сетевого сообщества для медиакомпаний и одиночных производителей интернет-контента; умение собирать информацию с помощью сетевых сообществ и иметь навык работы с

медиатекстами в Интернете; умение правильно отвечать на вопросы ситуативных задач, возникающих в системе сетевого общения, а также обладание навыками работы в совместных редакторских средах для рассылки, редактирования и поддержки контента (информации); умение использовать рабочие ссылки, писать совместные с поисковиками заголовки, пользоваться и управлять семантическими указателями и/или категориями в системе медиатекста, работать в различных системах управления (Joomla, Wordpress, Drupal), JavaScript (язык сценариев) и др.

В зависимости от ключевых источников информации современных СМИ — открытых в Интернете, редакционных и личных баз данных, социальных сетей и лент новостей информационных агентств выделяются следующие новые роли в конвергентной редакции: редактор-агрегатор, усилия которого направлены на сбор информации (агрегацию), отбор полезного и релевантного материала (фильтрацию), публикацию (на сайте, в печатном издании, социальных закладках и блогах); мобильный журналист, способный находить события за пределами Интернета; журналист-аналитик, умеющий работать с базами данных и таблицами, выявлять закономерности, обрабатывать статистику; мультимедиапродюсер, отвечающий за весь информационный комплекс; редактор-эксперт как навигатор отраслевой специализации; редактор сообщества в Интернете, чья роль заключается в том, чтобы формировать сообщества, помогать начинать и поддерживать дискуссию, отвечать на вопросы, объяснять, помогать пользователям в отдельных проектах, поощрять конструктивную активность [2].

В этом перечне специализаций в конвергентном ньюсруме предметом нашего внимания являются журналисты, которые должны уметь создавать информационный продукт в различных форматах. При этом, журналист должен создавать контент в том формате, в котором он работает наиболее профессионально и который максимально подходит для освещения конкретного информационного повода.

Помимо этого ученые и специалисты в области журналистики и журналистского образования (Я.Н. Засурский [1], Е.Л. Вартанова [3], В.Л. Цвик [4], С.Г. Корконосенко [5], Е.П. Прохоров [6], Л.Г. Свитич [7], А.А. Ширяева [8], М.М. Лукина [9], Г.В. Лазутина [10], В.С. Хелемендик [11]) среди профессиональных и личностных качеств, которыми должен обладать современный журналист, как основные выделяют следующие:

– глубокие знания в области гуманитарных дисциплин;
– осознание особой роли СМИ в современном мире;
– степень личной социальности и профессиональной ответственности;
– высокий культурный уровень;
– понимание специфики деятельности различных видов СМИ;
– компетентность во всех аспектах профессиональной деятельности;

– развитая профессиональная рефлексия;
– способность к самообразованию, самоусовершенствованию.

Результат журналистского образования как части профессионального образования — это приобретенная индивидом в ходе обучения способность к выполнению функциональных обязанностей журналиста, уровень мастерства и искусности в процессе сбора, переработки и распространения социально значимой информации, то есть профессионализм.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что объективные предпосылки для апробации и внедрения современных методов обучения обусловлены спецификой журналистской деятельности, и прежде всего в конвергентной редакции, которая является особой производственно-творческой структурой, производящей медиапродукцию для различных видов СМИ и распространяющей ее по различным каналам информации. К сегодняшнему дню уже сформировалось понятие «универсальный журналист», которое ставит новые задачи в организации и содержательном наполнении образовательного процесса журналистов. Концептуально подобный специалист должен обладать требуемыми в медийной среде профессиональными знаниями и инструментальными навыками, умениями и компетенциями, которые позволяют ему работать в условиях конвергентной среды, готовить материалы для передачи по различным каналам информации: в периодической печати, на телевидении и радио, в интернет- и мобильных СМИ, исходя из общего источника получаемых сведений.

Однако мы настаиваем на том, что получение таких важных компетенций для современного медиаспециалиста не отвергает, а, напротив, усиливает необходимость формирования профессиональных и личностных качеств журналиста, обусловленных социальной природой и сущностью журналистики. Организация в журналистском образовании таких взаимосвязанных процессов, как профессиональная трудовая социализация, профессиональная подготовка и профессиональное становление личности, позволяет специалисту СМИ усвоить систему норм и ценностей, соответствующих социальной роли журналиста. Этому способствуют и внедряемые в образовательный процесс инновационные методы обучения, основанные на классическом фундаменте организации журналистского образования и ориентированные как на существующие в профессиональной практике специализации журналистской профессии, так и на подготовку универсального журналиста, способного к созданию информационного продукта в условиях конвергенции.

Библиографический список

1. Засурский, Я.Н. Журналистское образование / Я.Н. Засурский. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — 2006. — № 4.

2. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные / под ред. А.Г. Качкаевой. — М., 2010. — С. 89—91.

3. Вартанова, Е.Л. К чему ведет конвергенция СМИ? — Развитие информационного общества в России. Т. 1.: Теория и практика. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001.

4. Цвик, В.Л. О конвергенции в журналистской науке. URL: http://jarki.ru/wpress/2011/04/08/2128/

5. Корконосенко, С.Г. Преподаем журналистику. Профессиональное и массовое медиаобразование: учеб. пособие / С.Г. Корконосенко. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. — 240 с.

6. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 351 с.

7. Свитич, Л.Г. Введение в специальность: Профессия: журналист / Л.Г. Свитич. — М.: Аспект Пресс, 2010. — 255 с

8. Ширяева, А.А. Социальная направленность журналистского образования / Л.Г. Свитич, А.А. Ширяева // Журналистское образование: концепции и стратегии: межвуз. сб.; отв. ред. Г.С. Мельник, Б.Я. Мисонжников. — СПб.: Роза мира, 2006. — 204 с.

9. Лукина, М.М. Современная концепция и структура журналистского образования в России / М.М. Лукина, Л.Г. Свитич, А.А. Ширяева. // Современное журналистское образование: технологии и особенности преподавания; под ред. Е.Л. Вартановой. — М.: МедиаМир, 2008. — 248 с.

10. Лазутина, Г.В. Основы творческой деятельности журналиста — М.: Аспект-Пресс, 2007.

11. Хелемендик, В.С. Союз пера, микрофона и телекамеры / В.С. Хелемендик. — М.: Мысль, 1977. — 314 с.

12. Шестеркина, Л.П. Формирование инновационной модели подготовки журналистов в условиях становления конвергентных СМИ (гуманитарный и технологический аспекты): дис. … д-ра филол. наук. М., 2011.

13. Shesterkina L. Training of a Universal Journalist in the Conditions of Convergent Mass Media — Digital Frontiers: Traditional Media Practices in the Age of Convergence. — Moscow: Faculty of Journalism Lomonosov Moscow State University, 2010.

14. Бредшоу, П. СМИ 21 века — URL: http://habrahabr.ru/blogs/mass_media/54706.

15. Куинн, С. Введение в конвергентную журналистику: учеб. пособие — URL:http://www.gipp.ru/print.php?id=17270.

УДК 371.684

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННЫМИ РАДИОСТАНЦИЯМИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Л.И. Белова

По результатам авторского социологического исследования делается вывод об особенностях и уровне реализации современными российскими радиостанциями культурно-просветительской функции.

Ключевые слова: радио, функции радиовещания, эстетическая функция радио.

Функционирование и реализация культуры на практике осуществляется через деятельность многообразных социальных институтов (учебных заведений, общественных объединений, партий, разных государственных органов, СМИ и т. д.), которые формируют и организуют культурную деятельность человека.

В рамках нашего исследования мы остановимся на изучении репрезентации современной культуры через деятельность радио.

Появившись на рубеже XIX—XX веков, радио до сих пор занимает в медиаструктуре важное место, что подтверждается социологическими исследованиями (например, в течение суток телеаудитория численно преобладает над радиоаудиторией лишь в пределах 3,5 часа, в остальное время радио остается для большинства людей главным, а для 22 % — единственным источником информации) [1].

В качестве методологической основы исследования нами был выбран функциональный подход. На наш взгляд, наиболее удачной классификацией функций радиовещания является типология, предложенная А.А. Шерелем, который выделил три группы функций [2]:

1. Информационные функции: собственно информационная функция и рекламная функция;

2. Группа функций, обеспечивающих социальное управление обществом. К ним относятся: интегративная функция, функция выражения и формирования общественного мнения, общения, воспитательная, агитационно-пропагандистская, организаторская;

3. Культурно-просветительские функции: эстетическая, просветительская, функция развлечения — рекреативная.

Весной 2013 года автором было проведено социологическое исследование с целью выявления особенностей реализации культурно-просветительских функций современными радиостанциями. В качестве метода исследование применялось фокусированное интервью со студенческой мо-

лодежью — активными радиослушателями. Участниками фокус-групп были как студенты-журналисты (имеющие профессиональный взгляд на радиоконтент), так и студенты других специальностей (оценка с позиций независимого радиослушателя). Респондентам были предложены для рассмотрения такие радиостанции как: Европа Плюс, Авторадио, Русское Радио, Ретро ФМ, Шансон, Юмор ФМ, Радио Дача, Серебряный Дождь и некоторые другие рейтинговые радиостанции (по данным исследования «Radio Index» TNS) [1]. Также в качестве примеров успешной / не успешной реализации культурно-просветительских функций респонденты могли привести радиостанции, не вошедшие в рейтинг TNS или интернет-проекты.

В рамках данной статьи мы рассмотрим эстетическую функцию, относящуюся к группе культурно-просветительских функций.

В реализации эстетической функции радиовещания выделяют три аспекта: во-первых, это эстетика лучших образцов радиожурналистики, к которой относятся грамотная образная речь, психологическая насыщенность диалогов ведущих, правильно выстроенная звуковая картина, которая способствует возникновению эффекта присутствия, логичное сочетание музыки, слова и шумов. Наиболее успешно данный аспект эстетической функции, по мнению респондентов, реализуется на радиостанции «Серебряный дождь»: «…дикция, грамотно поставленная речь и тембр голоса практически всех ведущих радио просто на высшем уровне. Очень приятно слышать грамотную и чистую речь в эфире, благодаря которой даже сам порой начинаешь замечать какие-то свои недостатки в речи и исправлять их. Также работники радио очень хорошо владеют интонацией, с помощью чего прекрасно передается настроение той или иной ситуации и предстает ясная картина перед глазами…». Затем, по степени убывания, выстроились радиостанции: «Детское радио» («…речь ведущих спокойная, понятная детям, грамотная. В содержании диалогов яркая речь, позволяющая слушателям максимально четко представить ведущих и возникающий вследствие этого эффект присутствия…»); «Бизнес-ФМ» (… несмотря на узкую направленность радиостанции, я ни разу не слышал ни у ведущих, ни у экспертов-комментаторов жаргонизмов, или злоупотреблений специальными терминами, непонятными аудитории…»), Радио «Свобода», Радио «Шансон», Радио 7 («На 7 холмах»), Радио «КП», «Наше Радио», «Эхо» и другие.

В качестве референтной группы или идеального примера для журналистов, работающих на радио, респонденты (студенты-журналисты) отмечали эстетику Радио «Классика» г. Алматы. Данная радиостанция вещает совместно с Казахской национальной консерваторией имени Курмангазы, что во многом определяет высокий уровень реализации данного аспекта эстетической функции: «…речь ведущих всегда в рамках высокого литера-

турного языка, голоса спокойные и приятные, содержание диалогов познавательно и красиво, слушая их, можно пополнить словарный запас, что важно для журналиста…».

Хуже всего, по мнению респондентов, эстетика радиовещания реализуется на развлекательных радиостанциях, чью целевую аудиторию составляет молодежь: «…речь ведущих далеко не идеальна, периодически ее прерывают похрюкивания от смеха, слова-паразиты и т. п. … Содержание диалогов оставляет желать лучшего. Не всегда понимаешь, о чем идет речь, но ди-джеям определённо весело!» (о радио «Максимум»). Сами респонденты это объясняют тем, что политика радиостанции, направленная на диалог с аудиторией, вынуждает ведущего «говорить со слушателем на его уровне». Обе категории респондентов (и журналисты, и не журналисты) обращали внимание на тот факт, что многие ведущие известных радиостанций («Авторадио», «Хит-ФМ», «Русское радио» и т. п.) не уделяют особого внимания построению диалога, используют в речи со сленговые слова («зачастую неуместными в устах взрослых серьезных ведущих»), заимствования, жаргонизмы, шаблонные фразы и т. п. Также некоторые респонденты отмечали, что именно из-за «отталкивающей неуместной веселости ведущих, смеха без причины и сленга перестали слушать утренние эфиры».

Вторым аспектом реализации эстетической функции радиовещания является, с одной стороны, трансляция в эфире произведений разных видов искусств: музыки, театра, литературы, а с другой — создание новых аудиопроизведений, которые содержали бы самостоятельную культурно-эстетическую ценность. Как единодушно отметили наши респонденты, данный аспект эстетической функции реализуется современными радиостанциями, ориентированными на «среднего» слушателя, недостаточно.

Среди примеров успешной реализации второго аспекта эстетической функции радио респонденты отмечали радиостанции «Серебряный дождь» («… радует, что здесь ставят неизвестные хиты известных исполнителей; кавер-версии главных хитов XX и XXI века; песни, которых нет в ротации на других радиостанциях, концерты классической музыки…»), «Ретро-ФМ», Радио «Олимп», «Радио России. Культура», новую челябинскую радиостанцию Радио «100», в эфире которой выходит передача «Music Hall», где транслируются знаменитые концерты классической музыки, некоторые интернет-радиостанции, а также «Детское радио», в эфире которого постоянно звучат вырезки из классических концертов и в сетке вещания есть специализированная программа о классической музыке («Музыка большая-пребольшая»).

Наличие радиоспектаклей по мотивам литературных произведений респонденты смогли отметить только на радиостанции «Серебряный дождь». По их мнению, подобный жанр не востребован среди большинства радиослушателей, в том числе и среди молодежи, хотя все единодушно

призвали высокую культурную значимость и образовательную ценность радиопостановок по классическим литературным произведениям.

Среди радиостанций, самостоятельно создающих аудиопроизведения, имеющие культурно-эстетическую ценность, были отмечены: «Детское радио» с рубрикой «Радиотеатр „Цветной“», в которой транслируются собственные радиосказки и детские спектакли, а также радио «Классика» (г. Алматы), которое совместно с консерваторией создает музыкальные сказки или спектакли, совмещающие музыку великих композиторов и литературные произведения известных писателей. Однако, как отмечали респонденты, аудитория данных радиостанций невелика — в первом случае, данную радиостанцию отметили только респонденты, в чьих семьях есть дети дошкольного и младшего школьного возраста, а во втором — респонденты из Алматы, где вещает радио «Классика», поэтому нами данная радиостанция рассматривалась как дополнительная.

Как показывают многочисленные социологические исследования, на сегодняшний день в России осталось не так уж много радиостанций, которые придерживаются политики культурного просвещения. Формат многих радиостанций не предполагает радиоспектаклей по классическим литературным произведениям, серьезных образовательных программ и т. д. Более того, сами работники радио иногда забывают о том, что радио — это не просто бизнес-проект, а важная область культуры и искусственно занижают требования к себе и качеству производимого продукта.

Коммерческая направленность резко изменила суть радиовещания, заставляя радиокомпании полностью отойти от некоммерческого формата, а именно — от спектаклей, литературных чтений и т. п., заставляя культурно-просветительские проекты «уходить» на площадку интернета либо искать дополнительные источники финансирования.

Библиографический список

1. Рейтинги СМИ — Радио. Результаты исследований TNS. — http://www.tns-global.ru/rus/index.wbp

2. Шерель, А.А. Радиожурналистика / А.А. Шерель. — М.: Изд-во Московского университета, 2000. — 480 с. — http://evartist.narod.ru/text5/47.htm#з_02.

УДК 070.44
ББК Ч600.53.1

МЕТОД ИНТЕРВЬЮ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ПОКОЛЕНИЙ

О.Ю. Харитонова

Статья посвящена проблеме изучения исторического опыта поколений посредством метода интервью. В статье рассматривается понятие и структура интервью, а также особенности изучения исторической памяти.

Ключевые слова: метод интервью, историческая память, осмысление истории, устная история, интервьюирование.

Осмысление исторического прошлого — важная общественно-политическая задача, позволяющая обозначить основные культурные доминанты, выявить историческую преемственность, создать благоприятный исторический контекст для бережного и уважительного отношения к прошлому. Историческая память сложный многогранный объект изучения, требующий большого внимания и времени.

При исследовании культурной памяти можно использовать прикладные методы социологии — анкетирование, интервьюирование.

Метод интервью и по сей день продолжает оставаться одним из основных способов сбора информации. Можно отметить достаточно обширную область применения данного метода, в которую входит и историческая наука, а также многообразие целей, который преследует исследователь, используя метод интервью.

Благодаря интервью мы имеем возможность изучать устную историю, которая помогает осмыслить опыт разных поколений, выявить систему ценностей и важные культурные коды, определяющие национальную идентичность. В то же время она является проявлением глубинных потребностей человека в нравственных и идейных ориентирах, осознании своих корней, происхождения, смысла существования, места в мире, будущей судьбы, характера и направленности общественных перемен. Любая информация о прошлом в памяти индивида проходит через рациональные и эмоциональные каналы: семейные предания, легенды, литературу, учебники, обычаи и т. п., создавая тем самым особую картину прошлого. Интервью один из методов исследования памяти поколений позволяет его участникам заново пережить более или менее значимые в истории события и явления. Данный метод обладает еще одной важной особенностью — интервьюер может управлять процессом создания нового источника в соответствии с потребностями исследования.

Итак, рассмотрим понятие интервью и его основную структуру. Интервью — это метод получения необходимой информации путем непосредст-

венной и целенаправленной беседы интервьюера с респондентом. Интервью и беседа вид целенаправленного исследовательского общения, прямое или косвенное получение от испытуемого сведений о его деятельности, в которых проявляются свойственные ему психологические явления. Направление беседы определяется проблемой исследования [1].

Несмотря на кажущуюся простоту применения интервью, данный метод требует больших усилий, времени, а главное знаний самых разных дисциплин: социологии, психологии, политологии и ряда других.

Четкая структура и организация интервью во многом обеспечивает его эффективность.

Традиционно процедура интервью делится на несколько этапов:

1. Подготовительный этап в интервью. Очень важно уделить много внимания постановке целей и предварительной работе с материалами, изучить в полной мере все письменные источники и устные свидетельства, хорошо продумать стратегию беседы. Для интервьюера необходимо четкое понимание целей и задачей интервью, исходя из них, выстраиваются вопросы.

2. Начальный этап всякого интервью — установление социально-психологических контактов интервьюера и респондента. Искренность, отзывчивость, а также интерес к респонденту со стороны интервьюера, способствуют созданию доверительных отношений и располагающей к диалогу обстановки. Интервьюер должен объясняет задачу интервью и причины выбора данного респондента.

3. Следующий этап — основное интервьюирование осуществляется в соответствии с разработанным заранее вопросником. Вопросы, как правило, классифицируют по содержанию, форме и функции.

При составлении вопросника важен и такой момент как язык интервью. Основным критерием для выбора языка и синтаксиса вопросника является необходимость обеспечения максимально точного и полного донесения смысла сообщений от интервьюера к респонденту и обратно. Наряду с этим существует проблема уровня сложности вопросов. Степень сложности вопроса должна приблизительно соответствовать уровню понимания респондента. С методической точки зрения нежелательно задавать как слишком сложные, так и слишком упрощенные вопросы. Слишком большое упрощение формулировки вопроса подчеркивает социальную дистанцию [2].

4. Заключительный этап интервью — анализ результатов опроса и их интерпретация. Данный этап требует от исследователя знания практик и методик анализа устной информации. В ходе интервью необходимо учитывать такие нюансы как интонация респондента, логические ударения, паузы, эмоциональный настрой, они дают дополнительные краски к рисунку воспоминаний, маркируют смыслы.

Полученную информацию в ходе интервью нельзя воспринимать как конечную точку исследовании, она нуждается в глубоком анализе, основанном на междисциплинарном и системном подходе.

Стоит отметить также, что техники и технологии интервью постоянно совершенствуются, еще в 1929 г. американские социологи различали 17 процедур интервью и 64 разновидности технических приемов и средств, применяемых при его проведении [2]. Обоснование применения каждой техники исходит, прежде всего, из целей и задачей исследования.

Применяя тот или иной вид интервью в освоении опыта прошлого, необходимо учитывать следующие факторы:

– влияние других источников, их «отфильтрованности» последующим опытом, эмоциональной окрашенности;

– ощущения прошлого, которыми обладает человек, состоит из избранных непосредственных впечатлений, они сочетаются с определенными социально-политическими установками;

– устные свидетельства богаты разными деталями, нюансами, искажениями в связи с культурными стереотипами;

– представление об окружающем мире и событиях респондента никогда не соответствует реальности во всей ее полноте;

– общественно-политические мифы, оказывают влияние на историческую память;

– носителей устных свидетельств, как правило, отличает пристрастность, неполнота знаний, выборочность, иногда сбивчивостью изложения;

– смещение хронологии событий, редуцирование исторического процесса;

– устная история применима в большей степени к событиям, которые хранятся в памяти одного-двух поколений;

– интервью требует учитывать не только специфические черты исторической и индивидуальной памяти человека, его менталитета, но и влияние текущей политической ситуации на его восприятие и оценку событий прошлого.

Очевидно, что устные свидетельства, полученные в ходе интервью, как и любые другие, требуют критического анализа, их применение в реконструкции прошлого возможно только в случае использования других исторических источников.

Информация, полученная в результате конкретного тематического интервью, позволяет не только изучить социальную реальность во всех ее проявлениях, но и прежде всего, реконструировать человеческую повседневность событий прошлого в восприятии самих участников исторического процесса. Ценность материалов устной истории обусловлена тем, что они воспроизводят устойчивые впечатления. Их уникальность в том,

что они передают глубинную взаимосвязь между различными аспектами повседневной жизни [3].

Именно через устное интервью возможно обнаружение не только актуального восприятия определенных процессов и явлений, но также механизмов переоценки ценностей и воздействия социально-политических стереотипов. Через воспоминания передаются как семейные истории, так и образцы поведения, стратегии приспособления к общественно историческим условиям.

Библиографический список

1. Белановский, С.А. Индивидуальное глубокое интервью. — http:// evartist. narod.ru/text2/51.htm

2. Журавлев, В.Ф. Интервью в качественном социологическом исследовании / В.Ф.Журавлев. — М.: Знание, 1991. — С. 21.

3. Поршнева, О.С. Методология и методы изучений культурной памяти / О.С. Поршнева. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии: сборник статей. — Челябинск: «Каменный пояс», 2004. — С. 32.

УДК 070.11
ББК Ч600.08

ПОНЯТИЕ «ОБРАЗ» В ЖУРНАЛИСТИКЕ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Хлызова

На основании рассмотрения различных определений понятия «образ» сформулирована его дефиниция применительно к журналистке, а также изучены термины, близкие по значению понятию «образ», а именно «стереотип», «визуальный образ» и «имидж», выявлены различия между ними. Терминологически подтверждено, что образы, созданные и репрезентируемые СМИ, конструируют и одновременно отражают действительность.

Ключевые слова: образ; журналистика; стереотип; визуальный образ; имидж.

Любому человеку свойственно представлять реальность в образах, поэтому данное понятие является междисциплинарным и не имеет строгой дефиниции ввиду его использования в различных областях наук, следовательно, важно определить, как следует понимать термин «образ» в журналистике. В целом его определения близки по значению: например, Т.Ф. Ефремова определяет образ как внешний вид, облик кого-либо или чего-либо [1], а С.И. Ожегов трактует его как живое, наглядное представление о ком-нибудь или о чем-нибудь [2]. Однако в зависимости от употребления данного понятия в каком-либо узком контексте делается акцент на определенном аспекте: так, например, в философском понимании образ — это результат отражательной (познавательной) деятельности субъекта, отражение в сознании предметов, явлений объективной действительности [3]; с точки зрения искусствоведения это обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления [3], а в психологическом словаре дана следующая дефиниция: «Образ — субъективная представленность предметов окружающего мира, обусловленная как чувственно воспринимаемыми признаками, так и гипотетическими конструктами. Являясь основой для реализации практических действий по овладению окружающего мира, образ также определяется характером этих действий, в процессе которых исходный образ видоизменяется, все более удовлетворяя практическим нуждам» [4].

Рассматривая понятие «образ» применительно к журналистике, Е.Л. Вартанова отмечает, что «он всегда отражает объекты и предметы материального мира, и потому вторичен по отношению к оригиналу, хотя практически никогда полностью не отражает его свойств» [5]. Вообще отношение создателя образа к организованному им явлению присутствует

в любом образе, поэтому, характеризуя это понятие применительно к журналистке, нельзя не учитывать роль автора, репрезента или проводника, которыми выступают СМИ и журналисты. В этом контексте дефиниция понятия «образ» близка к литературоведческой: образ выражает собой идею художника о каких-либо явлениях жизни, причем идея дается путем отражения явления в его индивидуальной форме с выделением при помощи художественного вымысла наиболее характерных, типичных для данного круга явлений и особенностей [6].

Г.С. Мельник и А.Н. Тепляшина предлагают понимать образ в журналистике как «воспроизведение осознанного автором явления с помощью тех или иных материальных средств и знаков — с помощью речи и т. д.» [7]. Они выделяют разные виды образов в журналистике: иллюстративные (воспроизводят типические явления такими, какими они были в действительности), фактографические (передают индивидуальные особенности предметов и явлений, значительных по своей индивидуальности) и художественные (обозначают эмоциональное отношение автора к действительности) [7]. Посредством различных видов образов журналисты поразному типизируют жизнь, гиперболически воспроизводя ее в новых, вымышленных, индивидуальных чертах.

Но в журналистике нужно учитывать, что любой образ и заложенный в нем смысл человек будет усваивать через призму своих мнений, оценок, суждений, поэтому У. Липпман связывает понятие «образ» с понятием «стереотип» — схематическим, оформленным в стандарт восприятием социального или культурного явления, обладающего большой устойчивостью. Основная особенность стереотипов заключается в том, что они позволяют подвести и механически подогнать еще неизвестное явление или факт под устойчивую общую формулу или схему, то есть каждое новое явление человек воспринимает через призму уже накопленных знаний, через образы, ранее сформированные культурой [8], поэтому стереотипы глубоко укоренены в структурах подавления и господства, предписывая определенное поведение и являясь способом социального контроля. Объединив понятия «образ» и «стереотип», можно сделать вывод, что образ — это обобщенное, собирательное представление о явлении или предмете, обладающее стереотипными чертами и соответствующее сложившимся в обществе культурным нормам.

Но при изучении образа в журналистике важно учитывать особенности его воплощения — часто в СМИ словесные образы сопровождают визуальные, то есть сконструированные посредством изображения. Термин «визуальный образ» введен в научный оборот гештальтпсихологией в середине XX в., и, следуя традиции этой научной школы, в самом общем виде так понимается образ, создаваемый воображением на основе действия всех чувств, а не только зрения. Именно визуальные образы отвечают за

процесс визуального конструирования реальности, поэтому Н.Ф. Хилько понимает их как художественное отражение реального мира, заключенное в зрительно воспринимаемых и воссоздаваемых ощущениях [9].

Т.Ю. Серикова отмечает, что визуальный образ представляет свое содержание в виде четкой и ясной пространственной конфигурации формы, созданной посредством чувственно-мыслительных процедур видения в процессе порождения нового путем структурирования или реструктурирования информации в мышлении человека [10]. Характерной чертой визуального образа является конкретность и однозначность, так как он «обслуживает» повседневную реальность и должен быть доступным для понимания массовой аудиторией [11].

Рассматривая понятие «образ», особенно «визуальный образ», нельзя не говорить еще об одной дефиниции, часто использующейся как их синоним — речь идет о слове «имидж». Действительно, природа этих терминов во многом сходна: они всегда вторичны по отношению к оригиналу, создаются с помощью похожих приемов, используются в СМИ как средства пропаганды и инструменты управления общественным сознанием, однако имидж — это более «искусственное» образование, чем образ или стереотип, это результат целенаправленных действий его создателя, синтетический образ, который конструируется в сознании людей, содержит значительный объем эмоционально окрашенной информации и побуждает к определенному социальному поведению в отношении конкретного объекта [12]. Что касается имиджа в журналистике, то В.Ф. Олешко подчеркивает: он всегда упрощен по сравнению с объектом, это динамичный конструкт, нередко живущий как бы «самостоятельной жизнью» в сознании аудитории, требуя постоянной «фактологической» или «драматургической» подпитки и находясь как бы между реальным и желанным, между восприятием и воображением [13]. На телеэкране полноценно воплощаются аудиовизуальные и содержательные характеристики имиджа, а его демонстрации в печати и на радио способствуют фотографии и описательный стиль изложения. Кстати, Е.Л. Вартанова, делая акцент на роли СМИ в создании образа, предлагает использовать более узкое и специализированное понятие «медиа-имидж» [5].

Итак, каждый человек представляет реальность в образах, что активно используется в журналистике, поэтому применительно к ней образ можно определить как:

1) систему, совокупность неких обобщенных представлений, впечатлений о каком-либо объекте, зачастую обладающих стереотипными чертами и соответствующих сложившимся в обществе культурным нормам;

2) как конфигурацию формы, конструируемой посредством изображения (то есть визуальный образ), несущей определенный конкретный смысл, заданный автором — журналистом;

3) как продукт авторского воображения или художественной интерпретации, имеющий несколько трактовок. При этом, образ в журналистике всегда зависит от конкретных исторических условий, определяющих характер действительности и качество ее субъективного понимания, причем визуальные образы, с одной стороны, более конкретны и просты для понимания, но при этом они более влиятельны: воздействие, которое они оказывают на сознание людей, способствует выработке у них определенного мировидения, поэтому образы, созданные и репрезентируемые СМИ, конструируют и одновременно отражают действительность.

Библиографический список

1. Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка в 3-х т. / Т.Ф. Ефремова. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2006. — Т. 2. — 1084 с.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: ИТИ Технологии, 2008. — 1062 с.
3. Образ / Словарь русского языка в 4-х т. — РАН, Ин-т лингвистич. Исследований / под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 2. — 736 с.
4. Образ / Психологический словарь // URL: http://psi.webzone.ru/st/066600.htm (дата обращения: 14.05.2009).
5. Вартанова, Е.Л. Современный медиаимидж финской и российской женщины как отражение национальных стереотипов / Е.Л. Вартанова // Гендер и СМИ. — М.: 2007. — С. 38—47.
6. Тимофеев, Л. Образ / Л. Тимофеев // Литературная энциклопедия: в 11 т. / гл. ред. А.В. Луначарский. — Т. 8. — М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. — 736 с.
7. Мельник, Г.С. Основы творческой деятельности журналиста / Г.С. Мельник, А.Н. Тепляшина. — СПб.: 2004. — 272 с.
8. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. — М.: 2004. — 384 с.
9. Хилько, Н.Ф. Аудиовизуальная культура. Словарь (учебное пособие для студентов и аспирантов высших и средних учебных заведений культуры и искусства) / Н.Ф. Хилько // Ов. редактор В.Е. Новаторов. — Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000. — 149 с.
10. Серикова, Т.Ю. История формирования понятия «Образ» в гуманитарном знании / Т.Ю. Серикова // URL: http://ipps.sfu-kras.ru/sites/ipps.institute.sfu-kras.ru/files/publications/3_0.pdf (дата обращения: 2.02.2011).
11. Серикова, Т.Ю. Трансформация понятий «визуальный» и «художественный» образы в современной культуре / Т.Ю. Серикова // URL: TheNewsOfASU-2010-2-1-arts-06.pdf (дата обращения: 2.02.2011).
12. Имиджелогия. Как нравиться людям / под ред. В.М. Шепеля. — М.: Народное образование, 2002. — 345 с.
13. Олешко, В.Ф. Журналистика как творчество: учебное пособие / В.Ф. Олешко. — М.: РИП-холдинг, 2003. — 112 с.

УДК 821.161.1-3
ББК Ш5(2)6-334-4

ПОЭТИКА ТРЕХКОМПОНЕНТНЫХ МИКРОЦИКЛОВ С КРУГОВОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬЮ ЭЛЕМЕНТОВ (В. КАВЕРИН «ЧЕРНОВИК ЧЕЛОВЕКА»)

Ю.П. Агеева

В статье рассматриваются трехкомпонентные прозаические микроциклы со структурно-семантической точки зрения. Впервые на материале произведения В. Каверина исследуется художественный потенциал микроциклов с круговой последовательностью элементов. Семантика формы определяет не только взаимную соотнесенность компонентов, но и обуславливает специфические внутренние связи внутри художественного единства. На примере анализа репрезентативного образца представлены механизмы взаимоотношения компонентов внутри художественного целого.

Ключевые слова**:** малая проза, циклизация, трехкомпонентный микроцикл, круговая последовательность компонентов, жанр, структура, семантика.

Циклизация текстов как одна из ведущих тенденций литературной эпохи 1920-х годов объясняется попытками найти художественную модель, соответствующую запросам стремительно меняющегося исторического времени. Активизация циклообразования стала отражением писательских поисков, связанных с выработкой новых или актуализацией уже существующих механизмов, позволяющих конструировать целостный мирообраз, способный соединить осколки фрагментарной, раздробленной действительности в единое целое. Все это способствовало распространению в литературе первой трети XX века феномена микроцикла, которому в большей степени, чем многокомпонентным эпическим циклам, присущи специфические внутренние связи.

Микроцикл невозможно свести к суммарной смысловой составляющей каждого из включенных в него текстов, так как его сложный смысл может родиться только при концептуальном объединении рассказов в некое смысловое целое. При этом микроциклическое единство обладает собственной строго определенной композицией, что «закрепляет» порядок следования его частей.

Три компонента в микроцикле связаны друг с другом особыми внутренними смысловыми связями и дополняют друг друга. Специфика подобных микроциклических образований состоит в том, что при наличии двух текстов-компонентов, третий текст будет представлять собой «итог» пер-

вых двух, обозначая собой разрешение конфликта, ознаменованного дуальностью первых двух компонентов. В основу данного утверждения положена концепция Гегелевской триады «тезис — антитезис — синтез», которая является самой продуктивной для создания трехкомпонентных микроциклов. В таком случае можно говорить о гармонизирующем свойстве трехкомпонентных микроциклов, сама форма которых давала авторам возможность создавать целостную картину образа мира в условиях революционного перелома.

Средством межтекстовой связи в трехкомпонентных микроциклах с круговой последовательностью компонентов выступают повторы сюжетных звеньев, «рифмовка» различных фрагментов, сюжетных ситуаций и характеров, организующие концептуальный уровень всего произведения. Внутренние ритмы в тексте придают ему характер монолитного художественного «кругообразного» единства. Подобные микроциклы являются более закрытой структурой. В микроциклах данного типа сильнее всего проявляется архетип круга — исконный для всех циклов. Благодаря этому, возникает дополнительный контекст, определяющий многоуровневые ассоциативные связи: как внутритекстовые, так и внетекстовые, которые, в свою очередь, наполняют внутренний сюжет микроцикла новым содержанием. Микроцикл, «восходящий к культурным архетипам круга, кольца, выступает как форма, компенсирующая и восполняющая ощущение недостатка целостности, разорванности и раздробленности, характерное для современного художественного сознания, и становится доминирующей и наиболее органичной формой существования» [2]. В качестве примера подобного рода единства можно привести микроцикл В. Каверина «Черновик человека» — монолитный по внутренним связям, где удаление одного из текстов деструктивно, так как ведет к разрушению целостности всего микроциклического единства.

Микроцикл объединен общим заглавием без подзаголовка («Черновик человека») и общим эпиграфом. Заглавие носит обобщающий характер и не повторяет в себе название какого-либо из входящих в него компонентов-текстов: оно не только обособляет, локализует именуемый текст, ограничивая пространство контекста, но и играет роль жанровой «скрепы», соединяя все компоненты-тексты микроцикла. Помимо этого, оно формирует установку на восприятие всего микроцикла, проецируя свою семантику на отдельные компоненты-тексты в его составе.

Корреляция заглавия микроцикла и его оглавления формирует установку на неслиянность и одновременно семантическую неделимость эпизодов. При беглом, поверхностном восприятии оглавления микроцикла В. Каверина «Черновик человека» мы можем констатировать присутствие очевидных ассоциативных связей между заголовками пронумерованных автором рассказов:

1. Детство.
2. Юность.
3. Прощание с юностью.

Фиксируя последовательность заглавий, оглавление становится ключом к пониманию текста: «представляет в снятом виде его внутренние смысловые доминанты, выявляя тем самым логику построения» [1]. Внутренние заголовки в своей совокупности образуют подобие абреже всего микроцикла.

Тексты, входящие в микроциклы данного типа, похожи на главы одного произведения и расположены сообразно с «внутренней необходимостью», которая диктует не только порядок следования произведений в цикле, но и логику развития внутреннего сюжета всего микроцикла, о наличии которого свидетельствует расположение компонентов и авторская нумерация частей. Кроме того, в продуманном расположении текстов проявляется внутреннее движение в микроцикле.

В «Черновике человека» присутствует единство композиции и фабулы, которая обусловливает и особенности функционирования пространства и времени. В микроцикле нет определенного времени действия, есть только пространство — дом, школа, Ходынское поле, вокзал, кабинет и т. д. Именно пространство придает циклу целостный характер. Время же в микроцикле обретает значительную долю условности и универсализируется: о начале нового временного отрезка читатель узнает посредством указания на возраст героев — от рождения до 29 лет.

Во всех рассказах действие сконцентрировано вокруг «становления человека» — все действия и события в микроцикле так или иначе подчинены развитию и взрослению двух молодых людей — Александра и Альки, которые в одинаковых условиях жизни проходят свой совершенно индивидуальный путь взросления. События, разворачивающиеся в рассказах, отличаются повторяемостью, основное действие базируется на дублировании мотивов, образов, конфликтных ситуаций: предательство, дружба, измена, ненависть, любовь, убийство соперника и т. д.

Таким образом, средством межтекстовой связи в микроциклах с круговой последовательностью элементов выступают повторы сюжетных звеньев, «рифмовка» различных фрагментов, сюжетных ситуаций и характеров (например, троекратное повторение в жизни Александра встречи с людьми, которых он ненавидит), организующие концептуальный уровень произведения. События в микроцикле разворачиваются согласно традиционной кольцевой сюжетности, при которой следующее сюжетное действие обусловлено предыдущим и связано с последующим, а компоненты микроцикла соотносятся как звенья в процессе размышления, но при этом картина мира в такой художественной системе характеризуется как совокупность равноправных частных картин мира. Рассказы «Детство» и

«Юность», взаимодействую на разных уровнях организации текста, вступают в отношения диалогичности, а также со- и противопоставления. Стоящий третьим в ряду микроциклического единства рассказ «Прощание с юностью» завершает собой внутренний сюжет микроцикла, гармонизируя и уравновешивая собой дуальность первых двух рассказов. В «Прощании с юностью» находит свое разрешение основной конфликт всего микроцикла, сконцентрированный вокруг ненависти Александра к Плескачевскому, Девкину, Непенину.

За счет единства тематики и проблематики, усиленного повторами и ассоциативными связями между рассказами, автор создает единое смысловое пространство внутри всего микроцикла, формируя целостный мирообраз.

Анализ «Черновика человека» подтверждает их микроциклическую природу, которая явно обнаруживает себя за счет доминирования ассоциативных связей на различных уровнях организации текста (структурном, ритмическом, сюжетном, интонационном, пространственно-временном, образно-метафорическом и т. д.). Посредством этих связей формируется единство на семантическом уровне, что позволяет в свою очередь соотносить компоненты между собой и воспринимать их как единое повествование, целостное авторское высказывание.

Отличительной чертой микроциклов с кольцевой последовательностью элементов является членение не только на компоненты-тексты, но и дополнительная фрагментация внутри этих текстов. Таким образом, автор, с одной стороны, маркирует композиционную и структурную целостность всего микроцикла, а с другой — указывает на наличие сюжетного развития внутри каждого из выделенных компонентов-текстов. Находясь в «диалогических» отношениях, внутренние компоненты микроцикла «укрупняются» контекстуально, посредством внутреннего «композиционного ритма» образов, мотивов и лейтмотивов. События в таких микроциклах отличаются повторяемостью — действие, обусловленное дублированием проблем, мотивов, образов, составляющих концептосферу произведения, деталей, интонационно-речевого рисунка, нарративных структур, используемых автором, движется «по кругу».

Библиографический список

1. Веселова, Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: дис. … канд. филол. наук / Н.А. Веселова. — Тверь, 1998. — С. 51.

2. Яницкий, Л.С. Архаические структуры в лирической поэзии XX века / Л.С. Яницкий. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. — 68 с.

УДК 821.111-1
ББК Ш5(4/8)-32

ПРИЁМ «ПОТОКА СОЗНАНИЯ» КАК СРЕДСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Э.А. Воронина

В статье делается попытка охарактеризовать художественный прием потока сознания, выявить специфические особенности этой художественной формы.

Ключевые слова: поток сознания, модернизм, литература XX века.

Термин «поток сознания» до настоящего времени не получил достаточно четкого определения. В широком значении это выражение употребляется применительно к целому ряду произведений зарубежной литературы XX века. В данном случае термин «поток сознания» характеризует творческий метод писателей, тяготеющих к модернизму, объединяя их романное творчество в так называемую литературу потока сознания (М. Пруст, Г. Стайн, В. Вулф, Дж. Джойс). В узком смысле выражение указывает на изобразительный прием, предполагающий непосредственное представление процессов душевной жизни, переживаний, размышлений.

Впервые понятие потока сознания было применено в области психологии английским ученым Уильямом Джеймсом. Толкование этого термина — центральный вопрос его книги «Научные основы психологии» (1890 г.). Одним из первых У.Джеймс обращает внимание на характер протекания размышления и приходит к интереснейшим выводам о динамике и протяженности процесса мышления. «В каждом личном сознании процесс мышления заметным образом непрерывен», — делает вывод психолог, приводя в подтверждение этого тезиса серию данных психологических экспериментов [1, с. 63]. Исходя из этих наблюдений, У. Джеймс пытается охарактеризовать состояние мыслительного процесса и называет его «потоком сознания». «Таким образом, сознание является для себя чем-то цельным, не раздробленным на части. Такие выражения, как «цепь» или ряд психических явлений не дают нам представления о сознании, какое мы получаем от него непосредственно: в сознании нет связок, оно течет непрерывно. Всего естественнее к нему применить метафору «река» или «поток». Говоря о нем ниже, будем придерживаться термина «поток сознания» (мысли или субъективной жизни)» [1, с. 64].

Теоретические положения У. Джеймса оказали воздействие на теорию и практику Г. Стайн и многих других англоязычных писателей. При этом

американские теоретики различают две стороны потока сознания. Они видят в нем, с одной стороны, литературный жанр, с другой — прием, выразительное средство. Как прием, поток сознания часто отождествляют с внутренним монологом, который существовал в литературе задолго до появления работы У. Джеймса.

Новое подкрепление идея «потока сознания» получила в работах З. Фрейда, а затем К.Г. Юнга. В первые десятилетия XX века многие писатели с энтузиазмом говорят о «потоке сознания». Вокруг «потока сознания» уже как творческого принципа объединяется целая школа, составившая, собственно, литературу «потока сознания»: М. Пруст, Г. Стайн, В. Вулф, А. Белый, Джеймс Джойс. С выходом романа «Улисс» (1922) «поток сознания» был провозглашен многими модернистами (Валери Ларбо, Итало Свево, Т.С. Элиот) единственно современным методом. Джеймс Джойс продемонстрировал различные формы потока сознания — от вполне традиционного внутреннего монолога до буквальной регистрации мыслей на десятках страниц с однажды лишь употребленным знаком препинания.

Говоря об изображении потока сознания героя, следует уточнить значение этого метафорического определения. Чем характеризуется сознание, представляемое автором романа в форме потока сознания? Писатель, воссоздающий поток сознания своего героя, пытается представить наиболее полную картину доречевого уровня сознания, включающего в себя многие процессы: воспоминания, чувства, формирующиеся понятия, представления, работу воображения, мечты, сны, а также такие явления, как интуитивное предвидение, душевная проницательность.

Можно сказать, что писателя интересует, какие психические силы функционируют в сознании и как они функционируют, одним словом, ч т о функционирует и к а к функционирует. Понятие «что» включает перечисленные выше психологические явления. Категория «как» раскрывает способ проявления, выражения в сознании этих внутренних явлений. Это, например, процесс образования символов после восприятия внешних впечатлений, сам процесс переживания чувств, впечатлений, а также протекание ассоциаций.

Используя прием потока сознания, писатель стремится приблизиться к процессу формирования душевных изменений героя, внутренней реализации его душевных импульсов в психологическое движение, руководящее чувство. Но эти процессы протекают на том уровне сознания, который не может быть выражен законченными синтаксическими предложениями. Следовательно, писатель опускается на доречевой уровень оформления душевных движений.

Процесс движения мысли неоднороден, характеристики непрерывности, текучести не исчерпывают понятия потока сознания, в сознании могут выявляться другие разнородные процессы: состояние «подвешенности»,

подготовки к образованию нового понятия, мысли; течение процесса путем преодоления, поглощения препятствий, процесс метаморфозы — преобразование одних мыслей в другие, а также переход с одного уровня мышления на другой (например, из сферы бессознательного — в сознание).

В потоке сознания героев мысль сменяется другой мыслью или ощущением только через связь, проходящую через общее основание. Роберт Хамфри в своей монографии «Поток сознания» выделяет главный принцип в передаче движения мысли — «принцип свободной ассоциации». «Отмеченные первичные характеристики психологической ассоциации, — замечает исследователь, однородны, независимо от того, взяты ли они из психологического учения Лок-Хартли, или из психоанализа З. Фрейда, и они довольно просты» [2, с. 43].

«Психика отличается постоянной, непрерывной активностью, не может быть сконцентрирована долгое время на каком-либо одном психическом процессе, даже в том случае, если его источник — эмоция очень сильно владеет человеком. Усилие сознания сосредоточивается на каком-либо раздражителе лишь на мгновенье. Активность сознания должна иметь какой-то источник для движения, этот источник скрывается в способности одной вещи навести на мысль о другой. Эта связь проходит через ассоциацию по сходству или по контрасту. Ассоциация может быть очевидной, явной и еле уловимой, доходящей до незаметного, незначительного намека» [2, с. 43].

Протекание ассоциации обусловлено тремя причинами: памятью, охватившим героя чувством и воображением. Память заключает в себе знание о типах действий, отношений, характеристик предметов, понятий. Память является основой, базисом, источником образования ассоциаций. Чувство направляет ассоциативный процесс, определяет русло развития мысли. При помощи воображения возможно воплощение материала ассоциаций в различных соотношениях, связях.

Обратимся к тексту романа Дж. Джойса «Улисс». Вторая часть романа открывается описанием странствий «нового Одиссея» — мелкого рекламного агента Леопольда Блума. Начиная день, Блум готовит завтрак. После завтрака он читает рекламное объявление с предложением купить землю у турецкого правительства и засадить ее фруктовыми деревьями. В воображении Леопольда Блума возникает следующая картина: «Он видел стадо в знойной серебристой дымке. Пыльные серебристые маслины. Долгие безмятежные дни: уход за деревьями, сбор плодов. Маслины, кажется, кладут в банки? Дома несколько осталось, от Эндрюса. Молли сперва плевалась, теперь входит во вкус. Апельсины в папиросной бумаге укладывают в ящики. Другие цитрусы так же. Цитроны. Интересно, там ли еще бедняга Цитрон, на Сент-Кевинперейд. И Мастянский со своей цитрой. Славные у нас были вечера. Молли в плетеном кресле Цитрона. Приятно взять в руки, плод восковой, прохладный, подержишь, поднесешь к носу и вдох-

нешь аромат. Такой густой, сладкий, одуряющий аромат. Всегда такой же, из года в год. И по хорошей цене идут, Мойзел мне говорил» [3, с. 49].

В воображении Блума сменяется ряд образов-картин: стадо в серебристой дымке, пыльные маслины, апельсины в папиросной бумаге; отдельные кадры, передающие будни сельской жизни: уход за деревьями, сбор плодов. Упоминание слова «цитрусы» порождает целый ряд звуковых ассоциаций: в памяти героя всплывает наименование вечнозеленого дерева («цитроны»).

Название растения совпадает по звучанию с фамилией одного из дублинских знакомых. Эта ассоциативная связь побуждает героя вспомнить о своем еврейском окружении в Дублине (о Цитроне, Мастянском, Мойзеле), о совместном времяпровождении. В связи с образом Мастянского возникает образ цитры — музыкального инструмента, продолжающий ряд звуковых ассоциативных образов.

Мысль героя развивается через сопоставление известных ранее и новых данных через общее основание. Кроме того, для изображения процесса сознания характерно включение в размышление других временных пластов мысли, которые проецируются на актуальные в настоящий момент переживания.

Для изображения движения и многоплановости процессов потока сознания писатели использует приемы, аналогию которым можно найти в искусстве кинематографа; в частности, авторы применяют основной кинематографический прием — прием монтажа. Метод монтажа передает важную характеристику художественного изображения: множественность точек зрения и многоплановость действительности.

Писатели используют также особые языковые средства: тропы, риторические фигуры синтаксиса. Синтаксические средства, такие как эллипсис, повтор, парцелляция, скобочный синтаксис, используются, чтобы воссоздать важные характеристики потока сознания — прерывистость, отрывочность, фрагментарность, несвязанность, сосуществование нескольких пластов мышления.

Прием потока сознания находит широкое применение в художественной практике писателей XX века. Дальнейшее изучение специфики потока сознания предполагает рассмотрение ряда вопросов: каким художественным смыслом наполняется эта форма в поэтических системах различных художников XX века; какова динамика развития этого художественного приема; как эти изменения связаны с общими тенденциями движения литературного процесса.

Библиографический список

1. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. — М.: Педагогика, 1991. — 367 с.
2. Humphrey, R. Stream of consciousness in the modern novel / R. Humphrey. — Loisiana: Loisiana University press., 1955. — 155 p.
3. Джойс, Дж. Улисс / Дж. Джойс. — М.: Республика, 1993. — 842 с.

УДК 811.161.1
ББК Ш141.2 — 3

ПОНЯТИЙНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА СТЛАНИК (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

В.Н. Гончарова

На материале публицистических текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, выявляются понятийные признаки концепта СТЛАНИК. На основании данных признаков составляется характеристика концепта СТЛАНИК, вербализованного в журнальных текстах, отражающих научную точку зрения на предмет — растение *стланик*. Тем самым реконструируется фрагмент языковой картины мира носителей современного русского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; стланик; публицистические тексты; Национальный корпус русского языка.

Признаки концепта СТЛАНИК, описанные в данной статье, выявляются на материале публицистических текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru). Национальный корпус создается лингвистами (специалистами по корпусной лингвистике, быстро развивающейся современной области языкознания) для научных исследований и обучения языку. Когнитивная лингвистика (включая сформировавшуюся на ее основе лингвокультурологию) так же, как корпусная лингвистика, является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики, а потому выявление и описание концептов, вербализованных в текстах Национального корпуса русского языка, обладает, на наш взгляд, особой притягательной силой для учащихся — начинающих исследователей русского языка, русской языковой картины мира, русской концептуальной картины мира.

Предметом нашего рассмотрения является концепт СТЛАНИК. По данным Национального корпуса русского языка, имя концепта СТЛАНИК встречается в основном и обучающем корпусах. В основном корпусе представлены фрагменты текстов, относящихся к разным сферам функционирования: бытовой, официально-деловой, производственно-технической, публицистической, учебно-научной, церковно-богословской. Фрагменты текстов, источниками которых являются журналы, распределяются между тремя сферами — публицистикой, учебно-научной и художественной. Сфера «публицистика» представлена журналами «Октябрь», «Звезда», «Сад своими руками»; учебно-научная сфера — журналами «Ландшафтный дизайн», «Химия и жизнь»; художественная сфера — журналом

«Дружба народов». Статьи из журнала «Лесное хозяйство» составители корпуса относят как к учебно-научной сфере, так и к публицистике. Стиль большей части источников включенных в корпус текстовых фрагментов определяется как нейтральный. Исключение составляют некоторые фрагменты, извлеченные из текстов журнала «Лесное хозяйство». Их стиль определяется как специальный.

По мнению Е. Бартминьского, в основе идентификации стилистических вариантов языка и жанровых моделей высказываний лежит понятие точки зрения, под которой исследователь понимает «субъективно-культурный фактор, определяющий способ говорения об объекте, в том числе о категоризации объекта, о выборе ономасиологической базы при создании его наименования, о выборе признаков, которые приписываются предмету в конкретных высказываниях и закреплены в значении» [1]. Множественность языковых стилей является следствием множественности установленных в культуре и языке точек зрения. Сравнивая стили, Е. Бартминьский пишет: «Обиходно-разговорный стиль антропоцентричен, он основан на многостороннем и субъективном видении мира глазами так называемого простого человека, предпочтения и экзистенциальные потребности которого являются «мерой вещей». Научный стиль сужает видение до отдельных аспектов действительности, рационализирует и конкретизирует ее образ, причем элиминирует эмоции и оценки. Канцелярский стиль принимает рациональную, нормативную и безличную точку зрения. <…> Научный, технический, официальный язык стремится к специализации точек зрения и нивелированию разнородности» [1].

Цель данной статьи заключается в выявлении признаков концепта СТЛАНИК, вербализованного в журнальных текстах, отражающих научную точку зрения на предмет — растение *стланик*. К таким журналам относятся «Лесное хозяйство», «Ландшафтный дизайн», «Химия и жизнь», «Сад своими руками». В материалах, извлеченных из журналов «Октябрь», «Звезда», «Дружба народов», отражены фрагменты субъективных (индивидуально-авторских) картин мира В. Писигина, В. Шаламова, А. Жигулина, специфика которых определяется взаимодействием разных точек зрения.

Во фрагментах текстов, источниками которых являются журналы «Лесное хозяйство», «Ландшафтный дизайн», «Химия и жизнь», «Сад своими руками», концепт СТЛАНИК реализует следующие признаки:

1. Образует заросли (Зона первичной инвентаризации резервных лесов представлена <…> *зарослями кедрового стланика,* «Лесное хозяйство»).

2. Растет вместе с ивой, ерником, ольхой, березой (*кедровый стланик, ива* и *ерник* — вместе; кустарниковой растительностью (*кедровым стлаником, ерником, ивой*); занято кустарниками — *ивой, ольхой, ерником, кедровым стлаником,* «Лесное хозяйство»; *она* (береза — В. Г.) растет в лиственничных лесах, *встречается с кедровым стлаником,* «Сад своими рука-

ми»; Основная часть полуострова занята редкостоем *каменной березы* и *порослью стлаников*, «Химия и жизнь»).

3. Входит в группу преобладающих пород (преобладающие породы или *группы преобладающих пород* <…> *кедровый стланик*, ива и ерник — вместе, «Лесное хозяйство»).

4. Относится к кустарниковой растительности (занято *кустарниками* — ивой, ольхой, ерником, *кедровым стлаником*; площадей <…> покрытых *кустарниковой растительностью* (*кедровым стлаником*, ерником, ивой), «Лесное хозяйство»).

5. Имеет такие характеристики, как возраст, высота, диаметр, запас (Для *кедрового стланика*, ерника и ивы *возраст*, *высота*, *диаметр* и *запас* в таксационных описаниях не проставляются, «Лесное хозяйство»).

6. Относится к лесной растительности, к основным лесным формациям, образующим насаждения (Около 30 % покрытых *лесной растительностью* земель (1490, 2 тыс. га) занято кустарниками — ивой, ольхой, ерником, *кедровым стлаником*; *основные лесные формации*, *образующие насаждения* — хвойные и мягколиственные древостои, *кедровый стланик*, «Лесное хозяйство»).

7. Является видом сосны (многих *видов сосны* (сосна горная и ее формы, *кедровый стланик*), «Ландшафтный дизайн»).

8. Относится к хвойным растениям (С учетом *кедрового стланика хвойные* составляют 84 % покрытой лесом площади, «Лесное хозяйство»).

9. Вместе с другими хвойными обеспечивает «высокий качественный состав лесов водоохраной зоны» озера Байкал (*С учетом кедрового стланика хвойные* составляют 84 % покрытой лесом площади и 91 % общего запаса, что подтверждает высокий качественный состав лесов водоохранной зоны, «Лесное хозяйство»).

10. Занимает значительные площади (Около 30 % покрытых *лесной растительностью* земель (1490, 2 тыс. га) занято кустарниками — ивой, ольхой, ерником, *кедровым стлаником*; *С учетом кедрового стланика хвойные* составляют 84 % покрытой лесом площади, «Лесное хозяйство»).

Из данных фрагментов мы узнаем также о том, что под *стлаником* понимается прежде всего один из видов стланиковых растений — *кедровый стланик*. В названиях двух статей, являющихся источниками примеров, содержится указание на места произрастания *кедрового стланика* — притундровые леса Якутии, район озера Байкал (Притундровые леса на территории республики Саха (Якутия); Состояние водоохранной зоны озера Байкал, «Лесное хозяйство»).

На основании выявленных признаков можем составить характеристику концепта СТЛАНИК, вербализованного в публицистических текстах, отражающих научную точку зрения (на материале Национального корпуса русского языка): СТЛАНИК (КЕДРОВЫЙ СТЛАНИК) — это лесное кус-

тарниковое хвойное растение; разновидность сосны; растет вместе с ивой, ерником, ольхой, каменной березой; занимает значительные площади территории Сибири и Севера; имеет важное хозяйственное значение для человека (например, обеспечивает высокий качественный состав водоохранной зоны озера Байкал, используется для оформления ландшафта), поэтому изучается и описывается им (например, специалисты проводят инвентаризацию лесов, в состав которых входит стланик).

В анализируемых текстовых фрагментах вербализованы понятийные признаки концепта СТЛАНИК, следовательно, по характеру концептуализируемой информации (иначе говоря, по типу знания, закрепленному в концепте) данный концепт является концептом-понятием, отражающим наиболее общие, существенные признаки предмета, результат их рационального отражения и осмысления. Это соответствует сфере функционирования рассматриваемых публицистических текстов. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, «концепты-понятия формируются в мышлении преимущественно как отражение научной и производственной сфер деятельности (терминология)» [2].

В исследуемых фрагментах публицистических текстов реализованы также конкретные, несимволические признаки концепта, по наличию которых концепт СТЛАНИК может быть отнесен к числу конкретных концептов — натурфактов. Абстрактные, символические признаки, формирующиеся на основе конкретных, в данных фрагментах не представлены. Такие признаки, по наличию которых концепт СТЛАНИК может быть отнесен к числу абстрактных концептов — ментефактов, представлены во фрагментах текстов из журналов «Октябрь», «Звезда», «Дружба народов», отражающих индивидуально-авторские картины мира их авторов (см. об этом выше).

Исследование языкового материала, представленного в Национальном корпусе русского языка, позволяет выявить заключенные в нем варианты концептуализации мира. Описывая признаки какого-либо концепта, вербализованного в текстах разных стилей и сфер функционирования, мы делаем попытку реконструкции фрагмента языковой картины мира носителей современного русского языка.

Библиографический список

1. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике, пер. с польск. / Е. Бартминьский. — М.: Индрик, 2005. — 528 с.

2. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

УДК 821.111.1.09, 82.09(882)
ББК Ш5(2)6-334

«DEAD OR ALIVE», ИЛИ ШТРИХИ К СИМВОЛИКЕ ЛАГЕРНОЙ КОЛЫМЫ

Ч.А. Горбачевский

В рассказе Г.Г. Демидова «Художник Бацилла и его шедевр» главный герой пишет картину, на которой изображён ряд «сюжетов» живой жизни каторжной Колымы. Герой другого рассказа Демидова («Без бирки») «враг народа» Кушнарёв бунтует против каторжных порядков и совершает странное самоубийство, бросившись на заминированный полигон прииска, чтобы не подвергнуться ритуалу с подвешиванием к ноге бирки с установочными данными, не сыграть напоследок «на рояле» и не быть списанным в «архив номер три».

Ключевые слова: сюжет картины, хронотоп, пропаганда, распятие, бирка.

Проблема «двуликости мира» является основной в рассказе Георгия Демидова «Художник Бацилла и его шедевр» (1972). Главный герой рассказа, заключённый по фамилии Горев («Бацилла»), пишет на фанере картину-символ, в которой воплощена сама суть колымских истребительно-трудовых лагерей: на распятии картины изображён не традиционный, как принято для таких изображений Христос, а измождённый человек в лагерном бушлате. Фоном колымской Голгофы служит безжизненный северный пейзаж. За распятием на заднем плане виднеется бесчисленное множество других крестов с пригвождёнными к ним мучениками-заключёнными. Бесконечные распятия исчезают в горной дали.

Основной сюжет картины обрамляет ряд вспомогательных сюжетов, составленных из небольших зарисовок, служащих иллюстрациями к главной идее художника, отразившейся в эпиграфе к рассказу в словах французского живописца и графика Эжена Делакруа: «Искусство — это действительность, отображённая через восприятие художника» [1]. «Зарисовки», образующие вспомогательные сюжеты, строятся по принципу примитивного, но вместе с тем весьма убедительного сопоставления тягот неволи с радостями недостижимой свободы: «<…> Я узнал широкоротого доходягу, жадно вгрызающегося в свою пайку. Ему противопоставлялся усач с пивной кружкой. Играющему на “рояле” дубарю соответствовало изображение приличных похорон — благостный покойник возлежал на высоком белом катафалке. На одних горизонталях были нарисованы изнемогший у своей тачки каторжник и мордастые футболисты, гоняющие мяч по чёрно-зелёному полю; скрючившийся в тесном деревянном “мешке” узник “бокса” и изображение южного пляжа» [1]. Едва ли «усач с пивной круж-

кой» или «мордастый футболист» являются пределом мечтаний художника-примитивиста Бациллы, скорее, и то и другое для него некие символы тотальной несправедливости, скрывающейся за внешним благополучием иллюзорной «вольной жизни».

С обратной стороны этой картины кто-то уже после смерти в лагере Бациллы изобразил куда более безобидную «бабу»-русалку с голой грудью и распущенными волосами. Так двусторонняя фанерная визуализация, кроме картинок вольной и каторжной жизни, одновременно вместила в себя два мало сопоставимых изображения:

1) банальную лагерную поделку, служащую для удовлетворения непритязательных эстетических вкусов приблатнённой публики и

2) запрещённый символ, являющийся документом и свидетельством человеческих мучений в ГУЛаге.

В картине Бациллы (т. е. на её лицевой стороне) изображены два хронотопа: 1) инфернальный хронотоп колымских каторжных лагерей проклятого Богом «края земли» и

2) хронотоп якобы «блаженной жизни» за пределами лагеря, на материке.

Показательно, что в одном из колымских посёлков на стене общежития бывших лагерников эта картина висит к зрителю своей разрешённой стороной, скрывая неподцензурную. Голая русалка, разумеется, ничем компрометировать лагерное начальство не может — русалка вполне вписывается в запроволочный интерьер. Другая сторона картины, напротив, угрожает внедрявшейся пропаганде о такой важной исправительной пользе трудовых лагерей, призванных сделать из закоренелого врага народа сознательного и благодарного обществу гражданина: «Только вряд ли этот документ на фанере сохранится сколько-нибудь долго. Нет никакой гарантии, что о картине со столь неприемлемой тенденцией не дознается местный опер или поселковый комендант — и тогда она будет немедленно уничтожена» [1]. Сомнения рассказчика в сохранности столь явного компромата на счастливую жизнь в лагерях вполне оправданы, поскольку упрямый Бацилла ни при каких обстоятельствах не собирается идти на поводу у лагерного начальства, отказываясь рисовать плакаты «по образцу». Непримиримость Бациллы становится причиной его гибели в «советском Гестапо».

В документальных записках Ф. Диаманта баптиста Александрова, ушедшего на Колыме в побег, через год вохра схватила в районе аэропорта Куйдусун под Оймяконом. После этого Александрова пригнали на прииск «Октябрьский», с которого он год назад бежал. Дальнейшее предсказуемо: «Он был ещё живой. Окровавленного, умирающего беглеца привязали к вкопанному возле вахты столбу, чтобы он был на виду у всех лагерников, выводимых на работу и приходивших с работы. На третьи сутки отвязали его — «сняли со креста» — бросили на санки и отвезли на сопку за лаге-

рем» [2]. В этом контексте мы тоже видим крест — символ страданий, противостоящий всей уничтожающей символике «советского Гестапо».

В рассказе Демидова «Без бирки» отчаявшийся Михаил Алексеевич Кушнарёв (лагерный номер Ж—318), получивший срок за «антисоветскую агитацию», мечтает умереть так, чтобы ему никто не мешал. Кушнарёв мстит тем, кто так долго издевался над ним: «Вспомнили (собригадники Кушнарёва. — *Ч. Г.*), что он говорил иногда что-то о том, что хорошо бы забраться в какой-нибудь таёжный распадок и там подохнуть. Тогда-де не будет ни бирки на левой ноге, ни «рояля», ни архива-три» [1]. Сам ритуал прикрепления бирки к ноге мертвеца с его установочными данными, казался Кушнарёву «кощунственным и омерзительным» [1]. По сути, своей смертью, а к смертям здесь все привыкли, Кушнарёв решает нарушить заведённый в этих местах порядок. О специфике такого порядка в рассказе Демидова «Начальник» говорится: «Почти все эти люди (заключённые, строившие Тембинскую трассу на Колыме. — *Ч. Г.*) давно отдыхали вон там, где под бурым горным склоном находилось лагерное кладбище. Его было легко узнать по длинным рядам колышков с фанерками на верхнем конце. На этих дощечках размером с небольшой тетрадный лист были выписаны всё те же «установочные данные», от которых заключённому никуда не уйти и после своей смерти» [1]. Мысль о ненавистной бирке, как закономерном результате здешней жизни, узаконивающей рабское положение невольника даже перед лицом смерти, становится навязчивой идеей, которая не покидает Кушнарёва и во сне. Символичен его жуткий сон с видением засушенных голов, вызывающих аллюзии на те же фанерные бирки, номера и установочные данные зэка: «— Не уйдёшь от бирки, никуда не уйдёшь!» [1], — кричит шаман, превращающийся в мгновение в стадо обезьян, пляшущих вокруг бессильно лежащего человека.

Возможно, окончательная мысль о необычном способе ухода от бирки и лагерной бухгалтерии, мести лагерному начальству пришла к Кушнарёву после диалога с начальником конвоя:

«— Может, ты опять хотел в побег уйти. Жэ — триста восемнадцатый? — сощурился на Кушнарёва начальник УРЧ. — И куда же, позволь спросить?

Заключённый молчал.

— От нас, брат Жэ — триста восемнадцатый, никуда не уйдёшь! — наставительно сказал старший лейтенант, — разве что вот туда… — Он ткнул пальцем в землю.

— А может, туда и хочу! — сказал вдруг Кушнарёв, и его выцветшие глаза оживились выражением.

— Ну, это дело хозяйское, — усмехнулся начальник, — нам лишь бы для отчётности не затерялся…» [1]. Позже комендант лагеря скажет Кушнарёву: «— Ну нет, брат, <…> отсюда никуда не уйдёшь, разве что на небо

вознесёшься, Иисус Христос…» [1]. Эта шутка необычайно развеселила присутствовавших во время диалога вохровцев.

Совсем скоро Кушнарёв найдёт в себе силы, чтобы на полигоне прииска по собственной воле попасть под «гигантский взрыв «на выброс»» [1], после которого будет уже совершенно ни к чему прикреплять бирку и не с чего снимать отпечатки пальцев. Отчаянно-безысходная месть бесправного человека свидетельствует о сохранённой Кушнарёвым воле и человеческом достоинстве в нечеловеческих условиях. Остаётся в действиях бывшего математика, приверженца идеалистической «реакционной» философии и свобода последнего выбора, сохранился и остаток сил на выполнение задуманного.

В 1932 году А.Ф. Лосев писал жене из одного лагеря в другой: «Я знаю, как тут умирают. И когда я околею на своём сторожевом посту, на морозе и холоде, под забором своих дровяных складов, и придёт насильно пригнанная шпана (другой никто не идёт) поднять с матерщиной мой труп, чтобы сбросить его в случайную яму (так как нет охотников рыть на мёрзлой земле нормальную могилу), — вот тогда-то и совершится подлинное окончание моих философских воздыханий и стремлений, и будет достигнута достойная и красивая цель нашей с тобой дружбы и любви. <…> Вот почему трудно примириться с теперешним положением, где гораздо больше смерти, чем жизни, и — сплошное безумие. Это не живой ум бытия и личности, а мёртвое безумие небытия и безличия. Как это пережить?» [3]. Можно лишь констатировать, что весьма немногие пережили мёртвое безумие каторжного небытия, немногие смогли в колымском царстве мёртвых сохранить остатки человеческого достоинства, избрав, возможно, не худшую для себя участь — своевольную смерть.

Библиографический список

1. Демидов, Г.Г. Чудная планета: рассказы / Г.Г. Демидов. // сост., подгот. текста, подгот. илл. В.Г. Демидовой. Послесл. М. Чудаковой. — М.: Возвращение, 2008. — 360 с.

2. Диамант, Ф. «Во льдах» / На дальнем Севере. — 1990. — № 1. — С. 170—199.

3. Лосев, А.Ф. Письма из неволи (1930—1933) / А.Ф. Лосев. // Страсть к диалектике: литературные размышления философа. — М.: Советский писатель, 1990. — С. 302—319.

УДК 81’01 + 811.161.1’04
ББК Ш141.61

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМЫ «ГНАТЬ, ДВИГАТЬ» В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С КОРНЕМ ВЪ- В ДРЕВНЕРУССКОМ КНИЖНОМ ЯЗЫКЕ

М.П. Егорьева

Исследование проведено на материалах Словаря русского языка XI—XVII вв. и этимологических словарей М. Фасмера, П.Я Черных и др. Этимологический анализ языкового материала позволил выявить древнейший общеиндоевропейский корень, давший на славянской почве корень **вѢ-**. Установлены основные пути семантических изменений корня, группы слов, входящих в словообразовательное гнездо. Показана необходимость учёта словообразовательных связей при научном подходе к изучению словообразовательно-мотивационных отношений между производным и производящим.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, сема, этимологический анализ, словообразовательная мотивация.

В древнерусском письменно-литературном языке представлено обширное словообразовательное гнездо с корнем ВЪ-, в которое входят слова, содержащие сему «гнать, двигать». Это слова *вѢяти, возвѢяти, возвѢяние, вѢятися, вѢтръ, вѢятель, вѢяло, извѢяти, вѢя, вѢия, вѢть, вѢтъка, вѢтвь,вѢтье, вѢтвие, вѢие, вѢнчие, вѢица, отвѢтвь, вѢнъкъ, вѢникъ, вѢньць, вѢнчати и др.*

Многие из них в настоящее время утрачены языком, но и те, что сохранились — *веять, ветка, венок, веник, венчать* — не осознаются носителями современного русского языка как родственные, восходящие к одному корню. В «Словообразовательном словаре современного русского языка» А.Н. Тихонова эти слова отнесены к разным словообразовательным гнёздам [1].

Этимологию древнерусских слов с корнем *вѢ-* учёные возводят к корню *uei- «*веять, дуть»,* о чём говорят многочисленные индоевропейские соответствия [2, 3, 4, 5].

В праславянском языке корень *uei- перед гласным дал звук [v], т. е. вид корня изменился сначала в *vei-//*voi-.

При монофтонгизации дифтонгов, вызванной действием закона открытого слога, при условии восходящей интонации дифтонги дали [ě], а при нисходящей дали [i]. Таким образом, праславянский корень, имевший облик *vei- преобразовался в *ve -//*vi-. Осложнение древнего корня аффиксами, которое, возможно, имело место и в более ранний период, параллельно с семантическими изменениями, формирует

словообразовательные гнезда, компоненты которых уже все более отдаляют одну группу слов от другой. Старославянское *вѢяти* и древнерусское *вѣяти* «дуть» (о ветре) восходят к о.-с. *vejati, где суффикс словообразующий -а- и формообразующий -ti (из окончания дательного падежа склонения *i-основ).

Приставки вносят оттенки в основное значение: *возвѣяти* — начать веять, дуть, отсюда «действие по глаголу» — *возвѣяние; обвѣвать* — обдавать струей воздуха, обвевать; *извѣятися* — рассеяться, рассыпаться, погибнуть, *вѣятися* «развеваться, рассеиваться». Производное значение «отделять на ветру зерно от мякины» появляется у слова *вѣяти* в результате метонимического переноса, так как прослеживается реальная связь понятий: отделение зерна от мякины происходит, когда «*вѣетъ вѣтръ*». Тот, кто *вѣет* — это *вѣятель*. При помощи чего *вѣют* — это *вѣяло* («лопата», рус.).

Префиксальное образование *извѣяти* — это 1. Очистить (зерно) веянием. 2. Рассеять, уничтожить (мякину). От глагола *вѣяти* образуется имя существительное *вѣяние* со значением отвлеченного процессуального признака. То, что производит действие *vejati, называется словом *вѣтръ*, где суффиксы -t- и -r- (одноструктурные слова *лѣто, свѣтъ, пржтъ*, слова с суффиксом -r-: исп*иръ, жиръ, миръ, добръ, храбръ и др.).* То, что испытывает действие глагола *vejati, обозначается словами: *вѣя, вѣия, вѣть, вѣтъка, вѣтвь*. Собирательные существительные, обозначающие множество этих предметов, это *вѣтье, вѣтвие, вѣие, вѣнчие*. У слова *вѣть* в результате метафорического переноса появляется значение «ответвление реки, ручья, приток».

Вѣиця — уменьшительное к *вѣия*, т. е. «веточка». Префикс от-, присоединяясь к основам *вѣтвь* и *вѣть*, дает новые слова: *отвѣтвь* и *отвѣть* со значением «отросток». Прилагательные *вѣтвеный* и *вѣтвяныи* различаются не только суффиксами, но и значениями: *вѣтвеный* — это «растущий на ветвях, а *вѣтвяный* — «ветвистый».

Кроме основного значения «ветер», слово *вѣтръ* в древнерусском языке имело значения 2) направление сторон света: «По четырем *вѣтромъ* бѣше дверници, иже ес<ть> къ въстоку и къ западу и къ сѣверу и къ югу»; 3) воздух: «Ипринявъ то вино, покушать немного сахару и мочно быть не въ теплой хороминѢ, и на *вѣтръ* ходити»; 4) газы в кишечнике: «(Анис) выгонить *вѣтръ ис кишек, которой вѣтръ надымаетъ кишки*».

От слова *вѣтръ* в 1 значении образуется глагол *вѣтрити* «веять, производить ветер», имя существительное *вѣтрость* «наличие ветра» и прилагательные *вѣтрый* и *вѣтряный*, *вѣтреный* (*вѣтрьный*).

Место, защищённое от ветра, — это *завѣтие* и *завѣтрие*, а также это «кров, укрытие, защита». Значение «находящийся в *завѣтрии*» реализуется в прилагательном *завѣтреный.*

Слово *вѣтрило* имеет в древнерусском языке 5 значений: 1. Ветер; 2. Паруса; 3. Вид опахала; 4. Флюгер; 5. Мельница.

Значение «испытывать действие ветра, волноваться, зыбиться» наблюдаем в слове *вѣтритися*. С префиксом из- возникает значение «заветреть (о продуктах)»: *извѣтрѣти* — «приобрести определённое качество от действия ветра».

Несильный ветер — это *вѣтрецъ*, уменьш. к слову *вѣтръ* в 1 зн.

То, что создаёт ветер, это *вѣтренникъ* — 1) «вид опахала» и «парус» — то, что действует, работает, приносит пользу при ветре».

Вариантом корня *vei- при нисходящей интонации является в древнерусском языке корень ви-, который также содержит сему движения, но движения, соединяющего некие материальные субстанции. Это прежде всего глагол *вити*. 1. «Свивать, сплетать (волокна, пряди, нити)». 2. «Обвивать, увивать». Возвратный глагол витися имеет значение «обвиваться, заплетаться вокруг чего-л».

То, что свито, — это *вѣнецъ*. Слово имеет в древнерусском языке несколько значений. 1. «Венок»: *бѣаше вѣнецъ* исплетенъ отъ всякого цвѣта».

Результатом метафорического переноса являются значения:

1) «символическое обозначение вознаграждения, почестей» (Не убегай труда, не лишившися *вѣнца*);

2) «украшение» (жена добра *вѣнецъ* мужу своему и безпечалие);

3) «драгоценный головной убор» (царский *вѣнец* — корона), церковный *вѣнець* — корона при венчании);

4) «монашеский головной убор в виде повязки»;

5) «ореол»;

6) «нимб»;

7) «ободок, полоса, идущая вокруг предмета» и т. д.

Метонимический перенос можно видеть в значениях «венчание на царство, коронация» и «венчание, церковный обряд бракосочетания»: «Царю мои…за многоценныя бо ризы и худыя и бѣдныя сия ризицы приемлеши, за царский *вѣнець* худым си платомъ главу покрываеши»; «О горе блудником и блудницамъ, еже сквернят телеса свои незаконно до *вѣнца*…».

Вѣньць в значении «церковный обряд бракосочетания» является мотивирующей основой для прилагательного *вѣнечный*, которое имеет два значения: 1. Венчанный (о жене, муже) и 2. Относящийся к обряду венчания.

Тот, кто вечает венцом, — *вѣнцедавецъ*. Глагол, называющий обряд бракосочетания, — это *вѣнчати* и *вѣнчатися*. Относящийся к венчанию — *вѣнчальный*.

Вѣнець в переносном значении это также «ореол мученика». Человек, принявший мученический венец, святой» — это *вѣнечникъ*, (*вѣнечница*), *вѣнценосецъ* (*вѣнценосица*).

Вѣнецъ в древнерусском языке это также «завершение, высшая степень чего-л., награда». Эта сема реализована в словах *вѣнчаникъ* («несущий венец, награждающий победителя») и *вѣнчатель* (тот, кто вознаграждает»).

Лексико-словообразовательным вариантом к слову *вѣнецъ* в ДРЯ было слово *вѣнокъ*. Совпадают 1 и 4 значения. Прежде всего — это «венок»: «Отпущено из Казенного приказу въ Шатерную полату для связки *вѣнковъ* и травъ четверть рашина тафты, 8 аршин снурку шолкового»; «Да отець пожаловал дал дочери своей: *вѣнецъ* царской з городы, да съ яхонты, да съ лалы, да з зерны съ великими, другой *вѣнокъ* низанъ великим жемчюгом».

От корня *вѣ*- образуется ещё одно имя существительное — *вѣникъ*. Это тоже сплетённые, свитые, но не цветы, а прутья. Уменьшительное — *вѣничекъ*, уничижительное — *вѣничишко*; относящийся к *вѣнику* — *вѣничный*.

Таким образом, проведённый анализ словообразовательного гнезда с корнем *вѣ*- показал: 1) богатство словообразовательных средств древнерусского книжного языка;

2) наличие словообразовательных вариантов древнерусских слов, обусловленное не только чередованием корневых звуков, но и чередованием аффиксов, оформляющих древнюю основу;

3) пути семантических изменений в производных родственных словах, способствующих деэтимологизации значений и распаду первичного корневого гнезда и возникновению новых гнёзд.

Библиографический список

1. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / Т.1 : Более 145 000 слов / А.Н. Тихонов. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель, 2003. — 860 с.

2. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. — М.: Прогресс, 1986. — Т. 1. — 562 с.

3. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П.Я. Черных. — М.: Рус. яз., 1999. — 624 с.

4. Этимологический словарь русского языка / под рук. и ред. Н.М. Шанского. — Т. 1. Вып. 3. — М.: Изд-во Московского университета, 1968. — 283 с.

5. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / АН СССР, Ин-т рус. яз.; подгот. О.Н. Трубачева и др. — Вып. 2. — М.: Наука, 1979. — 224 с.

УДК 821.161.1-3
ББК Ш5(2)5-4

ОЛЬФАКТОРНАЯ ПОЭТИКА Н. ЛЕСКОВА

Н.Л. Зыховская

Статья посвящена поэтике запахов в прозе Н. Лескова. В статье выявляются основные фильтры, позволяющие описать ольфакторную модель прозы Лескова.

Ключевые слова: ольфакторная поэтика, поэтика запахов, русская литература, диахрония, синхрония.

Повествовательная манера Лескова близка сказу, и ольфакторная картина в основном складывается из реплик героев, их обонятельной рефлексии.

И в авторском слове, и в слове героев мы наблюдаем, тем не менее, одинаковый «крен» в сторону негативных запахов. Несмотря на приверженность Лескова сюжетам, связанным с церковными служителями, людьми, близкими религии, традиционный ольфакторий в его произведениях почти отсутствует. Здесь практически нет места благовонию, благоуханию. Общая ольфакторная плотность невелика — 0,5.

Запахи природы, «божьего сада» представлены очень скупо, а иногда негативно: «Картина была неприятная, сухая и зловещая: стоявшая в воздухе серая мгла задергивала все небо черным, траурным крепом; солнце висело на западе без блеска, как ломоть печеной репы с пригорелыми краями и тускло медной серединой; с пожелтевших заднепровских лугов не прилетало ни одной ароматной струи свежего воздуха, и вместо запаха чебреца, меруники, богородицкой травки и горчавки, оттуда доносился тяжелый пропаленный запах, как будто там где-то тлело и дымилось несметное количество слеглого сена» [1, т. 3, с. 23—24] («Обойденные»). Уже в этом примере мы видим «возможность» благоухания (дан длинный перечень ароматных трав), но возможность эта не осуществилась, и вместо благоухания разносится тяжелый запах дыма. Указывая, что запах был похож на горение «слеглого» сена, Лесков еще более усугубляет впечатление (не яркий запах дыма от горения сухого сена, но именно «слеглого» — затхлого, влажного, гнилого.

Гнилость — одно из основных ольфакторных впечатлений у Лескова, проникающее и в описания, казалось бы, заведомо позитивных природных состояний: «Наконец на дворе запахло гнилою гадостью; гнилая петербургская весна приближалась. Здоровье Даши со всяким днем становилось хуже. Она, видимо, таяла. Она давно уже, что говорится, дышала на ладан» [1, т. 3, с. 104—105] («Обойденные»). Здесь весна — время расцвета — соотносится с угасанием героини, и это угасание переносится и на весеннее

состояние, названное «гнилым». Энергичное обозначение весны как «гадости» дополняет негативную картину.

В «условно-природном» фрагменте сна Долинского обнаруживаем тот же прием: традиционно воспринимаемые позитивно запахи травы, открытого природного пространства трансформируются в удушающий ужас: «Долинский хотел что-то сказать, но вдруг около него зашевелилась трава, вдруг она начала расти и расти, так что слышно было, как она растет. Росла она шибко и высоко — выше роста человеческого; из нее отовсюду беспрестанно вылетали огненные светляки и во всех направлениях описывали правильные, блестящие параболы; в неподвижном воздухе спирался невыносимый зной и удушающий запах зеленых майских мушек. Долинский задыхался, а светляки перед ним все мелькали, и зеленые майки качались на гнутких стеблях травы и наполняли своим удушливым запахом неподвижный воздух, а трава все растет, растет, и уж Долинскому и нечем дышать, и негде повернуться. От страшной, жгучей боли в груди он болезненно вскрикнул, но голос его беззвучно замер в сонном воздухе пустыни, и только переросшая траву задумчивая пальма тихо покачала ему своей печальной головкой. Долинский проснулся, тяжело вздохнул и оглянул комнату» [1, т. 3, с. 232]. Духота, запах насекомых, перекрывающий не только другие запахи, но и сам воздух, — все это создает картину «пневматологического» (по выражению Н. Рогачевой) вакуума, сопровождающегося отвратительным запахом.

В «Обойденных» и описание усадьбы оказывается негативным: «С годами жестокость князя все усиливалась. В имении князя случалось, что один вешался, другой резался, третий бросался с высокой плотины в мутную вонючую воду тинистого, мелкого пруда. Имение князя стало местом всяческих ужасов» [1, т. 3, с. 10] («Обойденные»). Традиционные элементы усадебного быта здесь снижены — пруд назван вонючим. В «Житие одной бабы» речка названа «смрадной»: «Купаться надо ходить либо на Хвастливую, либо на другую речку, да та хоть и глубока, но смрадная такая и тинистая» [2, т. 1, с. 325] («Житие одной бабы»).

Неприятные запахи сопровождают пейзажное описание в «Обмане»: «Когда мы подходили вечерком, небо зарилось, этакое ражее, красное, а над зеленью сине, как будто синяя тюль раскинута — такой туман. Цветков и васильков нет, а торчат только какие-то точно пухом осыпанные будылья, на которых сидят тяжёлые жёлтые кувшины вроде лилий, но преядовитые: как чуть его понюхаешь, — сейчас нос распухнет» [1, т. 7, с. 96].

Даже в тех случаях, где в описание природы включены позитивные указания на запахи, присутствует подтекст, «переворачивающий» эту позитивность: «…только легонький теплый ветерочек чуть пошевеливал сонные листья и разносил тонкий аромат цветущих трав и деревьев. Дышалось чем-то томящим, располагающим к лени, к неге и к темным жела-

ниям» [2, т. 1, с. 109] («Леди Макбет Мценского уезда»). «Тонкий аромат» здесь коварен, его действие провоцирует порочность, будит в человеке опасные инстинкты и потребности.

Такие «условно-позитивные» ольфакторные фрагменты не единичны. В том же произведении читаем: «Золотая ночь! Тишина, свет, аромат и благотворная, оживляющая теплота. Далеко за оврагом, позади сада, кто-то завел звучную песню; под забором в густом черемушнике щелкнул и громко заколотил соловей; в клетке на высоком шесте забредил сонный перепел, и жирная лошадь томно вздохнула за стенкой конюшни, а по выгону за садовым забором пронеслась без всякого шума веселая стая собак и исчезла в безобразной, черной тени полуразвалившихся, старых соляных магазинов» [2, т. 1, с. 109] («Леди Макбет Мценского уезда»). Восхищение «золотой ночью» с ее ароматом «уходит» в спираль отрицания: соловей «заколотил», перепел «забредил», лошадь «жирная», а стая собак исчезает в безобразной черной тени — как бесшумная стая адских теней в преисподней.

Герои, воспринимающие природное пространство, чаще всего не в состоянии оценить запахи «по достоинству». В «Очарованном страннике» мир лесных ароматов сведен к цитате и обрамлен сниженным указанием «лениво нюхать»: «Казалось, что ему бы не в ряске ходить, а сидеть бы ему на «чубаром» да ездить в лаптищах по лесу и лениво нюхать, как «смолой и земляникой пахнет темный бор»» [2, т. 4, с. 387]. То же снижение видим и в описании степи: «Знойный вид, жестокий; простор — краю нет; травы, буйство; ковыль белый, пушистый, как серебряное море, волнуется, и по ветерку запах несет: овцой пахнет, а солнце обливает, жжет, и степи, словно жизни тягостной, нигде конца не предвидится, и тут глубине тоски дна нет...» [2, т. 4, с. 434]. Единственный распознаваемый запах здесь — овцы, весьма прозаическая деталь.

В «Детских годах» находим эпизод «поедания воздуха». Но и здесь, скорее, иронический подтекст: «Я взглянул на него и увидел, что он сидел в своем камлотовом плаще и, высоко задрав голову, что-то в себя тянул носом.

— Что вы делаете? — спросил я.

— А воздухец кушаю: вы разве не чувствуете, какой воздух? ведь это, батенька, почкой пахнет, а в почке весь эликсир жизни: мне, знаете, даже спать захотелось.

— Вот как!

— Да что же: я всегда возобновляюсь этим, и вам тоже советую, а вот мы и въезжаем на двор» [2, т. 5, с. 441]. Запах «почки» клонит в сон, воздух назван «воздухцом».

Иронично и указание на ароматность воздуха в «Овцебыке»: «Старушка умела необыкновенно опоэтизировывать свои путешествия. Едем, быва-

ло, рысцой; кругом так хорошо: воздух ароматный; галки прячутся в зеленях; люди встречаются, кланяются нам, и мы им кланяемся» [2, т. 1, с. 55]. Обобщение «так хорошо» вообще нередко заменяет подробности: «Вишневский сел скорей в кресло и хотел что-то сказать, но язык его завял в устах... Все так хорошо, кругом цвет и благоухание... Он все видит, слышит и понимает...» [2, т. 7, с. 490] («Старинные психопаты»).

Ирония задает внутреннее противоречие, результат которого — «уничтожение» позитивной стороны приятных природных запахов. Но внутреннее противоречие может создаваться у Лескова не только с помощью иронии. Столкновение розового и черного обнаруживаем в таком описании природы: «Веселый звон колоколов, розовое вечернее небо, свежий воздух, пропитанный ароматом цветов, окружающих каждую келью, и эти черные фигуры, то согбенные и закутанные в черные покрывала, то молодые и стройные, с миловидными личиками и потупленными глазами: все это было ново для наших героинь, и все это располагало их к задумчивости и молчанию» [2, т. 2, с. 28] («Некуда»). Здесь беззаботность и радостность ароматов цветов оказывается невостребованной, оттесненной на периферию смыслов. «Черные фигуры» «побеждают», заставляя героинь задуматься и замолчать.

Библиографический список

1. Лесков, Н.С. Собрание сочинений: в 12 т. / Н.С. Лесков. — М.: Правда, 1989.

2. Лесков, Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. / Н.С. Лесков. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956—1958.

УДК 82—4 + 821.161.1
ББК Ш5(2)6-334

ПОЭТИКА ЭССЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «СВЕТОВОЙ ЛИВЕНЬ»

Е.В. Канищева

Прозаический ритм в эссе М. Цветаевой «Световой ливень», посвященном творчеству Б. Пастернака, формируется на различных уровнях текста: фонетическом, лексическом, синтаксическом, композиционном. В данной статье автор рассматривает способы проявления ритма прозы на всех перечисленных уровнях.

Ключевые слова: проза М. Цветаевой, ритм прозы, фонетический уровень, лексический уровень, композиционный уровень, монтаж, элементы стиха в прозе.

Проза М. Цветаевой становится актуальным материалом для современных филологических исследований. Особое внимание в науке уделяется лингвистическому аспекту изучения прозы М. Цветаевой — особенностям словообразования, этимологическим связям лексем, функциям повторов.

Перспективной областью изучения прозаических произведений поэта является анализ ритмической структуры текста. При возрастающем интересе исследователей не только к прозе М. Цветаевой, но и к феноменам, находящимся на границе стиха и прозы, в современном литературоведении недостаточно специальных работ, посвященных изучению ритмических особенностей прозы поэта. Этим обусловлена актуальность выбранного направления исследования.

Эссе «Световой ливень» посвящено книге Б. Пастернака «Сестра моя Жизнь!». Яркое, метафорическое заглавие лейтмотивом проходит через все произведение, создает подобие экспозиции, зачина, особый настрой прочтения текста. Б. Пастернак называется поэтом «светлот», поэтом света. Его творчество обрушивается, как ливень, на читателя, освежает его, приводит в чувства после знойного дня. Это ливень не дождя — это ливень света.

Прозаические произведения М. Цветаевой, как один из авторских вариантов феномена «проза поэта», характеризуется специфическим способом построения прозаического текста, который оказывается сродни тексту стихотворному. Ритмическая структура реализуется в особенностях фонетического, лексического, синтаксического оформления, а также в композиционной структуре произведения. Все перечисленные уровни организации текста дополняют друг друга в формировании ритмических особенностей произведения в целом.

Звуковые повторы в прозе М. Цветаевой тесно взаимодействует с другими изобразительными средствами — лексическими повторами, синтаксической структурой, метром и т. п. По замечанию исследователей, наиболее заметными являются звуковые повторы, попадающие в пределы метрических фрагментов: «Быт, это — дуб, и под дубом (в круг) скамья, и на скамье дед, который вчера был внук, и внук, который завтра будет дед». Заключительная часть цитируемого отрывка представляет собой ямб, таким образом, слово «дед» особенно акцентируется в тексте, лексический повтор звучит как аналог стихотворной рифмы.

Анализ фонетического оформления прозы М. Цветаевой выводит текст на микроуровень, создает основу для исследования индивидуального стиля писателя. Взаимодействие звукового состава с другими уровнями организации художественного текста способствует формированию особой поэтической интонации, ритмической структуры прозы.

Характерной чертой поэтического и прозаического наследия М. Цветаевой являются интерес к слову, его звучанию, процессу словообразования и эксперимент с семантической наполненностью слов.

Игра со словом имеет особое значение в творчестве М. Цветаевой, позволяет ей демонстрировать глубину семантики отдельных лексических единиц, наделять слова иным, более емким значением: «Есть другой день: злой (ибо слеп), действенный (ибо слеп), безответственный (ибо слеп) — дань нашей бренности, дань-день: сегодня. — Терпимый лишь потому, что еще вчера был завтра и завтра уже будет вчера: из бренности — в навек: под веки».

Зачастую органичный переход от узуальных к окказиональным лексемам становится незаметен для читателя — настолько продумана и мотивирована словообразовательная модель, по которой строится ряд слов: «Но страстнее трав, зорь, вьюг — возлюбил Пастернака: дождь. (Ну и надождил же он поэту! — Вся книга плывет!)». Лексема «надождил» органично вписывается в существующую словообразовательную цепочку, дополняет фразу емким, поэтическим образом.

Синтаксический уровень организации текста дает почувствовать прозаический ритм первого уровня, понять ритмико-мелодические особенности прозы. Синтаксис прозы можно считать одним из средств создания образности художественного произведения. По мнению Л.Б. Бубековой, «в синтаксисе в большей степени, чем в других единицах языка (фонеме, морфеме, слове), отражается внеязыковая действительность» [1].

Специфическую ритмическую структуру эссе М. Цветаевой «Световой ливень» на синтаксическом уровне формируют инверсии, парцеллированные конструкции, синтаксический параллелизм, семантически емкие знаки препинания.

Использование приема инверсии позволяет подчеркнуть особую семантическую связь слов. Перестановка лексем, изменение традиционного для синтаксиса порядка слов позволяет акцентировать отдельные фразы, придать им значимость в контексте конкретного фрагмента или всего произведения в целом: «Было впечатление мучительной сосредоточенности, хотелось — как вагон, который не идет — подтолкнуть…».

Использование парцеллированных конструкций в эссе «Световой ливень» позволяет акцентировать композиционные особенности текста: монтажно-фрагментарные принципы, ассоциативность построения произведения: «О Пастернаке и мысли. Думает? Нет. Есть мысль? Да. Но вне его волевого жеста: это она в нем работает, роет подземные ходы, и вдруг — световым взрывом — наружу. Откровение. Озарение. (Изнутри.)»

По мнению лингвистов, занимающихся изучением языковой стихии текстов М. Цветаевой (Е.Ю. Муратовой, Ю.Ю. Даниловой, О.И. Павловой), парцеллированные конструкции в художественном тексте могут быть маркированы специфической интонацией, некоторыми графическими показателями, т. е. знаками препинания, «разрывающими» предложение на части [2]: «Мироздание точно ограничилось для него четвертым днем. — Допонять. Додумать. — Но вернемся к траве, верней шагнем за поэтом <…>».

В цитируемом отрывке знак препинания не просто «разрывает» предложение на несколько частей, но и разбивает фразу на два абзаца. В стихотворном тексте данная особенность получила название enjambement**,** под которым исследователи понимают несовпадение ритмического и синтаксически-интонационного рядов (В.М. Жирмунский, Б.О. Корман) [3]. Enjambement нашел яркое воплощение в прозе М. Цветаевой как аналог стихового переноса. Знак препинания в подобных примерах служит не только расширению семантики фразы, но и формированию особой паузы, возникающей между абзацами, замедляющей ритмическую структуру текста за счет семантической насыщенности.

Композиционная структура эссе позволяет соединить в рамках прозаического текста элементы лирические и эпические. По замечанию И.В. Кудровой, «читателю, ищущему в прозе фабульного развития, цветаевская проза должна быть попросту скучна» [4].

Особенности «Светового ливня» как произведения эссеистического жанра обусловливают специфику композиционного построения текста; лирические элементы проявляются в поэтике заглавия произведения в целом и его отдельных глав (Пастернак и быт, Пастернак и день, Пастернак и дождь), в лирической природе текста, т.е. особенностях фонетических, лексических, синтаксических. Проза М. Цветаевой имеет специфические особенности, не зависимо от традиционного жанрового обозначения, которое пытаются дать прозаическим произведениям поэта исследователи. И дневниковые записи, и эссе, и лирические миниатюры имеют аналогич-

ную, художественную природу, характеризуются одинаковыми признаками, создающими неповторимую «цветаевскую» интонацию.

Основной композиционный прием в прозе М. Цветаевой — монтаж, реализующийся в резкой смене субъектов речи, временных пластов, сюжетных линий, создающий ритмическую организацию прозы. Принцип композиционного монтажа отражает сложность действий, переживаний, событий, а не фиксирует их несвязанность.

С.Ж. Макашева в монографии, посвященной творчеству М. Цветаевой 1920—1930-х годов, объясняет применение приема фрагментарности, коллажности, бесфабульности произведений в воспоминаниях о современниках: «<…> Цветаева воспроизводит не биографию людей, которых она близко знала, а выявляет неповторимость духовной составляющей их творчества, сосредоточенной прежде всего в инициирующей творчество личности человека, чей портрет она воссоздает в очерках» [5].

Эссе М. Цветаевой «Световой ливень» является ярким примером прозаического произведения, соединяющего в своей структуре элементы стиха и прозы. Прозаическое наследие М. Цветаевой, неоднозначное в определении жанровой принадлежности каждого текста, демонстрирует особенности поэтического мышления писателя, ее интуитивное стремление к художественной речи.

Библиографический список

1. Бубекова, Л.Б. Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция в поэзии М. Цветаевой / Л.Б. Бубекова. // Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века: материалы Четвертых Международных Цветаевских чтений. — Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. — С. 27—32.

2. Данилова, Ю.Ю. Парцеллированные конструкции в поэзии и прозе М.И. Цветаевой / Ю.Ю. Данилова, О.И. Павлова. // Марина Цветаева в контексте культуры Серебряного века: материалы Четвертых Международных Цветаевских чтений. — Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. — С. 97—104.

3. Жирмунский, В.М. Теория стиха / В.М. Жирмунский. — Л.: Сов. писатель, 1975. — 664 с.

4. Кудрова, И.В. Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность / И.В. Кудрова. — СПб.: Вита Нова, 2003. — 526 с.

5. Макашева, С.Ж. Поэзия и проза М.И. Цветаевой 1920—1930-х гг. (онтология; концепция личности): монография / С.Ж. Макашева. — М.: МПГУ, 2005. — 246 с.

УДК 811.161.1
ББК Ш141.2

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Л.Н. Корнилова

Фразеологические единицы являются частью языковой картины мира, в которой человек выражает своё представление об окружающей действительности и объективной деятельности. Семантическая категория становления способствует философскому осмыслению действительности, репрезентация которой осуществляется посредством фразем со значением становления.

Ключевые слова: фразеология, семантика, языковая картина мира, становление, категория, антропоцентричность.

Возникшая в конце XX века когнитивная лингвистика привела к пониманию того, что связь между историей и культурой народа и его языком устанавливается в мышлении народа. Взаимосвязь и взаимозависимость языка народа и его национального сознания волнуют лингвистов более двух веков.

Особенности истории и культуры народа становятся частью его представления о мире, входят в мир мысли народа, получают выражение в языке и включаются в семантическое пространство языка народа.

Вокруг понятий «национальный язык», «национальная картина мира», «образ мира», «языковая картина мира» сосредоточены основные проблемы лингвистики.

Фразеология как часть языковой картины мира выражает представления человека об окружающей действительности через философское осмысление этой действительности.

Становление, являясь философской категорией, находит выражение в языковом материале, представленном корпусом русских фразеологизмов со значением становления.

Семантическая категория становления в языкознании является абстрактным понятием и, по замечанию, Р.М. Гайсиной [1], не может быть точно определено. Содержание этой категории возможно лишь попытаться приблизительно описать. Категория становления обозначает внутреннее развитие, движение, «приобретение определенных признаков и форм в процессе развития» [1]. Семантику категории становления можно охарактеризовать как переход от одного состояния бытия к другому.

Становление как семантическая категория имеет определенную морфологическую природу.

Сема становления эксплицируется в значениях исследуемых фразеологических единиц через глагол «становиться»: *выходить/выйти на пенсию* — ***становиться/стать*** *пенсионером, входить/войти в тело* — ***становиться/стать*** *полным, вступать/вступить в года* — ***становиться/стать*** *человеком зрелого возраста.*

Фразеологическое значение единиц семантики становления формируется аналогично фразеологическим единицам других семантических категорий. Механизм формирования фразеологического значения был выявлен и описан А.М. Чепасовой [3]: в качестве компонентов фразеологических единиц лексемы утрачивают свои семантические ядра, сохраняя смысловую периферию, которая объединяется и преобразуется в семантическое ядро фразеологизма.

Фразеологическое значение каждой фраземы становления представляет собой определённое иерархическое объединение сем: категориальная сема процесса, субкатегориальная сема становления, групповая семы становления бытия, отношений, состояния, свойства, качества.

Например, единица *выходить/выйти в люди* обозначает действие, процесс, а следовательно, реализует категориальную сему процессуальности. Причём значение этого фразеологизма «получить авторитетное общественное положение» содержит субкатегориальную сему становления, потому что может быть эксплицировано через глагол «становиться»: *выходить/выйти в люди* — ***становиться/стать*** *авторитетным, уважаемым.* Групповой же является сема «становления социального бытия», которая в данной единице выражает дополнительно положительную коннотацию. Оценивается значимость человека с точки зрения социума. А быть значимым — это естественное стремление любого члена общества.

Старики понимали выгоду просвещения, но только внешнюю выгоду. Они видели, что уже все начали ***выходить в люди****, то есть приобретать чины, кресты и деньги не иначе как только путём учения (И. Гончаров. «Обломов»).*

Ещё одна фразеологическая единица с категориальной семой процессуальности — *входить/войти в тело*. Значение фраземы — крепнуть физически, полнеть, поправляться. Субкатегориальная сема становления может быть выражена через глагол «становиться»: *входить/войти в тело* — ***становиться/стать*** *полным, физически крепким.* Групповая сема фразеологизма — становление физического состояния. С помощью данной фразеологической единицы носители языка выражают своё представление о здоровом, крепком человеке. Поэтому в этом случае можно говорить о коннотативной семантике фразеологизма. Фразеологическое значение — это обощённо-целостное значение, имеющее высокую степень коннотации (экспрессивности, оценочности).

Мало-помалу уединение, тишина, домашняя жизнь и все сопряжённые с нею материальные блага помогли Александру ***войти в тело*** *(И. Гончаров. Обыкновенная история).*

Как писал А.И. Смирницкий [2], значение языковой единицы не просто связь или соотношение с объективной деятельностью, но это отображение или форма отображения существующего мира в сознании. Следовательно, фразеологизмы семантики становления можно рассматривать как пример отражения реальной деятельности в сознании человека, как выражение языковой картины мира.

Семантическая категория становления явно выражается в процессуальных единицах, в том числе в процессуальных фразеологизмах. Анализ фразеологических единиц со значением становления позволил сделать вывод об антропоцентричности семантической категории становления.

Становление — это категория человеческого свойства, качества, положения. Носителей языка естественно волнует сам человек, то место, какое он занимает в обществе, на социальной лестнице, его отношение с окружающим миром. Неудивителен и тот факт, что для человека его физическое и психическое состояние представляет важнейшую жизненную ценность. Это подтверждается исследованным материалом.

Семантическая структура субкатегории становления представлена пятью семантическими группами, центральными из которых по количеству единиц и употреблений являются группы с семой становления социального бытия и с семой психического и физического состояния. Каждая из названных групп содержит большое количество семантические подгруппы.

Так, в семантической группе, характеризующей становление социального бытия, содержится семь подгрупп. Единицы этой группы описывают становление какого-либо образа жизни, манеры поведения; дают положительную или отрицательную оценку становлению социального положения; характеризуют переход от активной социальной деятельности к бездеятельности; представляют становление качества субъекта в процессе обучения, социальной деятельности. Такое разнообразие семантики становления социального положения обусловлено разнообразием способов социального существования.

Я сказал ему, как поразил тогда меня, готовишься ***вступать на поприще*** *журналистики подростка, его деловой, демократичный слог (А. Стреляный. Последний романтик).*

Душой общества является Ястребов, как бывалый и опытный человек, ***прошедший сквозь огонь, воду и медные трубы*** *(Д. Мамин-Сибиряк).*

Семантическая группа со значением становления психического и физического состояния довольно неоднородна включает пять подгрупп. Фразеологизмы данной группы, являясь частью языковой картины мира, выражают представление носителей языка о психическом и физическом со-

стоянии человека; дают оценку с точки зрения нормы и отклонения от неё, с точки зрения возможности или невозможности существования; характеризуют становление определённого возраста, становление определённого физиологического состояния, становление и развитие речевых и мыслительных процессов.

Папа, как и мама, после моей реакции на любовный взрыв Антона Александровича, ***пришёл в восхищение*** *(А. Алексин).*

И мудрые старики, знавшие что-то такое про себя, ***отходили в мир иной****, так и не осчастливив своих ближних (М. Зощенко).*

Если на войне обо всём думать, как можно было бы сделать лучше, чем сделал, ***с ума сойдёшь*** *(К. Симонов. Солдатами не рождаются).*

Разнообразие семантических подгрупп в этих группах отражает разноплановость социальной жизни человека и разнохарактерность его психического и физического состояния. Семантическая категория становления является глубоко человечной. Те фразеологизмы, которые не характеризуют процесс становления качества самого человека, описывают становление свойств предмета или явления с позиций человека.

Библиографический список

1. Гайсина, Р.М. К семантической типологии глаголов в русском языке / Р.М. Гайсина. // Семантические классы русских глаголов. — Свердловск, 1982. — С. 15—21.

2. Смирницкий, А.И. Лексическое и грамматическое в слове / А.И. Смирницкий. // Вопросы грамматического строя. — М.: АН СССР, 1955. — С. 11—53.

3. Чепасова, А.М. Проблемы структурности фразеологического значения / А.М. Чепасова, Л.А. Ивашко. // Фразеологическое значение в языке и речи. — Челябинск, 1988. — С. 17—32.

УДК 821.161.1—31
ББК Ш5(2)6—334—4

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТЮДА В МАЛОЙ ИМПРЕССИОНИСТСКОЙ ПРОЗЕ (Н. КОЛОКОЛОВ «ЭТЮДЫ»)

Н.Н. Кундаева

В статье рассматриваются особенности этюда — жанра, являющегося одним из наиболее адекватных для воплощения импрессионистского мирообраза. На материале цикла Н. Колоколова «Этюды» исследуются жанро- и стилеобразующие признаки этюда.

Ключевые слова: жанр, этюд, малая импрессионистская проза, лирический цикл.

В художественной практике русской литературы первой трети XX века одной из самых продуктивных оказалась импрессионистская тенденция. Импрессионистское стремление зафиксировать непостоянное, неуловимое приводит к актуализации поэтики незавершенности, к которой, по утверждению Т.Н. Мартышкиной, импрессионисты пришли сознательно, «ведь согласно их представлениям, произведение должно содержать лишь указание и намек, требуя от зрителей максимально активной позиции» [3]. Отсюда, по мнению В.В. Костюк, свойственный импрессионизму «культ этюда» [2], достоинства которого определяются не какой-то особой проработанностью и законченностью, а прежде всего эмоциональностью, остротой восприятия увиденного и его выразительной передачей. Ослабленный сюжет, ассоциативность, лейтмотивность структуры, фрагментарность, мозаичность, субъективность повествования, компактность, миниатюризация, лиризм — признаки, составляющие основу жанровой парадигмы импрессионистского этюда.

Часто на воплощение данной жанровой модели в тексте указывает заголовочный комплекс, становящийся жанровым маркером. Важно учитывать, что интермедиальная номинация этюд в одних случаях максимально соответствуют жанровому содержанию (например, в книге А. Галунова «Вереница этюдов» (1907), в лирической зарисовке Б. Гунько «Былое. Этюд» (1910), в других — указывает на специфический характер отдельных носителей жанра. Репрезентативным образцом может послужить цикл **Н. Колоколова «Этюды» (1930)**.

Авторское обозначение жанра указывает на импрессионистскую категорию остановленного мгновения, выхваченного из обыденного течения жизни. Художественное единство состоит из двух небольших, сюжетно автономных рассказов, в которых описываются жизненные случаи, ставшие ис-

точником лирической рефлексии, составившей основу текста. Актуализируется импрессионистская категория случайности, выражающаяся в выдвижении на первый план, казалось бы, второстепенных, ничем не примечательных деталей и явлений жизни, свойственная импрессионистской поэтике.

Сюжет первого рассказа «Затейливый старик» довольно прост: на железнодорожной станции, где все люди погружены в состояние тягостного ожидания, где царит «томительная скука» и «скучная жалоба» на бесприютность, на нужду, на болезни [1, с. 255], появляется затейливый старик, который нарушает гнетущую вокзальную тишину, разрываемую глухими, полными страдания, отчаяния, злобы и недовольства, звуками, веселой песней, создающей атмосферу тепла и света. Рассказ основан на контрасте между безнадежной и обреченной жизнью, лишенной ощущения праздника, воплощенной в образе хмурого «сухощавого мужика, на душе которого слякоть» [1, с. 256], в образе «безбрового мальчика с белым, как известка, лицом, с оловянными глазами», который «надломленно прыгает по грязному вокзальному полу», и жизнью счастливой, олицетворенной в образе затейливого старика, балагура, который «несет огромное богатство — подушку мягче лебяжьего пуха и множество прикрас на жизнь и на думу» [1, с. 257], то есть радость, растревожившую вокзальную скуку, но оказавшуюся ненужной людям, с осуждением и презрением воспринявших увеселяющего их старичка. В основе сюжета рассказа «Северные сады» передача впечатлений героя от пребывания в одном из северных городков, в котором его поражает прежде всего обилие цветов. Из разговора с местным жителем — педагогом, страстным цветоводом, повествователь узнает о том, что выращивание комнатных цветов, которых называют садами, дает возможность северянам создать иллюзию юга, тепла, столь необходимого людям, вынужденным постоянно бороться с суровыми, холодными условиями жизни и потому погруженным в мечты о южном солнце и море. Стремление к югу, солнцу, теплу соотносится с желанием обрести свободу, радость, полноценное счастье. Рассказы связаны друг с другом ассоциативно. Песня из уст затейливого старика и цветы северян становятся знаками радости и человеческого тепла, своеобразным проблеском в беспросветной жизни, которая часто делает людей неспособными видеть прекрасное.

В цикле создается предельно реалистическая объективная картина, переданная через призму восприятия рассказчика, окрашенная лирическим чувством. Главным является фиксация непосредственного впечатления героя-повествователя, случайно оказавшегося в довольно обыденной ситуации. Ее созерцание приводит к важным мыслям о человеческой природе (о неумении людей радоваться жизни и о бесконечном стремлении к свету, счастью), которые прямо не формулируются в тексте, но даются намеком, активизирующим читательское восприятие.

Единство циклического единства прослеживается на композиционном уровне. Каждый из рассказов открывается лирически окрашенной картиной, которая задает тон повествованию, настраивает на определенную эмоциональную волну. При этом образы, детали, включенные в описание в начале текста, повторяются в финале, за счет чего возникает композиционное кольцо, свидетельствующее об интонационной, эмоциональной однородности произведения. К тому же обнаруживается единство на стилистическом уровне. Номинативные конструкции, короткие предложения в начале каждого рассказа вводятся для активизации ассоциативного восприятия читателя. Подобная манера соответствует «телеграфному» стилю импрессионистов, которым важно запечатлеть мгновенные, бессвязные события и образы сквозь призму своего восприятия.

Зарисовка, открывающая рассказ «Затейливый старик», передает довольно мрачное, унылое настроение. Мир природы и мир человека сливаются, что указывает на импрессионистский пейзаж души, пронизанный энергией чувства:

Осклизлая осень. Кисельное небо и кисельная земля. Железнодорожная станция, увязнувшая в редком и голом перелеске. Мокрая ворона летит над вокзалом, полным томительной скуки <…>

Мир полон жалобы. Там — за стенами вокзала — жалуются на бесприютность: тучи — дождем, осинник — дрожью, ворона — криком. Здесь несколько взрослых людей, ожидающих поезда, жалуются нудными словами, — на плохую погоду, на нужду, на болезни…[1, с. 254].

Сумрачная картина выражает безнадежность, обреченность и отчаяние человека, не желающего принимать радость, не стремящегося изменить свое положение. В финале рассказа печальная тональность сохраняется:

В окно вагона смотрит осклизлая осень. Где-то в голом перелеске скользят по узкой тропинке шаги затейного [1, с. 258].

Семантически значимый образ осклизлой осени становится знаком мира, в котором царят безысходность, тоска и уныние. Повтор образа в начале и финале текста выполняет роль эмоционального камертона, что свидетельствует о выдержанности рассказа в едином эмоциональном ключе. Мотив пошлой обыденности и житейского прозаизма становится смыслообразующим в первом рассказе, раскрываясь в структуре текста, он создает особую мелодию, контрастную той, которая звучит в следующей части цикла.

Второй рассказ начинается с завораживающего описания северной природы, возникает обманчивое впечатление за счет того, что образ лета создается зимними красками. На фоне холодной красоты ярче прорисовывается образ цветов, соотносящийся с мечтой о юге, солнце, тепле, радости и гармонии:

Дочерна закопченные домики. Кое-где на оконных стеклах годы оставили радужный след. В улицах — дремотная тишина. На заводском пруду,

у маленькой пристани, стоит маленький, будто игрушечный пароход. За прудом, за дальним лесом матово синеет хребет Урала, и перламутрово белыми пятнами стынут на нем снега. И облака над городом белоснежны, и снежными хлопьями летит пух с тополей. <…> И странно, как в сказке, просвечивают из нетающего снега или покачиваются над ним от чуть приметного ветра распустившиеся цветы [1, с. 258].

Финал рассказ поддерживает настроение светлой грусти, связанной с несбывшимися мечтами, с иллюзорностью, призрачностью желаний, воплощением чего становится лейтмотивный образ хрупкого, игрушечного пароходика:

Нетающим снегом летит с тополей пух, легчайшей порошей пеленает землю <…>.

Мы выходим на плотину заводского пруда, раскинувшегося на несколько верст в длину и в ширину и чуть синеватого под оживающим ветром. <…> У пристани покачивается легкий и хрупкий пароходик, на котором никому не плыть к южным морям [1, с. 260].

Повторяющиеся в рассказах чувственно окрашенные образы рождают ритмические переклички и создают общий характер интонации, особую лирическую атмосферу, выражающую вечное стремление человека к красоте, к мечте, свету и одновременно тоску по невозможному.

Так в особенностях сюжета и композиции, обусловленных передачей случайных впечатлений, вызвавших поток ассоциаций и уводящих в сферу чувств и эмоций, проявляются черты, свойственные жанровой манере этюда (компактность, ассоциативность, острота восприятия увиденного, эмоциональная доминанта, чувственная окрашенность образов), адекватно воплощающего импрессионистский мирообраз. Данная авторская номинация включена в заголовок, с помощью которого задается жанровый модус восприятия текста.

Библиографический список

1. Колоколов, Н. Этюды / Н. Колоколов. // Ровесники: сборник содружества писателей революции «Перевал». — М.; Л.: Земля и фабрика, 1930. — С. 253—260.

2. Костюк, В.В. Поэзия и проза Е. Гуро: к проблеме творческой индивидуальности: дис. … канд. филол. наук / В.В. Костюк. — СПб, 2005. — С. 85.

3. Мартышкина, Т.Н. Импрессионистическое мировоззрение в западноевропейской культуре века: истоки, сущность и значение: автореф. дис. … канд. культурологии / Т.Н. Мартышкина. — Нижневартовск, 2008. — С. 17.

УДК 811. 161. 1' 366
ББК Ш 141.2-21

СПЕЦИФИКА И ЗАКОНОМЕРНЫЕ СВОЙСТВА МОДАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА

Ж.З. Мительская

Целью исследовательской работы стала проблема выявления и анализа имманентных свойств модальных фразеологизмов, составляющих большое семантико-грамматическое объединение, или класс фразеологических единиц. Модальные фразеологизмы рассматриваются комплексно, системно, в единстве структурно-грамматических и семантико-функциональных особенностей. Ключевые слова: модальность, субъективная модальность, модальные слова, модальные фразеологизмы.

Модальность — одна из универсальных языковых категорий. В настоящее время в трудах отечественных и зарубежных лингвистов не ослабевает интерес к разработке проблем модальности. Традиционно дискуссионными остаются вопросы, связанные с пониманием сущности модальности, с определением границ этой категории (В.В. Виноградов, Ш. Балли, А.И. Пешковский, Н.Ю. Шведова, В.З. Панфилов, Т.И. Дешериева, Г.В. Колшанский, Г.П. Немец и др.).

Большинство исследователей дифференцируют категорию модальности: принято различать субъективную и объективную модальность. Тем не менее, во многих исследованиях подчеркивается условность этого противопоставления. Терминологическая неупорядоченность сохраняется не только в определении типов модальности, но и в обозначении языковых средств выражения этой семантико-синтаксической категории. В.В. Виноградов отмечал: «В современном русском языке категория модальности передаётся разными средствами, при этом различия в способах выражения этой категории отчасти связаны с внутренними различиями в самих её синтаксико-семантических функциях, в её функционально-синтаксическом существе» [2, с. 58].

В самом тесном взаимодействии с категорией модальности находятся такие языковые категории, как оценочность, коннотация, эмотивность, экспрессивность. Сущность этих понятий постоянно уточняется (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, В.И. Шаховский).

К модальным фразеологизмам в данном исследовании относим морфологически неизменяемые единицы фразеологического языкового уровня, реализующие в структурном отношении модели сочетаний слов, словосочетаний и предложений, категориально обладающие языковым статусом

оценочных маркеров (указателей) различных субъективно-модальных реакций говорящего на явления окружающего мира и сообщаемое, разнообразных рациональных и эмоциональных (положительных и отрицательных) оценок и отношений.

В этом классе, в соответствии с семантико-грамматической классификацией фразеологического состава русского языка профессора А.М. Чепасовой [4, 5], объединяются единицы, которые не обозначают понятий и не выражают грамматических связей, а содержат в себе указания на разнообразные отношения говорящего к действительности: *Боже мой, стало быть, в самом деле, ради Бога, может быть, одним словом, Бог его знает, по крайней мере, ничего подобного, ничего себе, сделай милость! Ещё бы! Вот ещё! Вот как! Ну и ну!* и многие другие.

Как справедливо отмечает Н.Ф. Алефиренко, основу семантической структуры таких единиц составляют коннотативные семы преимущественно идиоэтнического характера, и, в отличие от других фразем, они не могут выполнять номинативно-предикативной функции. «Семантико-коммуникативное назначение интеръективных фразем в непосредственном выражении исторгающегося чувства» [1, с. 87].

Функционирование модальных фразеологизмов в речи определяется объемом и характером модального значения. Семантические связи модальных фразеологизмов обусловлены их категориальным значением — выражением субъективного отношения говорящего к высказываемому, а также их морфологической неизменяемостью.

Модальные фразеологизмы как выразители модальности с синтаксической точки зрения могут быть рассмотрены в качестве вводных компонентов. Не являясь членами предложения (в общепринятом смысле), модальные фразеологизмы чаще всего в предложении обособляются и занимают семантически, структурно и грамматически автономную позицию.

Выражая субъективное отношение говорящего к действительности, близкое к суждению, модальные фразеологизмы, хотя и занимают автономное положение, но оказываются связанными с целым предложением на основе интродуктивной связи, или связи включения. Не случайно такие единицы, как правило, пунктуационно выделяются. В сложном синтаксическом целом языковая автономность модальных фразеологизмов обусловила их функционирование в качестве отдельных синтаксических единиц.

Модальные фразеологизмы могут быть омонимичными свободным синтаксическим конструкциям такого же компонентного состава. Этот вид омонимии — внешняя омонимия — охватывает большинство модальных единиц. Показателями принципиальных различий омонимичных фразеологизмов и свободных синтаксических форм являются: качественные различия в выражаемых отношениях, сохранение или утрата всех морфологиче-

ских категорий компонентами модальных фразеологизмов; различия синтаксического и интонационного порядка.

К счастью, пассажиры сидели на местах и, скучая, дожидались того момента, когда Остап велит перетаскивать в машину дары города (И. Ильф, Е. Петров). Модальный фразеологизм *к счастью* в качестве вводного компонента выражает положительную эмоциональную оценку, чувство удовлетворения; является морфологически неизменяемой единицей, пунктуационно выделяется. Сравните, Я был уверен, что поезд мчит меня *к счастью* (К. Паустовский). Омонимичное модальному фразеологизму сочетание предлога и существительного в дательном падеже *к счастью* является свободной синтаксической формой.

В соответствии с общей тенденцией усиления экспрессивности в языке исследуемые модальные фразеологизмы могут характеризоваться осложнением выражаемой гаммы чувств, своеобразной амальгамацией, наслоением субъективных, модально-эмоциональных оценок и отношений (позитивных и негативных).

Например, *Пишу, пишу рукой небрежной, Чтоб здесь чрез много скучных лет От жизни краткой, но мятежной Какой-нибудь остался след. Быть может, некогда случится, Что все страницы пробежав, На эту взор ваш устремится, И вы промолвите: он прав; Быть может, долго стих унылый Тот взгляд удержит над собой, Как близ дороги столбовой Пришельца — памятник могилы!..* (М. Лермонтов. В альбом). Модальный фразеологизм *быть может*, выражающий рациональное отношение предположительности, возможности участвует в создании семантического противопоставления: смерти и жизни. Исследуемая модальная фразема характеризуется осложнением выражаемой гаммы чувств, своеобразной амальгамацией, наслоением субъективных, модально-эмоциональных оценок и отношений (позитивных и негативных). Модальное отношение предположения с высокой степенью уверенности, о чем свидетельствует повтор фраземы, синтаксическое варьирование компонентного состава фразеологизма, инверсия компонентов (*быть может — может быть*), сопровождается отрицательными эмоциями печали, грусти и, вместе с тем, положительными эмоциями надежды, веры в торжество правды, торжество жизни над смертью. Такое содержательно осложнённое модально-эмоциональное отношение аргументируется всем выразительным, экспрессивным фоном стихотворного текста, языковыми средствами эмоционально-оценочного номинирования. Интерпретация выражаемых модальных смыслов поддерживается другими лексемами текста, и таким образом, квалификация семантики фраземы демонстрирует приращение эмоциональных смыслов. Интонационно-синтаксическая обособленность способствует акцентированию выражаемого исследуемой единицей экспрессивно-модального отношения.

Указывать на разного рода эмотивно-модальные реакции фразеологизмам помогают интонация и контекст. Интонация — важное и необходимое средство проявления содержательной специфики исследуемых единиц. Интонация служит для акцентирования эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому.

Контекст выступает как семантико-прагматическое средство, способствующее выявлению тонких смысловых различий (модально-эмоциональных оттенков). «Во многих случаях семантические свойства языковых единиц, помещённых в достаточно длинный и динамически развёртывающийся контекст (дискурс), оказываются существенно иными, нежели семантические свойства тех же единиц, рассматриваемых в изолированном виде или в коротком контексте» [3, с. 34].

С коммуникативно-прагматической точки зрения модальные фразеологизмы можно определить как дискурсивные единицы, семантика которых отчётливо проявляется только в контексте, с учётом текстового окружения, в определённой речевой ситуации, в зависимости от коммуникативных намерений говорящих.

Таким образом, семантико-грамматический класс модальных фразеологизмов образуют морфологически неизменяемые единицы, выражающие различного рода отношения говорящего к действительности (эмоциональные и рациональные), получающие в структуре высказывания статус или отдельных синтаксических единиц, или вводных компонентов.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 1993. — С. 88—89.

2. Виноградов, В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.

3. Степанов, Ю.С. Вводная статья. В мире семиотики / Ю.С. Степанов. // Семиотика: Антология; сост. Ю.С. Степанов. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. — С. 5—42.

4. Чепасова, А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов / А.М. Чепасова. — Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. — 144 с.

5. Чепасова, А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов / А.М. Чепасова. — Челябинск, 1983. — 93 с.

УДК 37.016:811.161.1
ББК Ш141.2

ПОДГОТОВКА К ОЛИМПИАДЕ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ФОРМА ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С УЧАЩИМИСЯ

Д.А. Пелихов

Сравнительно-исторический метод языкознания, сформировавшийся в лингвистике в первой четверти XIX века, применяется в основном для определения родства языков, для выяснения причин и характера их изменений в процессе исторического развития. В статье рассматривается возможность и способы применения элементов данного метода на занятиях по подготовке учащихся к олимпиадам по русскому языку, а также предлагается концепция сборника упражнений, направленных на подготовку учащихся к олимпиадам.

Ключевые слова: олимпиада; русский язык; сравнительно-исторический метод языкознания; подготовка; лингводидактическая работа.

Преподавание русского языка в старших классах с ориентацией на сдачу Государственной (итоговой) аттестации (в IX классе) и Единого государственного экзамена (в XI классе) зачастую оказывается направленным на решение сугубо практических задач — повторение и систематизацию правил орфографии, пунктуации и грамматики и составление письменного высказывания на основе прочитанного текста или на основе цитаты о языке. Сам же язык как развивающаяся система знаков, каждый из уровней которой с течением времени претерпевает ряд изменений, остаётся за рамками школьного обучения, о чём справедливо замечает академик А.А. Зализняк [2].

Между тем, демонстрация знаний из области исторической грамматики русского языка требуется от учащихся при выполнении олимпиадных заданий, поскольку в олимпиадах по русскому языку различных типов и уровней сложности регулярно встречаются задания историко-лингвистического цикла. Наиболее подходящей формой для изучения исторических процессов становятся факультативные занятия по подготовке к олимпиадам.

Каждый структурный уровень языка даёт свой материал для анализа, которому соответствуют определённые виды заданий. В практике школьного преподавания учитель может обращаться к таким разделам, как фонетика (которую целесообразно рассматривать вместе с графикой и орфографией, так как в олимпиадах всех уровней весьма популярны задания, проверяющие знание дореволюционного орфографии), морфемика (син-

хронный и диахронный анализ морфемной структуры слов), историческая морфология и основы древнерусского синтаксиса Знания последних двух разделов необходимы при выполнении заданий по переводу древнерусского текста.

Фонетика — этот тот системный уровень языка, изучение которого в большей степени позволяет использовать элементы сравнительно-исторического метода языкознания, с основами которого школьников стоит познакомить уже на первых занятиях. На уроках, посвящённых фонетике, учащимся, наряду с основной (уже известной им) информацией, в доступной форме сообщаются дополнительные сведения из истории гласных и согласных, рассказывается о ключевых фонетических изменениях, происходящих в ходе развития языка.

Наиболее распространённым видом заданий является выведение того или иного слова с опорой на данные близкородственных языков. Как показывает практика, учащиеся довольно быстро «улавливают» закономерности фонетических изменений и относительно легко решают подобные задачи. Решение лингвистических «головоломок» реализует, наряду с образовательными, и ряд развивающих целей, тренируя прежде всего логическое мышление, навыки анализа и сопоставления.

Элементы сравнительно-исторического метода языкознания могут быть широко использованы при изучении *морфемики*. Несмотря на то, что школьный морфемный и словообразовательный анализ относятся к области синхронного языкознания, в олимпиадах регулярно встречаются задания, требующие от учащихся умения анализировать слово с современной и исторической точек зрения. Данный тип заданий предполагает знание учащимися таких исторических процессов, происходящих в структуре слова, как опрощение, усложнение и переразложение основы: *да-р-ъ* > *дар-ø* (от «дать»), *пи-р-ъ* > *пир- ø* (от «пить»), *жи-л-а* > *жил-а* (от «жить»), *сват-ьб-а* > *свадьб-а* (от «сватать»), *маз-л-о* > *масл-о* (от «мазать»). Исторический анализ морфемной структуры слова позволяет учащимся увидеть этимологическое родство слов, утративших семантические связи.

Языковые факты родственных языков наиболее рационально использовать при объяснении заимствованных слов. Так, происхождение фонемы <з> в слове *позволить* сложно будет объяснить без обращения к польскому языку, из которого это слово было заимствовано и в котором оно отчётливо делится на морфемы, обнаруживая в своём составе приставки и *po-* и *z-* (*po-z-wolić*). Обращение к данным польского языка целесообразно также при выяснении статуса фонемы <л> в словах *люблю, топлю, земля, капля* и подобных. Доказательство того, что фонема <л> входит в состав корня и не является самостоятельной морфемой (например, суффиксом), мы находим при сопоставлении русских слов с польскими. В польском языке губные согласные при смягчении (так называемой йотовой палатализации)

не развивали эпентетического <л>: *люблю — lubię [л'уб'э^{н}], топлю — topię [топ'э^{н}], земля — ziemia [ж'эм'а], капля — kapia [кап'а]*.

С течением времени слова изменяют не только фонемный состав и орфографическое оформление, но и лексическое значение. Изменения, происходящие в семантической структуре слов (расширение, сужение значения, утрата и развитие новых значений на основе метафорического, метонимического, функционального переносов), подчас затрудняют понимание текстов литературных произведений.

Практика показывает, что учащиеся плохо осознают прочитанное. И речь идёт вовсе не о так называемой «идейной» стороне произведения, но об элементарном понимании текста. Непонимание отдельных слов, в свою очередь, влечёт за собой и непонимание идеи произведения. Наиболее распространённой ошибкой является неверная трактовка учащимися славянизмов. Так, в строке из стихотворения Пушкина «Пророк» «И дольней лозы прозябанье» учащиеся не понимают значения слова *дольней* (для них это синоним слова *дальней*, и чаще всего именно это приходится слышать во время их устных ответов); *прозябанье* трактуется ими в лучшем случае как «бессмысленное существование», а чаще всего они не знают даже этого значения. Слово *л**о**за* понимается ими исключительно как «виноградная лоз***а***», отчего при чтении они делают ошибку и в произношении этого слова, ломая ямбический метр стиха.

Во время проверки одной из олимпиад по русскому языку поразила способность детей «определять» значение слова по «внутренней форме». «Автомедон», как следовало из их ответов, — это и «автомобиль», и «повозка», и даже «аппарат для производства мёда». Всё это свидетельствует о необходимости работать над данной проблемой как во время подготовки к олимпиадам по русскому языку, так и на уроках литературы.

Однако если избежать сложностей в понимании некоторых слов можно, обратившись к данным исторических словарей [1; 3], то присутствие в текстах художественной литературы некоторых грамматических форм, утраченных современным русским языком, требует соответствующего историко-лингвистического комментария учителя. Так, появление в поэтических произведениях таких грамматических форм, как звательный падеж (*Дево, Царю, старче* и др.), множественное число некоторых существительных, сохранивших в литературном языке в качестве нормативной форму двойственного числа (*колена, плеча* и др.), некоторые местоимения (*оне, ея, нея*) и другие, зачастую связывается в сознании учащихся с версификаторскими задачами автора (созданием рифмы и соблюдением стихотворного размера), что является ошибочным представлением. В понимании ученика (а нередко и студента) ради создания рифмы и соблюдение метра поэт готов не только поступиться правилами орфоэпии, но и пренебречь значени-

ем слов. Исторический комментарий позволяет предостеречь от такой трактовки.

Сравнительно-исторический аспект преподавания русского языка в школе (в частности историко-лингвистический комментарий) оказывается, таким образом, одним из условий реализации межпредметных связей между русским языком и литературой, даёт представление об эволюции литературного языка. Несмотря на то, что изучение вопросов исторического развития языка и сопоставления данных родственных языков школьной программой не предусмотрено, актуальность и необходимость рассмотрения этих вопросов очевидны. При подготовке учащихся старшего звена к олимпиадам различного уровня, приходится сталкиваться с нехваткой методического материала: при обилии учебных пособий, находящихся в свободном доступе в Интернете, нет таких, которые были бы ориентированы именно на учащихся, то есть, учитывали бы их возрастные особенности, с одной стороны, а с другой — были бы направлены на тренировку и подготовку к наиболее часто встречающимся олимпиадным задачам. В связи с этим весьма перспективным в работе над проблемой видится нам создание «свода» упражнений — пособия, в которое войдут учебно-тренировочные задания по исторической грамматике русского языка, а также олимпиадные задачи по сопоставительному языкознанию.

Библиографический список

1. Глинкина, Л.А. Иллюстрированный толковый словарь забытых и трудных слов русского языка: ок. 7000 единиц: более 500 ил. / Л.А. Глинкина; худож. М.М. Салтыков. — М.: Мир энциклопедий Аванта +, 2008. — 432 с.: ил.

2. Зализняк, А.А. Из заметок о любительской лингвистике / А.А. Зализняк. — М.: Русскій Міръ: Московские учеб., 2009. — 240 с.: портр.

3. Федосюк, Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века / Ю.А. Федосюк. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2001.

УДК 821.161.1-3
ББК Ш5(2)6-334

ВЕРБАЛЬНЫЙ И НЕВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МАЛОЙ ПРОЗЫ 1920-х

Е.В. Пономарева

На основании исследования малой прозы 1920-х годов, созданной с установкой на художественный синтез, монтажные принципы конструирования модели мира, сделаны выводы о специфике механизмов, позволяющих сочетать вербальный и невербальный компоненты, достигать на этой основе особое эстетическое приращение смысла. Выявлены доминантные механизмы создания синтетических моделей, определены перспективы дальнейших исследований в данной области литературоведения.

Ключевые слова: формально-смысловые единицы; художественная модель; малая проза; изобразительный потенциал, монтаж; визуально-графическая организация, словообраз.

В экспериментальной прозе 1920-х годов наблюдается постепенный распад специфически-литературных, ядерных формально-смысловых вербальных единиц текста и активизация периферийных, напрямую соотносимых с его внешним оформлением, связанных со зрительными способами воздействия — таких, как визуально-графические элементы. Происходит некая смена оппозиций в привычной дихотомичной кодировке произведения: вторичный, изобразительно-выразительный визуальный язык накладывается на первичный, собственно вербальный. В результате текст обретает множественность кодировок и за счёт этого процесса расширяется семантическое поле декодирования смысла — процесса, рассчитанного на активное задействование реципиента в рамках литературной коммуникации.

Исследование поэтики малой прозы 1920-х годов в целом приводит к выводу о том, что развитие новеллистики в этот период не лишено поступательности. Один из мощных векторов жанровой направленности был связан с продолжавшимся процессом выработки особых коммуникативных стратегий, связанных, в том числе, и со сменой аксиологических парадигм, берущей начало в эпохе серебряного века.

Находившаяся в авангарде экспериментов, направленных на поиски новых средств художественной выразительности, новеллистика 20-х гг. XX в. как собирательное явление оказалась одним из самых продуктивных, благодатных феноменов, позволяющих воплотить объёмный, синтетически организованный мирообраз. Внутри малой прозы существовал целый ряд художественных тенденций. Одной из них стала попытка выработать ху-

дожественные приемы, позволяющие воплотить визуально-графическую модель художественного целого.

Визуально-графические компоненты текста не носят обязательного характера, их присутствие в произведении свидетельствует об особом творческом потенциале, позволяющем закрепить за ними семантику специфического художественного образа. Комплекс приёмов, рождающий вкупе определённую систему визуально-графических средств, создаёт визуально-графическую модель отдельного артефакта, художественного метода отдельного автора, новеллистического пространства эпохи в целом.

Графика, функционируя как «опредмеченное» специальное выразительное средство, способствует расширению ассоциативного плана, наполняет образ конкретно-визуальным содержанием, усиливает общий эмоционально-экспрессивный характер произведения. Слово-носитель логической информации выступает на паритетных началах, либо уступает место словообразу. К традиционным дискурсивным единицам новеллистического текста добавляются графика, ритм, звук. Таким образом, визуально-графические элементы наделяются широкой палитрой смыслов: визуально-предметным, иллюстративным, «магическим», ритмическим, этимологическим.

В результате существенно расширяется изобразительно-выразительный потенциал малого жанра. Возлагая на визуально-графическое оформление произведения одну из доминантных смысловых и архитектонических функций, писатели создают один за другим художественные тексты, способные рассматриваться как синкретические модели, активно вступающие в отношения с различными видами искусства. Освоение синтетической модели мира, в создании которой необходимо использование изобразительной методики, выразительных приёмов и инструментария смежных искусств (или различных видов искусств), приводит к тому, что в рамках по преимуществу авангардного искусства создаются произведения, основанные на принципах синкретизма вербально-словесного и изобразительного начал.

Подобные эксперименты весьма органичны в эпоху «интенсификации художественного языка», «активности» стиля, находящегося в поисках инструментов наиболее адекватных способов изображения действительности. И в этом явлении прослеживается как влияние традиции, так и подспудное стремление к поиску абсолютно новых средств выразительности, геометрически прогрессирующее с наступлением киновека. Обоснованные С. Эйзенштейном принципы монтажа прошли апробацию далеко за пределами киноискусства и постепенно проявляли себя по нарастающей, двигаясь от упрощённого «метрического», проявляющего себя на уровне внешней архитектоники, — к «ритмическому», моделирующему специфику темпоритмической рецепции текста, — «тональному» («обертонному»), обла-

дающему потенциалом соединения кусков формально противоположной дискурсивной, интонационно-эмоциональной, «тембровой» содержательности, всё же имеющих смежное концептуально-выразительное начало, — «аликвотному» (интеллектуальному) монтажу, в первую очередь соотносимому с принципами синтетического воспроизведения действительности и предельно рассчитанному на читательское сотворчество, возникающее при попытках самостоятельной рецептивной декодировки смысла. При этом стабильность, ясность исходного смысла не всегда очевидна и способна обнаружить себя в тексте не сразу, ввиду сверхинтерпретационных возможностей, заложенных в произведении, наличия многих «мерцающих» смыслов, открывающихся при каждом новом обращении к первоисточнику.

Не случайно наибольшую активность визуальная модель прозы демонстрирует в модернизме, так как неклассическая жанровая модель предполагает неограниченный характер эксперимента, катализатором и одновременно маркером которого становится активный графический компонент. Модернистским новациям свойственна утрата однородности графической презентации текста. Это не просто преображение внешнего вида страницы, а, по существу, одна из реализаций общей стратегии синтеза: возможность введения дополнительной, «чужеродной» кодировки («перехвата кода»), придающая своеобразие архитектонике, дискурсивному пространству произведения, сообщающая тексту особую выразительность.

Визуально-графический элемент в новеллистике редко носит характер самоценного: вписанный в сложную систему координат (метод — жанр — стиль), в рамках отдельного артефакта данный феномен способствует в большинстве случаев осуществлению взаимосвязи между разноуровневыми носителями стиля, что, в свою очередь, является идеальным условием для наполнения ткани произведения неповторимой эмоциональной окрашенностью, задаёт специфический экспрессивный лад, озвучивая и «изображая» новеллистический мир. Графика в значительной степени способна выполнять концептомоделирующую функцию (особенно в межродовых вариантах малого жанра), обладая определённым потенциалом моделирования зрительной проекции авторского мирообраза (М. Ремизов, А. Веселый).

В отличие от традиционной прозы с линейным расположением текста в таких художественных образцах мотивировки восприятия, позволяющие читателю транспонировать текст в воображаемый мирообраз, распределяются на паритетных началах: в процессе улавливания смысла на читателя в равной мере воздействуют как зрительные, так и вербальные семантические единицы. Визуально «запрограммированный» текст, в отличие от классически-однородного, обретает бесконечное множество дополнительных сильных позиций, образующихся за счёт различных способов графического выделения. Таким образом, «фигурная», «пиктографиче-

ская» проза открывает возможности рецептивного открытия дополнительных смыслов, становясь для писателя своего рода особым кодом трансляции отдельной авторской модели мира, оценки действительности в целом.

Потенциал визуально организованной прозы выступает детерминантом продуктивного функционирования в любом типе и жанре текста. Визуализация одинаково успешно работает как на создание эффекта достоверности, документальной точности (Р. Акульшин, Б. Губер, С. Заяицкий, М. Миров, Д. Четвериков, О. Форш, Е. Фёдоров, Б. Шергин и др.), так и на усиление метафорической образности текста (А. Весёлый, Е. Габрилович, П. Незнамов, Н. Никитин, А. Ремизов, Б. Пильняк, М. Шагинян).

Анализируя образцы малой прозы 1920-х годов, мы сталкиваемся с «живым», аканоничным, «процессуальным» типом текста, находящимся в постоянном развитии, становлении, не позволяющим реципиенту заранее предположить финал, чётко соотнести произведение с канонической новеллистической моделью, ввиду трансформации, либо абсолютного нарушения константной жанровой структуры, утраты стабильности жанровой нормы, разрушению классической нарративности, линейного сюжета, свойственных классической парадигме.

Отдельное произведение превращается в подобие некой подвижной, самоорганизующейся среды, в которой, при утрате какого-то единого, исходно заданного смысла, открывается перспектива вариативного прочтения. Расширяется потенциал задействования средств коммуникации с реципиентом: визуализированный текст оказывается семантически значимым как на уровне визуального (нарисованного, живописного), так и вербального знака (В. Бианки, С. Гусев-Оренбуржский, М. Зощенко, С. Заяицкий, Б. Шергин). Особая визуально-графическая стилистика произведения выполняет функцию средства формирования подтекста, интонационно-эмоциональной организации произведения, способствующих прояснению авторской концепции.

Читатель наделяется функциями интерпретатора, получая дополнительную возможность сложного, направленного авторской волей, и всё-таки самостоятельного означивания визуально-графических элементов, деконструкции общего смысла, рождающегося в сложном сплетении вербального и невербального семантических полей. Паритетное соединение равнозначных элементов (вербального и невербального) в рамках художественного целого определило один из векторов художественного развития литературного процесса XX — XXI вв. Современная эпоха масскульта актуализировала подобные модели: активный графический компонент, на равных с традиционно вербальным участвующий в создании эстетического целого, положен в основу современных комиксов, а также ряда феноменов, рождающихся внутри сетературы.

УДК 811.161.1'367(09)
ББК Ш141.2-2

ИЗ ИСТОРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДЛОГА ОТ (КОГО, ЧЕГО) В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — НАЧАЛА XIX вв.

М.В. Раевская

Статья посвящена анализу семантики и функционирования непроизводного лексического предлога от (кого, чего) в языке деловой письменности второй половины XVIII — начала XIX века. Представлена система групповых значений предлогов, а также дан анализ управляющих глаголов и управляемых имен существительных.

Ключевые слова: предлог, семантика, функционирование.

Предлог как самостоятельная часть речи, обладая классно-категориальным значением релятивности, не существует вне связи с грамматической категорией падежа, которая, в свою очередь, определяется свойствами глаголов в структуре словосочетания.

На наш взгляд, наиболее продуктивна при подходе к описанию истории предлогов модель, предлагаемая Г.А. Золотовой [1] для описания их современного состояния. Наш материал позволяет более пристально рассмотреть особенности функционирования предлогов во второй половине XVIII века в рамках современной теории коммуникативного синтаксиса с учетом употребления языковых единиц в составе синтаксем.

Материал нашего исследования — тексты скорописных южноуральских деловых документов второй половины XVIII века, хранящиеся в Объединенном Государственном архиве Челябинской области, а также ряд хронологически параллельных текстов центральных канцелярий, изданных в «Полном собрании законов Российской империи».

Особый интерес, на наш взгляд, представляет рассмотрение особенностей функционирования предлога от в составе синтаксемы от + Р.п в деловых документах местных и центральных канцелярий.

Самую многочисленную группу составляют синтаксемы от + Р.п., имеющие компонент со значением субъекта-отправителя, владельца отчуждаемой информации, знаний, навыков. В этом значении синтаксема от + Р.п. сочетается, как правило, с именами существительными со значением жанровой разновидности документа, а также с краткими причастиями. Управляемые слова — имена существительные, обозначающие лиц определенной должности, а также существительные — названия учреждений, личные местоимения:

...отъ команды отставнаго сотника Казанцева репортъ... (И-1-1-38-60); ...да и впредь отъ партикулярной канторы сообщенія не принимать (И-33-1-970-3); от вышеписаннаго челябинского уездного казначейства доношение (И-112-2-3-18); от троицкаго нижняго земскаго суда доношение (И-231-1-13-378); ...получено марта 7го 1800 года отъ действительнаго статскаго советника (И-1-1-78-12); техъ записокъ и понне от васъ не прислано (И-50-1-149-2); ...от сего суда рапортом донесено октября 16го дня 1789 года (И-112-2-1-6); от всехъ прихожанъ покорное доношение (И-50-1-10-1об).

Перед нами шаблонные трафаретные конструкции — сочетания слов, свойственные деловому языку и употребляющиеся, как правило, в начальном блоке документов.

Следующей по количеству употреблений является синтаксема от + Р.п. — темпоратив даты, обозначающий дату документа при нескольких именах (письмо, приказ, указ, протокол и под.):

Почтеннешее писание Вашего превосходительства отъ 19 октября имелъ я честь исправно получить (И-236-1-1); ...слушали от 26 го числа указ (И-16-3-5-228); ...указ из тобольской духовной консисторіи отъ 9 минувшаго іюля (И-33-1-511-1-121).

Для актовой письменности употребление этой модели особенно продуктивно: она входила в состав обязательного штампа [3]. Употребляется, как правило, в начальной части документа.

В деловых документах второй половины XVIII века нами отмечен предлог от (кого, чего) в составе синтаксемы от + Р.п. (потенсив), обозначающей нежелательное или угрожающее действие, явление, в сочетаниях с ограниченной группой глаголов каузативно-отложительного значения (с общим смыслом предотвратить потенциальную угрозу), а также в сочетаниях с ограниченной группой модально-отложительных глаголов (с общим смыслом «отвергнуть нежелательное явление»).

Сочетается эта синтаксема с глаголами каузативно-отложительного и модально-отложительного значения (освободиться, защищаться, обороняться, отказаться и др.), а также с отглагольными именами существительными. Управляемые слова при предлоге — отвлеченные имена существительные и местоимения:

...от всяких худых делъ удалится (И-50-1-100-1); ...ево антуганова

брата отказавшагося от наследства...(И-1-1-23-22об); ...освобождение от службы... (И-231-1-13-79); ...какимъ случаемъ ...принуждена была отъ нихъ убежать (И-33-1-512-1-3об); ...отрhшеніе или отлученіе отъ должностей... (ПСЗ, т. XXIII, с. 474); ...въ томъ освободить его отъ всякаго взысканія... (ПСЗ, т. XXШ., с. 474).

Менее продуктивным является употребление предлога от (кого, чего) для указания на причину, основание действия.

Сочетается каузативная синтаксема от + Р.п. с глаголами получения в свое распоряжение, бытия-существования в определенном времени и пространстве и с отвлеченными существительными. Управляемые слова, как правило, отглагольные имена существительные:

...от тои болезни свободу получу... (И-50-1-100-3); ...в оную должность отъ лѣности или небреженія оставить... (ПСЗ, т. XVII, с. 111); ...смерть жене моей от ударов (И-117-1-11-78).

В текстах деловых документов второй половины XVIII века отмечен единичный случай употребления предлога от (кого, чего) для обозначения воздействующих на субъект явлений природы, различных обстоятельств, чужих действий и свойств:

...удержать не могут сіи укрѣпленіи отъ силы прорыва наводнениемъ вѣшнѣі и лѣтней отъ дождевъ воды... (И-1-1-69-1).

В данном примере мы наблюдаем еще живущее в XVIII веке явление повтора предлогов при существительных.

В редких случаях предлог от (кого, чего) в составе синтаксемы от + Р.п. обозначает отправную точку меры расстояния, ориентированности пространства. Управляющие слова при предлоге — глаголы движения, пространственной протяженности, имена существительные пространственной семантики; управляемые слова — имена существительные со значением места:

...от пригородка окунѣвска растояніи... (И-50-1-9-193); ...состоитъ от карачевскаго форпоста въ 12 ти а от села Птичьева въ 20 ти верстахъ (И-50-1-149-1).

В деловых документах второй половины XVIII века встречается употребление предлога от (кого, чего) в составе синтаксемы, включающей компонент со значением опосредованного субъекта потенциального действия, связываемого с ним модальностью долженствования и выражаемого отвлеченным именем при модальных глаголах. Управляемые слова — имена существительные — названия учреждений:

...истребовать от канцеляріи точное увѣдомленіе (И-33-1-2-1);

...и отъ Правительствующаго Сената Комиссія требовала апробаціи (ПСЗ, т. XVI, с. 136).

В единичном случае нами отмечена темпоративная синтаксема от +Р.п., обозначающая точку отсчета в движении времени (1%):

...другимъ бы никому отъ начатія имъ онаго завода до 10-лѣтняго времени не дозволять... (ПСЗ, т. XVIII, с. 7).

Следует отметить случаи употребления предлога от (кого, чего) равные творительному падежу без предлога в страдательных модификациях глагольных моделей. Управляющие слова при предлоге — глаголы в форме страдательных причастий со значением поступка и поведения, управляемые слова — имена существительные, обозначающие действующее лицо:

...без остатку от известного злодея пугачева разграбленъ.. (И-28-1-4-131); ...живучи она с мужем от свекрови и вдовы казачьей жены мавры шелеховой и дочери ее дhвки парасковьи и от мужа ее безъ всякой причины изгоняема и бита была (И-33-1-511-9).

Итак, в исследуемом материале лексический предлог от (кого, чего), входя в субкатегорию «обстоятельственные отношения», употребляется при обозначении пространственных, временных и причинных отношений.

Входя в субкатегорию «объектные отношения», данный предлог употребляется при указании на субъект, источник действия, явления, а также при указании на лицо, явление, действие, состояние и т.п., против которых, для предотвращения которых используется, служит что-либо.

Предлог от (кого, чего), принимая активное участие в стандартизации языка деловой письменности, является важной стилеобразующей и текстообразующей приметой делового языка второй половины XVIII — начала XIX вв.

Библиографический список

1. Золотова, Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г.А. Золотова. — М.: Наука, 1988. — 440 с.

УДК 821.161.1-3
ББК ШБ(2)6-334-4

РАЗВИТИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX—XXI ВЕКОВ

Т.Ф. Семьян

В прозаических произведениях А. Белого сформировалась визуальная модель текста неклассического типа, общим признаком которой является дискретность пространства страницы, заданная такими визуально-графическими приёмами, как отступ, пробел, графический эквивалент текста, вертикально и фигурно расположенные блоки текста. Стратегия А. Белого ознаменовала новую эпоху визуального мышления и получила развитие не только в XX веке, но и в новейшей литературе.

Ключевые слова: визуальная стратегия; отступ; пробел, графический эквивалент текста.

В XX веке произошла кардинальная трансформация визуальной стратегии прозы, что было предопределено изменившимися нарративными принципами, в том числе разрушением традиционной сюжетности. Сформировалась визуальная модель текста, общим характеризующим принципом которой становится дискретность, являющаяся выражением новой психологической эпохи, отличной от классического времени.

XX век переосмыслил общие нарративные принципы: литература ломает «натуралистический» принцип повествования, перенося центр тяжести на внутренние соотношения элементов языковых и смысловых структур, подчинённых ассоциативному принципу изображения и восприятия. Фрагментарность не только становится композиционным приёмом, выявляющим «сделанность» литературного текста, фрагментарность оказывается имманентной человеческому опыту и опыту реальности. Визуально-графические приёмы новой эпохи выполняют функцию преодоления ощущаемой модернистами и постмодернистами нарративной избыточности классического повествования.

Примечательно, что такие ключевые фигуры XX века, как А. Белый и П.А. Флоренский подвергли критике мировоззрение XIX века, которое, по их мнению, ошибочно предполагало непрерывность в качестве необходимого условия понимания мира, и выдвинули понятие прерывности в качестве «символа» истинной реальности мира. Именно в творчестве А. Белого определилась матрица визуальной модели прозы неклассического типа, состоящая из таких элементов, как пробел, отступ, вертикально и фигурно оформленные текстовые блоки — приёмов, которые акцентируют белое пространство страницы.

Визуальная модель неклассического типа текста формировалась в произведениях А. Белого постепенно, доходя на определённых этапах творчества до экспериментов с фигурной прозой, как в «Записках чудака». По мере углубления и развития концепции А. Белого о двухбытийности мироздания, изменяется, усложняется визуальный облик его прозаических текстов. В романе «Петербург» частота использования визуально-графических приёмов увеличивается, и, кроме того, их диапазон расширяется за счёт нового приёма — отступа от основного корпуса текста вправо с использованием двойного тире. Этот приём явился событием, которое в очередной раз революционно изменило визуальный облик страницы прозаического текста.

Наиболее восприимчивым к визуальным экспериментам А. Белого оказался писатель А. Весёлый. Доминирующим визуально-графическим приёмом в текстах А. Весёлого стало расположение слов «лесенкой», что акцентирует риторическую основу прозы писателя и, например, в романе «Гуляй Волга» соответствует сюжету сказаний о легендарном взятии Сибири Ермаком. Риторический вектор поддерживается также звукописью и звукоподражательными словами, которую лесенка подчёркивает и выделяет.

О влиянии А. Белого на прозу Б. Пильняка писали ещё современники писателя. Б. Пильняк использует все приёмы, определённые А. Белым в качестве основных визуальных маркеров, например, отступ в произведениях писателя выполняет функции маркирования чужого текста, чаще всего документа (при этом может дублироваться приёмом шрифтовой акциденции) («Голый год», «Заволочье», «Третья столица», «Повесть непогашенной луны», «Иван Москва», «Штосс в жизнь»), другого хронотопа (расширение хронотопа повествования) («Голый год», «Машины и волки», «Третья столица»), сновидческого пространства.

Самый яркий пример использования нестандартных форм набора известен в повести Б. Пильняка «Третья столица» («Мать-и-мачеха»), текст которой активно визуализирован. В названной повести текстовой фрагмент размещён ступенчато по диагонали. Этот пример маркирует в контексте произведения другой художественный хронотоп и зону авторских рассуждений. Исследователи отмечают в таких приёмах элементы фигурной прозы, подчёркивающей актуализацию смысла с помощью различных форм композиционно-текстового выделения.

Пробел — один из наиболее частотных визуальных приёмов в художественной прозе. Его можно отметить у подавляющего большинства авторов. В творчестве А. Весёлого, Б. Пильняка, А. Ремизова пробел маркирует переход к другому смысловому плану, смену сюжетных блоков, временной промежуток между двумя сюжетными блоками.

В творчестве А. Ремизова, в частности в «Лимонаре», «Посолони», «Крестовых сёстрах» пробелы выполняют ещё одну функцию, а именно, функцию эмоционального ключа.

Среди писателей второй половины XX века, включающих пробел в систему визуально-графических приёмов, — Саша Соколов, Виктор Ерофеев, Владимир Казаков, Анатолий Королёв, Сергей Юрьенен и другие.

Пробел актуализирует в пространстве прозаического текста вертикальный вектор. Вертикальную сегментацию прозаического текста организуют также версейные фрагменты, когда один абзац равен одному предложению. В таких текстах происходит читательская переориентировка — и эмоциональная (читательской установки) и физиологическая (глаз переключается с горизонтального текста на вертикальный). Таким образом, вертикальные фрагменты в прозаическом тексте не только разрушают традиционную линейность, но и наполняют выделенную часть текста особым смыслом. Конфигурация полей, создаваемая строками контрастной длины, становится информативно насыщенным приёмом.

Вертикальная ориентированность версе была актуализирована А. Белым в «Симфониях»: короткие пронумерованные фрагменты вызывали ассоциацию со стихотворной структурой. Позже к версейной строфе обращались В. Хлебников, А. Ремизов, А. Гастев, А. Весёлый, Ю. Олеша.

Неканоничный визуальный облик подобных текстов сигнализирует читателю о гибкости жанровых и родовых границ произведения; практически все писатели, в творчестве которых обнаруживаются яркие визуальные эксперименты, работают на стыке двух литературных дискурсов — стиха и прозы. Среди них, О. Мандельштам, в повести которого «Египетская марка» встречаются примеры словесных арабесок — фигурного расположения текста на странице.

Культура, искусство и литература XXI века продолжают развивать визуальные стратегии сегментирования и дискретности, которые демонстрируют свою эстетическую продуктивность.

Субъективно-яркое выражение визуальные тенденции эпохи нашли в творчестве современного писателя Дениса Осокина. Осокин творчески свободно обращается с пространством страницы, создавая различные комбинации из заполненных и незаполненных вербально фрагментов, используя в качестве основной визуальной фигуры увеличенные пробелы между словами и буквами в слове, что создаёт причудливый орнамент, словесную арабеску. Осокин работает с заместительной функцией пробела в качестве пунктуационного знака, выстраивая свою систему членения текста.

Фрагментарность визуального облика прозаической страницы становится доминирующим принципом организации текста в новейшей прозе и, в ряду прочих приёмов, создаётся сегментированием текста на абзацы не-

большого объёма, на мини-главки, иногда в одно-два предложения (Ольга Зондберг, Линор Горалик и др.).

Линейность пространства страницы нарушается также шрифтовыми акцентами. Шрифтовая неоднородность способна актуализировать модальные значения выделенного фрагмента, и с этой точки зрения её функция может быть сравнима с интонацией звучащей речи. Иногда авторы делают прямые указания на интонационно-партитурную функцию выделенной шрифтом фразы. В книге Маргариты Меклиной «Сражение при Петербурге» разрядка выполняет традиционную интонационно-партитурную функцию, пробелы между буквами визуализируют замедленное произнесение фразы.

Современная литература активно использует возможности шрифтовых акцентов. Если классическая литература пользовалась, прежде всего, имитирующими качествами шрифта, например, изображала курсивом текст письма, то для современной литературы шрифтовые выделения представляют ценность своими возможностями изображать, передавать, маркировать процессы бессознательного, подсознания, суггестивные качества текста. Чаще всего в данном случае используется такой минус-приём, как отсутствие заглавных букв, например, в романе Лены Элтанг «Каменные клёны» дневник одного из персонажей — Луэллина — маркирован визуально, в нём отсутствуют заглавные буквы и точки.

В прозе А. Королёва ярко проявляются внешние формы визуальности литературного текста: писатель использует возможности фигурного расположение текста на странице, шрифтовую акциденцию. Визуальные знаки в романах Анатолия Королёва полисемантичны и воплощают концептуальные уровни произведения. В романе «Человек-язык» иконически воспроизведён лейтмотив произведения: из вертикально расположенного слова «сострадание» и горизонтально расположенного слова «жертва» составлено фигурное очертание креста.

Визуальная составляющая в произведениях А. Королёва генерирует дополнительные, вербально не детализированные смыслы, через расширение пространства повествования, выполняя функцию эмоционального ключа.

История литературы XX века и опыты новейшей литературы демонстрируют, что визуальная модель прозы, предложенная в творчестве А. Белого, не была забыта, а активно развивалась, приращивая новые эстетические смыслы и находя новые способы и формы выражения. А. Белый аккумулировал весь предшествующий опыт, абсолютизировал использование визуальных приёмов, и, что, пожалуй, самое главное: через дискретное пространство страницы выразил дискретность сознания целой эпохи, гениально предугадав возникновение нового визуального мышления.

УДК 808.51
ББК Ш70

СОВРЕМЕННАЯ РИТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Л.В. Супрунова

Профессиональная речь преподавателя опирается на знания в области риторики, так как речь педагога должна быть убедительной, воздействующей. Однако этих знаний недостаточно: речь может быть воздействующей только тогда, когда она соответствует литературным нормам. Именно они регулируют отбор и употребление языковых средств в процессе профессионального общения. Рассмотрев мнение Н.А. Ипполитовой о специфической риторике дидактического воздействия, можно говорить о том, что профессиональная речь преподавателя должна соответствовать дидактическим принципам, они помогут речи преподавателя быть научной, доступной, воспитывающей, наглядной.

Ключевые слова: риторическая культура, речевое мастерство, аспекты и уровни культуры речи, профессиональная речь преподавателя.

Риторическая культура отражает потребности общества, опирается на традицию живого слова быть посредником между людьми, налаживать их взаимопонимание, сохраняя гуманитарную суть слова, не давая ему превратиться в разновидность сигнала, знака.

Риторика стремится наладить разговор человека с человеком, помочь личности выразить себя, передать смысл, причем в искусном и убедительном качестве, которое способно довести этот смысл до понимания другим человеком, что, конечно, имеет огромное значение в педагогической деятельности [4].

По мнению О.И. Марченко, опыт и традиции, теоретические основы и принципы ораторского искусства никогда не оставались в пределах того или иного культурного контекста, а взаимопроникали, развивали, обогащали риторику разных времен, делая её примечательным показателем культурной зрелости общества [4].

На сегодняшний день знания в области риторики каждому преподавателю просто необходимы, но их недостаточно, так как речь может быть воздействующей лишь тогда, когда она соответствует литературным нормам, а это уже область культуры речи.

Как отмечают Л.А. Введенская и Л.Г. Павлова, понятие «культура речи» тесно связано с закономерностями и особенностями развития и функционирования языка, а также с речевой деятельностью во всем её многообразии. Оно включает в себя еще и определенную, предоставляемую языко-

вой системой возможность находить для выражения конкретного содержания в каждой реальной ситуации речевого общения новую речевую форму. Культура речи вырабатывает навыки регулирования отбора и употребления языковых средств в процессе речевого общения, помогает сформировать сознательное отношение к их использованию в речевой практике [1].

Под культурой речи понимается совокупность таких качеств, которые оказывают наилучшее воздействие на адресата с учетом конкретной обстановки и в соответствии с поставленной задачей. К ним относятся: богатство речи, её чистота, выразительность, ясность и понятность, точность и правильность. (Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова) [1].

Н.Г. Герасименко, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, академик МАНПО утверждает, что культура речи включает два основных компонента:

– правильность речи — знание и соблюдение норм русского литературного языка: правильное произношение, ударение, словоупотребление, построение словосочетаний и предложений; использование языковых средств в том стиле речи, для которого они предназначены [2];

– речевое мастерство — более высокий уровень владения родным языком, который основывается на правильности речи, но не ограничивается этим. Речевое мастерство определяется значением богатства языковых средств и умением выбирать из всего их разнообразия наиболее точный, выразительный, соответствующий ситуации общения вариант [2].

Речевое мастерство в определении Н.Г. Герасименко и определение риторики едины в целях, которые направлены на обеспечение наибольшего эффекта в достижении поставленных коммуникативных задач, поэтому можно утверждать, что культура речи базируется на риторике и характеризуется владением тремя аспектами:

– коммуникативным,
– нормативным,
– этическим [2].

Нормативный аспект культуры речи предполагает строгое следование определенным законам функционирования языковых единиц в тексте.

Коммуникативный аспект культуры речи не менее важен. Он определяется такими характеристиками, как точность, понятность, чистота, богатство, выразительность речи.

Этический компонент культуры речи предполагает разработанные правила речевого поведения, систему речевых формул общения. Степень владения речевым этикетом — степень профессиональной пригодности любого специалиста.

Культура речи как отрасль языкознания имеет три уровня.

1. Практический уровень для всех и каждого носителя русского языка — владение нормами устного и письменного вариантов языка.

2. Умение использовать выразительные средства языка в различных ситуациях в соответствии с целями говорящего, умение выбрать стилистический ключ для ситуации, жанра речи, характера контакта. Этический аспект культуры речи не менее важен, чем нормативный.

3. Предположения научных решений на основе изучения литературных текстов о допустимости той или иной формы, того или иного значения слова.

Этот уровень позволяет привлечь статистику речепользования, выверить его соответствие законам языка, прогнозировать возможные последствия, допущения той или иной единицы в число нормативных.

Первое правило культуры речи в области лексики — это выбор точных, оригинальных слов; нельзя повторять одни и те же. Последнее тоже нелегко, так как слова, употребленные один — два раза, становятся активными; по мнению И.П. Павлова, они индуцированы и тонус их выше.

Второе правило — уместность слова, коммуникативная целесообразность выбора, его соответствие уровню и интересам адресата, а также соответствие стилю. Последнее — одна из самых частых ошибок. Не одно лишь прямое значение слова, но и эмоциональная окраска слов, их архаические или инновационные оттенки, профессиональная принадлежность должны быть предметом выбора.

Естественно, что в рамках второго правила отсекаются просторечные слова, жаргонизмы, диалектизмы, если их выбор не вызван третьим правилом — выразительностью, особенно в художественном произведении. Выразительность речи связана не только с выбором слова, эта сторона речевого мастерства включает и отбор материала, и композицию текста, и образность, использование фигур и тропов, фразеологии и афоризмов.

Коммуникативная целесообразность — это сравнительно новое понятие, это требование прагматично, направлено на достижение оптимального контакта и взаимопонимания, в сущности, риторической цели — убеждения, т. е. воздействия на собеседника. В современной лингвистике можно встретить термин фактор адресата: действительно, речь может достигнуть высшего уровня эффективности лишь в том случае, если она найдет наиболее полный отклик в сознании слушателя. Уровень понимания, эмоции, направленность личности, ее ценностные ориентации, идеологическая позиция — все должно быть учтено говорящим [4].

Рассмотрев аспекты и уровни культуры речи, мы убедились, что без культуры речи профессиональная речь преподавателя не состоится, так как она в решающей степени определяет эффективность умственного труда студентов на занятии. Высокая культура речи — важное условие рационального использования времени. Ведь много времени теряется на бесчисленные повторения, необходимость которых возникает, когда предмет, яв-

ление, понятие не находят в речи преподавателя точности, яркой, доступной пониманию студента словесной оболочки.

В настоящее время ведутся дискуссии о том, можно ли говорить о специфической риторике дидактического воздействия. Они обусловлены, по мнению Ипполитовой, следующими факторами: задачами, решаемыми преподавателем как коммуникативным лидером; ситуацией и областью речевого поведения; возможностью речевого корректирования процесса обучения; совершенно особыми внесловесными средствами, характерными для педагога: мимикой, жестами, темпоритмом, мелодикой речи, модуляционными особенностями, создающими ту директивность, направленность, которая определяет риторическую значимость высказывания, выстроенного так, чтобы восприятие оказалось и действием, которого ожидает педагог [3].

Особенность профессиональной речи преподавателя заключается в том, что для речи педагога недостаточно качеств хорошей речи, так как такая речь носит, прежде всего, обучающий характер. Очевидно, что профессиональная речь помимо соответствия нормам культуры речи должна соответствовать дидактическим принципам, которые помогут речи преподавателя быть научной, доступной, воспитывающей, наглядной.

Библиографический список

1. Введенская, Л.А. Культура и искусство речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. — Ростов н/Д., 1996. — 576 с.

2. Герасименко, Н.А. Речь педагога — важнейшая составляющая его профессиональной подготовки / Н.А. Герасименко // Педагогическое образование и наука. — 2003. — № 2. — 65 с.

3. Ипполитова, Н.А. Становление риторики как ВУЗовской дисциплины / Н.А. Ипполитова // Тезисы докладов 3-ей Международной конференции по риторике. — М.: Просвещение, 1999. — 82 с.

4. Марченко, О.И. Риторика как норма гуманитарной культуры / О.И. Марченко. — М.: Просвещение, 1994. — 197 с.

УДК 821.161.1
ББК Щ154

ВИЗУАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Т.А. Чигинцева

Статья посвящена использованию и функционированию различных видов шрифтовой акциденции, широко распространенных в текстах современных писателей: курсивного, прописного, полужирного начертания, разрядки, а также иноязычной лексики.

Ключевые слова: шрифт; визуальность; начертание; гарнитура.

Важным визуально-графическим приемом, влияющим на восприятие внешнего облика и содержания текста, является шрифтовая акциденция, традиционное использование которой расширяется актуальной литературой. Рассмотрим особенности шрифтовых вариаций на примере творчества С. Львовского, М. Меклиной, О. Зондберг. В 2003 году в издательстве «Новое литературное обозрение» в рамках серии «Soft wave» были опубликованы их книги «Слово о цветах и собаках», «Сражение при Петербурге» и «Очень спокойный рассказ» соответственно. Книги, изданные в рамках данной серии, напечатаны с сохранением авторской пунктуации и графического оформления, что представляет несомненный интерес для изучения визуальных особенностей текстов.

В прозаическом творчестве С. Львовского особое предпочтение отдается курсивному шрифту. В рассказе «Не могу дышать» встречаем, например, такую фразу: «Зачем они *гамбургеры* подают *в целлофане*?» [2]. Очевидно, что герой задает вопрос с раздражением, естественно повышая голос, что говорит об эмоциональной составляющей шрифта. Еще большее усиление она получает благодаря выделению пробелами с двух сторон. Усилительно-интонационную функцию играет выделение курсивом в предложении: «Всё, что вокруг, без интервалов, и *без без без* интервалов такая такая, — ну, да вы сами знаете — веточка, веточка, никаких тебе рифм, веточка — никаких» [2].

В другом случае своеобразное шрифтовое выделение создает подобие крика и нехватки воздуха одновременно: «Там, — там, там, куда я оборачиваюсь обораачиваюсь о-бо-ра-чива-*ах*-останавливается сердце-*ваюсь*! — там жизнь моей жизни» [2].

М. Меклина прибегает к курсивному выделению слов или фрагментов текста с целью создания иллюзии рукописного текста, а также для придания ему иллюзии достоверности: «И, наконец, письмо Т.: «*Пакет из Германии только что прибыл с фотографиями Кардакова и Молтрехта, так же как и транскрипт интервью Набокова на французском! Я в экстазе*

[I'm ecstatic]. Я с трудом могу поверить в то, что знаю теперь в лицо человека, которому Набоков посвятил стихотворение «*Бабочки*»» [3]. В прозе Меклиной особенно ярко реализует свои возможности прописной шрифт. В некоторых случаях он наделен сугубо выделительной функцией, а в других — выполняет функцию эмоционального ключа, маркируя самые напряженные моменты в повествовании, касающиеся чувств героя: «ПОДУМАВ, ОНА РЕШИЛА НЕ ПИСАТЬ О ГАДАЛКЕ. ОНА ЗНАЛА С САМОГО НАЧАЛА, ЧТО ЭТО БЫЛА ЛЮБОВЬ, И СУЩЕСТВОВАЛИ ЛИБО ТЕКСТ, ЛИБО ГАДАЛКА, ТЕПЕРЬ БЫЛО СОВЕРШЕННО НЕ ВАЖНО» [3]. Последняя строка повторяется еще раз в тексте, что доказывает ее значимость как для героя, так и для автора.

М. Меклина очень внимательно подходит к вопросу шрифтовых выделений, давая иногда комментарии по правильному прочтению той или иной фразы, акцентируя тем самым интонационно-партитурную функцию шрифтовой акциденции: «Арсений зажег спичку и посмотрел на часы: н а ц и ф е р б л а т е м е д о в о г о ц в е т а п у л ь с и р о в а л а к р а с н а я с т р е л к а п о д п р о д р о г ш и м ч у т ь в л а ж н ы м с т е к л о м…». В примечании автор пишет: «Читается чуть медленнее, чем остальные фразы, раздумчиво, отрешенно, с легким вздохом в начале периода» [3], визуально достигая подобного эффекта с помощью приема разрядки. При дальнейшем прочтении разреженные слова или предложения автоматически прочитываются более медленно.

По мнению Т.Ф. Семьян, «за укрупненным по отношению к фоновому шрифтом традиционно закрепилась функция передачи увеличения силы голоса и усиления эмоций» [4]. А если помимо прописного шрифта автор использует полужирное начертание, то можно говорить о его желании указать и на высоту голоса: «Теперь уже мы за вами пришли, и вы попали к нам **В ЛАПЫ**. И мы вас никогда теперь **НЕ ОТПУСТИМ**. А будем мы Вас, деточка, **МУЧИТЬ**» [2].

Интересным образом использует прием шрифтовой акциденции Ольга Зондберг, совмещая на одной странице текст из прописных и строчных букв:

«В ВАШЕМ ДОМЕ С 8 ДО 20 БУДЕТ
ОТКЛЮЧЕНА ГОРЯЧАЯ ВОДА
В СВЯЗИ С ПЕРЕВРУКОЙ.
переврука.
Гибернатор.» [1].

Прописной шрифт в данном случае употребляется в декламационных целях. Можно предположить, что слова более мелкого кегля приписаны посторонним лицом, как это часто бывает на досках объявлений, для создания иллюзии достоверности.

Анализируя прозаические тексты Ольги Зондберг, мы установили, что чаще всего шрифтовая акциденция наделяется писателем смыслообразующей функцией. Выделение курсивом целых текстовых блоков может маркировать «речь персонажа в зоне речи повествователя. Чужое слово проникает в повествование в виде выделенной шрифтом цитаты и становится одним из способов повествования и оценки персонажей» [4]. Смена нарратора в рассказах Зондберг маркируется, как правило, курсивным шрифтом. Например, в рассказе «В мае полно одуванчиков» повествование от 3 лица сменяет повествование от 1 лица, которое и оформляется с помощью курсивного начертания. Подобный прием позволяет также передать стихию потока сознания: «*Как же так можно жить? Надо прекращать об этом думать, тогда и не будет такая жизнь. А как я могу прекратить? Кажется, что должно закончиться одно и начаться что-то другое, но ведь может быть и то, что со мной, например, такое невозможно, и что же мне делать? Пробовать дальше все, что я уже пробовал? <…>*» [1].

В качестве одной из разновидностей смыслообразующей функции шрифтовой акциденции Т.Ф. Семьян выделяет оформление хронотопа произведения [4]. Исследуя прозу современных писателей, мы выяснили, что наиболее ярким визуальным средством, оказывающим влияние на пространственно-временные границы текста, является примечание внизу страницы или на последней странице произведения, традиционно отличающееся от основного текста меньшим кеглем.

В текстах М. Мелиной, например, примечания представляют собой разного рода уточнения, пояснения или дополнения: «[1] У Шульпякова поэтесса Цветаева „перебивается с хлеба на стихи“» [3]; могут отсылать к произведениям других авторов, расширяя тем самым компетенцию читателя: «[1] Wilkomirsky, Binjamin. Fragments: Memories of a Wartime Childhood. N. Y.: Shocken, 1996. Translated from German by C.B. Janeway. Все цитаты приводятся в моем переводе с английского. — М.М.» [3].

Примечания в текстах С. Львовского способствуют расширению хронотопа, а также контекстного пространства произведения: «Мне был сон, будто бы я лежу в больнице, в Новосибирске[1], а затем сбегаю оттуда <…>

«[1] Палата моя — на седьмом этаже, Настя Б. и Борис П. тоже всплывают откуда-то, ходят по коридору» [2]. За счет уточнения пространственно-временных координат достигается ощущение аутентичности происходящих во сне событий.

В некоторых случаях Львовский предлагает читателю примечания, способные по объему конкурировать с основным текстом. В таких случаях автор не просто указывает на их значимость, но и переносит читателя в другое пространство и время, провоцируя его на активную работу с текстом, сотворчество: «[1] Вот, кстати, и об английских словах в русском тексте, что меня будто бы интересует. это, собственно, выползание почти за

пределы конвенциональной литературности. особенно, например, у Гостевой, где целыми фразами. визуальная та же поэзия более приемлема, к центру ближе <…>» [2]. Отрывок создает иллюзию непреднамеренности, случайности, записи. Той же цели в произведениях Львовского служит намеренное нарушение орфографии: «Песьмо хароктеризуется, па сути дела, гасподством текста — в том смысле, каторый этот фактор дискурса, как мы увидим здесь, палучит» [2].

В ходе исследования современных прозаических текстов нами был отмечен интерес писателей к визуальным возможностям слов и предложений на иностранном языке. Зачастую иноязычная лексика необходима писателям как важный элемент техники «потока сознания». В таком случае ее употребление несет в себе следующий смысл: писать все, что думаешь, чувствуешь. Иностранные слова призваны также отражать особенности речи персонажа: «На лекции по технике перевода Андреа заговаривает с Дмитрием («Scusi, potrei chiederLe una cosa?») и тут же улавливает в произношении Дмитрия миланский акцент» [3].

Необычны и интересны визуальные эксперименты с иноязычными словами, когда автор пишет русские слова английскими литерами, и наоборот: «Na prosvet vetvey, где солнце», «Смотри, Харри, ю’д бэтта харри», «Ты спросила у меня, что меня привело в *артворлд* <…>»; «<…> от которых явственно — za verstu — невыносимо несло казармой…». Такой прием отражает момент игры с читателем, им пользуются в Интернет-общении (блоги, социальные сети и т. д.), которое характеризуется фрагментарностью, мозаичностью.

Шрифтовое акцентирование, таким образом, является из самых активных способов визуальной интерпретации текста.

Библиографический список

1. Зондберг, О. Очень спокойный рассказ / О. Зондберг. — М.: НЛО, 2003. — 336 с.

2. Львовский, С. Слово о цветах и собаках / С. Львовский. — М.: НЛО, 2003. — 320 с.

3. Меклина, М. Сражение при Петербурге / М. Меклина. — М.: НЛО, 2003. — 368 с.

4. Семьян, Т.Ф. Визуальный облик прозаического текста / Т.Ф. Семьян. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2006. — 215 с.

УДК 791.21:659.4
ББК Щ374.3 (4/8)

ОСОБЕННОСТИ PRODUCT PLACEMENT В СОВРЕМЕННОМ ЗАРУБЕЖНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

А.Г. Блудова

В статье рассматриваются особенности использования различных типов и видов Product Placement в самых кассовых кинофильмах современного зарубежного кинематографа в период с 1991 по 2000 годы и с 2001 по 2010 годы.

Ключевые слова: Product Placement, зарубежный кинематограф, типы и виды Product Placement

Основой для изучения особенностей Product Placement стали рейтинги сайта http://www.kinopoisk.ru самых кассовых кинофильмов в период с 1991 по 2000 годы и с 2001 по 2010 годы.

Основываясь на рейтинге фильмов, первым для рассмотрения был выбран фильм «Титаник» (1997 г.). В фильме сложно выделить типы и виды Product Placement. Но нам известно, что компания Marlboro была в данном случае заказчиком, именно поэтому главные герои с завидной периодичностью курят на экране. В связи с этим фильм «Титаник» был заменен на фильм «Форест Гамп».

Парк Юрского периода (1993 г.). Всего четыре продукта (Serveillance video systems, Шины Radiat All Terrian, Шампанское Moet et Chandon и Ford Explorer) рекламируются в данном фильме. Также подчеркнем тот факт, что объекты Product Placement, на наш взгляд, максимально гармонично включены в сюжет фильма, являются ненавязчивыми.

Форест Гамп (1994 г.). Количество Product Placement значительно больше, чем в предыдущем фильме. Несмотря на то, что Product Placement довольно изящно вписан в сюжет, камера довольно четко акцентирует внимание на нем, что обращает излишнее внимание аудитории и отвлекает от сюжета. При этом не очень понятно, какой образ хочет сформировать для своего продукта, например Dr. Pepper или Babba Gump, ассоциируясь с очень добрыми и порядочными главными героями, но при этом имеющими патологически низкий уровень интеллекта и связанные в памяти представителей целевой аудитории с образом «дурачка».

День независимости (1996 г.). Product Placement в фильме «День независимости» на прямую связан с жанром и сюжетной линией. Именно поэтому появляются Пентагон и NASA. Coca Cola и Reebok выглядят более заметно и немного, на наш взгляд, вырваны из сюжета.

Армагеддон (1998 г.). Фильм «Армагедон» изобилует Product Placement. Несмотря на то, что Product Placement NASA напрямую связан с

жанром и сюжетной линией, появление его в кадре на столько навязчиво, что начинает отвлекать от сюжета фильма. Явно заметно, но абсолютно не навязчиво, появляются марки автомобилей, на которых передвигаются главные герой — Mitsubishi, BMW, GMC.

Шестое чувство (1999 г.) Практически отсутствие Product Placement можно объяснить жанром данного фильма. Напряженная сюжетная линия не позволила бы заметить продукт или услугу, а чтобы ее заметить Product Placement должен быть навязчивым, либо акцентирован на уровне стоп-кадра.

Результаты контент-анализа самых кассовых фильмов 90-х годов позволяют сделать обобщенные выводы о характере использования Product Placement:

– При сочетании всех типов и видов Product Placement наиболее распространенным оказался визуальный тип (54 упоминания). Именно этот тип предоставлял возможность авторам фильма наиболее достоверно включить товар или услугу в сюжетную линию, не акцентируя внимание на нем, а лишь показав мельком.

– На наш взгляд, самыми удачными примерами визуального типа являются Product Placement телеканала Abs, BMW, Babba Gump, Apple Computer Inc, 7up, Enquirer, Runner’s World, Fortune. Самый популярный вид — корпоративное размещение (41 упоминание).

– Ориентируясь на большие группы населения объектами Product Placement были товары из разных ценовых сегментов, хотя большую часть заняли товары среднего ценового сегмента.

– Среди наиболее популярных объектов Product Placement выделяются крупнейшие автомобильные холдинги, присутствующие практически в каждом анализируемом фильме (Chevrolet, BMW, GMC). Также часто в фильмах 90-х годов встречается NASA и Пентагон, вызвано это необходимостью сюжетной линии, но выглядит, как правило, довольно навязчиво.

Далее мы рассмотрим особенности Product Placement в самых кассовых фильмах 2000-х годов:

«Код да Винчи» (2006 г.). Наиболее часто объектом Product Placement в фильме выступает бренд Sony Ericsson. Этот факт объясняется тем, что Sony Ericsson воспользовалось услугами дочерней компанией Sony Pictures в целях продвижения своей продукции. В дальнейшем, впервые в истории мобильной связи, производитель будет предлагать потребителям модель **Sony Ericsson Z530 DaVinci Code Edition,** включающую накладные панели с соответствующей тематикой, темы из фильма выступающие в качестве обоев экрана, мелодии звонка и т. п. Также подчеркнем тот факт, что объекты Product Placement, на наш взгляд, максимально гармонично включены в сюжет фильма, являются ненавязчивыми. Таким образом, можем засвидетельствовать, что чаще всего в фильме используется наиболее эф-

фективный — кинестетический тип Product Placement. Стоит обратить внимание и на рекламу достопримечательностей фильма: главным образом, на Лувр и часовню Рослин. Вписываясь в основную сюжетную линию, эти места действия персонажей повлияли на их реальную посещаемость после выхода фильма. Так, например, Шотландия получила 6 миллионов фунтов стерлингов прибыли благодаря фильму — после выхода «Кода да Винчи» часовню Рослин посетило около 160000 туристов, что в пять раз больше, чем до выхода блокбастера.

«Человек-паук 3: Враг в отражении» (2007 г.). Часто встречающийся тип Product Placement в фильме «Человек-паук 3» — это визуальный тип, представленный разнообразными брендами из различных ценовых сегментов. Отметим, что в отличие от первых двух частей трилогии продюсеры и создатели картины решили не выставлять торговые марки на первый план (например, Dr. Pepper), а предоставить им задний план на протяжении фильма, поэтому, на наш взгляд, в фильме Product Placement получился весьма удачным и выглядел очень органично. Исходя из профессии Питера Паркера — фотографа в газете — гармонично был представлен и занял большую часть Product Placement известных, выпускаемых в Нью-Йорке газет и журналов (New York magazine, New York Post, New York Times).

«Темный рыцарь» (2008 г.). Наиболее распространенным типом Product Placement оказался визуальный, в целом направленный на корпоративное размещение торговых марок. Учитывая динамичный сюжет фильма, такими торговыми марками стали бренды автоиндустрии — Ford, Mercedes, Dodge. Отметим также упоминание бренда Lamborghini, автомобиль, который наиболее заметно использовался главным героем фильма, т. е. имел место кинестетический тип Product Placement. Безусловно, авто Бэтмана — это «Бэтмобиль», однако, в «Темном рыцаре» транспорт главного героя не был основан на существующих моделях автомобилей и лишь в дополнительных материалах к DVD авторы описывают машину как гибрид Lamborghini и танка. Обращает на себя внимание и кинестетический Product Placement торговой марки Nokia, наиболее органично вписывающийся в сюжет фильма. Объектом рекламирования стал один из первых телефонов Nokia с сенсорным экраном — «Nokia Xpress Music 5800», призванный с помощью поддержки супер-героя составить конкуренцию Iphone.

«Аватар» (2009 г.). В фильме «Аватар», действие которого в основном происходит на вымышленной планете Пандора, практически отсутствует технология Product Placement. Единичные же случаи употребления находятся в начальных кадрах фильма (Harley Davidson, Jujubes), связанных с жизнью героя до прилета на планету Пандора. Также отметим частичный Product Placement Морской пехоты США (US Marine Corps), осуществляющийся на протяжении всей ленты.

«Начало» (2010 г.). В фильме «Начало» технологию Product Placement интенсивно используют представители автоиндустрии. Из всех демонстрируемых в фильме брендов, 2/3 приходится как раз на гигантов автомобилестроения — Ford, Citroen, Mercedes, Hyunday. И это неудивительно, ведь сюжет фильма очень динамичный, связан с постоянным перемещением героев, с погонями. Поэтому в фильме максимально синтезируются два типа Product Placement: кинестетический и визуальный, наиболее подходящие как для развертывания сюжета фильма, так и для объектов рекламирования — автомобилей.

Результаты контент-анализа самых кассовых фильмов 2000-х годов позволяют сделать обобщенные выводы о характере использования технологии Product Placement.

– При сочетании всех типов и видов Product Placement наиболее распространенным оказался визуальный тип (55 упоминаний). Но и кинестетический тип (44 упоминания) используется уже на много чаще, чем в 90-е года. Именно этот тип предоставлял возможность наиболее полно рекламодателям (как это возможно в кадре) отобразить преимущества того или иного товара, а авторам фильма наиболее достоверно включить товар или услугу в сюжетную линию.

– На наш взгляд, самыми удачными примерами кинестетического типа являются Product Placement «Sony Ericsson, «Mini Cooper» («Код да Винчи»), «Nokia», «Lamborghini» («Темный рыцарь»), New York magazine, New York Post, New York Times («Человек-паук 3»). Самый популярный вид — корпоративное размещение (37 упоминаний), на втором месте — размещение продукта (24 упоминания).

– Из-за ориентировки на большие группы населения объектами Product Placement были товары из разных ценовых сегментов, хотя большую часть заняли товары среднего ценового сегмента в своих категориях: высокий («Lamborghini», «Bang & Olufsen», «Lincoln», «Maybach»); средний (Nokia, Sony Ericsson, Ford и т. д.).

– Среди наиболее популярных объектов Product Placement выделяются крупнейшие автомобильные холдинги, присутствующие практически в каждом анализируемом фильме (Ford, Mercedes, Citroen, Renault) а также компании, занимающиеся производством мобильных и телекоммуникационных технологий (Nokia, Sony Ericsson, Bang & Olufsen).

Особенностями использования Product Placement в самых кассовых фильмах 90-х и 2000-х годов можно считать соответствие рекламируемых товаров и услуг сюжетным линиям картин, но увеличение объема Product Placement делает его более навязчивым, но в то же время запоминаемым.

УДК 791.41 + 791.51
ББК Щ 374.3

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАМОДЕЙСТВИЕ КИНЕМАТОГРАФА И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ТРАНСЛЯЦИИ ОБРАЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ СРЕДСТВАМИ КИНО

О.А. Важенина

Кинематограф является видом современного искусства, отличительными особенностями которого были и остаются тесная связь с социокультурной реальностью, эксплуатация большого количества социально-значимых образов, необходимых для понимания зрителем основных идей того или иного фильма, заложенных автором. Определяя понятие национальной идеи, мы говорим о том, что она, как правило, имеет образный вид. Это делает актуальным изучение возможности трансляции образа национальной идеи средствами кинематографа.

Ключевые слова: национальная идея; образ; национальный кинематограф; кино.

Национальная идея, по нашему мнению, представляет собой систематизированное, устойчивое во времени обобщение национального самопознания определенного народа, этноса, выражающее смысл и цель его бытия, способствующее формированию толерантности и социальной справедливости внутри данного этноса, а также поддержанию его культурного достояния. Национальная идея может быть представлена в форме социально-философских текстов и художественных произведений, соответственно, может иметь как рациональный, так и образный вид.

Важнейшим моментом является то, что национальная идея может иметь образный вид, так как именно этот фактор играет определяющую роль в возможности рассмотрения образа национальной идеи в пространстве кино.

Цель данной работы состоит в рассмотрении возможности кинематографа быть транслятором образа национальной идеи в результате его взаимодействия с социокультурной реальностью. Национальная культура эксплуатирует возможности современного ей кинематографа, а, следовательно, в национальном кинематографе мы можем обнаружить черты и национальной идеи, соответственно.

Вопрос о том, насколько возможно отражение социальной действительности в кинематографе, начал возникать практически сразу после появления еще немых и короткометражных фильмов, однако, лишь в 70-е гг. XX в. получил должное внимание в формирующейся дисциплине философии кино [6].

Важным для нашей работы является мысль французского искусствоведа Риччидо Каеудо о том, что «из всех искусств, быть может, именно кино с наибольшей наглядностью — прежде всего в силу своей массовости — отражает духовный климат жизни людей, образ и сущность социального бытия» [5]. Стоит отметить, что согласно нашему подходу к пониманию национальной идеи, именно это — «духовный климат жизни людей, образ и сущность социального бытия» — и составляет концепт национальной идеи.

Кино, черпая основы и образы из реальной жизни общества, трансформирует и идеализирует их, создавая некие обобщенные схемы, универсальные представления, ориентиры, мифы и образцы поведения, а, следовательно, и идеалы развития общества и нации в целом. Этот аспект, на наш взгляд, является чрезвычайно важным для осмысления кинематографа как одного из важнейших трансляторов национальной идеи в каждом обществе и каждой нации.

Вышеизложенный тезис подтверждается в так называемой концепции наблюдения, предложенной режиссером Д. Вертовым. Автор видит цель кино в проникновении в реальность, активном ее освоении техническими средствами кинематографа. «Только объектив может дать нам такое изображение предмета, которое способно освободить из глубин нашего подсознания вытесненную потребность заменить предмет даже не копией, а самим этим предметом, но освобожденным от привходящих обстоятельств» [1].

Правомерность же нашего предположения о функциональной взаимосвязи кино и социокультурной действительности подтверждается идей современного исследователя М.И. Жабского, который выделяет три пути социального детерминизма кинематографа в современном обществе [4].

Первый — воздействие, идущее «сверху»: от общества в целом, его отдельных институтов. Этот тип ярко продемонстрировала практика командного социализма, когда весь кинематограф представлял способ пропаганды существующего пути развития. В данном случае, речь идет скорее не о трансляции образа национальной идеи в нашем понимании, а о пропаганде воспитательных идей: медицинские знания, образовательные программы просветительского характера [7].

Данный путь развития кино актуален и сегодня, когда кинематограф выступает в роли важного социального института, выполняя в обществе следующие функции: эвристическая, коммуникативная, познавательная, эстетическая, воспитательная, развлекательная [3]. В рамках нашей работы, особую значимость приобретает воспитательная функция, тем более, если мы говорим о роли государства в развитии и детерминизме кино. В данном случае, именно государство как хранитель национальных ценностей выступает инициатором трансляции последних, в частности, трансляции образа национальной идеи.

Второй путь детерминизма кинематографа — воздействие, идущие «снизу», от публики. Проводником здесь выступает рынок, который диктует условия в терминах «прибыльности» и «выгодности», тем самым не менее жестко, чем предыдущее направление определяет вектор развития киноискусства [7].

Примером этому может служить ситуация, сложившаяся на отечественном рынке кинематографа, который в основной массе представлен продукцией продюсерского центра «Comedy club production», предлагающего специфические информационно-развлекательные продукты. По мнению заместителя главного редактора газеты «Ведомости» А. Губского, формат проекта Comedy club «воспитал целое поколение людей, воспринимающих информацию под призмой сарказма и иронии. Это привело к появлению нового направления в системе СМК —fun-информированию, при котором важные и значимые темы преподносятся зрителю в формате резидентов «Comedy club» [2].

Аналогичная ситуация происходит и с отечественным кинематографом. Но мы говорим лишь о формате подачи информации, а содержание того или иного продукта современного кино диктуется актуальными общественными интересами. Именно в этом случае, продукт кино будет интересно публике и востребовано ею. Таким образом, данный путь также является чрезвычайно актуальным для сегодняшнего кинематографа, особенно, отечественного, где четко прослеживается взаимосвязь спроса и предложения на кинопродукт.

Третий путь — воздействие, идущее из недр самого кинематографа. Режиссер «берет от окружающего то, что его впечатляет, а не то, о чем он будет, впечатляя зрителя, перепахивать его психику». Связано оно с потребностями его саморазвития, которое может быть вызвано как внутренними «личностными» нововведениями, так и внешними «техническими» инновациями [6]. Мы говорим об «авторском кинематографе», который могут себе позволить признанные режиссеры и деятели сферы культуры и искусства. В отечественном кино такой личностью является Н.С. Михалков, который в своем кино представляет собственный взгляд на судьбу России. В США такой личностью является Джеймс Кэмерон, который, в своих фильмах остро ставит проблему сохранения экологии и природы на нашей планете.

Воздействуя на зрителя через демонстрацию тех или иных образов, образцов поведения, миропонимания и чувствования, через развитие эстетической культуры личности, кинематограф становится звеном социокультурного развития личности, обуславливая моральные, интеллектуальные и философские воззрения человека, общества, нации.

Следовательно, важной характеристикой кино, позволяющей говорить о возможности средствами кино транслировать образ национальной идеи,

является необходимая «актуальность, продиктованная ориентацией на другого и представляющая кинематограф как способ коммуникации и коммуникативный образ» [6].

С точки зрения нашего исследования, важным аспектом в трансляции национальной идеи через кино является использование образов или кодов, именно так их называет Умберто Эко в работе «Отсутствующая структура. Введение в семиологию». По мнению автора код непременно содержится в произведении искусства, его нужно только расшифровать [7]. Основой для расшифровки подобных образов-кодов служит национальная память и национальная культура, из которой художник их и заимствует, наполняя ими содержание своей работы. Национальная память позволяет зрителю на ментальном, ценностном уровне считывать и ассимилировать эти образы, проникая, в их глубинный смысл и усваивая его. То, что эти образы будут восприняты именно так, как воспринимает их автор, связано и с тем, что образы являются социально и культурно значимыми, а, следовательно, будут однозначно поняты зрителем, обществом, нацией. Таким образом, мы можем говорить, что кинематограф обладает всем арсеналом средств, необходимым для трансляции образа национальной идеи именно в следствии своей тесной связи с социокультурной реальностью.

Библиографический список

1. Базен, А. Что такое кино?: сб.ст. / А. Базен. — М.: Искусство, 1972. — 384 с.

2. Болецкая, К. Главкино началось с «Comedy Club» / К. Болецкая. — http://www.vedomosti.ru/companies/news/1626210/.

3. Жабский, М.И. Вестернизация кинематографа: опыт и уроки истории / М.И. Жабский. — СОЦИС, 1996, № 2. — 97 с.

4. Жабский, М.И. Глобализм и функции кино в обществе / М.И. Жабский // Вестник РФФИ. — 2005. — Июль — авг. № 4 (42) — С. 43—50.

5. Из истории французской киномысли: Немое кино 1911—1913 гг. — М.: Искусство, 1988. — 317 с.

6. Кузнецова, Н.В. Аспекты функционального взаимодействия кинематографа и социальной реальности / Н.В. Кузнецова. — Вестник ВолГУ. Серия 7, 2008, № 1 (7). — С. 166.

7. Фрейлих, С.И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского / С.И. Фрейлих. — М.: Академ. проект, 2002. — 510 с.

8. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — СПб.: Symposium, 2006. — 540 с.

УДК 659.1 + 159.944
ББК Ю94

ВЛИЯНИЕ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА УДОВЛЕТВОРЁННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ТРУДОМ В ОРГАНИЗАЦИИ

В.П. Васильева, А.Д. Шрейдер

При выполнении ВКР установлена взаимосвязь удовлетворения потребностей сотрудников с помощью корпоративной культуры организации и их удовлетворенностью работой в этой организации.

Ключевые слова: корпоративная культура, удовлетворенность трудом, потребности.

Специалисты по управлению и многие исследователи, занимающиеся проблемами управления, связывают возможности успешных преобразований в экономике на современном этапе с мотивацией. Мотивированный на достижения в рамках организации сотрудник, лояльный к ней и стремящийся к росту, создает потенциал, который обеспечивает своевременную и адекватную реакцию на воздействия внешней среды, дает возможность активно изменять окружающую действительность, эффективно управлять функционированием и развитием многочисленных элементов и подсистем организации. Этот «жизненный» потенциал деятельности организации и обеспечивает корпоративная культура. На эффективность трудовой деятельности персонала влияет не только сама по себе корпоративная культура, но и ее психологическая составляющая, то, насколько работа в данной организации удовлетворяет потребности человека.

Обратимся к основным понятиям. Корпоративную культуру часто называют организационной и в ее определении мы согласны с Барри Феганом: «Организационная культура — история, представленная в настоящем. Это идеи, интересы и ценности, разделяемые группой. Сюда входят опыт, навыки, традиции, процессы коммуникации и принятия решений, мифы, страхи, надежды, устремления и ожидания, реально испытанные вами или вашими сотрудниками» [4]. Удовлетворенность трудом это эмоционально-оценочное отношение личности или группы к выполняемой работе и условиям ее протекания [3].

Есть различные точки зрения на компоненты удовлетворенности трудом. Из всех теорий мы остановились на модели удовлетворенности трудом по А.П. Брифу. Согласно этой модели, существуют определенный личностный параметр, влияющий на чувство удовлетворенности трудом — позитивный аффект. «Люди с высоким уровнем позитивного аффекта

отличаются активностью, живостью, энтузиазмом, воодушевленностью, заинтересованностью... Второй компонент — объективные условия труда. Это — уровень заработной платы, часы работы, физические условия труда. Вместе эти два компонента формируют оценку или интерпретацию условий труда. При интерпретировании учитывается множество факторов, в том числе адекватность оплаты выполняемой работе, уровень профессионального стресса, соответствие работы способностям и навыкам человека. В целом она порождает чувство одобрения или неодобрения, симпатии или антипатии, расположения или нерасположения и т. д., которое является основой для формирования установки по отношению к труду (удовлетворенности)» [1].

Так как удовлетворенность работой сотрудника в организации может возникнуть только при условии соответствия характеристик самой работы, условий труда, социально-психологической атмосферы индивидуальной структуре потребностей, интересов, ценностей, имеющих свою мотивационную составляющую, то мы считаем, что базовой составляющей удовлетворенности сотрудника трудовой деятельностью в организации и, соответственно, одним из ключевых факторов, определяющих эффективность организационного поведения, является реализация потребностей. Мы соединили модель А.П. Брифа и пирамиду потребностей А. Маслоу.

Получается, что объективные условия труда по теории А.П. Брифа соотносятся с уровнем безопасности, раскрытым в теории А. Маслоу. Позитивная аффилиация заключается в удовлетворении социального уровня: социальные связи, общение, вовлеченность и т. д. Если объективные условия труда находятся на должном уровне, при этом позитивная аффилиация удовлетворяется в большей степени, то имеется возможность перехода на следующий уровень — интерпретации условий труда. По теории А. Маслоу, это сопоставляется с уровнем престижа. Полное раскрытие и насыщение этого компонента приводит к удовлетворенности трудом.

В рамках выпускной квалификационной работы в 2012 г. А.Д. Шрейдер под нашим руководством провела исследование взаимосвязи уровня удовлетворяемых потребностей в рамках корпоративной культуры и удовлетворенности трудом работников одного из челябинских банков. С помощью контент-анализа документов мы определили, что большинство элементов корпоративной культуры присутствует в данном банке.

На втором этапе исследования были опрошены 70 сотрудников банка (за исключением руководителей правления банка и труднодоступного отдела инкассации) на предмет восприятия ими удовлетворенности потребностей в процессе работы. Исследование было начато со второго уровня потребностей, так как в настоящее время, созданные в банке

рабочие условия позволяют сотрудникам удовлетворять необходимый минимум физиологических потребностей.

На втором уровне мы исследовали составляющие безопасности и сделали следующие выводы:

- деньги: организация дает возможность сотрудникам повышать свой уровень заработной платы, но можно предположить, что они этим не пользуются;
- здоровье: в большей степени персонал справляется с поддержанием своего здоровья самостоятельно при этом руководство пытается приобщить коллектив к здоровому образу жизни, спорту;
- организация рабочего времени: для того чтобы выйти на работу в выходной сотрудник должен обосновать эту необходимость. Такая работа оплачивается по особому тарифу. При этом ½ часть сотрудников говорят о неоплачиваемости сверхурочного времени, вероятно, они осознают собственные ошибки в выполняемой ими работе и поэтому не требуют оплаты за переработанные часы;
- комфорт: больше 2/3 работников ответили, что считают свое рабочее место комфортным для выполнения своих обязанностей и в остальных помещениях банка чувствуют себя комфортно;
- контроль: почти 1/2 сотрудников не знают, по каким критериям оценивается их работа, при этом большая часть считают, что начальство им доверяет; 3/4 респондентов уверены, что какие-либо проверки не выявят недостатков в их работе. Скорее всего, значимую роль во взаимодействии с руководством банка играют личные отношения;
- информация: большая часть сотрудников владеют информацией из первоисточника о возможных вознаграждениях, предстоящих мероприятиях и событиях, происходящих в организации.

Рассматривая социальный (третий) уровень потребностей в пирамиде мы получили следующие результаты. Более 90 % сотрудников чувствуют себя частью коллектива. Однако только 65 % с удовольствием участвуют во внутрикорпоративных мероприятиях, а остальные 30 % считают традиции банка неуместными. Исходя из этого, мы может говорить о том, что некоторые работники участвуют в мероприятиях не по собственному желанию, а больше для налаживания отношений с руководством. Это подтверждает наше предположение о том, что в данном банке важную роль играют личные отношения, а не служебные. Почти 2/3 сотрудников довольны отношениями в рабочем коллективе, идут на работу с радостью и чувствуют себя комфортно на мероприятиях.

Следующий уровень, раскрывающий потребности в престиже, самоуважении и признании мы оценили по следующим полученным результатам: 66,8 % опрашиваемых считают, что их труд и достижения оцениваются по достоинству коллегами и руководством; более 80 %

говорят о том, что окружающие считают этот банк удачным местом работы и опрашиваемые гордятся этим. Получается, что внешне репутация организации находится на достаточно высоком уровне, и быть сотрудником этого банка престижно.

Последний — наивысший рассматриваемый уровень — духовный. В нем раскрывается потребность в самоактуализации, самовыражении и познании. Значительное большинство сотрудников данного банка говорит о том, что работа побуждает их к познанию нового и развитию профессиональных навыков. При этом почти половина сотрудников считают свою работу рутинной и только треть считают работу в банке действительно желаемым местом работы.

Рассматривая в целом все ответы можно проследить, что только 1/3 опрашиваемых сотрудников действительно преданы данной организации. Еще 1/3 при определенных сложившихся обстоятельствах поменяют место работы на другое, более удобное и выгодное. Оставшаяся часть — неопределившиеся люди. Вполне возможно, что работа в банковской сфере — не их желание, а стечение определенных обстоятельств. Сопоставив результаты исследования этих двух методов, мы увидели, что в банке потребность в безопасности удовлетворяется больше, чем наполовину. Это говорит о том, что такая удовлетворенность дает возможность развития личности и раскрытия ее через самореализацию.

Таким образом, проведя исследование, мы можем говорить, что в настоящие время корпоративная культура, несомненно, оказывает огромное влияние на эффективность работы любой организации. Мы убеждены, что человек не просто так выбирает то, или иное место работы. Сотрудник должен разделять миссию, ценности и цели компании. Тогда это становиться не просто местом, где платят деньги, а площадкой для развития как в профессиональном, так и в личностном плане. Развиваются работники — развивается организация в целом. Для этого необходимо создать определенные условия, т.е. удовлетворить базовые потребности человека.

Библиографический список

1. Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг. — СПб.: Питер, 2005. — 848 с.

2. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. — 3-е издание.— Питер, 2011. — 352 с.

3. Рамперсад, Х.К. Общее управление качеством: личностные и организационные изменения / Х.К. Рамперсад. — Москва: Олимп-Бизнес, 2005. — 256 с.

4. Phegan, Barry. Developing Your Company Culture. The Joy of Leadership. (A Handbook for Leaders and Managers). Berkeley. Context Press, 1994.

УДК 659.44

СПЕЦИФИКА PR-ПРОЕКТОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

А.А. Добрикова

Выделены и охарактеризованы технологические субъекты, которые могут разрабатывать и реализовывать PR-проекты в социальной сфере. Обозначена структура спонсорского пакета как ключевого инструмента, используемого в реализации PR-проекта. Рассмотрены условия (поддержка со стороны бизнес-сообщества и государственных структур, вовлечение лидеров мнений), способствующие повышению эффективности PR-деятельности некоммерческих организаций.

Ключевые слова: связи с общественностью; базисный субъект; PR-проект; спонсорский пакет.

Связи с общественностью позволяют базисным субъектам социальной сферы (в рамках нашей работы под базисными субъектами, инициирующими PR-проекты в социальной сфере, мы будем понимать некоммерческие организации) решать многие коммуникационные задачи, которые состоят в следующем:

1. Увеличить популярность миссии организации;
2. Разработать каналы коммуникации с теми, кому служит данная организация;
3. Создать и поддержать благоприятный климат для привлечения инвестиций;
4. Способствовать созданию и сохранению общественно-политического климата, который благоприятствует реализации миссии данной организации;
5. Информировать и стимулировать главные действующие силы данной организации (служащих, добровольцев и опекунский совет) к непрерывной и продуктивной деятельности, направленной на поддержку миссии организации, ее глобальных целей и задач [1, с. 564].

Технологическим субъектом, реализующим проекты в социальной сфере, может быть:

- специалист по связям с общественностью, работающий в бизнес-сфере, но на безвозмездной основе оказывающий некоммерческой организации PR-услуги;
- студент-волонтер, который получает образование в сфере массовой коммуникации;
- руководитель некоммерческой организации, выполняющий функции PR-специалиста.

В первом случае базисный субъект получает профессионала в сфере маркетинговых коммуникаций, который может привлекать коммерческую структуру к реализации социальных проектов. Однако данный специалист, имея основную работу, не сможет уделять достаточно времени для осуществления качественного PR-сопровождения деятельности некоммерческой структуры. Студент-волонтер имеет огромное желание работать, но чаще всего у него отсутствует опыт рекламной и PR-деятельности. Третий вариант, когда PR является одним из видов деятельности руководителя, имеет как плюсы, так и минусы. Первое лицо лучше всех понимает, какие цели стремится достичь организация и что для этого необходимо осуществить. Однако он может не понимать специфики PR-деятельности и особенностей взаимодействия с различными группами общественности.

Одной из форм деятельности в сфере связей с общественностью является разработка и реализация PR-проектов. К их числу мы относим акции, мероприятия, комплексы мероприятий, в основе которых лежит оригинальная идея, способствующая решению PR-задачи (информирование, формирование отношения, изменение поведения).

Ограниченные финансовые ресурсы — первая проблема, с которой сталкиваются специалисты, реализующие PR-проекты в социальной сфере. Ее решение заключается в привлечении спонсоров. Другими словами, деятельность некоммерческих организаций во многом зависит от бизнеса, который, «оказывая поддержку некоммерческому сектору, преследует цели формирования благоприятного общественного мнения к своей деятельности и продвижения имиджа, брэнда, продукции и который более всего склонен поддерживать решение социальных проблем, затем искусство, культуру и здравоохранение, в меньшей степени образование, религию, женское движение, на последнем месте — охрана окружающей среды» [2, с. 95]. Эксперты также отмечают, что причинами социально-маркетинговой активности коммерческих структур являются «реальное совпадение интересов общества и бизнеса (реализация таких проектов становится взаимовыгодным актом) и явно выраженное стремление улучшить свои взаимоотношения с властью» [3, с. 27—28].

Для привлечения бизнес-сообщества используется такой инструмент, как спонсорский пакет, в структуру которого входят следующие компоненты:

- описание проекта:
  - цель;
  - задачи;
  - целевая аудитория;
  - инициатор (краткая характеристика некоммерческой организации);
  - идея;

- история (если проект существует несколько лет);
- дата проведения;
- место проведения и пр.

- бюджетный план проекта (четко обозначается, какие статьи затрат обеспечивают организаторы, а какие — спонсоры);
- спонсорские градации;
- выгоды, которые получает компания-спонсор и др.

Эффективность фандрайзинговой деятельности, которая направлена на привлечение спонсоров, зависит не только от грамотно составленного спонсорского пакета, но и от комплексной работы по привлечению ресурсов. Некоммерческая организация должна в первую очередь определить, что ей необходимо для реализации PR-проекта. Возможно, она нуждается только в информационной поддержке, которую получить намного проще, чем финансовую. Затем организация должна составить базу потенциальных спонсоров и приступить к осуществлению коммуникации с представителями бизнес-сообщества (телефонные переговоры, встречи, приглашение потенциальных спонсоров на мероприятия некоммерческой организации и пр.). Эффект от взаимодействия со спонсорами может носить отложенный характер. Этот фактор некоммерческая организация должна учитывать в своей деятельности.

Эффективность PR-проекта зависит не только от бизнес-сообщества. Поддержка со стороны государственных структур может обеспечить высокий результат мероприятия, инициированного некоммерческой организацией. Так в марте 2013 года в Челябинске прошла публичная акция, приуроченная к Всемирному дню борьбы с туберкулезом. Организаторами проекта выступили «Правительство Челябинской области, Министерство здравоохранения Челябинской области, Управление по делам молодежи Администрации города Челябинска, Областной противотуберкулезный диспансер, муниципальное бюджетное учреждение «Центр профилактического сопровождения «КОМПАС» г. Челябинска» [4]. Объединение усилий государственных и некоммерческих структур позволило привлечь внимание к проблеме нескольких сотен горожан, которые приняли участие в мероприятиях акции.

Успех PR-проекта в социальной сфере во многом зависит от того, смогли ли его инициаторы привлечь лидеров мнений к реализации PR-технологии. Это особенно актуально для некоммерческих организаций, которые стремятся донести до широкой общественности информацию о какой-то социальной проблеме, с которой аудитория практически не знакома. Примером успешного привлечения к реализации PR-проекта лидеров мнений является акция «Обычная жизнь необычных людей», инициированная организацией помощи детям «Звёздный дождь». На первом этапе была проведена фотосессия детей с особенностями развития и известных

персон Челябинской области. «В первой фотосессии приняли участие глава администрации Челябинска Сергей Давыдов, министр образования области Александр Кузнецов, уполномоченный по правам ребенка в регионе Маргарита Павлова, известный врач-хирург Александр Пухов, музыкант Борис Каплун, стронгмен Дмитрий Кононец, актер Юрий Цапник; среди участников «второй серии» проекта губернатор Челябинской области Михаил Юревич, хоккеист «Трактора» Евгенией Кузнецов, учредитель детского благотворительного фонда «Андрюша» Юлия Жаботинская, актер и шоумен Стас Ярушин и другие» [5].

Второй этап акции «Обычная жизнь необычных людей» — организация выставки. Третий — размещение наружной рекламы на улицах г. Челябинск. На первых этапах проект привлек внимание СМИ, а на последнем — широкой общественности. Таким образом, цель, которую ставили перед собой организаторы, была достигнута.

Итак, PR-проекты, реализуемые в социальной сфере, во-первых, позволяют информировать целевые аудитории об основных направлениях деятельности структуры. Во-вторых, грамотно выстроенная деятельность по связям с общественностью способствует формированию позитивного отношения к некоммерческой организации и ее проектам. В-третьих, эффективный PR может повлиять на поведение различных групп общественности в отношении базисного субъекта.

Эффективность PR-проекта в социальной сфере зависит от нескольких факторов. Интерес бизнес-сообщества к деятельности некоммерческих организаций, поддержка их инициатив государственными структурами и участие в лидеров мнений в реализации акций и мероприятий — все это обеспечивает успех процесса PR-проектирования.

Библиографический список

1. Катлип, С.М. Паблик рилейшенз. Теория и практика / С.М. Катлип, А.Х. Сентер, Г.М. Брум. — М.: «Вильямс», 2003. — 624 с.

2. Шикшина, М.А. Связи с общественностью в России: развитие нового рынка / М.А. Шишкина, Д.П. Гавра, Д.П. Шишкин. — СПб.: Роза мира, 2004. — 108 с.

3. Социально-маркетинговые кампании в России. Сборник кейсов. — М.: Оргкомитет конкурса «Индекс Бренда»: Издательство «Index Design & Publishing», 2004. — 126 с.

4. Сделай фото на здоровье — ПРОСВЕТИСЬ! — http://www.kompas74.ru/news.php?id=139.

5. В Челябинске открылась фотовыставка «Обычная жизнь необычных детей». — http://chelyabinsk.ru/text/newsline/564122.html.

УДК 659.4 +004.7:659.1
ББК Ч 600..6 + Ч600.2

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЖУРНАЛИСТСКОГО, РЕКЛАМНОГО И PR МЕДИАТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-СМИ

Л.К. Лободенко

В статье выделены и исследованы ключевые свойства медиатекста интернет-СМИ (журналистского, PR и рекламного). Свойства гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность рассматриваются как детерминирующие признаки функционирования медиатекста в интернет-СМИ. Исследуются возможности интерактивности медиатекста в трех аспектах: организация коммуникаций между субъектами; создание, редактирование и обмен информацией; технологии реализации потребительских предпочтений при формировании медиаконтента.

Ключевые слова: журналистика, реклама, медиатекст, Интернет-СМИ, мультимедийность, интерактивность, гипертекстуальность.

В настоящее время наблюдается процесс динамичного развития нового вида средств массовой коммуникации — интернет-СМИ. Терминологического единства при характеристике данного термина в настоящее время не наблюдается. Анализ различных авторских трактовок сущности понятия «интернет-СМИ» (А.А. Калмыков, М.М. Лукина, С.Г. Машкова, А.В. Минбалеев, И.Д. Фомичева и др.) показывает, что при рассмотрении данного феномена исследователями выделяются следующее ключевые характеристики: это средство глобальной коммуникации; специализированный информационный сайт; профессиональный характер создаваемой информации; социальная значимость информации; периодическое обновление информации; наличие массовой аудитории.

На основе проведенного анализа сущности и базовых свойств в качестве рабочего варианта мы предлагаем использовать следующее определение понятия «интернет-СМИ» — это «специализированный профессионально создаваемый информационный сайт, зарегистрированный в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в качестве средства массовой информации, с периодически обновляемой и распространяемой массовой общественно значимой информацией, имеющий признаки гипертекстуальности, мультимедийности, интерактивности и онлайновости».

Интернет-СМИ как средство массовой коммуникации формирует новые требования к созданию журналистских, рекламных и PR медиатекстов. Термин «медиатекст» является обобщающим понятием для системы текстов средств массовой информации. Разграничивая термины «текст»

и «медиатекст» мы опираемся на то, что текст — «это сообщение», медиатекст — «это сообщение плюс канал» [1].

Современные процессы перехода от мономедийных к мультимедийным вещательным платформам выводят медиатекст на качественно новый уровень и способствуют формированию у него таких свойств, как гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность. Данные свойства существенно трансформирую медиатекст интернет-СМИ, позволяют создавать его внутреннюю динамику, визуализацию и эмоционализацию. Рассмотрим более подробно названные свойства медиатекста.

Первое ключевое свойство, которое приобретает медиатекст в интернет-среде — гипертекстуальность. Гипертекстуальность — свойство, ориентированное на потенциально бесконечное множество относительно свободных текстов, имеющих внутренние корреляционные ссылки, и предполагающих отсутствие линейного повествования и чтения. Оно предполагает формирование системы связей между отдельными документами посредством гиперссылок.

Медиатекст интернет-СМИ, отличается от текста традиционных СМИ прежде всего нелинейным способом организации текстовой структуры. Это характерное свойство медиатекста основывается на понятии «гипертекст». Важнейшими свойствами гипертекста, отличающими его от текстов традиционных СМИ, по мнению А.А. Калмыкова являются: дисперсность структуры; нелинейность; разнородность и мультимедийность; экстериоризация связей; голографичность; виртуальность [2, с. 26]. При этом базовым элементом гипертекста является гиперссылка. Под гиперссылкой понимается «дифференцированный признак гипертекста, организующий его структуру и обеспечивающий функциональность — навигацию» [4, с. 127]. Гиперссылка представляет собой функциональный комплекс, включающий ссылку плюс открывающийся при ее активации информационный объект (вербальный или невербальный).

Что касается типологии гиперссылок, то в качестве наиболее полной классификации можно выделить концепцию С.Г. Носовец. Данный автор объединяет гиперссылки в зависимости от их целевого назначения в четыре группы:

1. Контент-ссылки, ориентирующие пользователя в информационно-новостном пространстве интернет-СМИ;

2. Внетекстовые ссылки, отсылающие пользователя к внешним интернет-ресурсам;

3. Внутритекстовые ссылки, которые подразделяются на ретроспективные, источниковые, референциальные и детализирующие;

4. Сервисные и коммуникационные ссылки устанавливают переход на дополнительные ресурсы сайта, не связанные с профессиональным журналистским контентом [4, с. 128—131].

Выделенные виды гиперссылок предоставляют возможность качественно повысить, как уровень полноты предоставляемой информации, так и качество информационного обсулуживания потребителя.

Второе свойство медиатекста интернет-СМИ — мультимедийность. Под мультимедийностью понимается «представление информации с помощью различных медийных платформ — вербального текста, фотографии, аудио-, видео-, графики, анимации и других производных от них форм» [3, с. 63].

Проведенный нами анализ существующих инструментов мультимедиа позволил разбить их на две группы: простые (фото-, видео- и аудиоматериалы, цветовые сочетания, статичная и анимационная графика); комплексные (слайд-шоу, инфографика, мультимедийная презентация, тематические фото и видео галереи и др.).

Мультимедийные технологии позволяют интегрировать разнообразные виды информации в единый смысловой блок. При этом мультимедийные инструменты помогают при создании медиатекста в следующих направлениях: повышают информативность текста, обеспечивают наглядное и образное представление информации; привлекают и направляют внимание аудитории; снимают напряжение при чтении медиатекста; качественно совершенствуют технологии производства медиатекста; позволяют трансформировать форматы представляемых объектов.

Несомненным достоинством мультимедийных инструментов является способность воздействовать на эмоциональное восприятие передаваемой информации и создавать эффект визуальной аргументации медиатекста.

Третье свойство медиатекста интернет-СМИ — это интерактивность. Под интерактивностью понимается свойство информационно-коммуникационной системы активно реагировать на действия пользователя и выстраивать персонализированные связи.

Что касается рассмотрения интерактивности интернет-СМИ, то, основываясь на концепции И.Д. Фомичевой [5], все интерактивные инструменты нами были условно разделены на три группы:

1) «люди — люди» — организация коммуникаций между субъектами;

2) «люди — документы» — создание, редактирование и обмен информацией;

3) «люди — технологии» — технологии реализации потребительских предпочтений при формировании контента.

Особого внимания среди вышеназванных групп интерактивного взаимодействия заслуживает первая группа «люди — люди». Интерактивность позволяет формировать многообразие социальных взаимодействий на различных уровнях: межличностном, групповом или институциональном. Распространенной практикой в рамках данной группы интерактивных инструментов для интернет-СМИ является модерирование информации, получаемой в результате взаимодействия с аудиторией. Модерирование —

процесс осуществления контроля за поведением аудитории в ходе интерактивного общения. Модерирование осуществляется как правило квалифицированным специалистом, который может не пропускать к публикации и удалять некоторые высказывания, комментировать их и задавать направление информационного обсуждения.

Следовательно, у специалистов интернет-СМИ в связи с развитием интерактивных технологий появляется новые важные функции — помощь и направление процесса обмена информацией, которые включают: выявление многообразия точек зрения; повышение мотивации и вовлеченности потребителей в обсуждение поставленных проблем; выявление степени актуальности публикуемых тем; поддержка активности пользователей и др.

Таким образом, использование современных информационно-коммуникационных технологий при создании медиатекста интернет-СМИ детерминирует его качественное изменение и способствует формированию новых свойств, среди которых ведущими являются гипертекстуальность, мультимедийность и интерактивность.

Библиографический список

1. Добросклонская, Т.Г. Медиатекст как единица дискурса средств массовой информации / Т.Г. Добросклонская // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: материалы междунар. конф. (19—21 июня 2009г.). — М.: Ярославль, 2009. — С.137—143.

2. Калмыков, А.А. Интернет-журналистика в системе СМИ: Становление, развитие, профессионализация: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.01.10. / А.А. Калмыков. — М., 2009. — 40 с.

3. Качкаева, А. От редактора. Заметки на полях /А. Качкаева. // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. — М., 2010. — 200 с.

4. Носовец, С.Г. Гипертекстовые ссылки в интернет-СМИ: опыт типологической характеристики / С.Г. Носовец. // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. — 2011. — № 17 (232). — С. 127—131.

5. Фомичева, И.Д. Социология. Интернет-СМИ /И.Д. Фомичева. — М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. — 79 с.

УДК 82-34 + 82-313.1
ББК Ш5(2)5-4 + Ш5(2)6-334-4

ИНТЕРТЕКСТ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Михина

В статье диалог между автором и читателем в художественном дискурсе раскрывается на примере анализа чеховского интертекста в рассказе В. Пьецуха «Наш человек в футляре». Объясняется необходимость использования интертекстуальных отсылок к классике в современных художественных текстах.

Ключевые слова: интертекст; диалог; постмодернизм; А.П. Чехов; В. Пьецух.

По мнению многих исследователей, диалог — единственно возможная форма коммуникации, если человечество хочет выжить в современном мире. Побуждением к нему «является потребность выразить свое отношение к миру и получить информацию от кого-то другого, а также выразить свое отношение к сказанному, отреагировать на точку зрения собеседника» [1]. Поводом для диалога может стать художественный текст, поскольку именно он является результатом коммуникации между автором и читателем, одинаково наделяющими его смыслом.

Одна из форм такого диалога — интертекст. Р. Барт трактует интертекстуальность как неотъемлемый фактор понимания и интерпретации любого произведения [2]. Возможность интертекстуального диалога предполагает обязательную и исчерпывающую подключенность читателя к мировой культуре, что должно обеспечить ему так называемую «интертекстуальную компетенцию», позволяющую узнавать цитаты в смысле содержательной их идентификации. В сегодняшней России круг авторов, чьи тексты становятся источниками интертекста, сводится к «школьной программе», наиболее известным именам — Пушкину, Гоголю, Тургеневу, Толстому, Достоевскому, Чехову.

Диалог с творчеством А.П. Чехова в современном художественном дискурсе представлен значительным числом произведений. Вот лишь некоторые из них, созданные на рубеже XX—XXI веков: Б. Акунин «Чайка», О. Богаев «Вишневый ад Станиславского», Э. Дрейцер «Дама с собачкой: апокриф», Ю. Кувалдин «Ворона» и др.

В качестве примера рассмотрим рассказ В. Пьецуха «Наш человек в футляре» из цикла «Чехов с нами» [3]. Связь с претекстом осуществляется за счет включения фамилии классика в заглавие цикла, цитирования с добавлением компонента «наш» в названии рассказа, отсылки к чехов-

скому персонажу в первом абзаце текста, в котором главный герой — учитель русского языка и литературы Серпеев оказывается зеркальным отражением Беликова.

Начало рассказа сближается с классическим уже нарративом от 3-го лица, который у Чехова переходит к учителю Буркину, жившему с Беликовым «двери напротив», а у Пьецуха сохраняется до конца произведения. Чеховское повествование, ведущееся от лица героя, по отношению к автору является объективным и позволяет создать реалистическую ситуацию, в то время как нарратор Пьецуха сохраняет субъективность на протяжении всего текста, что объяснимо желанием автора показать возможность интеллектуальной игры с известным текстом. Несоответствие мыслимого и реального порождает так называемую «интертекстуальную иронию»: «С одной стороны, органическая литературность русской жизни заставляет автора узнавать, вычитывать литературно-исторические прототипы из описываемых им анекдотических коллизий. <…> С другой стороны, прямые интертекстуальные переклички с русской классикой лишь подчеркивают несоответствие жизненной ситуации тому, что знакомо из литературы и истории XIX века» [4].

Лексически начало рассказа Пьецуха сближено с повествованием учителя гимназии Буркина. Ср.: «…месяца два назад умер у нас в городе некий Беликов, учитель греческого языка, мой товарищ» [5] и «Учитель древнегреческого языка Беликов, в сущности, не знал, чего он боялся, и умер от оскорбления…». Чеховский персонаж строит свое сообщение в форме инверсии, акцентируя реальность излагаемого факта, а современный повествователь выдвигает на первый план псевдоцитату, составленную из узнаваемых компонентов чеховского текста. Первое предложение рассказа Пьецуха, по сути, становится обобщением известного классического сюжета. Фраза «Нет, все-таки жизнь не стоит на месте», завершающая авторское сопоставление героев и первый абзац, провоцирует читателя на поиски «движения жизни», то есть на самостоятельное сопоставление образов в дальнейшем тексте. Она же станет рефреном и выводом, к которому, по мысли Пьецуха, должен прийти реципиент.

Более глубинный интертекстуальный слой выявляется при сопоставлении фамилий персонажей. По словарю В.И. Даля [6], словами, от которых, возможно, произошла фамилия Беликов оказываются: «белый» («бесцветный, противный черному» — цветовая характеристика героя в противовес «чернобровой и краснощекой» Вареньке Коваленко), «белец» и «белица» («живущий в монастыре, но еще не постриженный в монашество» — трактовка, близкая к образу жизни героя). Производящим словом к фамилии Серпеев, видимо, является «серпистый» («согнутый серпом», то есть задавленный страхом). Происхождение обеих фамилий связано с образом жизни персонажей — для создания фамилии своего героя Пьецух использует тот же прием, что и Чехов.

Сопоставление Беликова и Серпеева начинается уже с первых строк рассказа. Если для учителя XIX века футляром становится преподавание греческого языка, то для учителя века XX — преподавание русского языка и литературы. Беликовское «как бы чего не вышло» у Серпеева доходит до наивысшей точки: «Беликов боялся, так сказать, выборочно, а Серпеев почти всего: собак, разного рода привратников, милиционеров, <….> — одним словом, почти всего, даже глупо перечислять». Отдельные лексемы цитаты перекликаются с чеховским повествованием за счет повтора местоимения «всего» (ср.: «В городе стали бояться всего…»). Первоначальный вывод, делаемый рассказчиком, не в пользу Серпеева: «Беликов все же был сильная личность, и сам окружающих застращал, постоянно вынося на люди разные пугательные идеи; Серпеев же был слаб, задавлен своими страхами и, кроме как на службу, во внешний мир не совал носа практически никогда…» Налицо смена ситуации: Беликов запугал жителей города, жители города (страны) запугали Серпеева.

В повествовании Буркина мы узнаем об уже сложившейся ситуации, а рассказчик Пьецуха сообщает нам предысторию возникновения страхов героя: горе-отец сообщил четырехлетнему сыну о том, что все люди смертны, и мальчик начал бояться смерти; товарищи по детским играм били его за интеллигентность… Страхи Серпеева «имели под собой в той или иной степени действительные резоны». «Наш человек в футляре» в самом деле оказывается нашим, то есть понятным и близким людям, пережившим описанные времена: «…он боялся звуков ночи, потому что по ночам в округе то страшно стучали, то страшно кричали, а у него не было сил, если что, поспешить на помощь». Пьецух создает портрет эпохи в ее характерных чертах, хотя и не конкретизирует ни место, ни время действия.

Аллюзии с Беликовым становятся чертами различия, а не сходства. Образ как бы раздваивается: с одной стороны, перед нами современный Беликов, боящийся абсолютно всего, с другой — порядочный человек, тонко чувствующий прекрасное, болеющий за души доверенных ему учеников. Серпеев способен и на смелые поступки: он регулярно подменяет «глупые плановые темы» интересными и важными для формирования детских душ, отказывается перестраиваться «на виду у целого класса» в момент внезапной проверки из гороно, то есть открыто выступает против начальства.

После увольнения из школы герой получает возможность вести «внешкольный курс словесности» «для особо заинтересованных учеников хотя бы у себя дома», то есть по-прежнему учит, «если так можно выразиться, душе, опираясь главным образом на светлую литературу девятнадцатого столетия». Пьецух разрушает читательские стереотипы, связанные с концептом «футлярный человек». Его герой, несмотря на свою «задавленность страхами», оказывается «футлярным диссидентом» [7].

Конец рассказа трагичен. Причиной смерти Серпеева становится уход запуганных в школе учеников, 48 часов ожидания ареста и сердечная недостаточность. (Аллюзия на рассказ А.П. Чехова «Смерть чиновника», но без комизма ситуации.) Серпеев не побоялся учить детей прекрасному без разрешения отдела образования, хотя вполне мог предположить подобное развитие событий. То есть, боясь «почти всего», он не боялся ничего, если дело касалось его учеников. Его идеалы, почерпнутые из «светлых книг» XIX столетия, невозможны в XX веке. Если вначале чтения выявляется сходство героев Чехова и Пьецуха, то на более глубинном уровне Серпеев — человек, сохранивший душу, сердце, свой внутренний мир в очень непростое время.

Открытая апелляция к Чехову, использование названия и сюжета при сохранении жанра рассказа служат способом изображения современной автору социальной действительности. Сополагая явления высокого и низкого уровня, вводя иронически переосмысленные культурно-исторические и литературные реминисценции, широко обращаясь к цитации и параллелям, Пьецух обостряет восприятие русской истории и литературы и их идеалов в современности. «Вечные истины», поданные в ироническом ракурсе, звучат ново и неожиданно. Литературоцентричность русской жизни становится художественным выражением постмодернистского понимания алогичности, абсурдности ситуации рубежа XX—XXI веков. Интертекст становится основой диалога между автором и читателями.

Библиографический список

1. Гришаева, Л.И. Диалог, культура, литература / Л.И. Гришаева, М.К. Попова. // Литература в диалоге культур: материалы международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 18—21 октября 2003 г.). — Ростов-н/Д, 2003. — С. 21—26.

2. Постмодернизм. Энциклопедия / ред.-сост. А.А. Грицанов, М.А. Можейко. — М.: Интерпрессервис, 2001. — 1040 с.

3. Пьецух, В.А. Чехов с нами / В.А. Пьецух // Я и прочее: циклы; рассказы; повести; роман. — М., 1990. — С. 34—42.

4. Липовецкий, М.Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики / М.Н. Липовецкий. — Екатеринбург, 1997.

5. Чехов, А.П. Человек в футляре / А.П. Чехов // полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — Сочинения. Т. 10. — М., 1986.

6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. / В.И. Даль. — М.: Мир книги, 2003. Т. 1. — 368 с.

7. Петухова, Е.Н. Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века / Е.Н. Петухова. — СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2005. — 118 с.

УДК 659.44
ББК Ч 600

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ПРЕСС-РЕЛИЗА КАК КЛЮЧЕВОГО ИНСТРУМЕНТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СМИ

Л.В. Пелленен

Пресс-релиз является одним из самых распространенных инструментов взаимодействия со средствами массовой информации. Для повышения эффективности данного инструмента в процессе его подготовки следует исходить из интересов всех участников коммуникационного процесса. Процесс подготовки пресс-релиза может быть представлен в виде определенной технологической цепочки, закрепляющей обязательные элементы данной деятельности.

Ключевые слова: PR-текст, взаимодействие со СМИ, пресс-релиз, медиа-рилейшнз.

Взаимодействие со средствами массовой информации (медиа-рилейшнз) занимает особое место в практике деятельности по связям с общественностью. Большинство теоретиков и практиков PR сходятся во мнении о том, что данная деятельность — необходимый элемент всех направлений PR-деятельности. Медиа рилейшнз в равной степени необходимы для работы с общественными организациями, бизнес-ассоциациями и политическими партиями (public affairs); для управления корпоративным имиджем (corporate affairs); для организации деятельности по предупреждению, преодолению и уменьшению ущерба от кризиса (issues management, crisis management, spin-деятельность); для работы над персональным имиджем (image making); для организации внутрикорпоративного PR; для проведения PR-кампаний по стимулированию гражданской активности и вовлечению граждан в реализацию государственных программ и т. п. Пресс-релиз, как инструмент взаимодействия со СМИ, можно по праву считать наиболее популярным инструментом данного вида PR-деятельности. Рекомендации по подготовке и оформлению пресс-релизов приведены практически в каждом учебнике и учебном пособии по связям с общественностью. Так, представитель санкт-петербургской научной школы PR А.Д. Кривоносов относит пресс-релиз к числу оперативно-новостных жанров и определяет его, как «основной жанр PR-текста, содержащий предназначенную для прессы актуальную оперативную информацию о событии, связанном с базисным субъектом PR» [2, с. 215]. У. Аги, Г. Кэмерон, Ф. Олт и Д. Уилкокс обращают особое внимание на технологическое своеобразие данного инструмента, и определяют пресс-релиз,

как «документ, задача которого распространять информацию в форме, готовой для публикации» [5, с. 487]. Степень изученности данного вопроса, на первый взгляд, выглядит очень высокой. Проблема, однако, заключается в том, что исследователи преимущественно концентрируют свое внимание на специфике стиля, композиции и оформления пресс-релизов, не уделяя, на наш взгляд, достаточного внимания вопросам стратегического целеполагания и технологичности процесса подготовки и распространения этого популярного инструмента. Можно предположить, что именно этому обстоятельству мы обязаны тем, что современное медиа-пространство буквально наводнено огромным количеством текстов, которые в ряде случаев не только бесполезны для базисного субъекта PR, но в некотором смысле даже и вредны. И это при том, что, по формальным основаниям, такие пресс-релизы зачастую соответствуют теоретическим требованиям к такого рода документам. Нам представляется, что причина данного явления кроется в том, что такое, поставленное на поток, производство пресс-релизов направлено исключительно на удовлетворение потребности стратегического и/или технологического субъектов PR в известности, сосредоточено на формировании паблисити любой ценой. А между тем, медиарилейшнз имеет дело с тремя участниками коммуникационного процесса: СМИ, общественностью и базисным субъектом PR. В одной из работ автора процесс их взаимосвязи и взаимовлияния представлен в виде схематической модели [4, с. 63]. В составе базисного субъекта PR, как правило, функционирует пресс-служба (которая, в идеале, является инициатором и распространителем всех информационных сигналов, адресованных через СМИ целевой общественности). Вторым участником коммуникационного процесса является общественность, разделенная на определенные социально-профессиональные сегменты, именуемые целевыми группами.

Целевые группы получают информационные посылы от СМИ и реагируют на них в процессе обратной связи. Самым загруженным элементом коммуникационной системы являются СМИ. Они получают информационные сообщения от пресс-службы организации-заказчика, отбирают в информационном потоке то, что способно заинтересовать целевые группы, преобразуют информацию в формы, востребованные целевыми группами, и транслируют сигналы базисного субъекта в адрес целевых групп. Кроме того, СМИ, получив и обработав информацию обратной связи общественности, воздействуют и на сам базисный субъект. Разумеется, данная модель носит чрезвычайно упрощенный характер. Однако, в целом она дает нам возможность констатировать, что все три участника коммуникационного процесса (базисный субъект, общественность и СМИ) представляют собой равновеликую ценность для функционирования всей схемы [4, с. 63]. Следовательно, деятельность по подготовке и распространению пресс-релизов предназначена не только для формирования позитивного

пабисити базисного субъекта PR, но и для установления (развития, укрепления) контактов со СМИ, а значит — и для удовлетворения информационных запросов их аудиторий. Пресс-релиз относится к числу инструментов так называемого «информационного PR» [2, с. 166]. С точки зрения общих требований к содержанию, инструменты информационного PR в равной степени учитывают потребности базисного субъекта PR (заказчика) и целевых аудиторий. Опираясь на требования к PR-тексту, сформулированные А.Д. Кривоносовым [3], определим ряд характеристик, присущих пресс-релизу: инициированность и селективность в выборе информационных поводов (отражают соответствие целям заказчика); релевантность (соответствие информационных акцентов интересам ключевых аудиторий); оптимизация (интерпретация событий в интересах заказчика). Технологический ряд процесса подготовки пресс-релиза, на наш взгляд, должен учитывать вышеперечисленные требования. В монографии автора, посвященной технологическим аспектам медиа-рилейшнз, данная технологическая цепочка представлена в виде последовательности из семи шагов [4]. Первым шагом можно считать определение базисного субъекта PR и формулирование новостного повода. Под новостным поводом в данном случае подразумевается какой-либо из аспектов произошедшего события, либо факта, связанного с деятельностью базисного субъекта PR. В отношении данного события/факта проводится оперативный ситуационный анализ, призванный выявить: какие позитивные характеристики базисного субъекта могут быть проиллюстрированы данным событием; какие целевые аудитории могут заинтересоваться этим событием; насколько данное событие способствует разрешению злободневных социально-важных проблем. Таким образом, мы рассматриваем один и тот же факт под тремя углами зрения: как базисный субъект PR, как отдельный читатель и как общество в целом. Тот сегмент информации, который соответствует интересам всех трех сторон, и станет новостным поводом для пресс-релиза. Это позволяет PR-специалисту отобрать из ряда возможностей подлинно актуальный новостной повод, который способен заинтересовать журналистов. Вторым шагом технологического ряда является формулирование задач данного коммуникационного акта. На данном этапе PR-специалист определяет те позиции, которые подлежат освещению в пресс-релизе с точки зрения интересов базисного субъекта PR. Третий шаг — это определение особенностей восприятия целевых аудиторий, которым предназначен данный пресс-релиз. С учетом данных особенностей может быть выбрана форма подачи, определенная лексика, а главное — расставлены информационные акценты. Поскольку целью является эффективная коммуникация, потребитель информации должен узнавать из пресс-релиза именно то, что касается его интересов, что ему в данный момент необходимо. Четвертый шаг предполагает определение конкретных СМИ, которые могут быть заинтересованы

в данном пресс-релизе с учетом предпочтений их читательских, зрительских, слушательских аудиторий. Данный шаг также оказывает влияние на выбор формы и содержания пресс-релиза с учетом особенностей отдельных видов СМИ и предпочтений конкретных журналистов и редакторов. Пятый шаг представляет собой собственно составление текста пресс-релиза с учетом интересов всех выше обозначенных сторон: заказчика, читателя и СМИ. Непременным условием данного этапа является соблюдение стандартных требований к содержанию, композиции, стилю и оформлению пресс-релиза, хорошо изученных и описанных в ряде источников. Так, в частности, очень развернутые рекомендации на этот счет приведены в работе Ю.М. Демина [1, с. 94—134]. Шестым шагом можно считать согласование пресс-релиза с заказчиком. Седьмой шаг — рассылка пресс-релиза и получение обратной связи от журналистов. Заключительным шагом можно считать мониторинг СМИ с целью определить, насколько эффективной явилась рассылка пресс-релизов. Предложенная выше последовательность действий может в определенном смысле быть названа технологическим рядом процесса подготовки пресс-релиза. Полагаем, что выполнение всех указанных этапов повышает вероятность того, что пресс-релиз будет востребован СМИ, а главное — что работа по его подготовке окупится ростом паблицитного капитала базисного субъекта PR.

Библиографический список

1. Демин, Ю.М. Бизнес PR / Ю.М. Демин. — М.: Бератор-пресс, 2003. — 336 с.
2. Кривоносов, А.Д. Основы теории связей с общественностью: учебник / А.Д. Кривоносов, О.Г. Филатова, М.А. Шишкина. — СПб.: Питер, 2010. — 384 с.
3. Кривоносов, А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций / А.Д. Кривоносов. — СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2001. — 254 с.
4. Пелленен, Л.В. Взаимодействие со СМИ как PR-технология в системе массовой коммуникации: монография / Л.В. Пелленен. — Челябинск: Цицеро, 2013. — 140 с.
5. Самое главное в PR / У. Аги, Г. Кэмерон, Ф. Олт, Д. Уилкокс. — СПб.: Питер, 2004. — 560 с.

УДК 659.4 + 070
ББК Ч600.6

ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е.Н. Пескова

Данный материал содержит информацию об условиях доминирующей роли массовой коммуникации в различных социальных, экономических и политических процессах и принципиально новых технических возможностях общения, где на первый план выходит проблема функционирования и эволюции текстов массовой коммуникации, а именно гипертекста как основного носителя информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: массовая коммуникация, интернет-коммуникация, гипертекст, коммуникатор, реципиент, средства массовой коммуникации.

На сегодняшний день массовая коммуникация, без сомнения, оказывает огромное влияние на развитие всех отраслей и сфер современного общества. Средства массовой коммуникации, прежде всего СМИ и Интернет, формируют повестку дня в политике, экономике, социальной и культурной сфере, транслируют общественные ценности, актуальные для различных государств, регионов и т. п.

В значительной степени эти процессы обусловлены технологическим прогрессом начала XXI века в контексте совершенствования форм коммуникации и средств связи. С одной стороны, доступными в круглосуточном режиме стали огромные массивы разнообразной информации, с другой стороны, небывалого уровня достигла интерактивность коммуникации.

Таким образом, оставаясь, по сути, средством массового воздействия на аудиторию, СМК позволяют коммуникаторам обращаться персонально к каждому адресату и получать при этом обратную связь.

Описанные выше процессы породили еще одну тенденцию — перемещение коммуникации в виртуальную сферу (так называемую он-лайн коммуникацию).

Средства интернет-коммуникации	Примеры
Электронная почта	@mail.ru, @gmail.com
Интернет-пейджеры	ICQ, SKYPE
Социальные сети	ВКОНТАКТЕ, FACEBOOK, Twitter

Рис. 1. Примеры средств интернет-коммуникации

Глобальная сеть Интернет стала основным коммуникативным каналом как для отдельных индивидуумов (физических лиц), так и для субъектов бизнеса и органов государственной власти. Основными средствами подобного общения стали: электронная почта, интернет-пейджеры, отечественные и зарубежные социальные сети и др.

Перевод коммуникации в виртуальную среду породил также и особый вид коммуникатора — виртуальную личность. Реальный человек или бизнес-субъект создает для решения коммуникативных задач в Интернете особый образ, обладающий набором качеств, существенных для его владельца. Это проявляется в стиле общения, используемом языке (различные виды интернет-сленга), визуализации образа (так называемый аватар).

Еще одной специфической чертой коммуникации в Интернете, позволяющей разрушать присущие для обычной офф-лайн коммуникации барьеры (прежде всего, социально-психологического характера), является прямая или мнимая анонимность коммуникатора (в акте участвует вышеназванный виртуальный персонаж, а не конкретный субъект).

Важно отметить, что Интернет стал не только площадкой для обмена информацией — коммерческая деятельность также перемещается в Интернет. Ярким примером этому явлению служит развитие и успех многочисленных интернет-магазинов. По мнению экспертов, доля виртуальных сделок регулярно растет и вскоре интернет-торговля потеснит традиционные формы продажи товаров.

Говоря о политической коммуникации, необходимо затронуть такую специфическую черту распространения информации в Интернете, как слабая степень контроля со стороны государственных надзорных органов. Как следствие, это отрицает возможность какой-либо цензуры на данном этапе развития технологий и позволяет очевидцам событий, имеющих особое значения для социума, доводить до массовой аудитории неискаженную в чьих-либо интересах картинку. Ярким примером подобной коммуникации стали события 15 февраля 2013 г., когда над Челябинской областью взорвался метеорит: официальная информация появилась в СМИ лишь спустя 3 часа после явления в виде коротких новостных сообщений, проиллюстрированных тематическими картинками следов падения других метеоритов, в то время как блоггеры и пользователи социальных сетей разместили текстовые сообщения о происшествии и даже видеозаписи уже в течение нескольких минут.

Некоторые характеристики массовой коммуникации объясняют необходимость обращения к гипертексту со стороны получателя информации, что можно увидеть на рис. 2.

Рис. 2

Современный реципиент в процессе восприятия ценит, прежде всего, его простоту и экономию времени, а также возможность получить многоаспектную, объективную и полную картину окружающей действительности.

Все вышеперечисленные качества передачи/получения информации может обеспечить гипертекст, то есть «набор компьютерных интернет-текстов, содержащих узлы перехода между ними, которые позволяют выбирать информацию и последовательность гипертекстов для чтения и работы с ними» [2, с. 89].

Принцип работы с гипертекстом напрямую связан с его основными характеристиками:

1. Применение всех средств воздействия: визуальных, графических, звуковых, стилевых и др.
2. Свободное передвижение по текстам в сети Интернет, индивидуальный стиль выстраивания процесса чтения.
3. Возможность начать работу с любого участка, звена текста.
4. Восприятие неограниченного количества текстов в совокупности.

Пользователь движется по тексту и между текстами в Интернете при помощи гиперссылок, которыми могут быть ссылки на:

– словари;
– персоналии;
– статичные иллюстрации;
– мультимедийные элементы;
– хрестоматийные или дополнительные материалы;
– структурные элементы текста;
– список монографий, учебной и научной литературы;
– список организаций;
– список исторических событий, дат;
– список географических названий;

– интернет-ресурсы и др. [1].

Таким образом, работа с гипертекстом в системе массовой коммуникации дает получателю и отправителю информации ряд преимуществ, основными из которых являются:

– обеспечение связи с явлением интертекстуальности (через цитирование);

– отсутствие ограничений в объеме итогового текста;

– расширенное понимание авторства;

– нелинейная структура дает возможность делать не один смысловой акцент, а несколько;

– наличие возможности обращения к контенту в любое время;

– наличие дополнительной информации;

– одновременное получение информации при помощи вербальных, звуковых и визуальных компонентов;

– возможность получения большего количества информации за меньший промежуток времени;

– интерактивность.

Мы можем отметить возрастающую эффективность обозначенного выше типа коммуникации как с точки зрения удобства и удовлетворенности адресата, так и с точки зрения полноты решения задач коммуникатора.

В итоге необходимо отметить, что сформировавшийся вектор развития каналов и инструментов массовой коммуникации требует дальнейшего осмысления специалистами различных отраслей науки, а особые, характерные для интернет-коммуникации, черты в очередной раз поднимают вопрос этики общения и других форм современного коммуникативного взаимодействия, что, впрочем, является темой отдельного исследования.

Библиографический список

1. Институт международных программ Российского университета дружбы народов. URL. — http://www.ido.rudn.ru/Open/technology/t5.htm.

2. Шилина, М.Г. Текстогенные трансформации инфосферы. Методологический эскиз становления Интернета: монография / М.Г. Шилина. — М.: РИЦ Северо-Восток, НИУ ВШЭ, 2012. — 736 с.

УДК 008:316
ББК Ч10 + С523

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Т.С. Соловьева

В данной статье корпоративная культура рассмотрена как фактор успешного развития предприятия. Мы проанализировали ряд дефиниций корпоративной культуры, рассмотрели ее уровни, типы и функции. Данное исследование позволило нам сформулировать собственное концептуальное определение понятия корпоративная культура и описать ее роль в формировании успешного предприятия.

Ключевые слова: культура, корпоративная культура, уровни корпоративной культуры, функции корпоративной культуры, типы корпоративной культуры, предприятие.

Понятие «корпоративная культура» вошло в обиход развитых стран в 20-е гг. прошлого столетия, когда возникла необходимость упорядочения взаимоотношений внутри крупных фирм и корпораций, а также осознания их места в инфраструктуре экономических, торговых и промышленных связей [2]. В России тема корпоративной культуры практически не исследовалась до 90-х гг. XX века или рассматривалась с теоретических позиций в другом социально-экономическом аспекте. Применительно к настоящему времени в связи с активным вовлечением России в процессы глобализации и международной интеграции, созданием совместных предприятий и выходом на международные рынки проблемы корпоративной культуры стали привлекать внимание российских ученых.

На сегодняшний день сложилось множество дефиниций корпоративной культуры (А.С. Сухоруков, А.Ф. Веселков, О.Ф. Русакова, Т. Орлова). Проанализировав ряд определений, мы пришли к выводу, что корпоративная культура представляет собой систему материальных и духовных ценностей и их проявлений, взаимодействующих между собой, присущих организации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной среде, проявляющейся во взаимодействии с ними.

Актуальность исследования корпоративной культуры обусловлена социально-экономическими изменениями в нашей стране, формированием понимания того, что именно от ее развития во многом зависит успешность любой организации. Все большее количество фирм своей приоритетной задачей считают создание сильной корпоративной культуры, поскольку благодаря ей можно произвести нужное, заранее заданное впечатление, определяя необходимую смысловую нагрузку любого, входящего в корпо-

ративную культуру элемента. Поэтому в рамках статьи мы рассмотрим корпоративную культуру современного предприятия как фактор его успешного развития.

Используя наиболее распространенное определение корпоративной культуры как системы основополагающих правил, разделяющихся всеми сотрудниками организации, мы видим, что из него вытекают нормы поведения и все остальные атрибуты, свойственные понятию «культура» в целом: мифы, традиции, ритуалы, способ циркулирования информации, язык [1].

Так один из исследователей корпоративной культуры Э. Шейн, предложил изучать ее по трем уровням. Осмысление начинается с первого, или «символического» уровня, включающего в себя такие видимые внешние факты, как применяемая технология и архитектура, использование пространства и времени, наблюдаемое поведение, язык, лозунги и т. д., то есть все то, что человек может ощущать и воспринимать своими пятью чувствами. На этом уровне вещи и явления легко обнаружить, но не всегда их можно расшифровать и интерпретировать в терминах корпоративной культуры [3].

Второй уровень — уровень провозглашаемых ценностей. Изучению подвергаются провозглашаемые цели, стратегии и философия, ценности и верования, разделяемые членами организации, в соответствии с тем, насколько эти ценности отражаются в символах и языке. Восприятие ценностей и верований носит осознанный характер и зависит от желания людей.

Третий — «глубинный» уровень — включает в себя базовые предположения, трудно осознаваемые даже самими членами организации без специального сосредоточения. Эти скрытые и принимаемые на веру предположения направляют поведение людей, помогая им воспринять атрибуты, характеризующие корпоративную культуру. К ним относятся особенности восприятия, мысли и чувства, подсознательные убеждения и представления.

В соответствии с тем, какие из указанных уровней изучаются, существует деление организационной культуры на субъективную и объективную [3]. Субъективная организационная культура исходит из разделяемых работниками предположений, ожиданий, группового восприятия организационного окружения с его ценностями, нормами и ролями, существующими вне личности. В них включают некоторые элементы символики, истории организации и ее лидеров, мифы, табу, обряды, ритуалы, язык общения, лозунги и т. п. Данный вид организационной культуры служит основой формирования культуры управления, т. е. стилей руководства и принятия решений, делегирования полномочий и участия в управлении, отношений с клиентами и поставщиками, систем мотивации персонала и многого другого.

Объективную корпоративную культуру обычно связывают с предметным окружением организации, природными условиями, особенностью архитектуры и дизайна зданий фирмы, оборудованием, коммуникациями,

инфраструктурой и т. д. Они отражают организационную культуру в той степени, в которой отражают основные ее ценности и представления и, следовательно, могут быть изменены в соответствии с этими ценностями [3].

Значение корпоративной культуры может быть определенно как мощный ресурс компании, поскольку она является ее нематериальным активом — это самое эффективное средство повышения мотивации сотрудников. Ведь лояльность, энтузиазм, доверие, психологический климат, товарищеская поддержка имеют большую ценность. Как только человек удовлетворяет потребности первого уровня (материальные), на первый план выходят иные: положение в коллективе, общность ценностей, нематериальная мотивация и многое другое.

Можно выделить функции корпоративной культуры: воспроизводство лучших элементов накопленной культуры, продуцирование новых ценностей и их накопление; оценочно-нормативная функция (на основе сравнения реального поведения человека, группы, корпорации с нормами культурного поведения, с идеалами о позитивных и негативных действиях, гуманных и бесчеловечных, изящных и грубых, прогрессивных и консервативных); регламентирующая и регулирующая функции культуры, то есть применение культуры как индикатора и регулятора поведения; познавательная функция (познание и усвоение корпоративной культуры, осуществляемое на стадии адаптации работника, способствует его включению в жизнь коллектива, в коллективную деятельность, определяет его успешность); смыслообразующая — корпоративная культура влияет на мировоззрение человека, зачастую корпоративные ценности превращаются в ценности личности и коллектива, либо вступают с ним в конфликт; коммуникационная — через ценности, принятые в корпорации, нормы поведения и другие элементы культуры обеспечивается взаимопонимание работников и их взаимодействие; функция общественной памяти, сохранение и накопление опыта корпорации; рекреативная — восстановление духовных сил в процессе восприятия культурной деятельности корпорации возможно лишь в случае высокого нравственного потенциала корпоративной культуры и причастности работника к ней и разделения ее ценностей [4].

Проявление корпоративной культуры, по нашему мнению, обеспечивает формирование морально-этических ценностей и установок жизнедеятельности организации, побуждающих потенциал интеллектуальной и духовной энергии человеческих ресурсов на эффективную реализацию ее миссии; упрочение связей (социальное партнерство) работников с руководством организации, чувства общности (солидарности) всех уровней работников вокруг ценностей, норм, традиций и повышение их ответственности за качество деятельности; организацию работы и распоряжение человеческими ресурсами таким образом, чтобы деятельность организации обеспечивала высокую мобильность, обогащение, социальную защиту тех,

кто в ней работает; создание фирменного стиля, направленного на развитие культуры качества, процветание корпорации, стимулирования удовлетворенности трудом работников и повышение социального вклада в общество; завоевание благожелательного отношения со стороны общественности, находящейся вовне организации. Развивая корпоративную культуру, компании добиваются главного: коллектив высококвалифицированных сотрудников эффективно работает на общую цель единой командой, достигая серьезных успехов в развитии и укреплении бизнеса.

Подводя итоги, можно сказать, что корпоративная культура — это «осязаемая» категория, которая не требует доказательств своего существования, состоящая из внутренних и внешних элементов. Внешние формируют не только узнаваемость среди широкой общественности, но и способствуют формированию имиджа, и от того, насколько грамотно происходит управление данными элементами, зависит успешная деятельность организации. Тем не менее довольно сложно определить только по внешним признакам, насколько сильна корпоративная культура в той или иной организации. Изучив их, можно сказать лишь о том, насколько успешно они работают на внешнюю целевую аудиторию. О силе и качестве корпоративной культуры можно судить, проанализировав ее в целом. Только комплексный анализ способен выявить основные положительные и отрицательные моменты, складывающиеся при формировании той или иной корпоративной культуры. Однако этот вопрос станет темой нашего дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Балина, К. Корпоративные культурные ценности / К. Балина. // Директор. — 2001. — № 5. — С. 94—96.

2. Микро- и макроэкономика: практикум / под общ.ред. Ю.А. Огибина. — СПб.: «Литера плюс», «Санкт-Петербург оркестр», 1994. — 214 с.

3. Сололанидина, Т.О. Организационная культура компании: уч. пособие / Т.О. Сололанидина. — М.: ООО Журнал «Управление персоналом». — 2007. — 456 с.

4. Спивак, В.А. Корпоративная культура / В.А. Спивак. — СПб.: Питер, 2001. — 352 с.

УДК 811.161.1’373
ББК Ш141.2-7

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В ТЕКСТАХ ДЛЯ СТУДЕНЧЕСКОГО КОРПОРАТИВНОГО ИЗДАНИЯ

Е.М. Хакимова

Статья посвящена изучению грамматических девиаций в текстах, подготовленных студентами кафедры массовой коммуникации Южно-Уральского государственного университета для публикации в корпоративном издании «PR-брейк». Автор анализирует разновидности выявленных морфологических и синтаксических ошибок, предлагая оптимальные варианты их исправления.

Ключевые слова: языковая компетенция, культура речи; ортология; грамматическая норма; морфологическая ошибка; синтаксическая ошибка.

В Государственных образовательных стандартах, определяющих подготовку профессионалов в сфере рекламы и связей с общественностью, указывается, что выпускники, освоившие предусмотренные учебными программами курсы, должны обладать рядом профессиональных умений и навыков, предполагающих высокий уровень развития языковой компетенции [2; 3; 4]. Решение данной задачи обеспечивается гуманитарными дисциплинами, преподавание которых осуществляется на кафедре массовой коммуникации Южно-Уральского государственного университета более 10 лет. Речеведческий комплекс составляют «Русский язык и культура речи», «Практикум по письменной речи специалиста по связям с общественностью», «Стилистика и литературное редактирование», «Стилистика текстов массовой коммуникации», «Спичрайтинг и риторика PR-текста», «Слоган и текст в рекламе» и другие учебные курсы. На лекционных и практических занятиях студенты получают возможность решить ряд задач: систематизировать знания о нормах современного русского литературного языка с учетом вариативности и динамизма ортологической системы; развить навыки уместного использования языковых единиц с различной функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной окраской; расширить представления о профессионально значимых монологических и диалогических жанрах устной и письменной речи. Всё это создает качественную теоретическую базу, что значимо для дальнейшей профессиональной деятельности. Однако теоретическая подготовка должна соединяться с практическими навыками, для формирования которых необходима площадка, позволяющая студентам продуцировать текстовые материалы в условиях, максимально приближенных к производственным. Та-

кой площадкой на кафедре массовой коммуникации ЮУрГУ является корпоративное издание «PR-брейк».

Газета «PR-брейк» была создана в 2002 году. Результатом работы редакции, в состав которой входят студенты и преподаватели кафедры, является креолизованный текст, включающий в себя знаки разной природы — вербальные и невербальные. Работая над материалами, студенты изначально настроены на то, что их высказывания должны быть выразительными и привлекать внимание аудитории креативностью. При этом, однако, будущие специалисты в сфере связей с общественностью и рекламы далеко не всегда понимают, что обязательным условием создания качественных текстов является знание языкового стандарта. Следствием недостаточно серьёзного отношения к нормам языка являются многочисленные ошибки, в том числе и нарушения грамматических норм. В решении вопроса о том, какими разновидностями представлен данный ортологический тип, нет единства. Мы разделяем точку зрения лингвистов, рассматривающих в качестве грамматических нормы двух типов: морфологические и синтаксические. Отклонения от морфологических и синтаксических стандартов квалифицируются как морфологические и синтаксические ошибки.

Морфологические ошибки — нарушения норм, регламентирующих образование грамматических форм разных частей речи. В ходе анализа текстов выяснилось, что у студентов возникают проблемы с грамматическими категориями существительных:

● допущена ошибка при определении рода аббревиатуры, образованной соединением начальных букв базового сочетания: **Социалистическая система рушилась от того было принято решение закрыть границу и 13 августа 1961 года **ГДР приступило** к возведению стены*;

● использована ненормативная форма множественного числа у существительного с отвлечённым значением: **И чтобы развеять все вопросы и **негодования** по этому поводу, мы побеседовали с доцентом кафедры Массовая коммуникация, кандидатом культурологических наук Евгением Александровичем Андреевым*. Причиной ошибки является метонимический перенос (состояние → проявления состояния). Метонимические переносы могут рассматриваться как результат действия закона экономии речевых усилий. Подобные употребления характеризуются высокой частотностью и нередко встречается в речи носителей языка, владеющих литературной нормой. В качестве примера в этой связи приведём высказывание **В.В. Путина, зафиксированное в стенограмме** заседания Президиума Правительства Российской Федерации от 9 июня 2011**:** *Не забудьте только про наши **договоренности** и **озабоченности**, которые высказывали деятели культуры, когда мы с ними встречались* [5].

Синтаксические ошибки — нарушения норм, определяющих правильное построение словосочетаний и предложений. В студенческих тек-

стах отклонения данного типа обнаружены при употреблении всех синтаксических единиц.

● На уровне словосочетания выявлены ошибки в управлении: **Следствием этому* *является массовый плагиат зарубежных рекламных идей и технологий*. Нарушение нормы здесь обусловлено аналогией, которая спровоцирована словообразовательными связями главного слова: *следовать этому* → **следствием этому* (ср. с правильным вариантом *следствием этого*).

● На уровне простого предложения ошибки отличаются разнообразием. Допускаются они при употреблении главных членов: **Под их руководством* ***было проведено масса мероприятий***. Нарушение корреляции по роду в грамматической основе приведённого высказывания обусловлено системными связями лексемы *масса*: в составе подлежащего данное слово используется вместо его синонима *множество*.

В некоторых случаях ошибочно употребляются и второстепенные члены, например прямое дополнение в конструкциях с отрицанием: **Знала просто, что* ***всего выучить*** *не возможно*. В «Справочнике по русскому языку» Д.Э. Розенталя, Е.В. Джанджаковой, Н.П. Кабановой указывается: «Постановка прямого дополнения в форме винительного падежа обязательна в тех случаях, когда отрицание *не* стоит не при переходном глаголе, а при другом слове в предложении» [1, с. 528]. Поскольку в рассматриваемом предложении частица *не* связана со словом *возможно*, которое к глаголам не относится, местоимение следует употребить именно в форме В.п.: *выучить всё невозможно*. Отмеченная ошибка, конечно, не является грубой, она, по нашему мнению, вполне простительна в речи приватной, но в публичном высказывании профессионального коммуникатора нежелательна.

Особенно многочисленными являются отступления от синтаксической нормы в осложнённых конструкциях с разнообразными синтаксическими связями и отношениями. Приведём некоторые примеры:

— ошибки при употреблении однородных членов: **С одной стороны дипломную работу было проще писать, потому что она была тесно связана с текущей работой на предприятии, что обеспечивало* ***как практику, так и гарантировало*** *актуальность работы*;

— ошибки при употреблении причастных и деепричастных оборотов: **Если двигаться вдоль берлинской стены можно увидеть* ***выложенную полосу из камней****, которая теперь символически разделяет Западную и Восточную часть Берлина*; **Это была самая охраняемая граница,* ***следуя приказу властей ГДР уничтожались*** *все* ***беглецы***;

— ошибки при употреблении пояснительных конструкций: **Совсем недавно студенты Южно-Уральского государственного университета столкнулись с ещё одним* ***явлением****, касающимся учёбы —* ***тестирование*** *остаточных знаний*.

● Серьезные затруднения у студентов вызывает синтаксис сложного предложения. Например, в высказывании **В Берлине можно заметить огромное количество современных футуристических памятников,* ***которые не поддающихся какому либо описанию*** имеет место контаминация определительного придаточного и причастного оборота.

В предложении *Если диплом — это полностью* ***твоя*** *работа,* ***ты*** *уверен в ней, то например в основах теории коммуникации или в психологии (именно эти вопросы мне попались в билетах),* ***я*** *не так разбиралась и какой-нибудь вопрос мог бы застать* ***меня*** *врасплох* ненормативно актуализирована категория персональности вследствие объединения в одном высказывании местоимений 1-го лица и 2-го лица с обобщённым значением.

Вместе с тем следует учитывать, что в синтаксисе структурный фактор при всей его важности не является единственно значимым. Поскольку данный уровень языковой системы непосредственно связан с процессом мышления, синтаксическая ошибка может быть следствием логического сбоя, проявляющегося, например, в нарушении словопорядка: **Выпускникам 2012 хочется пожелать, чтобы все работы сдавали вовремя,* ***не паниковали*** *и* ***не пугались*** *предстоящих трудностей, а наслаждались последними месяцами учебы — ведь совсем скоро они закончатся и второго такого времени больше не будет*. Так как испуг является причиной паники, однородные компоненты в данном предложении следует поменять местами.

Приведённый список отступлений от грамматического стандарта не является исчерпывающим. Преподаватель, контролирующий работу над вербальной составляющей публикаций, должен убеждать младших коллег в том, что для специалиста речевая свобода, допускающая в некоторых случаях отступления от нормы, невозможна без чётких представлений о правильности. Именно на них базируется профессиональная культура, формирование которой относится к числу первостепенных задач системы современного медиа-образования.

Библиографический список

1. Розенталь, Д.Э. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование / Д.Э. Розенталь, Е.В. Джанджакова, Н.П. Кабанова. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 768 с.

2. http://eduscan.net/standart/030602.

3. http://www.aael.altai.ru/index/sistema_/gosudars/gosudars/gosudars/at_word_doc/495/index.htm.

4. http://base.garant.ru/198244/.

5. http://правительство.рф/docs/15535/.

УДК 378.126
ББК Ч448.046

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

М.В. Чуракова

В статье автор рассматривает понятие научно-исследовательская компетенция преподавателей вуза, предлагает методику по её развитию.

Ключевые слова: научно-исследовательская компетенция преподавателей, методика, методика развития компетенции.

В целях развития научно-исследовательской компетенции преподавателей в процессе внутриорганизационного повышения квалификации необходимо создать организационно-педагогические условия и разработать методику её реализации. В соответствии с поставленной целью нами были сформулированы *задачи организации процесса развития научно-исследовательской компетенции* преподавателя так, чтобы наряду с расширением знаний научного и методического, исследовательского компонентов педагогической деятельности, во-первых, активизировать аналитические и проектировочные способности; во-вторых, стимулировать инновационные, репрезентативные и исследовательские потребности, в-третьих, повысить осознание необходимости непрерывного совершенствование профессиональной деятельности, в-четвертых, совершенствовать проектировочные, прогностические и рефлексивные умения, а также умения эффективного взаимодействия с представителями различных социальных групп по этическим нормам и правилам, принятыми в организации.

Мы считаем *научно-исследовательскую компетенцию преподавателей* комплексной характеристикой знаний, умений и способностей в трех компонентах: личностном, деятельностном и познавательном. Нам близка научная концепция о возможности одновременного формирования системы знаний, умений и способностей, соответствующих той или иной деятельности. Для этого необходима специально организованная деятельность, так как именно в деятельности наиболее успешно формируются и развиваются знания, умения и навыки. Если определять позицию по отношению к понятию «специально-организованная деятельность», то мы считаем, что это внутриорганизационное повышение квалификации преподавателей учреждений высшего профессионального образования (ВПО), предусматривающее дополнительные организационно-педагогические условия, которые обеспечат наиболее благоприятную среду для развития научно-исследовательскую компетенции. Организация и осуществление целенаправленной опытно-экспериментальной работы включает несколько основных элементов:

1) уточнение задач каждого этапа развития научно-исследовательской компетенции;

2) разработку и отбор содержания повышения квалификации внутри учреждения высшего профессионального образования, направленного на развитие научно-методической компетенции преподавателей;

3) разработку методики развития научно-методической компетенции преподавателей;

4) разработку методического и дидактического обеспечения содержания повышения квалификации преподавателей, направленного на развитие научно-исследовательской компетенции;

5) разработку диагностического обеспечения реализации методики развития научно- исследовательской компетенции преподавателей ВПО.

Первый элемент опытно-экспериментальной работы — это уточнение задач каждого этапа развития данной компетенции. На основе анализа психолого-педагогической литературы, результатов констатирующего эксперимента были выделены три этапа методики развития научно-исследовательской компетенции преподавателей СПО: пропедевтический, деятельностный и развивающий. Для каждого этапа был разработан комплекс задач (см. таблицу).

Задачи этапов реализации методики развития
научно-исследовательской компетенции преподавателей ВПО

	Задачи
I. Пропедевтический	– Пропаганда важности научных и методических знаний в педагогической деятельности; – привлечение преподавателей к постоянному взаимодействию со стратегическими партнерами; – формирование интереса к поиску научно-методической информации; – освоение приёмов самоанализа сильных и слабых сторон в области научно-исследовательской работы; – разработка диагностических процедур, обеспечивающих комплексную оценку состояния научно-исследовательской компетенции преподавателя.
II. Деятельностный	– Стимулирование рефлексии личных достижений в научно-исследовательской работе; – обогащение теоретических знаний о научно-педагогических проектах, об инновационных методиках работы; – развитие аналитических, коммуникативных и рефлексивных способностей; – расширение опыта взаимодействия преподавателей со стратегическими партнерами; – внедрение новых форм расширения научно-информационного пространства; – реализация Программы личностного саморазвития.

Окончание таблицы

	Задачи
III. Развивающий	– Симулирование преподавателей к самоанализу и самооценке процесса развития научно- исследовательской компетенции; – развитие аналитических и исследовательских способностей преподавателей в процессе внутриорганизационного повышения квалификации; – активизация стремления преподавателей к коллективному решению возникающих проблем в области научных исследований и методической работы; – формирование навыков успешного взаимодействия, убеждающего воздействия, бесконфликтного общения со стратегическими партнерами учреждений ВПО; – освоение разнообразных форм и методов научно- исследовательской работы.

Второй элемент представлен мероприятиями по разработке и отбору содержания повышения квалификации внутри учреждения ВПО, направленного на развитие научно-исследовательской компетенции преподавателей с учетом следующих требований:

- соответствие содержания задачам развития научно-исследовательской компетенции преподавателей учреждения ВПО на каждом из выделенных этапов;
- систематизация информации по степени сложности;
- формирование опыта успешного исследования нестандартных проблем;
- развитие деловой культуры взаимодействия;
- формирование внутриорганизационной среды с заданными стандартами в области этических норм и поведения.

Третий элемент — разработка методики развития научно- исследовательской компетенции преподавателей учреждений ВПО, состоящей из следующих компонентов:

- освоение методов теоретического анализа, алгоритма проведения исследовательских работ, технологий разработки методических решений;
- выполнение преподавателями научно-исследовательских заданий по уровням сложности;
- стимулирование поиска научной и исследовательской информации через электронную библиотеку;
- развитие группового взаимодействия через освоение различных структурных ролей, методов групповой работы и бесконфликтного общения в процессе внутриорганизационного повышения квалификации преподавателей;
- сознательное включение учителей в активную оценочно-рефлексивную деятельность по анализу эффективности своей работы, самокон-

тролю, планированию профессионального развития в области научно-исследовательской проектов.

Четвертый элемент — разработка методического и дидактического обеспечения содержания внутриорганизационного повышения квалификации преподавателей ВПО, направленного на развитие научно-исследовательской компетенции, представлен в работе «кейс-стадиями», деловыми и имитационными играми, Программой работы методической школы, электронными заданиями, комплексами дополнительных методических и информационных материалов.

Работа преподавателей с «кейсами» включает в себя: определение проблемы; поиск релевантной информации, её структурирование для четкой характеристики рассматриваемой проблемы, предложение теоретического обоснования имеющихся вариантов решения, обоснованный выбор научной концепции, разработка методического сопровождения принятого варианта решения. Проживание в игровой форме преподавателями гипотетических ситуаций из педагогической практики предполагало: определение цели, осознание особенностей ситуации, анализ традиционного решения (характерного для данной ситуации) и предложение собственного методического решения, рефлексию и обоснование правильности (или ошибочности) избранного решения, разработку альтернативных вариантов в группе.

Электронные задания представляли собой связующее звено между занятиями в методической школе. Каждое задание давалось на 2 недели, при этом задание было небольшим и на его выполнение требовалось от 40 минут до одного часа. Данное обстоятельство, по нашему мнению, должно было стать мотивационным фактором в активизации научно-методической работы преподавателей.

Комплексы дополнительных методических и информационных материалов предлагались преподавателям в зависимости от темы предстоящего занятия. Полученные материалы преподаватели должны были изучить с тем, чтобы на методической школе в диалоговом режиме с коллегами отметить положительные и негативные стороны в рассматриваемом материале.

Пятый элемент заключался в отборе диагностического инструментария. Для текущего контроля мы также разработали систему заданий, с помощью которых оценивали качество усвоения теоретических знаний, расширение умений осуществления научно-методической работы, рефлексивно-оценочные действия преподавателей и адекватность их самооценки.

Таким образом, предложенные нам этапы развития научно-исследовательской компетенции преподавателя позволять повысить профессиональную компетентность преподавателей высшего профессионального образования.

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ

УДК 94(47):2-6 + 2-6
ББК ТЗ(2)51-7 + Э211

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ В XVIII СТОЛЕТИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

А.Н. Андреев

В результате проведенных исследований в области духовного развития русского общества в XVIII в. выявлены взаимосвязи между модернизационными сдвигами в стране и снижением уровня конфессиональной напряженности. Выяснено, что секулярная культурная парадигма «современных» обществ значительно укрепляет социальную установку на религиозную толерантность.

Ключевые слова: модернизация; религиозная толерантность; Россия в XVIII в.; межконфессиональные отношения.

В XVIII в. Россия вступила на путь заимствования организационных достижений и ценностей европейских стран, что влекло за собой дифференциацию аксиологических ориентаций и частичную рационализацию общественного сознания, способствовало распространению индивидуалистических ценностей и становлению конфессионального плюрализма. Важнейшим критерием развития социума на пути модернизации выступает «расширяющаяся автономия индивидуума вследствие разрушения традиционных связей», прежде всего связей религиозных [1, с. 16]. Модернизационные сдвиги в экономической, административной и социальной сферах обусловили трансформацию религиозной культуры традиционного общества в России, выступили факторами смены парадигм межконфессионального и межкультурного сотрудничества.

Начиная с эпохи Петра Великого в российском общественном сознании особенную актуальность приобрели категории развития, прогресса и просвещения, нередко противопоставляемые традициям и «косности» московского быта [2, с. 529]. Российский социум XVIII в. имел свой «бинарный код» модернизации, в котором существенную роль играла специфическая оппозиция «древнерусское — европейское» [3, с. 222]. Петровские реформы подкреплялись идеологией разностороннего сотрудничества с инославными христианами, зачастую шедшей вразрез с религиозными представлениями и этическими нормами Древней Руси. При выраженном пиетете государственной власти и российского высшего общества к европейскому образованию и западной культуре, во многих случаях сохранявшим религиозные основы, в России XVIII в. возникал целый ряд оппозиций:

«православие — латинство», «ортодоксальное православие — религиозный индивидуализм», «ортодоксия — реформационное вольнодумство», которые можно воспринимать как различные варианты антитезы «традиции — новации», «старина — новизна» [4, с. 49]. Известно, что «европеизированная культура стала достоянием лишь очень узкого слоя русского общества» [5, с. 132], в котором новации признавались полезными. В народной же массе существование специфического «бинарного кода» модернизации часто провоцировало резкое противопоставление «своего» традиционного, «позитивного» религиозного и культурного опыта — «чужому», европейскому [6, с. 50—59]. Таким образом, развитие межконфессиональных отношений в России XVIII в. напрямую зависело от степени вовлеченности социальных групп и отдельных лиц в модернизационные процессы, от уровня осознания обществом европейских культурных (в том числе и религиозных) заимствований как явлений прогрессивных.

Исследование практики межрелигиозных отношений в XVIII в. полностью подтверждает данный тезис. Служебные связи и деловые встречи православных чиновников, военных и мастеровых людей с инославными коллегами (католиками и протестантами), а также церковными деятелями-«иноверцами», способствовали устранению «комплекса враждебности» и чужеродности в восприятии европейских конфессий [7, с. 171—191; 8, с. 81]. Каждый новый виток модернизации усиливал степень веротерпимости: идея «толеранции» возникла в Петровскую эпоху, но современники отмечали, что при Екатерине II «русское общество было куда более толерантным, чем раньше» [9, с. 311; 10, с. 142—143]. В первую очередь в XVIII в. изменилась парадигма православно-протестантских отношений, поскольку протестантство опосредованно выступало идейной основой российской модернизации [11, с. 83—95]. Характер православно-протестантского сближения, а также тесные связи между секуляризацией культуры и выработкой терпимого отношения к протестантским религиозно-этическим нормам демонстрируют сочинения крупнейших деятелей русской науки и культуры конца XVIII в. — В.Н. Татищева, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина и др. [12, с. 392—398]. В общественном сознании сохранялось традиционно настороженное отношение к католицизму. Складывание нового отношения к протестантской и католической культурам в XVIII в. можно проследить не только на примере взаимодействия с европейцами москвичей и петербуржцев, но и жителей других городов, где присутствовал значительный контингент выходцев из Европы. В частности, на Урале формирование религиозной толерантности происходило у части жителей Екатеринбурга и Оренбурга — городов, рожденных в новых политических условиях и несших в своем облике отпечаток европоцентристской идеологии [13, с. 135—148]. Даже русские старообрядцы не остались в стороне от процесса усиления практической веротерпимости: в ус-

ловиях гонений правительства и официальной церкви деловые связи с «иноверцами» и поддержка, оказываемая с их стороны, были крайне важны для сторонников древлеправославия. Старообрядцы XVIII столетия становились более терпимыми, чем их предшественники, к инокультурным влияниям и официальному православию (в частности, это проявилось в признании, что некоторые положения, изложенные в сочинениях иерархов Русской Православной Церкви, «согласная святым суть») [14, с. 40—44]. Приобщение страны к западному опыту в определенной степени сказалось и на сторонниках старого обряда, т. е. проявилось даже в самой консервативной социокультурной среде. Конструктивные взаимоотношения с иностранцами в России демонстрируют практическую способность сторонников «старой веры» к проявлению конфессиональной толерантности (при сохранении антагонизма к католичеству и протестантству на теоретическом уровне сознания) [15, с. 98—107].

Снижение конфликтности в отношениях между православными и западными христианами в России XVIII в. в первую очередь стало следствием характерной для «современных» обществ подмены живой веры в Бога «культурой», результатом усиления секулярного начала в духовной жизни: еще П.А. Флоренский отметил, что никогда «не было бы разделений религиозных в том случае, если бы мы окончательно признали христианскую установку лишь бессильным и ни к чему не обязывающим пережитком» [16, с. 74]. В этом и заключается подлинный смысл буржуазной толерантности — явления, «омертвляющего» веру. Конфессиональная терпимость появляется и в том случае, когда человечество способно «почувствовать свое единство в сфере культуры» [17, с. 124].

Исследование процессов преодоления религиозной нетерпимости в России XVIII в. в тесной связи с модернизационными процессами во многом позволяет осмыслить современное состояние межконфессиональных отношений. Движение России по пути модернизации западных стран, безусловно, укрепляет провозглашенное законодательством право на свободу совести, способствует реализации принципа равноправия независимо от отношения к религии. В то же время модернизация нынешней России, как и в XVIII столетии, ставит проблему вытеснения живой веры «общекультурными» компетенциями, включающими в себя знание о разных религиозных традициях и подразумевающих уважительное, но, вместе с тем, и равнодушное отношение к ним.

Библиографический список

1. Алексеев, В.В. Модернизационная перспектива: проблемы и подходы / В.В. Алексеев, И.В. Побережников // Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. – М.: Наука, 2000. – С. 10–49.

2. Живов, В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I / В.М. Живов // Из истории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 3. – С. 528–583.

3. Лотман, Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Успенский, Б.А. Избранные труды. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – Т. 1. – С. 219–253.

4. Панченко, А.М. Русская культура в канун петровских реформ / А.М. Панченко // Из истории русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 3. – С. 11–247.

5. Каменский, А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация / А.Б. Каменский. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 328 с.

6. Успенский, Б.А. Historia sub specie semioticae // Успенский, Б.А. Избранные труды / Б.А. Успенский. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – 432 с.

7. Андреев, А.Н. Католицизм и общество в России XVIII в. / А.Н. Андреев. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 393 с.

8. Андреев, А.Н. Конфессиональное влияние французской эмиграции на русское дворянство в конце XVIII – начале XIX в. (по мемуарам В.Н. Головиной) / А.Н. Андреев // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 81–91.

9. Hupel, A.W. Die kirchliche Statistik von Ruβland nebst andern kürzern Aufsätzen / A.W. Hupel. – Riga: Verlegts Johann Friedrich Hartknoch, 1786. – 460 s.

10. Андреев, А.Н. Дело об обнаружении в нарвском Спасопреображенском соборе «иконы» Мартина Лютера: к вопросу о православно-протестантских взаимосвязях на Северо-западе России в XVIII в. / А.Н. Андреев, Ю.С. Андреева // Духовно-нравственная культура России: православное наследие: материалы всероссийской науч.-практ. конф. (VII Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура»). – Челябинск: ЧГАКИ, 2009. – Вып. 1. – С. 142–153.

11. Андреев, А.Н. Православно-протестантские отношения в России в XVIII в. / А.Н. Андреев // Вопросы истории. – 2012. – № 8. – С. 83–95.

12. Андреев, А.Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России XVIII в.: дис. … д-ра ист. наук / А.Н. Андреев. – Челябинск: ЮУрГУ, 2011. – 713 с.

13. Андреев, А.Н. Евангелическо-лютеранская община Екатеринбурга в XVIII в. и ее взаимоотношения с местным населением / А.Н. Андреев // Известия Уральского Государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – Вып. 72. – С. 135–148.

14. Гурьянова, Н.С. Старообрядцы и проблема толерантности / Н.С. Гурьянова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2002. – № 2. – С. 40–44.

15. Андреев, А.Н. Западноевропейские вероисповедания и русские старообрядцы в XVIII в. / А.Н. Андреев // Вопросы истории. – 2010. – № 5. – С. 98–109.

16. Флоренский, П.А. Христианство и культура / П.А. Флоренский // Символ: Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. – 1989. – № 21. – С. 69–83.

17. Лихачев, Д.С. Воспитать в себе гражданина мира / Д.С. Лихачев // Лихачев, Д.С. Я вспоминаю. – М.: Прогресс, 1991. – 256 с.

УДК 32.019.52
ББК Ф5(2)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПОВЫШЕНИЯ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ[1]

Р.В. Андреева

В данной статье изучен такой фактор повышения активности и мобилизации населения как национальная идея. Ее роль в развитии государства, его укрепления и существования как единого целого.

Ключевые слова: национальная идея, русская идея, активность, мобилизация населения.

В современной России не смолкают споры о том, зачем же мы нужны, какое место занимаем в этом мире и куда мы идем. Споры идут о нации, ее культуре и о смысле ее существования. Споры о национальной идее.

Существуют различные определения того, что же есть такое — национальная идея. Например, в статье С.В. Путилова, посвященной разграничению данного понятия и понятия «идея нации» дается следующие определение: «теоретически оформленная рефлексия относительно смысла бытия и перспектив развития нации с необходимостью включает в себя осмысление того, что есть данная нация как социальная, культурная и политическая общность» [1]. Несколько иное определение можно увидеть в коллективной шести томной монографии «Национальная идея России», она определяется как — «устойчивое представление индивида об основополагающем прошлом, настоящем и будущем своей страны, мобилизующие его на жизненные усилие, а также соответствующее состояние общественного сознания» [2].

В представленных определениях есть общее: национальная идея представляется их авторам как представление о настоящем, будущем и прошлом страны. Но есть и существенное различие. Авторы последнего определения акцентирую внимание на том, что национальная идея — это фактор повышения активности населения, фактор мобилизации его. Такого мнения придерживаются не только российские исследователи данной проблемы, но и ученые других стран. Например, еще Хосе Ортега-и-Гассет писал в своей работе «Бесхребетная Испания», что в государстве, где отсутствует общая идея светлого будущего, т. е. национальная идея, развитие останавливается и в экономике и в культуре и в науке. Она является средством сплочения людей, а так же стимулом к более активной деятельности [3].

[1] Статья подготовлена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение № 14.B37.21.0266 от 30 июля 2012 года).

Национальная идея не является порождением отдельно взятого класса, социальной или этнической группы, проживающей на территории данного государства. Национальной идее может быть лишь нечто объединяющее их в единое целое, лишь то, что является продуктом всего общества и показателем консенсуса по той первооснове, которая их связывает. По мнению того же испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета, национальное единство зиждется отнюдь не на кровном родстве. В подтверждение этого, оглядываясь назад в историю, можно увидеть, что в Советском Союзе, несмотря на наличие всех расовых и этнических расхождения, люди были объединены, ощущали свою принадлежность к единому целому к «советскому народу». Всех этих людей объединяла не этническая близость, а общая идея — построение коммунизма. И когда эта идея перестала существовать — перестала существовать и нация, которая являлась носителем этой идеи. То же самое можно увидеть и на других исторических примерах.

Таким образом, мы можем увидеть, что часть исследователей считают, что национальная идея — это один из факторов развития и благополучия государства, так как она способствует сплочению населения и его активизации. В уже упомянутой монографии указаны соответствующие функции национальной идеи: интегрирующая, снижение напряженности в обществе, мобилизационная, укоренение общих ценностей, стимулирование активности, ориентация на перспективу, преобразующая. И мы видим, что все выше названные авторы считают национальную идею не просто полезной, но крайне необходимой для существования государства, а ее отсутствие приведет к остановке развития государства и даже его упадку, приводит к «затянувшейся атрофии духовных сил», к нарастанию сепаратизма, социальному расслоению и «закупорке классов» [3].

При этом национальная идея — это не искусственное образование, она должна пронизывать все общество, являясь объединяющим звеном для общества, точкой соприкосновения всех социальных, этнических и религиозных групп. Как указывает один из авторов уже упомянутой выше монографии И.Б. Орлов «искусственные конструкты типа «экспроприация экспроприаторов» или «суверенная демократия» на самом деле являются квазинациональной идеей, так как в них отсутствует баланс интересов» [2]. Очевидно, то, что национальной идеей может стать некое понятие, адекватно и похожим образом воспринимаемое большинством населения страны. В силу вышесказанного, национальная идея не может быть порождением как одной интеллигенции, так и властных институтов.

Но при этом политика государства может так или иначе выявить эту идею, актуализировать ее, вынести на повестку дня, для решения своих задач. Например, в момент кризиса экономического или политического, для поднятия духа нации, для ее сплочения и повышения активности своего населения. Как отмечено само наличие такой идеи, сплачивает нацию, ста-

новиться фактором ее развития, в том числе и экономического. Но как только идеал, к которому так стремится нация, уходит в прошлое (достигнут, уничтожен, дискредитирован), нация теряет свою силу и свое единство. Этносы, проживающие на общих территориях, перестают понимать, для чего им и дальше быть вместе, зачем проблемы порождаемые объединением. Именно из отсутствия такой объединяющей национальной идеи, и берет корни сепаратизм, например, такой как баский, который доставил огромное количество проблем Испании.

Но, помимо того, что народ в государстве делится зачастую на различные этнические группы, он всегда имеет социальную стратификацию. А национальная идея должна быть общей и не может быть разной для разных социальных групп. Это не значит, что «отдельные части социального целого совпадали в своих стремлениях и идеях. Важно и нужно чтобы каждая группа не забывала об остальных и в определенной степени разделяла их» [3]. Если же каждая социальная группа перестает осознавать другие группы часть того же общества, не ощущает контакта с ними и мало по мало приходят к ощущению, что они единственная и притом самодостаточная группа — это и есть главный симптом распада общества, который гораздо более опасен чем сепаратизм или любые центробежные настроения. Ярче всего это разобщение можно увидеть по отношению политиков, когда эта социальная общность замкнулась на себе и больше не реализует интересы других социальных групп. Равнодушие друг к другу пронзает все общество.

Схожие взгляды высказывает и такой российский исследователь как Кара-Мурза, который в своих статьях «Нужен смысл» и «Русская идея: рубежи обороны», указывает на жизненную необходимость наличия стрежня, объединяющего нацию, наличия смыла существования, для конкурентоспособности всего государства на мировой арене [5].

Но есть и другой взгляд на национальную идею. Например, такой российский философ как В. Кожинов, считает, что в России ее нет, и не может быть. Он пишет о наличии английской, французской идеи, но отрицает русскую. Свою позицию он подкрепляет тем, что идея «Третьего Рима» и коммунистическая идея не являются по своей сути национальными. Причем, в отрицании национальной идеи как движущей силы русского народа писатель не видит национального принижения. Кожинов вслед за Чаадаевым пишет, что в России европейская и азиатская цивилизации слившись, переработаются в некую новую, самостоятельную цивилизацию, что для нас узки любые национальные идеи, так как «Провидение поручило нам интересы человечества» [4].

Несколько сходные воззрения, но с совершенно другими выводами высказывал, Владимир Соловьев. В своей книге-сборнике статей «Национальный вопрос России», он писал, что у каждой народности, нации есть

своя миссия, как у каждого человеческого органа есть своя задача, у России такой миссией является объединения христианства западного и восточного в единое целое. В русском сознании это отпечаталось в такой словесной форме — «святая Русь» [6]. Эта концепция, получившая название — русская идея — один из наиболее ярких примеров концепций национальной идеи, существовавшей на территории нашей страны в различное время. Она оставила наиболее значительный след в истории российской философии и для современной России характерно ее возрождение.

В современной России вопрос о национальной идее актуален. Начиная с 90-х годов XX века, усиленно идет поиск данной идеи и даже попытки ее создать. Например, в 1996 году Президент России Б.Н. Ельцин основал специальную группу исследователей, которая занималась изучением данного вопроса, но тщетно. Так же данная проблематика поднималась и в предвыборных статьях нынешнего Президента России — В.В. Путина в статье: «Россия: национальный вопрос», где писал: «Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию», а так же о необходимости формировать мировоззрение, скрепляющее нацию, основанное на патриотизме и общих культурных ценностях и смыслах существования. Что может сказать о том, что современные политики пытаются каким-то образом извлечь эту идею, оформить ее в словесно форме и заставить работать, т. е. выполнить свои функции: сплотить население и мобилизовать его на более активную деятельность для блага государства.

Но для современной России характерно отсутствие консенсуса по основополагающим вопросам общественного устройства. Огромная пропасть, разделяющая социальные группы, которая выражается в существенном различии уровня жизни, является одним из тех факторов, который делает наличие национальной идеи сложно осуществимой в России на данный момент.

Библиографический список

1. Путилов, С.В. Идея нации и национальная идея: различие и взаимосвязи / С.В. Путилов // Вестник МГУ Серия 12. — 2007. — № 4.

2. Национальная идея России в 6 т. / под ред. С.С. Сулакшин. — Т.1. — М.: Научный эксперт, 2012. — 752 с.

3. Ортега-и-Гассет, Х. Бесхребетная Испания / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: АСТ, 2008. — 189 с.

4. Кожинов, В. У России нет и не может быть национальной идеи / В. Кожинов. // Российское аналитическое обозрение. — 1998. — № 7.

5. Кара-Мурза, С. Русская идея: рубежи обороны / С. Кара-Мурза. // Русский дом. — 2000. — № 1.

6. Соловьев, В. Национальный вопрос России / В. Соловьев. // М.:АСТ., 2007.

УДК 001 +330(092)
ББК Ч26 + У

АКАДЕМИК В.С. НЕМЧИНОВ — УЧЕНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ (1920—1930-е гг.). ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Л.П. Балакина

Рассматривается проблема биографического метода, и реализуются способы его применения для раскрытия жизненного пути академика В.С. Немчинова в контексте эпохи; исследуется взаимосвязь исторической биографии и функционирования науки как социального института, раскрывается внутренний мир, индивидуальный опыт академика В.С. Немчинова, в тесной связи с его деятельностью.

Ключевые слова: В.С. Немчинов, биография, статистика, эконометрика, планометрика, хозрасчетное планирование, наука, социальный институт.

Основным объектом исследования являются персональные тексты В.С. Немчинова, а предметом анализа история его жизни во всей ее индивидуальности и целостности. При этом учитывается действие социокультурного (внешнего) фактора, а также «восприимчивость» и сопротивление по отношению к нему со стороны субъекта исследования. Также предпринята попытка показать активную роль академика В.С. Немчинова в развитии теории и практического применения достижений экономической науки.

В.С. Немчинов (1894—1964) получил среднее образование в Челябинском реальном училище. В 1917 г. он окончил экономическое отделение Московского коммерческого института. Профессиональную деятельность В.С. Немчинов начал в г. Челябинске. В 1914 г. В.С. Немчинов работал регистратором в Челябинском уезде в период земского экономического обследования. В октябре 1917 г. В.С. Немчинов уже был заведующим Челябинским Уездным статистическим отделом земства, а с 4 ноября 1920 г. — заведующим Челябинским губернским статистическим бюро [1, л. 54]. Деятельность В.С. Немчинова в 1918—1920 гг. совпала с формированием советской статистики.

Революционные события превратили статистику в важное условие самого существования нового государства. Перед ней были поставлены задачи обеспечить потребности управления страной в целом, отдельными отраслями народного хозяйства и регионами, обеспечить потребности планирования, оценки выполнения планов и напряженности плановых заданий. Частично эти вопросы получили освещение в литературе. Однако, например, в изданиях 1990-х гг. утверждается, что статистические учреждения царской России не могли быть использованы так как «опирались на

полицейско-административный аппарат самодержавия», а земская статистика была раздроблена и ее деятельность не координировалась с работой правительственной статистикой [2, с. 195]. В отношении достижений, в том числе научных, предреволюционной статистики, вряд ли это мнение можно признать объективным. Это особенно касается специалистов в сфере статистики, которые и будут работать в 1920-е годы в советских статистических учреждениях. Организационной работой по созданию в Челябинской губернии статистического бюро руководил В.С. Немчинов.

В Губернском статистическом бюро в 1920 г. работало 11 секций. Следует признать, что для эпохи гражданской войны сделано это было профессионально, а по количеству направлений работы и широко. Это секции: демографической статистики, земельная секция (с 1919 г.), земледельческого хозяйства, текущей сельскохозяйственной статистики (с 1919 г.), текущей промышленной статистики, статистики труда, статистики трудповинности, статистики профдвижения, экономической статистики, статистики народного образования, санитарной статистики [3, л. 5].

Гражданская война, продолжавшаяся на Урале, привнесла в деятельность Челябинского губстатбюро не только элементы мобилизационного труда, но и репрессии в отношении кадров. В конце мая 1920 г. В.С. Немчинов исполняющий обязанности руководителя губернского статистического бюро был задержан органами ВЧК. Однако, губисполком решительно встал на его защиту и 1 июня 1920 г. Василий Сергеевич вновь приступил к работе [4, л. 138]. В феврале 1921 г. «в виду объективного военного положения» В.С. Немчинов подписывает приказ о ежедневных дежурствах работников статистического бюро. В марте в связи с продолжающейся работой по Всероссийской переписи, В.С. Немчинов издает приказ о том, что эта деятельность «является ударной» и запрещает привлекать сотрудников к другим работам. Одновременно в многочисленных губернских управлениях он изыскивает возможности добыть для премирования сотрудников сахар, керосин или табак. Грозное впечатление должны были произвести строки из его приказа о том, что «мануфактура до его приезда для премирования выдана быть не может» под страхом предания суду. В октябре 1921 г. ввиду эпидемии тифа в Челябинской губернии В.С. Немчинов издает приказ о переводе коллектива на ударное положение.

Переход к новой экономической политике, проблема сбора продналога и восстановление товарно-денежных отношений объективно требовали дальнейшего расширения статистических работ. Однако этот переход совпал на Урале с голодом, обострением социальных конфликтов и ухудшением материального положения статистиков. В целом центр тяжести статистических работ постепенно переносился с единовременных обследований (переписей), занимавших основное место в годы гражданской войны на текущую статистику. Летом 1922 г. В.С. Немчинов подготовил большой

доклад для Центрального статистического управления. В этом документе он проанализировал широкий круг проблем о землепользовании и землепользователях в Челябинской губернии. Во-первых, он отметил, что многие волисполкомы и сельсоветы не имели сведений даже об общей площади земли, находящейся в распоряжении всего общества; во-вторых, что списки современных землепользователей в Губземуправлении и Уземуправлениях как правило, отсутствуют; в-третьих, земские оценочно-статистические данные утеряны. В.С.Немчинов специально выделил проблему «многоземельного» характера Челябинской губернии. Отчасти он объяснял ситуацию включением в состав Челябинской губернии уездов из 3-х губерний (Оренбургской, Уфимской и Тобольской). В Челябинской губернии вне учета находились сотни и даже тысячи десятин земли. В.С. Немчинов пишет, что даже по количеству разверсточных единиц, вследствие смерти хозяев и «выселения многих десятков и сотен хозяйств» этот учет восстановить невозможно. В особенности крупные изменения в структуре хозяйств, по его мнению, произошли в голодные 1921—1922 гг., когда в губернии были заброшены и уничтожены тысячи хозяйств. При этом о «распределении земли на угодья и о количестве угодий вообще у земорганов, волисполкомов, сельсоветов и населения существуют самые разноречивые и спутанные представления, явившиеся результатом эволюции понятий о земле. Осенью 1922 г. В.С. Немчинов был и переведен в Свердловск и назначен уполномоченным ЦСУ на Урале [10, л. 243].

В 1920-е годы В.С. Немчинов формируется как ученый. Он внес большой вклад в изучение социальной структуры села. Этому вопросу он посвятил такие работы как «О статистическом изучении классового расслоения деревни»(1926); «Опыт классификации крестьянских хозяйств» (1928). Предложенный В.С. Немчиновым оригинальный способ применения комбинационных группировок крестьянских хозяйств для изучения классового состава села представляет собой новаторство в области статистики.

В 1928 г. В.С. Немчинов стал заведующим кафедрой сельскохозяйственной статистики и учета Тимирязевской академии. Под его руководством были произведены в 1930—1931 гг. первые сплошные обследования колхозов и совхозов. Он был творцом нового метода инструментального измерения урожайности путём небольшого числа проб «меток», сменившего после начала массовой коллективизации прежние, весьма ненадёжные приёмы субъективной оценки урожайности и получившего широкое применение в работе Государственной инспекции по определению урожайности. Свои теоретические познания и практический опыт в 1933 г. он воплотил в учебник «Учёт и статистика сельскохозяйственных предприятий». Учебник стал первым в СССР руководством по статистике совхозов и колхозов. Следует подчеркнуть успешное решение В.С. Немчиновым главной теоретико-методологической проблемы по преобразованию

собственно экономических и технико-экономических категорий в «учетные категории», в категории сельскохозяйственной статистики. В соответствии с этим Немчинов писал о посевной площади как учётной категории её практических разновидностях, об уравнениях в связи между ними, о возможных способах точного измерения посевных площадей (инструментальный обмер, аэрофотосъемка и др.). Описание показателей учёта он совместил с достаточно глубоким разбором основ сельскохозяйственной статистики, её принципов и методов. Предложенный В.С. Немчиновым оригинальный способ применения комбинационных группировок крестьянских хозяйств для изучения классового состава села представлял собой новаторство в области статистики [5, с. 216].

Однако общественно-политическая ситуация в стране резко изменилась. Важно понять смысл этих изменений именно для зарождающейся советской науки. В 1932 г. Центральное управление народнохозяйственного учета (ЦУНХУ) возглавил известный партийный работник и хозяйственник В.В. Оболенский (Осинский). Он выступил с теорией отмирания статистики при социализме и слияния ее с учетом. Вместо плана-прогноза утверждается план-закон, вместо математико-статистических методов — элементарные приемы. «Теоретики» отмирания статистики объявили, что статистика нужна только там, «где есть колеблемость, т. е. при капитализме, а где колеблемости нет, там статистика не нужна — и это считалось одним из достижений социализма» [2, с. 223]. Отказ ЦУНХУ от использования аналитических методов, отсутствие собственной информации, подчиненность Госплану и, существовавший политический заказ привели к формированию механизма фальсификации статистических данных. Статистика начинает рапортовать о «невиданных темпах роста». Как покажут дальнейшие события, эта тенденция была не случайным эпизодом, а имела глубокие социально-политические причины. К началу 1940-х гг. советская статистика представляла сложный, развивающийся, комплекс научных дисциплин, и, несмотря на негативное влияние внешнего социокультурного фактора, определенное развитие и новая интерпретация статистических методов состоялась.

Библиографический список

1. ОГАЧО (Объединенный государственный архив Челябинской области). Ф. Р—83. — Оп. 1. — Д. 1.
2. Плошко, Б.Г. История статистики / Б.Г. Плошко, И.И. Елисеева. — М.: Финансы и статистика, 1990. —295 с.
3. ОГАЧО.Ф. Р—83. — Оп. 1. — Д. 3а.
4. ОГАЧО.Ф. Р—83. — Оп. 1. — Д. 10.
5. История экономической мысли в лицах. — М.:КНОРУС, 2007. — 406 с.

УДК 18(09)
ББК Ю811

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ДИСКУССИЯХ ЭСТЕТИКОВ СССР И ГДР

Н.Д. Басманова

Время активного взаимодействия этих двух ветвей марксисткой эстетики — чуть более тридцати лет. Однако достижения философской эстетики благодаря взаимной заинтересованности, взаимоподдержке и желанию служить истине весьма впечатляют.

Ключевые слова: эстетическое «природническая» «общественническая», ценностная концепции: художественное, гносеологический, социологический, комплексный подходы, системно-структурный, синергетический методы.

Совершенствование эстетической методологии в ходе дискуссии эстетиков СССР и ГДР отчётливо проявляется при обсуждении центральных проблем философской эстетики — сущности эстетического и художественного.

Проблема эстетического в советской эстетике была изначально обозначена как центральная. В период с 30-ых по 50-ые годы сложилась чёткая идеологическая установка — трактовка сущности эстетического только с позиций ленинской теории отражения. Эту установку активно пропагандировал М. Лифшиц и примкнувшие к нему А. Буров [3], Д. Лукач и др. Главный их аргумент — мнение классиков марксизма — ленинизма. При этом они игнорировали тот факт, что ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни В. Ленин не были специалистами в эстетической науке. Они сами неоднократно свидетельствовали о своей некомпетентности в этих вопросах. Так К. Маркс по этой причине ответил отказом на предложение американского издателя изложить суть новой эстетики. В. Ленин вынужден был возложить на А. Луначарского не только теоретическое, но и практическое разрешение сложного комплекса эстетико-художественных проблем. Так группе М. Лифшица удалось узурпировать право на якобы подлинно марксистскую и, следовательно, подлинно научную трактовку эстетического. По их мнению, эстетическое возникает и эволюционирует как природное явление, выражая собой «правильностью» формы глубинные сущности материального мира. Общество со временем обнаружило прямую связь между сущностью (наукой) и явлением (эстетикой). Эту методологическую позицию позднее назовут «природнической», а её сторонников — «природниками».

Среди молодых советских эстетиков — Л. Столович, М. Каган, А. Егоров [4], В. Скатерщиков и др. — возникло критическое отношение к этой

трактовке эстетического. Они объявили её узкой, односторонней, а значит и неспособной для осмысления сложной природы эстетического. По их мнению, «природники» как минимум игнорируют роль социального фактора, значение человеческого опыта. Эта концепция стала именоваться «общественнической», а её сторонники — «общественниками».

Эстетикам ГДР стало известно о существовании в советской эстетике не только «природнической», но в известной степени ей оппозиционной — «общественнической» концепции в трактовке эстетического. Многие из них открыто поддержали «общественническую» позицию. Значительную роль в этом процессе сыграла публикация эстетических трудов Г.В. Плеханова. Лю Мертен [7] срочно переработал в духе «общественнической» концепции и переиздал в конце 40-х годов свою книгу [7]. Огромную роль в этом процессе сыграли эстетические труды Вальтера Безенбруха [1] — человека сложной судьбы: до войны — связь с коммунистами, во время войны — концлагерь, после войны — жизнь в ГДР, оккупированной советскими войсками. В 50-ые годы появляются его публикации по эстетике, и позднее он защищает диссертацию. В этих трудах он пытается противостоять официозному догматизму. Главная претензия В. Безенбруха к «природникам» — где же при такой односторонности диалектика? Он одобрительно относится к методологической позиции Г.А. Недошивина — автора переведённых и изданных к тому времени в ГДР «Очерков…». По мнению В. Безенбруха, Г.А. Недошивину удалось последовательно провести диалектику объективного и субъективного в искусстве. Поддержка «общественнической» концепции В. Безенбрухом по сути дела сделала возможной дискуссию об эстетическом в СССР. Однако влияния В. Безенбруха на судьбу советской эстетики этим не ограничилось. При поддержке других эстетиков ГДР, в частности Г. Коха, В. Безенбрух оценил как «природническую» так и «общественническую» как равноправные, но в методологическом смысле как односторонние. Диалектическая сущность эстетического требует преодоления их односторонности, прежде всего через выявление диалектики объективного и субъективного. Категория «эстетическая ценность» уже несёт в себе эту диалектику. Так при поддержке прогрессивных эстетиков ГДР в советскую эстетику приходит аксиологическая методология, которая активно разрабатывалась немецкой философией в рамках Баденской школы неокантианства ещё с конца 19 в.

Следующей важнейшей в методологическом плане проблемой, испытавшей на себе взаимодействие эстетиков СССР и ГДР, стала **проблема природы и сущности искусства**. В советской эстетике ещё в довоенные годы вышеупомянутой группой якобы «подлинных марксистов» во главе с М. Лившицем удалось прекратить всякие попытки дискуссионного обсуждения этой жизненноважной для молодой культуры проблемы. Искусство было объявлено одним из способов познания действительности. В свете

данной установки всё богатство мирового художественного процесса подразделялось на подлинное и формалистическое. Первому приписывалось важнейшая способность воспроизведения действительности в формах самой действительности. Для второго направления было характерно отсутствие желания глубокого постижения жизни, но установка на творения оригинальнейших художественных форм. Новому искусству соцреализма не предстало иметь ничего общего со вторым направлением, но продолжать и совершенствовать достижения первого во имя победы «правды жизни». Естественно, с позиции данной идеологической установки главным в художественном произведении объявляется содержание. Художественная форма — вторична, её предназначение раскрывать только содержание; предпочтение — понятным, простым, «фотографическим» приёмам. Все попытки обойти эту плоскую и зашоренную схему как в теоретическом, так и в практическом планах объявлялись новой идеологической критикой как отход от марксистской эстетики и соцреализма.

В ГДР уже в конце 40-х годов обозначилась чёткая оппозиция по поводу вышеизложенной идеологической установки на искусство. Возглавили эту оппозицию известные в ГДР деятели культуры и искусства: Г. Бенн — первый министр культуры ГДР, И. Бехер, А. Зегерс — писатели, Б. Брехт [2] — создатель нового театра, Г. Эйслер — композитор.

Некоторые молодые эстетики, к примеру, Г. Кох, открыто поддержали их. Для советской эстетики этот факт был использован как повод для дискуссионного обсуждения столь важных проблем как сущность искусства вообще, искусства соцреализма в частности. Опуская детали самой дискуссии, важно подчеркнуть её практические результаты. Искусство теперь предстало как сложное, многогранное, полифункциональное образование. В свете нового прочтения искусства важно было объединить усилия не только гносеологов, но и социологов, психологов, семиотиков, культурологов и пр.

Осознание необходимости комплексного изучения искусства привело к созданию в 1963 году в Ленинграде Комиссии по комплексному изучению художественного творчества под руководством искусствоведа Б.С. Мейлаха. Теперь не только советские, но и немецкие эстетики получили реальную возможность продолжить дискуссию по художественной проблематике: М. Каган [6], Л. Зеленов, Ф. Мартынов, Д. Лашманов, Э. Йон [5], У. Кухерт, Г. Регель и др. Результаты не заставили себя ждать — последовало принципиальное изменение программ по художественной эстетике, в методологическом плане намечался мощный прорыв — системно-структурное исследование искусства.

Существенный вклад в системное исследование художественного внёс ленинградский эстетик профессор ЛГУ М.С. Каган, наиболее значительные труды которого были переизданы в ГДР. В его исследованиях искус-

ство предстало как диалектическое отражение всего богатства человеческой деятельности — как её самосознание. Его «Морфология искусства» (Л., 1972) — блистательное упорядочивание многообразных родов, видов, жанров, методов и стилей искусства.

Исследование искусства системно-структурным методом позволило осмыслить не только его творчески-процессуальный характер, но вооружить теоретиков искусства универсальным ключом к осмыслению его многочисленных сущностных вопросов. Но вскоре обнаружилась своеобразная «ахиллесова пята» системно-структурного метода: движение мысли должно протекать в строго заданном направлении, от внутренней необходимой и достаточной связи элементов — к целостности. Внешние воздействия на искусство оставались вне анализа. Эстетика искусства нуждалась в ещё более совершенной методологии. Будущее за синергетической методологией, но это уже за пределами СССР и ГДР.

Ошибочным было бы полагать, что процесс совершенствования эстетической методологии протекал в благоприятной творческой атмосфере. Советские догматики от квазимарксизма, занимающие высокие официальные посты, не только всячески препятствовали этому процессу, но особо усердствовали в приклеивании ярлыка «ревизионист» к передовым учёным и художникам. Трудно переоценить значение взаимоподдержки эстетиков СССР и ГДР в борьбе с формализмом и догматизмом.

Библиографический список

1. Besenbruch, W. Zum Problem des Typischen in der Kunst. Versuch über den Zusammenhang der Grundkategorien der Ästhetik. — Weimar, 1956; Dialektik und Ästhetik. Institut fur angewandte Kunst. — B., 1958.

2. Brecht, B. Über Realismus., — L.,1968.

3. Burow, A. Das ästhetische Wesen der Kunst. — B., 1958.

4. Jegorow, J.G. Die Kunst und das gesellschaftliche Leben — B., 1962 und 1967.

5. John, E., Lippold. E., Rammler. M. Kunst und sozialistische Bewustseinbildung. — B., 1974.

6. Kagan, M. Vorlesungen aus marsistisch-leninistischen Ästhetik. B., 1971 und 1975.

7. Märten, L. Wesen und Veranderuge der Formen und der Kunste. — B., 1924 und 1949.

УДК 94(470.55) + 908(470.55)
ББК Т3(2Р—4Че) + Т3(2)6—24

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ТРАКТОРНЫЙ ЗАВОД: ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И ВЫПУСКА ПРОДУКЦИИ. 1929—1933 гг.

А.В. Богданов

Статья посвящена изучению задач индустриализации, в частности по созданию индустриальных гигантов. В статье автор дал подробную характеристику проблем строительства ЧТЗ и выпуска первой продукции на предприятии в первую пятилетку.

Ключевые слова: Челябинский тракторный завод (ЧТЗ), индустриализация, Челябинская область.

В конце 1920-х гг. началась реализации планов по индустриализации СССР. Основной целью индустриализации Советского союза являлось превращение страны в мощную индустриальную державу. Предусматривалось создание современной крупной промышленности на базе передовой техники, завоевание технико-экономической независимости.

Имевшиеся промышленные кадры технически пока были слабо подготовлены к столь масштабным проектам. Попытки самостоятельно проектировать и строить крупные, технически сложные объекты не удавались. Сказывалась нехватка узких специалистов: архитекторов, геодезистов, инженеров, экономистов, чертежников. Узость инженерно—технической базы уральской промышленности была общеизвестна. Особенно это проявлялось в резком недостатке специалистов высшей квалификации — инженеров [1].

Для того чтобы нагнать и затем превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран, необходимо было внедрение в производство высших достижений не только советской, но и заграничной науки и техники. О том, что привлечение зарубежного технического опыта необходимо для инновационного развития, в ноябре 1929 г. говорилось на пленуме ЦК ВКП (б). Председатель ВСНХ СССР В.В. Куйбышев пояснял, что боевой задачей того органа, который станет во главе черной металлургии, является привлечение иностранной помощи к этим заводам—гигантам» [2].

Стоит отметить, что США и Германия к этому времени уже имели опыт строительства крупных заводов. Например, в США в начале XX века был построен крупнейший металлургический завод Герри (1906—1920 гг.), в Германии — завод Круппа.

В проектировании Челябинского тракторного завода принимали участие 12 американских специалистов. В январе 1929 г. Гипромез заключил договор с американской фирмой «Фрейн», согласно которому фирма дала

обязательства оказать техническую помощь по проектированию и строительству ряда цехов ЧТЗ и поставке оборудования для этих целей. Договор был перезаключен в марте 1929 г. [3]

С целью обучения советских специалистов новейшим методам тракторостроения и заключения договора о проектировании Челябинского тракторного завода, в октябре 1929 г. Главмашстрой начал переговоры с Американской ассоциацией инженеров и рядом фирм. Было решено подобрать двести специалистов для заграничной командировки в г. Нью-Йорк, куда челябинцы прибыли во второй половине января 1930 г. В их числе начальник Челябтракторостроя К.П. Ловин. Очень сложным оказался вопрос о строительном проекте. «Имеются две крупные конкурентные фирмы, от которых мы уже имеем предложения («Остин» — строивший Нижегородский автозавод и А. Кан — Сталинградский тракторный завод)», — писал К.П. Ловин [4].

В 1930 г. именно фирма «Альберт Кан Инкорпорейтед», расположенная в Детройте, получила заказ от советского правительства на проектирование Челябинского тракторного завода. Переговоры велись через «Амторг». Выбор объяснялся тем, что спроектировавший все заводы Форда А. Кан отработал технологию проектирования промышленных предприятий в США, позволявшую его фирме со штатом в 400 человек разрабатывать рабочие чертежи за 7—10 дней, а возводить корпуса промышленных предприятий за несколько месяцев [5].

В договоре торговой фирмы «Амторг», представителя Челябинского тракторного завода в Нью-Йорке, с фирмой «Альберт Кан Инкорпорейтед» о проектировании ЧТЗ от 15 мая 1930 г. было прописано, что Челябтракторострой намеревался соорудить тракторный завод в городе Челябинске в СССР с производительностью примерно в 40 тыс. тракторов в год и поэтому желал воспользоваться услугами «Фирмы» в отношении работ по проектированию зданий и сооружений завода.

Фирма А. Кана обязывалась изготовить:

а) генеральный план завода;

б) эскизные чертежи здания механосборочной со 2-й термической, холодноштамповочной, инструментальной и необходимыми цехами;

в) эскизные чертежи здания кузницы с рессорной и 1-й термической;

г) эскизные чертежи здания литейных серого и ковкого чугуна, цветных металлов и стали [6].

Подготовленный фирмой генеральный проект завода оказался очень точен. Произведенная затем закладка фундаментов не потребовала в дальнейшем никаких изменений. В проектировании и строительстве ЧТЗ также принимала участие и американская строительная фирма «Макдональд», которая в ноябре 1929 г. заключила договор со строительным комитетом о строительстве и проектировании элеваторов [7].

7 июня 1930 г. было завершено составление генерального плана завода. А 10 августа 1930 г. состоялась закладка фундаментов литейного и кузнечного цехов. При строительстве завода, особенно на начальном этапе, постоянно возникали трудности. Основной проблемой было отсутствие жилья. Реализация властями планов создания соцгородов растягивалась на годы. Повсеместно практиковался отвод территорий под заводы прежде, чем появлялся утвержденный генеральный план города.

Также сказывалось отсутствие техники, нехватка стройматериалов. Позднее были обнаружены неувязки в проектировании, и даже факты вредительства. Например, в августе 1930 г. было обнаружено, что ночью кто-то изменил планировку площадки литейного цеха, перенеся в сторону колышки на местах кладки фундаментов, что впоследствии привело бы к тому, что стены корпусов вышли бы кривыми и нельзя было бы монтировать конструкции [8]. Неоднократно на стройплощадке вспыхивали пожары.

Выпуск продукции также имел определенные сложности. Предполагалось, что полноценное серийное производство будет запущено в 1933 г. До этого было решено наладить производство в малых объемах. Поэтому в 1929—1930 гг. был выстроен Опытный завод, главным инженером которого был Эдвард Дж. Терри. Завод должен был стать своеобразной научно-исследовательской базой, где можно было проверить всю технологию, прежде чем внедрять ее на основном заводе. Предполагалось отрабатывать конструкцию трактора, и методы литья, и осуществлять подготовку квалифицированных специалистов и рабочих для основного завода [9].

На этом заводе разбирались и собирались трактора всех известных марок мира с целью изучения технических особенностей тракторов. Также на руководящей должности работал американский специалист Джон Тэйн и сотрудники фирмы «Катерпиллер».

Строительство опытного завода началось в феврале 1930 г. и закончилось уже 7 ноября 1930 г. Выпуск первых тракторов был назначен на 15 февраля 1931 г. Сначала трактор долго не заводился. Но через какое-то время неполадка была устранена. К 15 мая 1933 г. с конвейера ЧТЗ должен был сойти первый трактор, а к 1 июня — 11. Возник ряд сложностей: детали для тракторов поступали некомплектно, не выдерживались размеры, не соблюдались допуски и качество обработки и т. д. Тем не менее, задача была выполнена.

25 августа 1931 г. И.В. Сталин в телеграмме Л.М. Кагановичу заявлял, что ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредитов в Америке стоит прервать всякие уже начатые переговоры о новых заказах и по возможности порвать уже заключенные договоры о старых заказах [10].

В 1931 г. не был продлен контракт с фирмой А. Кана. Альберт Кан лично отправился в Москву, но контракт не был возобновлен, хотя спроектированные его группой объекты продолжали строиться и во второй, и

в третьей пятилетке. Еще при разработке проекта будущего завода у специалистов американской фирмы возникли существенные разногласия с конструкторами Гипромеза.

Советские специалисты планировали создать 12 отдельных цехов производства, американцы отвергали эту идею и предложили объединить цеха в 3 корпуса механического, кузнечного и литейного, а оборудовать их цельнометаллическими опорными колоннами.

Начальник Челябтракторостроя К.П. Ловин поддержав идею иностранных специалистов, подвергся жесточайшей критике со стороны советского руководства. Но проект Альберта Кана все-таки был реализован. Опыт 1941 года как раз и показал все плюсы этих колонн, когда на заводе стали производить тяжелые танки, так как уже не надо было монтировать новые усиленные крановые пути, американские конструкции выдержали испытания.

Библиографический список

1. О некоторых аспектах проблемы индустриализации СССР. — Челябинск: «Знание», 1989. — 17 с.

2. Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Сборник документов. — Часть 1. — М., 1997. — С. 264.

3. ГАСО. — Ф. Р-1150. — Оп. 1. — Д. 1636. — Л. 28

4. Комаров, Л.С. Летопись Челябинского тракторного (1929—1945 гг.) / Л.С. Комаров, Е.Г.Ховив, Н.И. Заржевский. — М.: Профиздат, 1972. — 375 с.

5. Меерович, М.Г. Альберт Кан в истории советской индустриализации / М.Г. Меерович. / Архитектон. — № 26. — июнь 2009.

6. Из договора торговой фирмы «Амторг», представителя Челябинской тракторного заводы в Нью-Йорке, с фирмой «Альберт Кан» о проектирование ЧТЗ от 15 мая 1930 г. // Ленинская поступь пятилеток: из истории развития промышленности и рабочего класса Челяб. обл.: сб. документов и материалов. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1986. — Т. I. 1929—1950 — С. 23—24.

7. ГАСО. — Ф. Р-1150. — Оп. 1. — Д. 1636. — Л. 28.

8. Комаров, Л.С. Указ. соч. / Л.С. Комаров, Е.Г.Ховив, Н.И. Заржевский — С. 40.

9. Комаров, Л.С. Указ. соч. / Л.С. Комаров, Е.Г.Ховив, Н.И. Заржевский — С. 44.

10. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О заказах в Америке (телеграмма т. Сталина)» // Россия и США: экономические отношения. 1917—1933: сб. док. — М., 1997. — С. 356.

УДК 94(470.55)”1980-1985”
ББК Т3(2Р—ЧЧе) + У03(2Р-4Че)

ПРОДУКТЫ И ТОВАРЫ ДЛЯ НАРОДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.: ПРОИЗВОДСТВО, РАСПРЕДЕЛЕНИЕ, ПОТРЕБЛЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю.С. Богданова

Статья посвящена изучению производства и распределения различных товаров с 1980 по 1985 гг. В статье автор дал подробную характеристику проблем обеспечения населения и появления дефицита на отдельные группы товаров.

Ключевые слова: товары народного потребления, распределение, государственная торговля, Челябинская область.

На XXVI съезде КПСС были приняты Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 года. «Главная задача одиннадцатой пятилетки состоит в обеспечении дальнейшего роста благосостояния советских людей на основе устойчивого, поступательного развития народного хозяйства, ускорения научно-технического прогресса и перевода экономики на интенсивный путь развития, более рационального использования производственного потенциала страны, всемерной экономии всех видов ресурсов и улучшения качества работы» [1].

Была поставлена задача увеличить и выпуск товаров народного потребления не менее чем в 1,4 раза, значительно повысить качество, постоянно обновлять и улучшать ассортимент этих товаров, ускоренно развивать производство технически совершенных изделий длительного пользования, отличающихся новизной функционального назначения, надежностью и экономичностью, улучшенными потребительскими и эстетическими свойствами [2].

Появлению этого документа предшествовало Постановление Совета Министров РСФСР от 26 декабря 1979 г. и Приказ № 18 Министерства торговли РСФСР от 17 января 1980 г. «О мерах по дальнейшему увеличению производства простейших хозяйственных и бытовых товаров», в которых отмечалось, что достигнутый уровень производства многих товаров не отвечал возросшим потребностям населения [3]. Заявки торговых организаций на отдельные хозяйственные и бытовые товары удовлетворялись не полностью.

Работа по координации и специализации их производства проводились крайне медленно, имели место случаи необоснованного сокращения и прекращения выпуска этих товаров. Допускались перебои в торговле товара-

ми, имеющимися в достаточных количествах на базах и складах. Спрос населения изучался недостаточно, заявки торговых организаций не всегда отражали действительную потребность в отдельных товарах.

Челябинская область, как и многие другие регионы, не могла в полной мере выполнить поставленные задачи. Несмотря на то, что план розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли Челябинской области с 1980 по 1985 гг. увеличивался каждый раз в сравнении с предшествующим годом на несколько процентов, однако по некоторым показателям область значительно отставала.

В конъюнктурном обзоре о состоянии торговли Челябинской области за десятую пятилетку (1976—1981 гг.) отмечалось, что из-за крайне ограниченных ресурсов реализация, прежде всего, продовольственных товаров в 1980 г. против 1976 г. сократилась: мяса и птицы на 6,5 %, колбасных изделий на 6 %, мясных консервов на 87 %, рыбы на 19 %, масла животного на 20 %, сыров на 9 % [4]. Торговля проходила при неполном обеспечении товарными ресурсами. Хотя к 1982 г. закупки скота, птицы, молока увеличились, но из-за невыполнения плана завоза мясопродуктов в область иногородними поставщиками торговля проходила напряженно [5].

Например, завоз мясопродуктов за 11 месяцев 1981 г. был выполнен на 55,8 %. Объем реализации колбасных изделий снизился против 1980 г. на 10,5 %. За 11,5 месяцев 1982 г. завоз был выполнен на 66 %. Каждый год в области принимались меры по изысканию дополнительных ресурсов мясопродуктов для улучшения снабжения населения за счет «совершенствования технологии производства» применения белкового и растительного сырья. В результате достигнута экономия мяса в количестве в 1981 г. — 2,4 тыс. т, 1982 г . — 2, 7 тыс. т, 1983 — 3 тыс. т, 1984 г. — 3, 5 тыс. т, 1985 г. — 3,1 тыс. т.

Таким образом, торговля в регионе проходила при высоком спросе населения на мясопродукты, масло животное, молокопродукты и их отоваривание происходило очень напряженно. В целях рационирования торговли и обеспечения каждого жителя продуктами в области с января 1982 г. вводилась нормированная продажа мясопродуктов из расчета 2 кг на человека в 7 крупнейших городах: Челябинске, Магнитогорске, Миассе, Копейске, Коркино, Еманжелинске, в остальных по 1,5 кг [6].

В 1983 г. талоны на мясопродукты отоваривались в основном мясом птицы и колбасными изделиями (23 и 67 %) и только 10 % мясом говядины и свинины, которое шло на обеспечение инвалидов войны и диабетиков [7]. (Колбасные изделия промышленность вырабатывала в узком ассортименте: 3—4 наименования («Любительская», «Русская», «Ветчина в оболочке»), при этом вареные колбасные изделия занимали до 90 % от общей выработки колбас, полукопченные — 7,2 %, твердокопченые — 1,3 %. Их реализация происходила в течение 2—3 часов.)

С перебоями проходила торговля сметаной и молочнокислой продукцией, ощущался острый недостаток творога, творожных изделий, сыров твердых и плавленых. На 1 человека приходилось от 2 до 2,5 кг творога в год (при рациональных нормах для уральской зоны 10 кг). С 1 ноября 1981 г. водилась нормированная продажа масла из расчета 200 г на человека в месяц в Челябинске, Магнитогорске, Миассе, Копейске, Коркино, Еманжелинске, Златоусте. В Сатке, Южно-Уральске, Бакале — 150 г, остальных — 100 г [8].

Население испытывало недостаток и в других продуктах. В конъюнктурных обзорах о состоянии торговли Челябинской области неоднократно отмечалось, что не выделятся или выделяются в недостаточном количестве следующие виды товаров: сода, детское питание, перец черный молотый и горошек, кофе растворимый, дрожжи, горчица, специи, лимонная кислота, желе, полуфабрикаты сладких блюд и др.

К 1985 г. заявки торговли на продовольственные товары так и не были обеспечены выделенными фондами. Обеспечение мясопродуктами составило 96 %, маслом животным — 85 %, сырами твердыми — 68 %, кондитерскими изделиями — 80 %, товарами прочей бакалеи — 60 % [9].

Не удовлетворялся спрос населения и на товары народного потребления. Например, в течение 8—10 лет заказы торговли на швейные машинки удовлетворялся в пределах 45—50 %. При поступлении их в магазин образовывались большие очереди, а машинки реализовывались в течение нескольких часов.

Подобная ситуация складывалась и со стиральными машинами. Потребность в них составляла 62000 штук в год, а области выделили всего 42800 шт. На 100 семей приходилось 82 машины (в 1983 г. уже 73). В результате они реализовывались в течение нескольких часов. А в ряде городов Челябинской области стиральные машины просто отсутствовали. Отмечалось, что реализуются любые марки машин, кроме «Вятки—автомат» [10].

Оставался неудовлетворенным спрос и на холодильники, особенно с большими емкостями (на 100 семей 92 шт.) В целом к 1984 г. заявки торговли на электротовары были обеспечены планами поставки на уровне 60 % (например, электроутюги — 77, 9 %, электропылесосы — 68 %, стиральные машины 55 %, швейные машины 48 %) [11].

В 1983 г. резко повысился спрос на обои и мебель (в связи с ростом жилищного строительства). Однако из-за крайне низкой обеспеченности заявок фондами (1983 г. — 40 %, 1984 г. — 25 %) спрос на обои не удовлетворялся. Обои любого вида реализовывались при больших очередях за несколько часов со времени их поступления.

Из-за очередей покупатели практически лишены выбора обоев к своему интерьеру и покупают то, что имеется в наличии на данный момент [12]. На мебель заявки торгующих организаций были удовлетворены на 70 %, а

на такие виды мебели как полки для книг, столы журнальные, кресла-кровати только на 30 % [13].

Таким образом, на протяжении 1980—1985 гг. государственная торговля области испытывала большие трудности в производстве и распределении продуктов и товаров народного потребления. Идея строить цехи по выпуску товаров широкого потребления при действующих предприятиях не оправдала себя. Низкий технологический уровень таких цехов не способствовал повышению качества продукции и она оказалась не конкурентоспособной в 1990-е годы.

Основными недостатками государственной политики в этой сфере можно назвать несбалансированность плана с выделенными ресурсами (например, в 1983 г. Обеспеченность плана товарооборота выделенными ресурсами составила 89,2 %, в т. ч. по промышленным товарам 80,1 %), а также снятие фондов на товары легкой промышленности. К тому же продолжал господствовать остаточный принцип финансирования легкой промышленности. Региональные программы производства товаров широкого народного потребления как правило не выполнялись, задания переносились на следующий год, а затем принималась новая программа.

Библиографический список

1. 26-й съезд КПСС (23 февраля – 3 марта 1981 года): Стенографический отчет. – Т 1. – М., 1981. – 382 с.
2. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981-1985 годы и на период до 1990 года. – М., 1980. – 96 с.
3. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 767. – Л. 158.
4. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 816. – Л. 177.
5. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 846. – Л. 7.
6. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 816. – Л. 10–11.
7. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 880. – Л. 8.
8. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 816. – Л. 12, 16.
9. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 957. – Л. 4.
10. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 816. – Л. 39–40.
11. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 912. – Л. 21.
12. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 880. – Л. 38.
13. ОГАЧО. – Р–1509. – Оп. 8. – Д. 846. – Л. 48.

УДК 903.5(470.55) + 902(470,55)
ББК 48(2Р-4Че) + 4(2Р-4Че)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ 2012 г.)

С.Г. Боталов, И.В. Грудочко

В сообщении представлены некоторые результаты исследования могильника Уелги полевого сезона 2012 года. Внимание уделено кургану № 29, который представляет собой единый культово-погребальный комплекс, содержащий, в том числе, «тайник» — один из немногих неразграбленный объектов могильника.

Ключевые слова: археология, средневековье, погребальный комплекс, жертвенник, пояс, украшения, оружие.

В полевом сезоне 2012 года на могильнике Уелги была исследовано 4 кургана. Наиболее интересную информацию содержал курган № 29, о котором и пойдет речь.

В центре подкурганной площадки обнаружены две могильные ямы. Погребение 1 разрушено. Кости перемешаны и разбросаны по всей площади ямы. В западной части лежал фрагмент человеческого черепа. Там же найдены фрагменты кольчуги. По периметру ямы зафиксированы остатки деревянной конструкции. В СЗ углу лежал фрагмент портупейного ремня, накладная бляшка. Погребение 2 находилось в 0,5 м к югу от погребения 1 и также разрушено. Аналогично предыдущему в западной части лежали фрагменты человеческого черепа. В разных частях зафиксированы остатки дерева. Размеры и пропорции ям предполагают погребение как минимум двух индивидов в каждой. Вероятнее всего ориентированы они были головой на ЗЮЗ (погребение 1) и на запад (погребение 2).

С восточной стороны от погребений располагался жертвенник из черепов лошадей. Судя по всему, черепа принадлежали около десятку особям, были выложены в ряд, мордами обращены к погребенным.

С западной стороне кургана обнаружена яма, которая, как и западная пола насыпи кургана, врезалась в естественный скальный вход. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии запад-восток (рис. 2—6). В отличие от предыдущих объектов, яма оказалась неразграбленной, а материал из нее заслуживает подробного описания.

В центре, по направлению ЗВ лежал палаш (рис. 1—1,2), уложенный в деревянные ножны. Петлям ножен принадлежал портупейный ремешок, включающий 13 накладных бляшек и два концевых металлических колечка (рис. 2—2). Вокруг клинка обнаружено 9 накладных блях портальной формы — остатки от ремешка (рис. 2—5). Возможно, этим ремешком оружие было обернуто перед уложением в землю. В южной стороне ямы об-

наружен пояс, включающий 34 накладные бляшки сердцевидной формы, 2 накладные бляшки сердцевидной формы бóльшего размера и 2 накладные бляшки розетковидной формы (рис. 2—3). Пряжка пояса представлена рамкой с двумя когтефидными штифтами. Видимо, крепление и регулировка пояса происходило без язычка, простым привязыванием кожаного ремешка к рамке. Между палашом и поясом лежали украшения: литая серьга салтовского облика с разомкнутым кольцом и рифленым стержнем (рис. 2—7). Рядом — ажурное украшение овальной вытянутой формы (рис. 2—9). Один конец оформлен кольцом, а другой — двумя поперечными петельками в которые, возможно, продевалась ось для какого-либо подвижного элемента. Там же лежали два браслета с бубенчиками (рис. 2—1). Разомкнутые концы браслетов граненые, с точечным орнаментом. В восточном краю ямы в лежало 11 накладных блях треугольной формы, вершины которых оформлены трехлепестковыми отростками (рис. 2—4). Возможно, они принадлежали ремешку. По сторонам палаша обнаружено два флаконовидных серебряных полых изделия, которые «при жизни» составляли единое украшение (рис. 2—8). В северо-западном и юго-западном углу ямы обнаружились скопления железных наконечников стрел — остатки от двух колчанов, уложенных продольно — у северной и южной стенки (рис. 1—3, 4). В качестве жертвенников в яму поместили две кости лошади — скаковые части. Стоит отметить, что скаковые части лошади использовались практически во всех погребальных объектах.

Таким образом, курган № 29 представляет собой единый культово-погребальный комплекс, включающий, помимо основного погребения, жертвенник из черепов лошадей, и «тайник» — своего рода склад вещей, по-видимому, принадлежавший умершим. За время трехлетнего изучения могильника у исследователей не сложилось четкое представление об условиях и времени формирования уелгинского комплекса. Предварительно, курган № 29 мы можем ограничить рамками X в. с возможным «заходом» в начало XI в.

Рис. 1. Курган № 29. 1. Палаш; 2. Перекрестие и рукоять палаша; 3. Колчан № 1: 4. Колчан № 2; 5. Стремя

Рис. 2. Курган № 29. 1. Браслеты; 2. Портупейный ремешок; 3. Металлические элементы пояса в южной части ямы; 4. Металлические элементы ремешка из восточной части ямы; 5. Элементы ремешка у палаша; 6. Фотография «тайника»; 7. Серьга; 8. Украшение у палаша; 9. Ажурное украшение

УДК 128/129
ББК Ю51

ФАКТОР ВРЕМЕНИ ПРОТИВ СМЕРТИ РАДИ РЕАЛЬНОГО ЛИЧНОГО БЕССМЕРТИЯ

И.В. Вишев

Рассматривается роль фактора времени, который до недавних пор способствовал сохранению фатальности естественной смерти, а теперь содействует решению проблемы достижения практического бессмертия человека и его реального воскрешения.

Ключевые слова: фактор времени; время; социальное время; психологическое время; практическое бессмертие человека; реальное воскрешение человека; мораторий.

Человек и филогенетически, и онтогенетически формировался во времени и пространстве, явившись, по существу, продуктом пространственно-временных условий развивающегося материального мира и процесса социализации. Время, как и пространство, — атрибут материи, его всеобщая форма бытия, но в отличие от последнего выражает длительность существования предметов и явлений, последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире. Его существование невозможно само по себе, т. е. вне материальных изменений, как невозможно существование материальных систем и процессов, которые бы не обладали длительностью, изменением от прошлого к будущему. Современная наука выработала представление о едином материально-пространственно-временном континууме, в котором все три параметра взаимосвязаны и относительны друг друга, где время является одной из координат, условной сравнительной мерой движения материи.

Время, являясь философской категорией, т. е. предельно широкой абстракцией, вместе с тем способно фиксировать объективный характер и специфику длительности изменяющегося явления, которые обусловлены прежде всего его собственной природой и сопровождающими обстоятельствами. Иными словами, что-то длится дольше или короче, быстрее или медленнее. Данная особенность зависит также от формы движения материи — изменяются ли, например, физические явления или явления социальные. В этой связи было выработано понятие «социального времени», т. е. времени существования социальной формы движения материи. Его специфика заключается в том, что оно является внутренним временем общественной жизни и как бы вписано во внешнее по отношению к нему время природных процессов, т. е. физическое время. Социальное время — мера изменчивости общественных процессов, исторически возникающих преобразований в жизни людей.

Введено также понятие «психологическое», или индивидуальное, время, которое связано с различным восприятием и переживанием течения времени индивидом, отдельной личностью. Действительно, временной интервал, насыщенный событиями, субъективно течет быстрее, нежели тот, в котором событий было мало. То же происходит и в разные возрастные периоды в разных вариантах. Наконец, «фактор времени» можно определить в качестве такого явления, которое ускоряет или замедляет изменение другого явления как в его объективной длительности, так и в восприятии субъектом. Ему всегда придается исключительно важное значение как в ходе самого исследования, так и в связи с необходимостью прогнозирования. И, как правило, обнаруживается его особая относительность — проблема, решение которой представляется делом легким и быстрым, в действительности занимает значительный промежуток времени и требует немало усилий, но бывает и наоборот. Так, полет человека в космос казался событием отдаленного будущего, а между тем его свидетельницей стала младшая дочь К.Э. Циолковского и нашей космической повседневностью. Сегодня роль фактора времени приобрела особо острую актуальность в связи с развертыванием борьбы с естественной смертью и достижением посредством победы над ней практического бессмертия человека и его реального воскрешения.

На протяжении многих тысячелетий вплоть до недавнего времени реальное решение этой проблемы представлялось делом чрезвычайно отдаленного будущего или даже просто неразрешимым. Однако последние полтора десятка лет коренным образом изменили положение вещей в данной области научных исследований, поставив эту проблему на повестку дня развития науки. Эта тема активно обсуждается в научном сообществе и средствах массовой информации. Мне лично пришлось принимать участие в не менее полутора десятков теле- и радиопередач, не говоря уже о многочисленных публикациях, включая Интернет. Такие темы, как реальная возможность клонирования человека, расшифровка его генома, регенерация стволовых клеток и различного рода манипуляции с ними, успехи протеоники, крионики, нанотехнологии, синбиологии, «компьютерного бессмертия» и многие другие становятся чуть ли не темами вчерашнего дня, причем все они, в конечном счете, направлены именно на борьбу с фатальностью смерти, как преждевременной, так и естественной, и на восстановление человеческой жизни в случае ее утраты. Такого рода события все больше входят в нашу повседневность. Прискорбным, но и вселяющим надежду на последующее клонирование стала передача мозга моей супруги после ее кончины, согласно предварительно заключенному договору, на криосохранение в фирму «КриоРус». Знакомые с этими фактами студенты приняли принципиальное решение: «Не отдадим мозг червям!». И это симптоматично.

Постоянно множащиеся открытия подпитывают уверенность в решаемости этой проблемы. Существенно иным было положение в этой области сравнительно недавно. Фактор времени действовал в пользу смерти и недаром прежний материализм считал ее неизбежной и неотвратимой, ибо ни что в науке не свидетельствовало о принципиально иной возможности, а строить разные фантазии на этот счет в ней не принято. Сложилась смертническая парадигма, которая обусловила смертнический характер мировоззрения, всей человеческой культуры. Попытка вырваться из сложившейся удручающей ситуации посредством религиозной веры в посмертное существование людей не только не решала проблемы, но, напротив, крайне усугубляла ее, превратившись в апологию смерти, в препятствие борьбы с ней. Д.С. Мережковский, например, утверждал: «Смерть — установленный Богом закон естества: восстать на смерть — восстать на Бога» [1, с. 163].

Однако, наконец, настало время, свидетелями которого мы с вами явились, когда ситуация стала стремительно меняться и фактор времени принципиально изменил свой вектор, со всей определенностью оказавшись направленным против смерти и на перспективу реального личного бессмертия. Сравнительно недавно, например, остро полемизировался вопрос об использовании эмбриональных тканей в качестве источника стволовых клеток, которые открывали принципиально новые перспективы в борьбе со смертью. Сложилась весьма странная, парадоксальная ситуация, когда считалось в порядке вещей просто выбрасывать абортную ткань, но объявлялось «этической проблемой» употребление ее в научных исследованиях. Теперь же стволовые клетки научились получать даже из кожи взрослых мужских особей. И таких примеров становится все больше. Вот еще один совсем недавний.

Принято считать, что процесс онтогенеза — от зачатия до смерти — необратим. Так, еще Н.Г. Чернышевский различал в процессе жизни такие необратимые периоды, как «возникновение, возрастание, ослабление и конец», и вновь особо выделял «оплодотворения, роста, дряхления и смерти» [2, с. 200]. И недаром по поводу неотвратимости старости он восклицал: «Это горько. Но что делать? Лета берут свое. Дважды молод не будешь» [3, с. 440]. Но теперь этот взгляд должен подлежать кардинальному пересмотру.

Основанием этому служат результаты исследований британского ученого Джона Гердона и японского ученого Шанья Яманаки с группой коллег, удостоенных Нобелевской премии по физиологии и медицине за 2012 год. До сих пор считалось, что процесс онтогенеза развивается жестко однонаправлено. Теперь выяснилось, что дифференцировавшиеся уже клетки могут быть перепрограммированы и превращены в индуцированные плюропатентные клетки, способные к новой дифференциации. Иными

словами, в перспективе возникает возможность заменять вышедшие из строя органы (зрения, слуха и др.) новыми, так сказать, «запчастями» родными по плоти, т. е. биологически не отторгаемыми и омоложенными.

Учитывая преобладающий сегодня скепсис по отношению к подобным перспективам, один из Нобелевских лауреатов, сэр Джон Гердон полагает, что «человечество согласится с надежными методами клонирования, особенно если речь будет идти о том, чтобы вернуть родителям трагически погибшего ребенка, или о лечении серьезных патологий» [4]. Признавая наличие различных мнений на этот счет, он, в конечном счете, однозначно отдает предпочтение возможности научного решения рассматриваемой проблемы. «Клонирование человеческих существ, по мнению некоторых, это нечто прекрасное, по мнению других — нечто вызывающее тревогу, но, в любом случае, речь не идет о научной фантастике» [4].

Признавая возможность поначалу появления при клонировании различных аномалий, этот ученый в то же время считает, что в целом терапевтическое клонирование предоставляет человечеству большие возможности. По убеждению Джона Гердона, если техника клонирования будет осуществляться с исключительной точностью (а именно такова конечная цель), то клонирование человеческого существа станет приемлемым с этической точки зрения во всем мире.

С точки зрения этого нобелевского лауреата, лет через 50, ибо временной фактор, как свидетельствует история, весьма относителен, речь может идти о таком, например, реальном сценарии: трагическая смерть ребенка вполне может оправдать необходимость клонирования и даже подтолкнуть к его реализации. Для этого достаточно будет иметь материнскую яйцеклетку и некоторое количество клеток эпителия умершего ребенка, чтобы создать клон, причем, по словам ученого, механизм клонирования довольно прост. При этом он особо подчеркивает принципиально важную мысль: «Речь идет о простом копировании того, что уже создала природа» [4]. Оптимизм получает новое серьезное подкрепление.

Библиографический список

1. Мережковский, Д.С. Иисус Неизвестный / Д.С. Мережковский. // Октябрь. — 1993. — № 10.

2. Чернышевский, Н.Г. Антропологический принцип в философии // Н.Г. Чернышевский — соч. в 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1987.

3. Чернышевский, М.Н. Последние дни жизни Н.Г. Чернышевского // Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников — М.: Худож. лит. 1982.

4. http://www.inopressa.ru/article/20Dec2012/corriere/clon.html

УДК 323.285 + 343.26
ББК Ф041.33 + Х515

ПРОФИЛАКТИКА ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Д. С. Глухарев

В статье анализируется специфика профилактических мероприятий в области борьбы с терроризмом. Выделяется как отдельное направление профилирование террористов. Обосновывается применение жестких мер в отношении лидеров террористических организаций.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, профилактика терроризма, профилирование, виктимология.

Предупреждение преступности относится к области юриспруденции и включает в себя все формальные и неформальные подходы, направленные на снижение уровня преступности, а также риска виктимизации. Экстремизм и терроризм являются такими же уголовными преступлениями, как и кражи, убийства, грабежи, а следовательно, меры профилактики могут быть идентичными. В связи с этим логично проанализировать уже имеющиеся наработки специалистов, и применить их с учетом специфики, которую имеют вышеназванные политические преступления.

Виктимология — сравнительно новая отрасль науки, которая изучает процесс становления индивида жертвой. При этом выделяется несколько этапов процесса виктимизации, в частности первичная и повторная виктимизация. Преступления экстремистского характера чаще всего направлены на определенные социальные группы, чей образ «козлов отпущения» в общественности достаточно четко сформировался. Сформировавшийся стереотип, когда «во всем виноваты… евреи, мигранты, либералы» резко увеличивает риск совершения преступления в отношении этих лиц. С этой точки зрения наработки криминальной виктимологии могут стать одним из элементов профилактики.

Также одним из важных направлений в криминологии по профилактике терроризма и экстремизма может стать пенология. Имеющаяся пенитенциарная система не отвечает современным реалиям, в том числе и в вопросах исправления лиц, совершивших преступление террористического характера. В результате создается параллельная неформальная система наказания, как со стороны общества, выраженная в участившихся случаях самосуда, так и со стороны правоохранительных органов, выраженная в принципе «пленных не брать». Исламские радикалисты сегодня активно используют тюрьмы для агитационной и вербовочной деятельности.

История развития виктимологии включает в себя позицию Фон Хентинга полагающего, что жертва стимулирует преступника на совершение криминального действия. Данная позиция долгие годы была приоритетной, но абсолютно не подходит для жертв террористических актов, чаще всего случайных. Более того, данное объяснение как раз использовалось террористами для обоснования случайных жертв, по принципу «невинных не бывает».

Последующие теории, объясняли взаимоотношения преступника и жертвы в основном на межличностном уровне. Появившиеся в 1970-х годах теории сосредоточились на условиях, способствующих преступлению. Теория разбитых окон, сформулированная Джеймсом Уилсоном в 1982 году, сконцентрировалась на том, что явные признаки беспорядка (разбитые окна, мусор) провоцируют на совершение преступления, даже внешне порядочных граждан. В результате благополучные районы за короткий срок могут превратиться в клоаку. Эксперименты, проведенные голландскими специалистами, показывают также, что нарушение порядка провоцирует рост дискриминационных настроений [1].

Некоторые методы профилактики преступлений, применительно к терроризму, существенно могут ограничивать права и свободы граждан. Применение профилактических мер без учета специфики террористической деятельности могут только ухудшить ситуацию, как это произошло в Северной Ирландии. В настоящее время в криминологии наблюдается тенденция к смягчению наказания и направленность на ведение переговоров. В то же время жесткие акции могут принести гораздо больший эффект. Основными методами предупреждения терроризма должны стать упреждающие меры, основанные на наблюдении, прослушивании телефонных разговоров, создании и ведения списков. Необходимо более широкое внедрение информаторов, усиление шпионской деятельности. Тот факт, что в условиях глобализации и стирании межгосударственных границ резко возросла мобильность террористов, требует адекватной реакции в виде усиления международного сотрудничества. При этом необходима взаимопомощь не только по вопросам экстрадиции подозреваемых, но в первую очередь по оперативно-розыскным вопросам.

Современные сетевые структуры террористических ячеек резко снизили значимость лидеров и руководителей организации. Однако, повышение жизнеустойчивости террористической организации не отменяет того факта, что в социальных группах немаловажную роль играет личность. Поэтому, ликвидация У. Бен Ладена не нанесла организационный урон Аль-Каиде, но имиджевые потери, ресурсные, интеллектуальные огромны. Восстановление потерянных организационных и социальных связей, финансовых и пропагандистских потоков, требует времени а, следовательно, ликвидация лидера, привела к значительному снижению потенциала орга-

низации. Все это делает немаловажной, а возможно и ключевой задачей в предупреждении актов терроризма, целевую, адресную ликвидацию отдельных персон террористической группы. При этом целью должны быть не формальные лидеры организации, а ее неформальные лидеры, идеологи, пропагандисты, специалисты, связные. Целью данных ликвидационных мероприятий должно стать не уничтожение организации как таковой, а доведение ее до состояния невозможности ведения ею активных действий.

Немаловажным представляется развитие такого направления, как профилирование террористов. По вопросу эффективности данного метода до сих пор идут споры. Но тот факт что, не смотря на теоретические рассуждения ФБР широко применяет эту методику и раскрывает с ее помощью многие преступления, говорит о необходимости более широкого внедрения. Наибольшей критике подвергается так называемое этническое или расовое профилирование. Тем не менее, можно построить неплохие профили на основе данных по полу, составу семьи, социально-экономическому статусу. Также следует учитывать, что террористические группы существенно различаются друг от друга идеологически, поэтому профили будут также различны у ультралевых и ультраправых, исламистов и сектантов.

Попытки создать профиль типичного террориста бесполезны еще и по той причине, что осознавая наличие подобных технологий, члены организаций активно используют маскировку. Например, члены Аль-Каиды, понимая существующий в обществе стереотип ваххабита, как бородатого араба, могут сбривать бороду.

Необходимо понимать, что профилирование не есть панацея от всех бед, позволяющая вычислять террористов на ранней стадии и предотвращать преступления. Главная ее задача, это оказание вспомогательной помощи в профилактики преступления, вычленяя целевую группу, в которой риск радикализации велик и работая уже с ней. Следует понимать, что количество исключений из общего профиля достаточно велико. Использование профилирования как дополнительного инструмента в расследовании и розыске доказало свою эффективность.

Еще одной сложностью в профилировании является тот факт, что это больше искусство, чем строго научный метод. Предполагается, что мы экстраполируем имеющиеся у нас незначительные данные, реконструируя личность террориста. Профайлер должен обладать не только криминологическими знаниями, но и социально-психологическими, то есть всем, что может помочь понять мотивацию террориста. Также необходимо создание баз данных, в которых были бы собранны вся информация по уже задержанным террористам. Профайлер должен проводить интервью, разрабатывать анкеты, присутствовать при переговорах и допросах. Собранные материалы могут свидетельствовать о подозрительной активности а, следова-

тельно, в сочетании с данными полученными из других источников являться предупредительными показателями.

Профилирование показывает наивысшую эффективность в том случае, когда данных о преступнике нет, либо его поведение непредсказуемо. Проблематично, однако, то, что при профилировании часто возникает определенная предвзятость, основанная на религиозной или этнической принадлежности. Все это приводит к некоторым аналитическим ошибкам, но связанны они не с недостатками самого метода, а с человеческим фактором.

Профайлер должен быть хорошо знаком с теми или иными психологическими чертами, синдромами и заболеваниями, которые характерны для психологии террориста. И если зарубежный профайлинг имеет значительные накопленные данные по различным террористам, то в России научной общественности эти данные недоступны. Отсутствие научной базы снижает возможности отечественного профайлинга в области борьбы с терроризмом.

Существует мнение, что уголовный профайлинг и профайлинг террористов практически идентичен. Действительно, существует много общего, однако не один уголовный преступник не уделяет столько внимания средствам маскировки и конспирации. Члены террористических групп имеют четкие убеждения, позволяющие избегать им чувства раскаяния и сострадания. Они хорошо разбираются в политике, не привязаны к общепринятым нормам морали. Они не одиночки и опираются на групповую поддержку. Они достаточно свободно перемещаются, владеют современными средствами связи.

Даже простой демографический анализ известных террористов может дать массу дополнительной вспомогательной информации. Сравнение по половому признаку, например, показывает, что женщины становятся террористками, чаще всего по личным причинам, а не социальным. Чаще всего они ищут мести за смерть члена семьи или что-то вроде этого. Знание этого факта позволяет сразу очертить круг лиц, чья деятельность может быть потенциально опасной. Проблема вдов, практически не изучается, хотя опыт американских контрразведывательных органов показывает значимость данного фактора. И если женщина сама лично может и не стать смертником, то нужно понимать, что ее позиция ретранслируется на ее сыновей, что способствует их радикализации.

Библиографический список

1. Diederik, A. Stapel, Siegwart Lindenberg. Coping with Chaos: How Disordered Contexts Promote Stereotyping and Discrimination http://www.sciencemag.org/ content/332/6026/251.full

УДК 902(470.55)
ББК Т442(2)

РЫМНИКСКИЙ I КУРГАН С «УСАМИ»: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.В. Грудочко

В статье излагаются описание и результаты археологического исследования центрального сооружения комплекса кургана с «усами» Рымникский. Несмотря на отсутствие датирующего материала, удалось зафиксировать некоторые конструктивные и обрядовые элементы. Отсутствие погребений позволяет говорить о поминальном характере сооружения.

Ключевые слова: археология, археологические исследования, курган с «усами», фиксация объектов, обряд, сооружение.

Курган с «усами» Рымникский расположен в 500 метрах к югу от ЮВ окраины поселка Рымникский, в 13 км к СЗ от поселка Бреды (Брединский район Челябинской области) и представляет собой комплекс, состоящий из курганной насыпи (центральное сооружение), от которой в восточном направлении выложены две дуговидные земляные гряды — «усы» (рис. 1). Памятник занимает относительно ровную площадку первой надпойменной террасы левого берега реки Синташта (рис. 1—I). К настоящему времени «усы» сохранились плохо, имели незначительную высоту и зачастую фиксировались лишь по участкам почвы с иным оттенком растительности. На некоторых участках гряд, с внешней стороны, удалось зафиксировать незначительные углубления, вплотную примыкающие к валам. Мы можем предположить, что они появились в результате сооружения валов — гряд. Длина северной гряды по прямой 149 м, южной — 135 м.

В августе 2012 года исследовано центральное сооружение. Курган представлял собой округлую в плане земляную насыпь диаметром 10 м и высотой 0,15 м. С юго-восточной стороны к насыпи примыкало углубление, которое возникло в результате сооружения насыпи.

Курган исследовался круговым раскопом диаметром 10 м с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных СЮ—ЗВ. Вскрытие основной площади раскопа производилось горизонтами. Поскольку конструктивные и другие особенности начали фиксироваться на незначительной глубине, первый горизонт составил глубину от 0 до 0,1 м, а второй — от 0,1 до 0,3 м. После удаления дернового слоя выяснилось, что в юго-западном секторе отдельные камни уходят в борт раскопа, в связи с чем юго-западный борт раскопа увеличен на 3 метра по бровке запад-восток. Планиграфическая ситуация наиболее выразительна на двух первых горизонтах.

Горизонт 1 (рис. 1—II). В центральной части насыпи зачищены камни средних размеров. Камни выглядели «разбросанными», довольно часто не соприкасаясь друг с другом, практически на одном уровне. Говорить о какой-либо четкой каменной конструкции (ограда, кольцо, кладка) сложно. Однако стоит отметить, что в юго-восточном и юго-западном секторах группы камней уложены более концентрированно, чем в северной части. В юго-восточном секторе на уровне зафиксировано 2 пятна прокаленной почвы, размерами 95 х 84 см и 80 х 55 см. Камни и прокалы окружало кольцо темно-серой почвы, наиболее отчетливо фиксированное в северо-западном и юго-западном секторах, шириной от 30 до 40 см. Общий размер по направлению север-юг составляет 8 м. Видимо, это был ровик, который использован для сложения насыпи и (или) бывший составной частью архитектуры и обряда кургана. В юго-западном секторе «ровик» имел прямую, а в северо-западном секторе — дуговидную форму. В юго-западном секторе среди камней обнаружены кости животных, по-видимому, остатки ритуальной тризны. Вещественных находок нет. Скопление камней в юго-западном секторе лежало обособленно от камней в центральной части и за «ровиком». Камни также уложены в один слой и не представляют собой какой-либо конструкции. Ни костей, ни вещественных находок здесь обнаружено не было. Однако стоит отметить, что именно с юго-западной стороны к насыпи кургана примыкала яма, возникшая, вероятно, как результат сооружения насыпи.

Горизонт 2. Центральную часть раскопа занимало большое глиняное пятно, в целом, округлой формы, с небольшим выступом контура в южной части. Размеры 6,8 х 6,8 м. С запада к глиняной площадке вплотную примыкали остатки ровика, хорошо фиксируемый на первом горизонте. В юго-западном, северо-восточном и северо-западном секторах зафиксированы пятна относительно темного оттенка — проявления погребенной почвы под глиняной площадкой. Кости животных расчищены в юго-западном и юго-восточном секторах, почти в центре насыпи. Кости лежали практически в том же месте, где были сняты камни с горизонта 1. Некоторые кости обнаружены в юго-восточном секторе отдельно от основного скопления. По-видимому, они были вынесены землеройными животными. Вещественных находок нет.

Стратиграфия кургана (рис. 1—III). Верхний слой дерна, мощностью от 2 до 4 см в пределах насыпи и до 20 см за пределами. Следующий слой, фиксируемый только в пределах насыпи — бледно-серый плотный суглинок со слабым коричневатым отливом, наибольшую мощность приобретает по краям насыпи (от 20 до 30 см), в центре же он варьирует от 10 до 20 см.

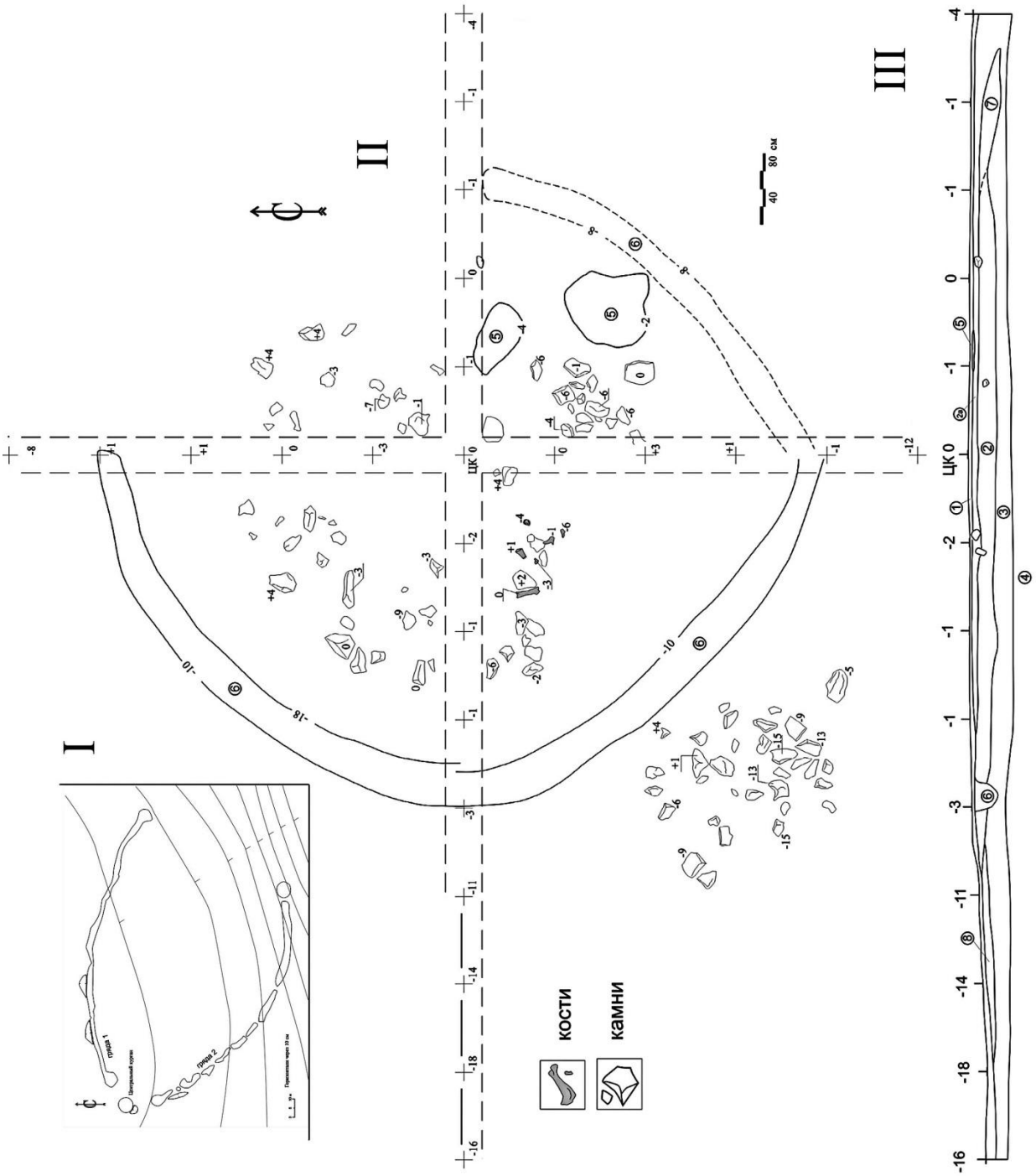


Рис. 1. Курган с «усами» Рымникский:
I — топографический план памятника;
II — план первого горизонта; III — стратиграфия насыпи

Этому же слою принадлежит менее мощный слой, лежащий на предыдущем, отличающийся меньшей плотностью (более рыхлый). Можно предположить эти слои составляли тело насыпи кургана или основную ритуальную площадку. Именно в пределах этих слоев обнаружены камни и

кости. Слой погребенной почвы достаточно мощный (15—30 см на различных участках). Очертания профиля ровика прослежены в 4 м к западу от центрального пикета (по бровке Запад—Восток).

В ходе исследования центрального сооружения кургана с «усами» на подкурганном пространстве обнаружена площадка, имеющая, в основном, глинистую структуру. В пределах площадки обнаружены камни, не составляющие какую-либо конструкцию (кольцо или ограду). Предположение о разрушенности кургана менее вероятно, поскольку стратиграфия не выявила каких-либо нарушений слоев или перекопов в прошлом. Сами же камни уложены на одном уровне, среди которых обнаружены кости животных. Никаких находок и иных материальных ценностей не обнаружено. Также не зафиксировано нарушений материкового слоя, что позволяет говорить о не погребальном (поминальном) характере сооружения. Вполне вероятно площадка центральной насыпи использовалась для тризны. Не исключено разведение костров, о чем говорят два пятна прокаленной почвы в юго-восточном секторе.

Курган с «усами» Рымникский имеет одну центральную насыпь, что характерно для абсолютного большинства подобных памятников на территории Южного Зауралья. Однако если эти курганы сооружались на господствующих высотах (что характерно для курганов ранних кочевников) [2], то Рымникский занимает первую надпойменную террасу. Большинство курганов с грядами сооружены из камня, грунтовая же архитектура является достаточно редким явлением и находит немногочисленные аналогии в таких комплексах как Солончанка I, Крутая Гора, Кызыл-Жар [1, с. 95]. Еще одной отличительной чертой является отсутствие керамического сосуда. В большинстве комплексов он устанавливался в северном или северо-восточном секторе насыпи. Несмотря на отсутствие датирующего материала, памятник входит в круг курганов с «усами» урало-казахстанских степей зауральской группы [1, с. 9, 14] и может быть датирован ранним средневековьем (V—VII вв. н. э.).

Библиографический список

1. Боталов, С.Г. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей / С.Г. Боталов, А.Д. Таиров, И.Э. Любчанский. — Челябинск: Изд-во Южно-Уральский филиал ИИА УрО РАН, 2006. — 232 с.

2. Любчанский, И.Э. Хронологические аспекты комплексов «курганов с усами» Евразийской степи / И.Э. Любчанский. // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (вопросы хронологии). — Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. В.Б. Алабина, 1998. — С. 304.

УДК 321.01+316.722
ББК Ф041.331

ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ ОБЩЕСТВА В СТРУКТУРЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ ГОСУДАРСТВА

М.О. Двойненко

В ходе проведенного исследования была выявлена зависимость между особенностью национально-культурных смыслов государства и обусловленностью протестной активности общества, что позволило сделать вывод об одной из причин начала протестной активности общества. Данная активность является существованием неудовлетворенности чувства справедливости, которое может быть разным в зависимости от типа политической культуры, доминирующей в государстве.

Ключевые слова: политическая культура, национально-культурные смыслы, чувство справедливости общества, протестная активность общества.

Современный мировой политический процесс обуславливается наличием длительных всплесков общественных протестных настроений, или, как их еще называют, протестной активности общества. Подобное явление происходит во множестве стран, и некоторые из них классифицируются общими названиями: «Цветные революции» на пост советском пространстве, «Арабская весна» в Средней Азии или забастовки в Европе обусловленные Мировым экономическим кризисом.

Протестная активность свойственна и для политического процесса современного российского общества, в частности, он зародился как отклик на оппозиционную дискуссию в интернет-пространстве и перерос в недовольство результатами парламентских выборов 2012 года.

Само понятие протестная активность общества может существовать в двух ипостасях — конструктивная и деструктивная активность, следовательно, протестная активность общества также может быть как конструктивной, так и деструктивной — это в большей степени определяется тем, какой тип политической культуры доминирует в данном конкретном обществе. По мнению В.И. Хвощёва, протестную активность можно охарактеризовать как активность части общества, недовольной сложившейся политической ситуацией и преследующей собственные цели, чтобы изменить свое положение в обществе, и по большей части политическая протестная активность общества является импульсивной [5]. Эта импульсивность может выражаться в таких формах протестной активности, как «Арабская весна» и «Цветные революции», которые выражали недовольство полити-

ческим режимом, действующим в стране, или конкретным политическим лидером, находящимся в данный момент у власти, а также результатами фальсификации демократических выборов.

Говоря о политической культуре общества, мы видим, что она способна определять тип протестной активности общества, так как она определяет политическое сознание общества в целом. Одним из классических определений, характеризующих политическую культуру, является определение, предложенное С. Вербой «политическая культура — это то, что задает форму проявления связи между событиями в политике и поведением индивидов как реакции на эти события; дело в том, что, хотя политическое поведение индивидуумов и групп является ответом на действия официальных лиц из правительства, войны, избирательные кампании и тому подобное, оно еще в большей степени определяется тем (символическим) значением, которое придается каждому из этих событий людьми, их наблюдающими» [4]. Следовательно, особенность данных реакций общества в том, что они могут обуславливаться специфическим элементом политической культуры, как национально-культурные смыслы.

При этом, если более углубленно рассматривать протестную активность Европейского общества, Арабского мира или территории постсоветского пространства и современной России, то в основе их политической культуры лежат разные национально-культурные смыслы, мотивирующие широкие слои общественности выражать свое недовольство политической ситуацией. Под национально-культурными смыслами понимаются структурные элементы, складывающиеся в сознание и определяющие его в конкретном обществе на уровне политической культуры. И если рассматривать протестную политическую активность в широком смысле, мы можем выделить такой специфический национально-культурный смысл, как «чувство справедливости» и неудовлетворенную потребность в финансовых гарантиях социальной сферы и личной финансовой самостоятельности.

Идея справедливости — одна из самых влиятельных в идентификации политического процесса для общества и человека. В данном случае под идеей справедливости понимаются не какие-то индивидуальные представления, сформировавшиеся в человеке в процессе его жизнедеятельности, а именно общественные представления, существующие в рамках политической культуры. По мнению Дж. Ролз, субъект справедливости — базисная структура общества, или более точно, способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации [3]. Сразу стоит отметить, что для разного типа общества значение будут иметь разные социальные институты. Для одного общества будет характерно экономическое и социальное устройство, для другого — соответствие политическим ожиданиям и представлениям общества, то есть вообще

его индивидуальная деятельность. Важной особенностью чувства справедливости также является её иррациональность. Так как для каждого индивида понятие справедливости будет сугубо индивидуальным, выделяют несколько общих направлений для характеристики данного явления. По мнению К. Муздыбаева, «Формы справедливости так или иначе сводятся к трем главным: распределительная, исправительная и процедурная» [2].

Под распределительной формой можно понимать экономическое составляющее, то есть уровень, справляется ли государство со своей социальной функцией, не нарушает ли государство своих обязательств. Также к этому можно отнести и законодательство, связанное с социальным обеспечением, равными возможностями получения благ. Распределительная составляющая является на сегодняшней день основной ценностью национально-культурных смыслов государств, относящихся по классификации Г. Алмонда и С. Вербой к партиципаторной или культура участия, свидетельствующий о заинтересованности граждан в политическом участии, а следовательно, наличием развитых институтов гражданского общества и о проявлении ими такой активности. По географическому признаку данный элемент национально-культурных смыслов характерен для континентально-европейского типа и англо-саксонского типа политической культуры.

Примером неудовлетворенности распределительной справедливости, повлекшей за собой протестную активность общества, могут служить забастовки и массовые многотысячные шествия профсоюзов в Греции с весны 2010, и по сей день, вызванные принятием правительством страны жёстких мер экономии и программой приватизации ряда государственных предприятий, что в свою очередь снижает экономическую стабильность и благосостояние общества.

Данный вывод можно обусловить тем, что европейское общество существует в постиндустриальной или информационной политической культуре, которая предполагает основной ценностью материальную независимость граждан и наличие развитой системы социальных гарантий, а также высокую ответственность власти перед обществом за счет жесткого контроля со стороны общества.

Также нам интересна такая форма справедливости, как процессуальная, под которой можно понимать, насколько действия власти соответствуют ожиданиям общества, и на какие уступки общество может пойти, чтобы власть оставалась легитимной. Когда власть перестает соответствовать общественным представлениям о легитимности, то начинается всплеск общественной протестной активности, зачастую принимающей достаточно жесткие формы. Процессуальная составляющая является на сегодняшний день основной ценностью национально-культурных смыслов государств, относящихся по классификации Г. Алмондом и С. Вербой к патриархальному типу политической культуры, для которого характерно отсутствие

интереса граждан к политической жизни, знаний о политической системе и значимых для людей ожиданий от ее деятельности, а также существование ярко выраженных признаков традиционного общества. По географическому признаку данные элементы национально-культурных смыслов характерны для Азиатского и Африканского типа политической культуры.

Для представителей традиционной политической культуры, к которым мы можем отнести также и страны СНГ, многие страны Исламского мира и т. д., основной ценностью выступает «закон справедливости», сформированный под влиянием исторически сложившихся морально-религиозных представлений о мире и о политике в частности.

Пример неудовлетворенности процессуальной справедливости мы можем видеть в событиях в Ливии весной 2011 года, когда часть общества посчитала нелегитимным режим Каддафи, и это объяснялось отсутствием демократических институтов и процедур в обществе.

Исправительная справедливость зачастую соответствует государственному законодательству и рассматривается верховными судебными инстанциями. Следовательно, она не может быть универсальным представлением о справедливости, а представляет собой специфическое явление, меняющееся на протяжении исторического развития правовой системы государства.

Стоит отметить, что на практике данные типы политической культуры взаимодействуют между собой, образуя смешанные формы с преобладанием тех или иных компонентов. Поэтому нельзя говорить, что протестная активность общества может быть выражена неудовлетворенностью только по одной причине, но можно говорить о преобладании какой-то одной, что, в свою очередь, должно способствовать скорейшему решению конфликта, так как осознание глубинных причин проблемы может помочь создать превентивные меры по её разрешению.

Библиографический список

1. Муздыбаев, К. Идея справедливости / К. Муздыбаев. — Социологические исследования. —1992. — № 11. — С. 94—101.

2. Ролз, Д. Теория справедливости / Д. Ролз. // научн. ред. В.В. Целищев. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. — С. 139.

3. Соловьев, А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов / А.И. Соловьев. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С. 257.

4. Хвощёв, В.И. Теория активности: от истоков к началам / В.И. Хвощёв. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; ЮВИГ, 2008. — С. 89.

УДК 327
ББК Ф2 (7США) + Ф03

ФЕНОМЕН «УДВОЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ» НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ Д. ИСТОНА

С.В. Докучаева

В результате анализа теории политических систем Д. Истона, делается вывод, что при дисфункции политической системы по категориям «вход»-«выход», происходит «удвоение политической реальности», то есть политическая система и окружающая среда по сути существуют в разных политических реальностях, что приводит к принятию неадекватных решений со стороны системы и роста недовольства со стороны социума на данные решения.

Ключевые слова: политическая система; среда; требования; поддержка; решения; действия; политическая реальность.

Понятие «политическая система» стало активно разрабатываться и применяться в политической науке в 1950-х гг. XX века, и его использование весьма существенным образом расширило методологический инструментарий для анализа существовавших в то время и активно создававшихся новых политический образований. Существует достаточно большое количество различных подходов к определению сущности политической системы, как в теоретическом, так и в практическом аспекте [1; 3].

В статье рассматривается теория политических систем Д. Истона, и феномен «удвоения политической реальности», выведенный из этой теории.

Д. Истон считал, что политическая система — это совокупность взаимодействий, посредством которых в обществе авторитетно распределяются ценности, а также способы и средства, с помощью которых решения об этих распределениях принимаются гражданами как обязательные для выполнения. Способность системы осуществлять эти две ведущие функции является залогом предотвращения и разрешения различного рода конфликтов, имеющих место в социуме, и как следствие — снятие социальной напряженности и согласование интересов различных социальных групп. На рисунке изображена модель политической системы Д. Истона

Модель политической системы Д. Истона

Как видно из рисунка, система обладает «входом» и «выходом», которые являются каналами коммуникации с окружающей систему средой. Входящие импульсы имеют вид требования и поддержки системы от среды, а исходящие — от системы — вид решений и действий. Таким образом, если оба канала работают и эффективно выполняют присущие им функции, политическая система обладает большим запасом прочности и способна трансформироваться и приспосабливаться к меняющейся внешней обстановке, а также реагировать на свои внутренние процессы действиями, не идущими в разрез с потребностями окружающей среды [2].

При этом требования — это выражение мнения о правомерности и правильности решений о распределении ценностей в обществе властвующими субъектами со стороны тех, на кого направлены эти решения, то есть в самом общем смысле, со стороны среды. Необходимо понимать, что под ок. средой здесь понимаются граждане и вся совокупность взаимодействий между ними во всех сферах жизни общества.

Истон делит требования, предъявляемые к системе на следующие виды:

1) требования, касающиеся распределения благ и услуг;

2) требования, связанные с регулированием поведения;

3) требования, в сфере коммуникации и информации.

Однако среда помимо требований должна оказывать системе поддержку, которая также может проявляться в различных формах и иметь разный характер интенсивности. Но если поддержка от среды не поступает, то система постепенно ослабевает и лишается ресурсов, необходимых не только для авторитетного распределения ценностей в обществе, но и для поддержания собственной жизнеспособности.

Основными формами проявления поддержки являются: материальная поддержка в виде выплаты налогов и иных обложений, оказание услуг системе, соблюдение законов, участие в политической жизни, уважение к представителям власти, к символике системы и т. д.

Поддержка, по мнению Истона, может быть направлена на три объекта:

1) «политическое общество» — группа людей, связанных друг с другом в одной структуре, благодаря разделению деятельности в политике;

2) «режим», основными компонентами которого считает ценности (цели и принципы), нормы и структуру власти;

3) «правление», к которому относятся люди, принимающие участие в ежедневных делах политической системы и признанные большинством граждан общества ответственными за свою деятельность [2].

Таким образом, с помощью двух этих механизмов — требований и поддержки, окружающая среда доводит до сведения системы свои потребности, желания, ожидания, недовольство и т. д. Именно за счет этого между средой и системой обеспечивается обратная связь, которая позволяет политической системе принимать адекватные реальности политические

решения, и тем самым реагировать на происходящее, демонстрируя гибкость в выборе направления развития и лояльность к интересам и потребностям своих граждан.

Но в том случае, если политическая система по каким-либо причинам сознательно или под воздействием обстоятельств надолго перекрывает «входной» канал поступления информации, или игнорирует поступающие сведения, то может сложиться следующая ситуация.

Окружающая среда продолжает посылать импульсы, но уже в основном в виде требований, при этом, чем дольше система отгораживается от них, тем жестче становятся формы проявления этих требований, которые могут развиться из легкого недовольства до революционных настроений в обществе. Понятно, что уже с середины этой шкалы, действия общества не будут лежать в правовом поле, а начнут проявляться в виде деструктивной политической активности.

Что в это время происходит в политической системе: поскольку данное явление относится к динамическим по своей природе объектам, то при всем желании система не может застыть в статичном состоянии, ей необходимо функционировать, постоянно проявляя активность, и реагируя хотя бы на то, что происходит внутри нее самой.

Но от системы требуются реакции не только на внутренние процессы, ведь она является частью более глобальных систем, к примеру, международных, и игнорировать происходящее в мире, не может себе позволить ни одна политическая система.

Кроме того, абсолютно не стоит забывать о том, что окружающая среда все-таки требует от системы хоть какой-то деятельности по решению назревших в обществе проблем разной степени сложности и интенсивности.

И система вынуждена реагировать. Но, как уже говорилось ранее, ситуация перекрытого канала «входа», ставит систему в условия «фактологического голода», когда сведения, имеющиеся у системы для принятия политических решений, не соответствуют реальной обстановке в государстве. Причины этого могут быть разные: от целенаправленного искажения действительности в интересах какой-либо социальной группы в ущерб остальным слоям населения, до объективного невладения информацией по каким-либо внутренним или внешним причинам.

Однако результат при любом из этих вариантов будет одинаковым: система и среда будут существовать в разных политических реальностях.

Ведь система все равно должна принимать решения и совершать действия, как уже говорилось ранее, но если она не владеет реальными фактами, позволяющими совершать действия, соответствующие требованиям среды, то она будет принимать решения на основе своих фактов, полученных по каким-либо другим каналам поступления информации, и на основе этих

фактов, совершать действия, соответствующие представлению системы о происходящем в среде.

Но представление о чем-то крайне редко соответствует реальному состоянию объекта, и в результате мы получаем две параллельные реальности, пересекающиеся достаточно редко и в крайне ограниченном количестве точек.

Это приводит к тому, что среда и система практически полностью теряют взаимопонимание, и их взаимные действия вызывают друг у друга недоумение, переходящее в недовольство, раздражение и как следствие в агрессивные действия. Причем данное явление имеет место как со стороны среды, так и со стороны системы. Ведь система видит в социуме потенциального врага, так как не получает от него поддержки, а социум, в свою очередь, считает виновником всех бед (и часто справедливо) политическую систему, так как она не обеспечивает удовлетворения существующих в нем потребностей. При этом большинство решений системы с точки зрения среды носят неадекватный характер, вызывающий отрицательную реакцию разной степени остроты.

Таким образом, можно сделать вывод, что при нарушении функционирования каналов коммуникации между средой и политической системой возникает феномен «удвоения политической реальности», который может быть преодолен только целенаправленными усилиями со стороны системы, а в случае усугубления ситуации может привести к конфликту между социумом и политической системой, и к разрушению последней.

Библиографической список

1. Анохин, М.Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость / М.Г. Анохин. — М., 1996.

2. Истон, Д.Категории системного анализа политики / Д. Истон. // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т.А. Алексеева. – Т. 3 – М., 1997.

3. Эндрейн, Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования / Ч.Ф. Эндрейн. — М., 2000.

УДК 902(470.5) + 903.3
ББК Т48(2Р36)

ОЦЕНКА ПАРАМЕТРОВ ФОРТИФИКАЦИИ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА КАМЕННЫЙ АМБАР

А.В. Епимахов, И.А. Семьян

Рассмотрена одна из ключевых культурных черт синташтинского общества Южного Зауралья — традиция возведения систем фортификации. На примере новых раскопок поселения Каменный Амбар реконструированы основные параметры и элементы оборонительной архитектуры, предложены варианты их функциональной интерпретации. Основные выводы: часть параметров системы обороны была обусловлена особенностями конструкции и использованных материалов; инвестиции в строительство явно превышают простую потребность в защите населения и скота от природных факторов.

Ключевые слова: бронзовый век, синташтинская культура, фортификация, поселение Каменный Амбар

Одним из ключевых признаков синташтинской культуры бронзового века в Южном Зауралье является наличие замкнутых фортификационных систем и сложно организованное внутреннее пространство поселений [1—2 и др.]. Более того, представления о монументальности сооружений нашли отражение в разнообразных графических реконструкциях, достоверность которых требует критического осмысления [3]. Наличием значительного числа предметов вооружения и военной техники в погребениях часто трактуется как свидетельство высокого уровня развития военной деятельности и в целом высокого уровня милитаризации общества. В этой связи выдвигается тезис о ведущей роли именно военной элиты в культурогенетических и иных процессах [4]. Такого рода заключения часто носят оценочный характер и не опираются на детальный анализ исходных данных. Более того, мы полагаем, что возможности аргументации выдвигаемых объяснительных гипотез с методами генерализации данных на современном этапе исчерпаны, требуется привлечение внеархеологических данных и новых методик полевого и камерального исследования.

Реализация этой амбициозной задачи осуществляется в рамках комплексного международного проекта исследований в бассейне р. Карагайлы-Аят (Карталинский район, Челябинская область) [5 и др.]. В долине расположено три укрепленных поселения бронзового века. Большой спектр геофизических методов (магнитосъемка, георадар, сейсморазведка), LIDAR-сканирование, анализ государственной аэрофотосъемки и микрорельефа позволили установить важнейшие параметры археологических памятников до начала раскопок. Тем не менее, огромную роль в интерпре-

тации полученных данных и детализации картины жизни поселений продолжают играть раскопки. Ключевым звеном проекта стало изучение укрепленного поселения Каменный Амбар, синхронного ранее изученному курганному могильнику Каменный Амбар-5 [6]. Именно здесь получен максимум информации по интересующему нас вопросу.

Как и для всех других аналогичных городищ, естественный рельеф местности не был использован для усиления обороноспособности. Поселение расположено на практически ровной поверхности первой надпойменной террасы в условном центре чашевидной долины. Такая локализация не давала преимуществ обороняющимся, впрочем, ближайшие возвышенности располагались достаточно далеко (более 300—400 м) и могли быть использованы нападающей стороной только в качестве наблюдательных пунктов. Таким образом, при выборе места строительства оборонительный потенциал не был основным мотивом.

Комплекс неразрушающих методов позволил установить, что линия фортификации ограничивала площадку слегка неправильной подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами. Это пространство (около 1,8 га) было разделено на практически равные части промежуточной линией системы ров-стена. На данный момент возможны следующие варианты интерпретации этого разграничения: разновременность застройки, функциональная дифференциация частей поселения (хозяйственная, социальная и пр.) и поэтапное строительство. Все внутреннее пространство северной половины занято четырьмя рядами строений с двумя промежуточными улицами. В южной половине сохранность материалов не позволяет делать однозначные выводы, хотя планировка, вероятно, была сходной. Внешний ряд строений конструктивно связан с оборонительной стеной и не мог существовать отдельно от нее. Это означает, что линия фортификации возводилась раньше или одновременно с жилыми постройками.

Археологические материалы дают информацию преимущественно о планировочной схеме, а не об объемных архитектурных решениях. Тем не менее, некоторые возможности для реконструкции имеются. В нашем случае надежно зафиксированы оборонительная стена, облицованная с напольной стороны каменными плитами, ров сложной конфигурации и дополнительные элементы с его внешней стороны.

Ширина основной оборонительной стены (в среднем 4 м) обусловлена свойствами материала, из которого она сооружалась, т. к. для постройки высокой грунтовой стены требовалось широкое основание. Вдоль внутренней границы стены через каждые 2 м фиксируются столбовые ямы, обозначающие существовавший в древности деревянный каркас, который позволял грунтовым стенам держать форму [5]. Скопление столбовых ям на некоторых отрезках указывает на следы ремонта. От дождей масса

грунтовых блоков увеличивалась, деревянные конструкции в результате гниения разрушались, что приводило к оплыву стен.

Важным элементом, предохранявшим их от оплыва, являлись крупные и плоские облицовочные плиты сланца. Часть из них, зафиксированная in situ, позволяет сделать вывод, что стена с внешней (напольной) стороны имела угол наклона около 60 градусов, что обусловлено формационной нестабильностью грунтово-деревянной архитектуры. В ряде случаев обнаружены следы крепления плит сланца к грунтовому телу стены с помощью глиняного раствора. Высота каменного панциря составляла не менее 1,5 м от уровня древней поверхности. Камень в конструкции стен поселения, скорее всего, играл вспомогательную роль, не связанную с их оборонительной функцией.

Ориентиром в реконструкции параметров оборонительной стены выступает также высота построек, которые были конструктивно связаны с оборонительной линией. Учитывая небольшую глубину котлованов и вероятную высоту жилища 2 и более метра, следует думать, что высота внешней стены не могла быть ниже этих показателей.

Вопрос о назначении рва, обводящего поселение по периметру и разделяющего площадку надвое, также является предметом дискуссии. Глубина рва находится в пределах 1,2—2,1 м от уровня древней поверхности. С точки зрения обороны, важнее минимальное значение, которое в данном случае является небольшим. Однако ров имеет избыточную для хозяйственных нужд ширину (в среднем 2 м при усредненной глубине 1,5 м). Аргументом в пользу оборонительного значения этого элемента архитектуры является зафиксированные вдоль восточного угла поселения предполагаемые остатки вала (гласиса). Основу его составлял грунт, но продукты горения указывают на деревянные детали конструкции в его составе. Наличие следов подновлений и сравнительно небольшое количества органических остатков в заполнении рва также не подтверждают его сугубо утилитарный характер. Несмотря на эти оговорки, отвод воды с целью предотвратить размывание грунтовых стен был одной из важных функций рва.

Вход в поселение, зафиксированный в виде разрыва стены шириной около 3 м, также представлен сложным конструктивным решением. Здесь выявлены прокалы, свидетельствующих о наличии деревянных конструкций, а также следы установки минимум двух массивных столбов, позволяющих реконструировать наиболее вероятную, маятниковую привратную конструкцию из жердевого настила. Ров напротив данной конструкции зажен до 1 м, а его глубина составила чуть более метра от уровня древней поверхности. С напольной стороны обнаружены остатки столбовых конструкций, прокалы и следы внешнего вала, которые повторяют контур рва. Столбы были приурочены именно к конструкции входа. Усиление северо-

-восточной стороны поселения гласисом, можно интерпретировать как попытку укрепления наиболее уязвимого района фортификации — входа.

Редкие случаи хорошей сохранности деревянных деталей и комплекс орудий позволяют судить о высоком уровне мастерства в сфере обработки дерева [7], населению была известна и технология плетня [5]. Если бы задачей строителей являлась защита от диких зверей или создание карды для скота, то сооружение плетня или простой деревянной изгороди могло быть вполне достаточной мерой.

Возведение массивных укреплений для рассматриваемого общества требовало серьезных инвестиций. Мотивом для сооружения систем фортификации должна была являться реальная или мнимая военная угроза. С точки зрения обороны, параметры рва и стены являются вполне допустимыми, типичными как для доисторических укреплений, так и для ряда средневековых памятников. В изучаемом историческом контексте и с учетом достигнутого синташтинским обществом технологического уровня мы имеем дело с фортификационным решением высокого уровня.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 12-06-91330-ННИО-а.

Библиографический список

1. Зданович, Г.Б. Аркаим — Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) / Г.Б. Зданович, И.М. Батанина. — Челябинск: Крокус; Южно-Уральское кн. изд-во, 2007. — 260 с.

2. Епимахов, А.В. Синташтинская культура / А.В. Епимахов // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов. — Т. 1. — М.: Наука, 2009. — С. 90—105.

3. Аркаим: У истоков цивилизации / науч. ред. Г.Б. Зданович. — Челябинск: Аркаим, 2009. — 224 с.

4. Бочкарев, В.С. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы / В.С. Бочкарев // История татар с древнейших времен в 7-ми томах. — Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — С. 46—68.

5. Корякова, Л.Н. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) / Л.Н. Корякова, Р. Краузе, А.В. Епимахов и др. // Археология, антропология и этнография Северной Евразии. — 2011. — № 4. — С. 61—74.

6. Епимахов, А.В. Ранние комплексные общества Севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5) / А.В. Епимахов. — Кн. 1. — Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. — 192 с.

7. Логвин, А.В. Курган Халвай 3 (предварительное сообщение) / А.В. Логвин, И.В. Шевнина // Маргулановские чтения. — Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2011. — С. 291—295.

УДК 94(470)
ББК ТЗ(2)53-3

М.М. КОВАЛЕВСКИЙ О ЕВРОПЕЙСКОМ ОПЫТЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА И ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

С.А. Кривоногова

В статье анализируется понимание М.М. Ковалевским исторического опыта европейского парламентаризма в контексте политической модернизации России начала XX века. Охарактеризована позиция Ковалевского по вопросу Булыгинской думы, ее роли и месте в реформе государственного строя Российской империи.

Ключевые слова: М.М. Ковалевский; политическая модернизация; парламентаризм; думская монархия, Булыгинская Дума.

Процессы модернизации политической системы России в начале XX века активизировали в российском обществе обсуждение проблем европейского опыта парламентских институтов и возможности его использования в реформировании российской действительности.

Среди сторонников социально-политических реформ наиболее радикальные проекты были предложены М.М. Ковалевским, П.И. Новгородцевым, С.А. Муромцевым, Ф.Ф. Кокошкиным, Н.П. Милюковым и другими, которые видели в демократии средство достижения общественного идеала.

М.М. Ковалевский — историк, юрист, социолог, член партии «Демократических реформ», I Государственной думы и Государственного совета, участник русской парламентской делегации на XIV конгресс в Лондоне [1, 1859].

Анализируя исторический опыт парламентаризма Ковалевский отстаивал в концепции формирования цивилизованных форм государственности ведущее значение демократической тенденции и признавал необходимость демократического реформирования политической системы России, но с учетом ее специфики. Причем ученый настаивал, что политический режим не зависит от формы правления. В четвертом томе исследования «Происхождение современной демократии» М.М. Ковалевский на примере мелких европейских республик, таких как Нидерланды, Генуя, Венеция, доказывал, что и в республиканских системах может скрываться довольно широкий диапазон недемократических форм государственной власти. Исходя из этого, М.М. Ковалевский отстаивал идею и возможности сочетания демократического режима с монархической формой правления. М.М. Ковалевский видел в признании демократической идеи защиту национальных интересов российского государства и общества: «Русская Империя нуждается в более широких основах: она может быть только империей всенародной; дворянское же, как и бюрократическое, самовластие — только тени

прошлого» [7, 335]. Из двух типов ограниченной монархии — конституционной и парламентарной — либеральный мыслитель отдавал явное предпочтение последней, которую и называл «народной», где центр тяжести государственной власти находится в демократическом парламенте, реальная роль которого в управлении намного превосходит полномочия монарха. «Парламентаризм не есть нечто, что надо противопоставлять конституционной монархии, это ее последнее слово. Парламентаризму, а не конституционной монархии, принадлежит поэтому будущее» [4, 59]. «Народная монархия» рассматривалась ученым как желаемый результат конституционных преобразований в России: «Не будем останавливаться на промежуточных стадиях в развитии системы самоуправления общества: ни на сословной монархии, ни на представительстве различных видов имущественных интересов, ни на системе равновесия властей; сохраняя наследственное руководительство нации ее историческим вождем, положим в основу русского обновления систему самоуправления общества» [6, VII]. Таким образом, прогресс в политической сфере ученый видел в расширении демократических основ верховной власти, а не в смене форм правления. Он неизменно утверждал, что «представительная демократия не изменяет своей природе, оставаясь монархической» [5, 24].

Для понимания сущности понимания М.М. Ковалевским процессов становления российского парламентаризма особое значение имеет его анализ сущности Булыгинской Думы. 11 сентября 1905 г. М.М. Ковалевский выступил на заседании Харьковского юридического общества с докладом: «Действительная природа Государственной Думы», в котором основываясь на методологии сравнительно-исторического подхода дал анализ думского опыта России и западных стран.

Наиболее острую критику вызывали механизмы формирования Думы. В первую очередь установление на выборах высокого имущественного ценза для представителей городских сословий. М.М. Ковалевский ссылается на тот факт, что, например, в Англии XV века применение имущественного ценза рассматривалось как льгота для тех слоев населения, которым сложно было выполнять службу присяжных заседателей или выступать в роли сельского или городского избирателя.

Как полный анахронизм Ковалевский рассматривает и обеспечение решительного перевеса представительству недвижимой собственности над движимой. То, что было логично в эпоху средневековья, в индустриальную эпоху теряет смысл. Хорошо понимая значимость промышленности и торговли в цивилизованном развитии страны, Ковалевский указывает на заниженное представительство в новом парламенте имуществ, сосредоточенных в пределах городов, что ставит под вопрос возможность эффективной защиты в будущей Думе промышленных, финансовых и торговых интересов. Ковалевский считает, что развитие промышленности и торговли

насущная задача России как модернизирующейся державы. Пропорциональное парламентское представительство интересов торгово-промышленных слоев и сельскохозяйственных производителей — залог разумного решения возникающих проблем.

Акцент был сделан и на необходимости обеспечения более широкого представительства в Думе деятелей науки и искусства. Составители Положения, по его словам, ошиблись, исключив из видов движимых и недвижимых имуществ собственность высших учебных заведений, в том числе университетов, научных и художественных академий. «Моммзен, Гельмгольц, Гнейст, Вирхов, не переставая быть профессорами, могли заседать в германском рейхстаге или прусском ландтаге; но в русской Государственной Думе нет места ни для академика Маркова, ни для профессора Меншуткина, так как они признаны средостепием» [2, 12].

Отказ в избирательном праве более грамотным, технически подготовленным промышленным рабочим, а также преподавателям высших учебных заведений негативно отразится на эффективности работы будущего российского парламента: «с принципами представительного устройства, как созданными вековым опытом народов, нельзя распоряжаться вольно; нельзя подставить под понятие народ понятие имущества, а под последнее понятие — понятие недвижимой собственности без того, чтобы не обездолить значительной части населения и, может быть, той, которая по своей умственной зрелости способна обеспечить будущей Думе контингент сведущих и потому полезных деятелей» [2, 13—14].

По мнению докладчика, именно широкое народное представительство способно сформировать парламентскую элиту из достойных представителей различных социальных слоев населения, ориентированных не на революционное, а на реформаторское обновление России [2, 15]. М.М. Ковалевского отмечает, что при предлагаемой системе выборов в Думу выборщики обязаны избирать депутатов только из собственной среды, и это сужает возможности сформировать депутатский корпус из наиболее авторитетных представителей различных слоев российского общества [2, 15—16]. Ковалевский критикует и непрямой характер выборов, который предполагает в сельской местности сложную трехуровневую систему выборов. Анализируя опыт других стран, прежде всего США, где существует двухуровневая система голосования, автор заключает, что такой вариант эффективен при прочной организации партий, влияние которых во многом определяет политические ориентации будущего депутата. В России ситуация совсем иного рода, и трехуровневая система голосования оказывается механизмом контроля властей за поведением сельского избирателя.

По мнению Ковалевского, Созыв Думы сможет стать, потенциальным препятствием для сползания страны в стихию революционных деструктивных потрясений. Он отмечает, что, наряду с недостатками, предложен-

ные российскому обществу правовые акты имеют ряд положительных моментов: она наносила определенный удар по произволу министров, бюрократическому самовластию, создавала механизм воздействия на работу сановников в Государственном Совете, заставляя последних считаться если не с голосом «всей земли», то с некоторыми общественными кругами [3, 340]. Она так же могла бы стать коммуникативным каналом между высшей самодержавной властью и выбранными представителями российского общества. В этой связи представителям российской интеллигенции, хорошо знающим западноевропейские экономические, политические, общественные порядки, необходимо идти в Думу, поскольку их знания могли бы оказать существенную помощь при проведении реформ.

Ковалевский верил, что разные человеческие общества, рано или поздно проходят общий поступательный цивилизационный путь развития. Россия находилась в самом начале пути к установлению системы парламентского правления. Необходимо было, по его словам, осторожно двигаться в правильном направлении, сверяясь с опытом опередивших нас в этом отношении народов. Использование сравнительно-исторического метода, по мнению ученого, позволяло вскрыть плюсы и минусы первых сделанных шагов на пути движения к общецивилизационной цели.

Библиографический список

1. Государственная дума. Созыв первый. Полный стенографический отчет. Сессия первая. — Т. 1—2. — СПб.: Гос. типография, 1906. — XX, 866 с.

2. Ковалевский, М.М. Действительная природа Государственной Думы / М.М. Ковалевский. — Харьков, 1905. — 27 с.

3. Ковалевский, М.М. Моя жизнь. Воспоминания / М.М. Ковалевский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. — 784 с.

4. Ковалевский, М.М. Общее конституционное право / М.М. Ковалевский. — СПб.: Типография «Север»., 1908. — 510 с.

5. Ковалевский, М.М. Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века / М.М. Ковалевский. — СПб.: Типография Альтшуллера, 1905. — 47 с.

6. Ковалевский, М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: в 3 т. / М.М. Ковалевский. — М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1906. — Т. 1. — 528 с.

7. Ковалевский, М.М. Тени прошлого. // Вестник Европы. — 1914. — Кн. 1. — С. 46—52

УДК 94(470.5)“1920/1935” + 801/82(470.5)

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ФЕМИНОЛОГИИ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ УРАЛА 1920-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ АРХИВОВ)

М.И. Мирошниченко

Статья посвящена источниковой критике содержания впервые вводимых в научных оборот новых источников по феминологиии и гендерной истории Урала 1920—1935 гг. — воспоминаний, отложившихся в южноуральских архивах, выявлению структуры содержащейся в них информации. Установлены новые виды брака по расчету, формы насилия в семье, описаны восприятие технических нововведений пожилыми женщинами, нарушения табу ритуальных женских обрядов манси.

Ключевые слова: источники личного происхождения; воспоминания; феминология; гендер; история Урала.

Многие этапы и разделы женской истории России советского времени еще основательно не исследованы. Особенно это правомерно по отношению к периоду 1920-х — первой половины 1930-х гг., условия изучения которого с течением времени радикально изменились: в обстановке гласности, свободы мысли, слова, творчества российские историки получили возможность познакомиться с воспоминания эмигрантов «второй волны» [7], уцелевших потомков «бывших», репрессированных, в том числе раскулаченных, а по истечению семидесяти- и семидесятипятилетних сроков секретности архивных документов исследователям стали предоставляться ранее недоступные материалы.

Работы, посвященные непосредственно источникам по истории женщин Урала или уральской исторической феминологии, немногочисленны. Отметим документальную публикацию, подготовленную Н.В. Стручковой, о деле Лидии Ивановны Фадеевой (жены бывшего Управляющего Верх-Исетскими заводами) и ее детей — Ольги, Натальи и Бориса — по обвинению их в создании в Екатеринбурге в 1919 г. «Общества борьбы с коммунистами и социалистами» (дело рассматривалось в 1921—1922 гг. и в 1925 г. и было закрыто за отсутствием улик) [11]. Списки участников и материалы следственного дела фальсифицированной организации «Церковный союз», якобы действовавшей на территории Тагильского и Сарапульского оперативных секторов с участием монахинь, публиковались Е.В. Вертилецкой и Е.Ю. Ребриной [8, с. 66, 75, 78, 82—85]. Нами была подготовлена статья, в которой была дана характеристика найденному в 2008 г. в фондах Объединенного государственного архива Челябинской области новому историческому источнику — газете «Туберкулезный трех-

дневник». Эта газета была обнаружена при исследовании личных дел служащих Троицкого окружного отдела здравоохранения (фонд Р—767, опись 2, дела 55, 92, 104, 106 и др.), которым ее отдельные номера за разные годы служили обложками. «Туберкулезный трехдневник» ранее не был зарегистрирован в каталоге внутренней библиотеки ОГАЧО, каталоге Челябинской областной научной библиотеке и каталогах публичных библиотек других крупнейших центров Урала [10, с. 108].

Нами выявлен ряд атрибутированных воспоминаний в рукописях. Две работы принадлежат Анастасии Ивановне Дудиной, коммунарке, комсомолке, позже — члену партии, которая с 1919 г. по 1934 г. жила в Усть-Уйском (старой казачьей крепости), в селе Целинном (ранее — Новый Кочердык). Ее рукопись «Дудины: Воспоминания» содержит интересные материалы о быте женщин-казачек [5]. В другой рукописи — «Летопись коммуны «Большевик» Усть-Уйского района (с. Целинное) в 1920 по 1930 гг.» повествуется о взаимоотношениях и повседневной жизни женщин-коммунарок [1]. А.И. Дудина немного пишет о возглавлявшей Челябинский окружной женотдел Марковой, которая летом 1929 г. приезжала в Курган во главе комиссии по чистке партии [1, л. 21]. Полина Ивановна Верхотурцева-Кершева в рукописи «История одной семьи нашего края: Воспоминания» повествует о таком местном обычае перед свадьбой, когда на девичниках у невесты собирались девушки и рукодельничали: шили, вышивали, вязали кружева к простыням, белье, но кроме этого делали подарки парням: платки, портянки, кисеты, куклы, все это раздаривалось на свадьбе [4, л. 8]. Она чуть-чуть приоткрывает завесу над взаимоотношениями в семье: «Когда я взяла веник и стала мести и сор вверх, дед поддал мне такого шлепка, что я ударилась о противоположную стенку» [4, л. 8]. Рассказывает о тяжелом времени голода 1931 г., когда в деревнях «хлеб пекли из трав, доставали корни камыша, они назывались мучкой, их резали, сушили в печке, толкли в ступке, просеивали через сито, из этой муки стряпали лепешки, такой хлеб не годился для стариков» (4, л. 9 об). Ее воспоминания особенно ценны тем, что в них приведены применявшиеся в то время критерии деления хозяйств на середняков и кулаков: если есть работники, 10 коров, 5-6 лошадей, то кулак; если 2 коровы, 2 лошади, 2—3 посева, но сеют и убирают своими силами, то середняк; 1 корова; 1 лошадь — маломощный середняк [4, л. 11].

Абсолютно новый пласт гендерных взаимоотношений вскрывает анализ воспоминаний А.И. Панова «Поездка к народу манси: из воспоминаний санитарного врача», которые посвящены впечатлениям от его поездки на север Нижне-Тагильского округа в Никиро-Ивдельский район в начале 1925 г., где в поселениях манси (вогулов) была замечена вспышка натуральной оспы [6]. Другой, негласной, причиной командировки А.И. Панову назвали необходимость разобраться в конфликте между местной вла-

стью и врачом, этот конфликт был позже им охарактеризован как достаточно распространенный. Во врача — им оказалась молодая «милая и образованная женщина», беседовать с которой «было небезынтересно», — «одновременно влюбились и председатель исполкома Советов и его заместитель, и так как поделить они ее не могли, отношения между ними обострились и они решили выдворить врача из района, обвинив ее в аморальном поведении [6, л. 2, 4, 5]. А.И. Панов затрагивает редкую тему — женские ритуальные обычаи манси. По его сообщению, в жилище манси («пауль»), расположенном к северу от Бурмантово, зимой 1924 г. приезжал американский кинооператор, который щедро расплачивался за натурные съемки золотыми пятирублевыми монетами царской чеканки. «За эту валюту он, кроме съемок охоты и быта, снял ритуальные женские обычаи, наблюдать которые не то, что иностранец, с сами мужчины манси не могли» [6, л. 8—9].

В «Воспоминаниях» «двадцатипятитысячницы» А.И. Лепешковой рассказано о повседневной жизни старообрядцев; об обязанностях девочек в семье с восьмилетнего возраста; о заключении брака со своими негласными целями: жениху — пропитаться хотя бы месяц продуктами невесты, невесте — уехать из Копейска в Челябинск на транспортном средстве и с помощью жениха. А. И. Лепешкова с благодарностью вспоминала о конкретной помощи, оказанной ей, женщине без всяких документов, заведующей женотделом Челябинского райкома Фроловой Екатериной Ивановной [9, л. 12—12 об]. О работе в комсомоле в середине 1930-х гг. вспоминала Анна Георгиевна Васильева-Каллер [2, л. 1].

В Государственном архиве Курганской области нами была обнаружена также рукопись Петра Ивановича Показаньева (1917 года рождения), уроженца села Косолапово Становской волости Челябинского уезда Оренбургской губернии «Из воспоминаний: Фрагменты из мемуаров моей жизни, касающиеся учительской работы и моей первой учительницы, наставницы в моей жизни, Христины Петровны Макаровой, занимающей большое место в формировании моего мировоззрения и выборе жизненного пути» [3]. В ней автор ярко описывает реакцию глубоко религиозных женщин своего села, своей семьи (благосостояние которой росло «благодаря исключительной способности бабушки Лукерьи Ивановны, матери отца, к хозяйствованию» [3, л. 1.]), на новые перемены, приносимые в жизнь временем. (Бабушка Лукерья была главой семьи еще и потому, что отец его в детстве был парализован, правая рука и нога его были усохшими, хотя физически он был крепок и всю работу по хозяйству выполнял сам, пока не подросли дети). П.И. Показаньев отмечал «серьезное сопротивление матери» против попыток учительницы записать его в школу («кто же у нас в семье будет работать»), преодолеть которое удалось лишь под угрозой, «что отца и мать будут судить судом»; говорил о том, что «убежденные верующие» называли радиопередачи «чертовыми вестями» (ведь из радио

вещал «никто иной, как сам дьявол»), а трактор — «чертовым чудищем»; вспоминал о том, что, что его тетка Вера из Нижнего Кочердыка отказалась ехать с ним на телеге домой, потому что он ходил смотреть «траур» (трактор): «С таким антихристом ни за что не поеду. Он меня обязательно подвезет к этому трауру и я там умру!» [3, л. 2, 8].

Таким образом, воспоминания, письма, материалы периодической печати хранят ценную информацию о структуре базовых ценностей в менталитете крестьянок, казачек, колхозниц Урала в 1920-е — первой половине 1935 г. Они отражают процесс мифологизации общественного сознания отдельных социальных слоев женщин, в ходе которого через религию как смыслопроизводящий институт общества происходило внедрение в коллективное сознание вымышленных художественных образов, конструируемых на базе реальных исторических событий.

Библиографический список

1. Государственный архив Курганской области (далее ГАКО). — Ф. Р-2275. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 1—37.
2. ГАКО. — Ф. Р-2275. — Оп. 1. — Д. 125. — Л. 1—9.
3. ГАКО. — Ф. Р-2275. — Оп. 1. — Д. 128. — Л. 1—11.
4. ГАКО. — Ф. Р-2275. — Оп. 1. — Д. 203. — Л. 1—12.
5. ГАКО. — Ф. Р-2275. — Оп. 1. — Д. 228. — Л. 1-10.
6. ГАКО. — Ф. Р-2283. — Оп. 1. — Д. 40. — Л. 1—15.
7. Голицына, И.Д. Воспоминания о России (1900—1932) / пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой; предисл. А.М. Хитрова. М.: Айрис-пресс, 2005.
8. Исторические страницы Русской Православной церкви в Верхотурье. Малоактайский скит / вступ. ст., подг. текста к публ. и коммент. Е.В. Вертилецкой, Е.Ю. Ребриной // Архивы Урала. — 2006. — № 9—10. — С. 49—85.
9. Объединенный государственный архив Челябинской области // Ф. Р-1732. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 6—16 об.
10. Мирошниченко, М.И. «Туберкулезный трехдневник» как срез гендерного сознания советского общества первой половины 1920-х годов // Наука ЮурГУ. Мат-лы 60-й юбилейной науч. конф. Секции естественны и гуманитарных наук. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. — Т. 1. — С. 107—111.
11. Документы из архивно-следственных дел 20-х гг. ВЧК-ОГПУ / публ. подг. Н.В. Стручкова // Архивы Урала. — 2004. — № 1(8). — С. 207—233.

УДК 902.22(470.4/.5)
ББК Т48(2)

ПОСЕЛЕНИЕ КОЧЕГАРОВО I В УРАЛО-ИРТЫШСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (КРАТКИЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В.С. Мосин

Исследование памятников каменного века лесостепного Урало-Иртышья представляет огромный интерес, поскольку этот регион является наиболее чувствительной и релевантной сферой исследований в археологии, аккумулировавшим в себе с одной стороны, динамичные исторические изменения, происходившие в степи и, с другой — более стабильные, традиционные жизненные устои лесного населения. Многолетние исследования поселения Кочегарово I дали уникальные материалы по неолиту и энеолиту Урало-Иртышья и позволили решить целый ряд принципиальных научных проблем.

Ключевые слова: Урало-Иртышье, лесостепь, неолит, энеолит, жилища, керамика, палеогеография

До недавнего времени подавляющее большинство археологических исследований на Урале были ограничены культурно-хронологическими построениями в рамках отдельных периодов: мезолита, неолита, энеолита. Современные тенденции в археологии каменного века ставят во главу угла моделирование исторических событий, приводивших к вариативности эко-социальной адаптации человеческих коллективов на фоне глобальных изменений ландшафтов в периоды позднеледниковья и раннего голоцена.

Изучение поселения Кочегарово I было начато в 1992 г. экспедицией Курганского пединститута под руководством М.П. Вохменцева, с 2007 г. продолжено совместной экспедицией Южно-Уральского филиала ИИА УрО РАН, Южно-Уральского и Курганского государственных университетов под руководством В.С. Мосина [1—3]. При возобновлении исследований в 2007 г. была поставлена задача применения системного подхода, консолидирующего археологические, исторические и естественнонаучные направления исследований. При постановке задач было запланировано вскрытие максимальной площади памятника, включая остатки жилищ, межжилищного пространства, окружающих хозяйственных объектов.

Памятник занимает площадку невысокого мыса на высохшей старице правобережья реки Миасс, в 1 км к западу от д. Кочегарово, на границе Юргамышского и Мишкинского районов Курганской области РФ. Старица на данном участке огибает мыс в направлении с запада-юго-запада на восток-северо-восток, имеет ширину около 5—7 м. Русло извилистое, местами заболоченное, берега поросли ивняком. Площадка поселения до начала исследований была хорошо задернована, растительность представлена разно-

травьем и кустиками чилиги. Изначально на поверхности фиксировалось 11 впадин, овальной формы, различных глубиной и размерами, принятых за остатки жилищных котлованов, однако опыт работы на поселении показал, что это образованные природными процессами суффозионные западины, которые в каменном веке были использованы для сооружения построек.

К настоящему времени раскопом около 2000 кв. м. изучено 8 жилых сооружений неолита и энеолита, коллекция поселения составила около 20 000 экз. изделий из камня и керамики. Наблюдения за стратиграфией специалистов-почвоведов, геохимические и споро-пыльцевые анализы, выполненные в Институте физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН и Институте криосферы Земли СО РАН, позволили установить, что шесть из восьми жилищ расположены в суффозионных котловинах, которые возникли до первоначального заселения площадки памятника в неолите. На это указывает просадка почвообразующей породы (археологического материка), которая хорошо фиксируется по стратиграфии. При этом почва сформировалась после образования суффозионных котловин, о чём свидетельствуют почвенные горизонты, залегающие согласно и повторяющие границу просадки. Неолитическое поселение было расположено только в южной части площадки памятника, на своеобразном мысе. К приходу неолитического населения именно это часть была свободной от воды, тогда как остальная часть поселения подвергалась сезонным затоплениям. По распространению ожелезнённых песков установлено, что река Миасс протекала в 5 м от поселения (в настоящее время это старица в 40 м от поселения). Особенности почвенных горизонтов и местоположение артефактов позволяют предположить, что население неолита жило на речном пляже, поскольку находки неолита приурочены к почвообразующей породе, которая является аллювиальным частично ожелезнённым песком. В энеолите ландшафт, где расположено поселение, представлял собой пойменный луг. Почвообразование только началось в этот период и основным фактором, определяющим его, был режим реки. В суффозионных западинах, использованных под жилища, слои неолита и энеолита разделены прослойкой сильно гумусированного суглинка, образовавшегося в результате стояния воды во время затопления площадки поселения. Время непригодности для жизни площадки памятника совпадает с периодами повышенной увлажненности климата между 6000 и 5000 тыс. лет назад, что подтверждается и проведенной радиоуглеродной датировкой поселения. Предварительно можно предположить, что во время функционирования поселения залесённость была выше, по сравнению с настоящим временем. Об этом же свидетельствует остеологический анализ костных остатков поселения, выполненный в Институте экологии растений и животных УрО РАН. Среди костей млекопитающих преобладают кости мед-

ведя, также зафиксировано присутствие костей лошади, лося, благородного оленя, косули, барсука, куницы и выдры.

Неолитический комплекс поселения представлен полуяйцевидными сосудами с острыми днищами, прямыми или загнутыми внутрь верхними краями с наплывами на внутренней стороне. Орнамент нанесен в технике прочерчивания, отступающего накола и «шагающей» гребенки. Основной керамический комплекс не выходит за рамки козловско-полуденской традиции. Здесь же, как и в энеолитическом слое, представлены сосуды боборыкинской традиции — плоскодонные, профилированные, без орнамента или с прочерченным и накольчатым орнаментом. Сочетание двух традиций подтверждается радиоуглеродными датами: сосуд с прочерченной орнаментацией — 6050 ± 90 (Ki — 16646), боборыкинский — 5920 ± 90 (Ki — 16647), с оттисками очень мелкой веревочки — 5950 ± 90 (Ki — 15963), с отступающе-накольчатой — 5740 ± 90 (Ki — 16856), с шагающей гребенкой — 5630 ± 90 (Ki — 16855). Каменный инвентарь представлен преимущественно пластинчатым комплексом с традиционным набором: пластины с ретушью, угловые резцы, пластины с выемкой, острия, единично — геометрические микролиты, концевые скребки на пластинах, скребки на отщепах, двусторонне обработанные наконечники стрел.

Артефакты энеолитического времени залегали в слое гумусированной супеси над неолитическим слоем как в суффозионных котловинах, так и на межжилищном пространстве. Очертания углубленного энеолитического жилища фиксировались на глубине 0,7 м от поверхности, на полу глубина достигала 1,2 м. Котлован имел подквадратную форму, ориентирован по линии северо-запад-юго-восток, размеры 6,5 х 7,5 м, площадью около 50 кв. м. Жилище состояло из углубленной части и примыкавшей к нему с северной и западной стороны неуглубленной площадки, читавшейся на материке в виде полосы темно-желтой глины, шириной до 2,3 м. На неуглубленной части жилища были найдены развалы сосудов и обломки крупных костей, а также остатки угольных плашек и угольки. На полу жилища, на его наземной части и в культурном слое зафиксированы: комплекс традиционной для Зауралья гребенчатой, а также прочерчено-накольчатой (боборыкинской) керамики и отщепово-пластинчатый набор каменного инвентаря. Для жилища и, в целом, для энеолитического слоя получено несколько радиоуглеродных дат: гребенчатая керамика с геометрической орнаментацией — 5410 ± 90 (Ki — 15962), гребенчато-ямочная с шагающей гребенкой — 5220 ± 80 (Ki — 15544), уголь с пола — 5170±95 (СОАН-7067).

Сосуды с гребенчатой орнаментацией полуяйцевидной формы с округлыми днищами. На внутренней поверхности некоторых сосудов фиксируются следы заглаживания зубчатым штампом — «расчесы». В технике нанесения орнамента преобладает гребенчатый штамп с квадратной и прямоугольной нарезкой зубцов длиной в 2—5 и до 10 зубцов. Небольшие серии

сосудов орнаментированы штампом с косой и подтреугольной нарезкой зубцов. Орнаментировалась вся поверхность сосуда, включая узкую полоску венчика с внутренней стороны и верхний срез. Встречается как сплошное и разреженное нанесение орнамента.

Керамика боборыкинского типа представлена плоскодонными сосудами открытого типа с сильно отогнутым венчиком. Композиции представлены разряженным орнаментом, состоящим из ямочных наколов и прочерченных линий. Орнамент наносился на срез венчика, шейку и стык тулова и дна. В одном случае наколы украшали переход от шейки к тулову на внутренней поверхности сосуда. Линейные орнаментальные мотивы представлены горизонтальным прочерченным зигзагом, горизонтальными рядами ямочных наколов. Геометрические мотивы встречены в виде цепочки ромбов, выполненных прочерчиванием.

В настоящее время недостаток современных данных по археологии региона существенно сдерживает разработку проблем этнокультурной истории населения Урало-Сибирской лесостепи. Анализ археологических источников лесостепного Притоболья существенно осложнен тем, что это регион, находящийся между крупными историко-культурными зонами, с одной стороны, лесной на севере и степной на юге, с другой стороны, уральской на западе и западносибирской на востоке. Это обстоятельство сильно влияет на состав археологических материалов, получаемых при раскопках памятников Притоболья. Конечно, аналитическое исследование поселения Кочегарово I еще не закончено, однако, уже сейчас можно сказать, что у этого памятника есть все предпосылки, чтобы стать опорным в археологии Зауралья.

Библиографический список

1. Мосин, В.С. Нео-энеолитические комплексы поселения Кочегарово 1 / В.С. Мосин, А.Н Страхов // Уральское археологическое совещание, 2010.— С. 11—12.

2. Мосин, В.С. Поселение Кочегарово I (материалы исследований 1992, 2007—2008 гг.) / В.С. Мосин, А.Н. Страхов. — Вып. 26. — Екатеринбург—Сургут: Магеллан, 2011. — С. 161—174.

3. Мосин, В.С. Поселение Кочегарово I — опорный памятник неолита и энеолита лесостепного Зауралья / В.С. Мосин, А.Н. Страхов // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения» (Курган, 26—28 апреля 2012 г.). — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. — С. 40—41.

УДК 378.036 + 069.1 (470.55)
ББК Ч448.44 + Ч91 (2Р-4Че)

РОЛЬ МУЗЕЯ ИСКУССТВ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ СТУДЕНЧЕСТВА

Н.В. Парфентьева

В статье определены направления деятельности университетского музея искусств: выставочно-экспозиционное, информационно-ресурсное, музейно-коллекционное. Раскрыты результаты реализации научного проекта по методическому обеспечению этой деятельности. На примере выставки «Мадонна Рафаэля из Нижнего Тагила» в Зале искусств ЮУрГУ охарактеризован академический аспект экспозиционного направления.

Ключевые слова: университетский музей искусств, выставочная деятельность, научно-методическое обеспечение, «Мадонна Рафаэля из Нижнего Тагила».

Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, образованный в 1943 г., имеет глубокие традиции духовного и эстетического развития студенчества. Сегодня этому служат университетский Зал искусств, Музей археологии, Центр творчества, Студенческая филармония, Телецентр, Виртуальный филиал Государственного Русского Музея, Православная часовня Андрея Первозванного и многое другое.

В основе концепции развития сферы культуры и искусства университета заложена идея оптимизации учебно-воспитательного процесса путем творческого сотрудничества университета с ведущими учреждениями, организациями и выдающимися деятелями искусства и культуры. Яркое воплощение эта идея обрела, например, в традиции университета ежегодно открывать новый филармонический сезон на сцене Актового зала выступлением выдающихся государственных симфонических оркестров страны (Москва). Приглашаются и зарубежные коллективы. Студенты познакомились, например, с творчеством камерного оркестра «Виртуозы Вероны», духового оркестра ВВС США в Европе. Университет украшают великолепные произведения искусства: увеличенная копия статуи «Россия» Н.А. Лаверецкого, скульптурные работы В.А. Авакяна, художественная керамика А.П. Кудрявцева, живопись В.А. Неясова.

В 2003 г. в университете на базе кафедры искусствоведения и культурологии был создан специально оборудованный Зал искусств ЮУрГУ, который проводит системно организованную работу по организации выставочной деятельности в сфере искусства. За 10 лет проведено более 100 выставок, в том числе с Государственным Русским музеем, Российской Ака-

демией художеств, Екатеринбургским, Челябинским, Нижне-Тагильским музеями искусств, Союзом художников России, Музеем Н.К. Рериха (Новосибирск), консульствами США, Чехии…

Осуществляется научно-теоретическое, методическое, экскурсионное и концертное обеспечение выставочной деятельности с привлечением студентов и аспирантов специальности «Искусствоведение» и Центра творчества. Создается художественная коллекция живописи и графики. Уникальным является масштаб художественно-просветительской деятельности, охватывающей студентов одного из крупнейших вузов России, а также студентов и учащихся города и области. Общественная значимость проекта состоит также в сотрудничестве со СМИ, с региональными отделениями союзов композиторов, художников, писателей, архитекторов, с Фондом культуры и др. Разработанный учеными-искусствоведами под руководством автора статьи проект «Научно-методическое обеспечение деятельности Южно-Уральского государственного университета в сфере художественно-эстетического образования и воспитания студенчества» поддержан грантом Министерства образования и науки РФ в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2011 гг.)

Важным результатом реализации проекта стало создание научно-методической базы информационно-выставочной и учебно-образовательной деятельности Музея искусств [1]. Осуществлено обеспечение деятельности объекта в сфере художественного образования и эстетического воспитания студенчества; выполнено научное описание формирующейся музейной коллекции; создан электронный ресурс из обучающих программ и методических рекомендаций по его использованию. Особо отметим методическое объединение потенциала университета и ведущих учреждений науки, культуры и искусства региона и страны в сфере эстетического воспитания студенчества [2].

В целом деятельность Музея искусств представлена тремя крупными направлениями: выставочно-экспозиционной, информационно-ресурсной и музейно-коллекционной [3]. Выставочная деятельность, состав создаваемых коллекций обусловлен образовательной программой по обучению специалистов-искусствоведов, а также задачами учебно-образовательного курса культурологии и учебно-воспитательного процесса для студентов всех факультетов вуза и специальных классов базовых для университета школ. Таким образом, деятельность Музея искусств определяется целым комплексом целей и задач общеуниверситетского уровня [4].

Обратимся к выставочно-экспозиционной деятельности. Для и проведения этой работы предназначен специально оборудованный Зал искусств. Экспозиции ряда наиболее значимых выставок формируются из собраний ведущих художественных музеев региона и страны, что дает уникальную

возможность экспонирования выдающихся произведений, составляющих золотой фонд отечественного национального наследия. Данное ведущее направление в организации выставок классического искусства можно определить как академическое.

В качестве примера приведем один из кульминационных моментов. Это выставка «Мадонна Рафаэля из Нижнего Тагила» в Зале искусств ЮУрГУ (14.02—15.03.2012). Университет своей деятельностью заслужил высокое право экспонировать «Мадонну дель Пополо» Рафаэля Санти (1509), «Мадонну с младенцем и Иоанном Крестителем» Дж. Ч. Прокаччини (1570—1625) и копию «Мадонны дель Грандука» Рафаэля (1506), выполненную в 1874 г. французским художником Э. Руйоном. Событие представляет собой исключительный интерес, поскольку в истории мировой практики это уникальный случай, когда шедевры искусства такого уровня были представлены в стенах вуза.

Центральное произведение выставки «Святое семейство», или «Мадонна дель Пополо» (1509 г.), приписываемое Рафаэлю. История этого шедевра чрезвычайно интересна. В ней действующими лицами стали Римские папы Юлий II и Григорий XIV, римский кардинал Сфондрандо, германский император Рудольф II, герцоги Орлеанские, сам Наполеон Бонапарт и уральские промышленники-меценаты Демидовы.

По мнению академика И.Э. Грабаря, выдающегося художника, искусствоведа и реставратора, видного деятеля Серебряного века, «все данные говорят за то, что Тагильский экземпляр «Мадонны» не только наиболее ранний из сохранившихся, но быть может и тот самый протооригинал, который находился некогда в церкви S. Maria del Popolo».[5] Такой вывод сделан академиком Грабарем на основе научного реставрационного метода исследования, последовательно раскрытого в его научной работе «„Madonna del Popolo“ Рафаэля и Мадонна из Нижнего Тагила» (1928). Особо отметим, что именно под руководством И.Э. Грабаря была возрождена к жизни, казалось бы, навеки утраченная Мадонна Рафаэля. Она чудом сохранилась в доме Демидовых в Нижнем Тагиле, где была найдена в 1924 г. Картина находилась в состоянии крайнего разрушения. Реставрация была осуществлена в 1925—1926 гг. в Секции новой живописи Центральных государственных реставрационных мастерских (ныне ЦГРМ им. И.Э. Грабаря). С 1978 г. картина хранится в Нижнетагильском музее изобразительных искусств.

Произведение связано с римским периодом творчества великого Рафаэля. Помимо всех признаков, на основании которых Грабарь атрибутирует его авторству Рафаэля, отметим особую эмоциональную силу, исходящую от работы. Прекрасный умбрийский лик Мадонны, свет любви, исходящий от нее и согревающий божественного младенца, что-то неуловимо леонардовское, но выраженное в новой тональности, с большим гуманизмом и

нежностью, свидетельствует, что перед нами подлинный шедевр Высокого Возрождения. Мы слышим божественную музыку высших сфер в гармоничных (поющих) линиях, в композиционном совершенстве, в виртуозных колористических решениях. Высокая гармония мира и человеческого духа звучит в этом непостижимо прекрасном творении.

В экспозицию, как отмечалось, было включено еще два произведения: «Мадонна дель Грандука» Рафаэля в копии французского художника Э. Руйона и «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» Дж.Ч. Прокаччини. Эти работы также происходят из собрания Демидовых. Экспонирование уникальных произведений старых мастеров из коллекции Нижнетагильского музея представило редкую возможность студентам и горожанам увидеть итальянскую живопись эпохи Возрождения.

Как видим, многогранная деятельность университетского художественного Музея по экспонированию произведений искусства, их изучению, коллекционированию, созданию новых электронных ресурсов способствует приобщению студенчества к подлинным эстетическим ценностям и создает уникальные возможности для методического обеспечения подготовки студентов-искусствоведов.

Библиографический список

1. Парфентьева, Н.В.Научно-методическое обеспечение деятельности университетского музея искусств в сфере художественно-эстетического образования и воспитания студенчества: материалы региональной межвузовской научно-практической конференции / под ред. Н.В.Парфентьевой. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. — С.6—11.

2. Трифонова, Г.С. Подлинное искусство в пространстве вуза: к формированию концепции сотрудничества университетского и государственных художественных музеев / Г.С. Трифонова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — Вып. 12. — № 9. — 2009. — С. 78—82.

3. Parfentjeva, N.V. University Art Museum: the Basic Directions of Activity and Their Scientific and Teaching Aids / N.V. Parfentjeva, N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. — 2010. — V.3 (3). — P. 412—420.

4. Парфентьева, Н.В. К разработке концепции выставочной и образовательной деятельности университетского зала искусств / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — Выпуск 12. — № 9. — 2009. — С. 63—69.

5. Грабарь, И.Э. «Madonna del Popolo» Рафаэля и Мадонна из Нижнего Тагила» / И.Э. Грабарь. — Нижний Тагил, 2009. (Репринтное издания 1928). — С. 102.

УДК 111.1+101.1+165.2
ББК Ю21

ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ЗАКОН»

М.Ю. Предеина

Задача статьи: анализ онтологических и гносеологических особенностей категории «закон». В результате дано онтологическое определение законов бытия как исторически становящихся сущностных связей и отношений «элементов» бытия, а также гносеологическое определение законов науки как строго универсальных условных высказываний, выражающих присущие объективному миру необходимые регулярности.

Ключевые слова: модель бытия, закон бытия, научное познание, закон науки, субъект, объект.

Трактовка развития как универсального процесса, связывающего воедино все уровни бытия, предполагает разработку онтологической модели на основе общих принципов (субстанциальности, системности, закономерности). Сочетание универсальных характеристик субстанциальности, системности, закономерности в развитии необходимо связано с учетом специфики уровней бытия, которые являются стадиями процесса развития. Способ соединения универсального и специфичного в процессе развития задан неодинаково представителями различных философских школ и направлений, что делает данную проблему дискуссионной.

Особенности исследования бытия обусловлены выбором стратегии философствования, задающей способ учета присутствия человека (субъекта познания) при построении модели бытия. При рассмотрении человека (субъекта познания) в качестве «рядового» объекта, элемента мира построение онтологической модели основано на принципе объективности и предполагает установление видов бытия, определение отношений между ними. При рассмотрении человека (субъекта познания) в качестве своеобразной «точки отсчета» построение модели предполагает раскрытие бытия по отношению к человеку на основе мировосприятия или миропонимания. Онтологическое определение закона как объективного закона бытия дается в контексте первой стратегии и разрабатывается посредством конкретизации понимания субстанции (природное бытие или идеальное бытие) и направления развития (от природного бытия к социальному и идеальному бытию или от идеального бытия как такового к природному, социальному и идеальному бытию, связанному с человеком).

Связанность уровней бытия в общем процессе развития определена историческим характером законов, универсальностью принципов (субстан-

ция, система, закон) со специфическими формами их проявления на разных уровнях бытия. Универсальность принципа существования законов бытия задает видение законов бытия как становящихся связей и отношений уровней бытия. Специфичность проявления данного принципа устанавливает качественное своеобразие законов, обусловленное спецификой соотносящихся объектов конкретного уровня бытия.

Для конкретизации философской идеи исторического характера законов природного бытия особое значение имеет гипотеза «Большого взрыва», осмысление которой в философском плане не только позволяет обосновать исторический характер законов, но и представить сами становящиеся законы как результат реализации одного из возможных направлений эволюции. Тема становления Вселенной находится на грани познанного и непознанного, что создает условия для постановки новых задач. К числу таких задач относится поиск неких «первозаконов», которые могли бы определить другие, производные от них законы, возникающие в дальнейшем, разграничить возможное и невозможное. Решение названной задачи пока относится только к области гипотез. Возможно, на статус подобного закона мог бы претендовать закон сохранения энергии, подкрепляющий идею несотворимости и неуничтожимости движения. Определенно можно сказать только то, что подобные законы должны были бы непрестанно проявлять себя через специфические законы каждой новой формы материи, т. е. непрестанно воспроизводится в качестве основы новых законов.

Качественная специфика социального бытия подлежит преломлению через призму таких универсальных принципов, как принципы материализма, взаимообусловленности, развития. Принцип материализма в данном контексте можно трактовать как принцип, определяющий рассмотрение социального бытия как объективного, независимого от произвола субъекта. Конкретизация названного принципа означает поиск той сферы жизни социума, в которой отношения между индивидами устанавливались бы с необходимостью вследствие существования неразрывной связи между потребностью в некоторых благах и поддержанием жизни индивида. Принцип взаимообусловленности на уровне социального бытия определяет понимание соотношения индивида и социума, представляющегося системой отношений, складывающейся между индивидами и формирующей индивидов. Принцип развития можно охарактеризовать как принцип рассмотрения отношений между индивидами в качестве становящихся и изменяющихся. Сочетание перечисленных принципов позволяет определить законы социума как законы становящихся социальных отношений, в первую очередь по поводу производства материальной жизни (К. Маркс).

Тема существования законов социума является дискуссионной, что обусловливает поиск способа согласования существования законов с уникальностью исторических событий, существования законов со способно-

стью человека действовать осознанно. Исследование первого аспекта предполагает установление диалектической взаимосвязи необходимости (закона) и случайности (конкретных условий проявления закона). Исследование второго аспекта предполагает установление соотношения закона и свободы выбора индивида. Необходимый характер закона, проявляющийся через установление отношений на уровне социума в целом, не исключает свободы выбора индивидом «проекта самого себя».

Конкретизация принципов субстанции, системы, закономерности применительно к идеальному бытию предполагает установление места идеального бытия в системе бытия в целом в сочетании с решением вопроса о существовании объективных законов идеального бытия. Отказ от субстанциальности идеального бытия нацеливает на установление его генетических связей с природным, социальным бытием. Определение объективности законов мышления требует решения вопросов о необходимом характере «данности» законов мышления субъекту, а также о факторах, определяющих содержание этих законов. Адекватное осознание законов мышления является задачей логики как науки, которая сформировалась уже после возникновения мышления. Хаотическое мышление при отсутствии логической теории законов мышления не позволило бы человеку ориентироваться в окружающем мире и осуществлять целенаправленную практическую деятельность по его преобразованию: без определенности мысли, обусловленной определенностью предмета мысли, ни отдельный человек не смог бы выстроить идеальную схему освоения действительности, ни сообщество людей не смогло бы координировать свои действия. Поскольку и на стадии мышления без владения логической теорией законов мышления человек более или менее ориентировался в мире и осуществлял целенаправленную деятельность преобразования мира, постольку можно сделать вывод, что законы мышления были имманентны мышлению и при отсутствии логической теории этих законов. Имело место детерминированное успешной практической деятельностью становление законов мышления, получивших впоследствии наименование основных законов формальной логики, а также зачатков законов диалектического мышления, например, при «схватывании» единства таких противоположностей, как верх и низ, правое и левое, отец и сын и т. п. Неосознанность становления законов мышления в процессе практического освоения мира свидетельствует об отражательной природе содержания этих законов.

Гносеологическое определение закона задает видение научного закона. Научный закон в случае максимально приближенном к идеалу можно определить как строго универсальное высказывание, выражающее необходимые регулярности, присущие объективному миру. Формирование, выявление и обоснование приведенного идеала сопряжено с развитием познавательно-практической деятельности. Первоначально идеал знания закона,

включающий универсальность, необходимость, соответствие объективному миру, формируется стихийно, без обоснования в процессе предметно-практической деятельности как предпосылка этой деятельности: при отсутствии регулярностей деятельность невозможна. Становление познания как особого вида деятельности обусловливает превращение данного идеала в предмет рефлексии, результат которой зависит от доказательства возможности выражения в научном законе внутренней природы вещей.

Научный закон нацелен на систематизацию, упорядочение и упрощение исследуемой области бытия. Реализация названных функций законов науки опирается на конструирование особого мира идеализированных объектов, в формировании которого участвуют научно-теоретические, философские, эстетические, социально-культурные представления. Учет практики познания обусловливает введение в определение научного закона познавательно-практического интереса, задающего видение бытия. Научный закон сообщает нечто о предмете, определяет, как мыслить предмет. Сочетание названных сторон обусловливает сопряженность в законе науки онтологического и логического аспектов.

Различные варианты онтологических и гносеологических трактовок закона подлежат оценке в логическом (научном), эстетическом и этическом аспектах при преимущественном значении логических (научных) критериев. К числу последних относятся логическая непротиворечивость, согласованность модели с результатами научных исследований, возможность постановки новых задач познания, исходя из принятой модели (эвристическая сила модели). Однако в условиях возможности различных интерпретаций научных результатов, а также недостаточности этих результатов для целостного осмысления мира или процесса познания предварительная оценка может осуществляться на основе критериев других категорий. В частности на основе привлечения таких ценностей, как гармония или беспорядок, изменчивость или постоянство, природа как причина самой себя или идея. Приведенные ценности задают эстетический образ мира, например, в виде естественной гармонии, становящейся из хаоса. Подобные отчасти поэтические образы могут помочь мысленно охватить множество конкретных природных процессов, хотя, конечно, они не могут и не должны замещать результаты научных исследований, представляющих собой необходимое звено при построении и обосновании онтологической модели.

УДК 378.016
ББК Ч40/49 + Ф06

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

О.И. Просвирнина

Автор исследует приоритеты и перспективы отечественной политики в сфере образования. На основе анализа результатов некоторых реформ в образовательной среде определены системные проблемы и недостатки. Особое внимание уделяется вопросу перехода на образовательные стандарты нового поколения в сфере высшего профессионального образования и компетентностному подходу к образовательному процессу.

Ключевые слова: образование, государственная политика в сфере образования, государственный стандарт, компетенции, компетентность.

Государственная образовательная политика России претерпела значительные изменения за последние годы постсоветского периода. Во многом это продиктовано условиями перехода к рыночной экономике, трансформацией политического режима, социальными преобразованиями. Однако, в первые годы новой России преобразования нельзя оценить как интенсивные и целенаправленные, скорее ситуацию можно описать как приспособление структурных образовательных элементов к новым реалиям.

В последнее 10-тилетие образовательная политика обращает на себя более пристальное внимание государства. Несмотря на это, сегодня мы не имеем продуктивной системы образования, отвечающей современным мировым требованиям в подготовке квалифицированных кадров. В этой связи, попытки исследователей обозначить противоречия в реформировании отечественной образовательной системы и наметить перспективы ее возможного развития, становятся первостепенными задачами

В современных условиях российская образовательная политика практически утратила способность к саморазвитию [3] в силу отсутствия должного финансирования и конструктивных своевременных реформ. Для более корректной оценки возможных перспектив проведем анализ обнажившихся проблем и намеченных приоритетов развития.

Пожалуй, самые негативные тенденции в современной системе российского образования можно выразить несколькими взаимозависимыми тезисами.

Во-первых, это коммерциализация образовательной среды.

Убедительно иллюстрируют ситуацию результаты реформ 90-х гг., которые позволили расширить многообразие организационно-правовых форм образовательных учреждений, предоставить свободы выбора форм

и видов обучения. В итоге, общество получило, с одной стороны, крупные образовательные центры, аккумулирующие материальные и творческие ресурсы с долгосрочными целями развития образования и науки. С другой стороны, учреждения, стремящиеся извлечь краткосрочную выгоду, без дополнительных расходов на квалифицированный преподавательский состав и материально-техническое оснащение. От подобной целевой дифференциации образовательных учреждений существенно страдает и качество подготовки выпускников всех уровней образования: от школьников до профессиональных квалифицированных кадров.

Во-вторых, отечественная система образования не соответствует запросам современного рынка труда. И дело не только в том, что уже предостаточно «наштамповано» юристов, экономистов, менеджеров, и, востребованы рабочие специальности. Ситуация осложняется существованием непроглядной пропасти между теоретическими основами профессиональных знаний и их практическим применением.

В-третьих, усугубляется ситуация старением научно-преподавательского состава и падением престижа профессиональной деятельности в образовательной и научной среде. Эта проблема раскрывается двумя положениями. С одной стороны, государством не сформулирована адекватная современным рыночным условиям система оплаты труда педагогических кадров. С другой стороны, образовательная сфера остается инвестиционно не привлекательной, в силу уже указанных выше причин.

Особое внимание следует уделить анализу проблемы финансирования образовательной сферы государством по остаточному принципу.

К примеру, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года закрепляет прогнозы, по которым к 2015 году увеличение общих расходов на образование составит до 5,9 % ВВП. К 2020 году эта цифра должна достигнуть 7 % ВВП [1]. Сегодня же мы имеем долю финансирования в образовании (на начало 2013 года) примерно 4,2 % ВВП. Причем, к 2015 году просматривается тенденция снижения общего финансирования сферы в связи с дефицитом консолидированного бюджета [4].

Отдельного разговора заслуживает вопрос о казуистичности и несоответствии модернизационным проектам российского образовательного законодательства. Например, одной из слабых позиций действующего Закона Российской Федерации «Об образовании» (ст. 54) является отсутствие полного регламентированного перечня прав и обязанностей педагогических работников как участников образовательных правоотношений. Более того, в Законе отсутствуют положения, устанавливающие признание государством высокого статуса педагога и преподавателя, что само по себе не гарантирует повышение авторитета педагогического работника, а наоборот, низвергает его на позиции обслуживающего персонала. Считаем так

же существенным упущением тот факт, что российское образовательное законодательство совершенно не регламентирует отношения, возникающие при реализации инновационной или экспериментальной деятельности, в том числе в части защиты интересов обучающихся и работников образовательных учреждений. Это главным образом тормозит развитие образовательного процесса, и значительно снижает конкурентную способность российской системы образования в целом.

Справедливости ради, следует отметить, что в настоящее время в нормативно-правовом регламентировании образовательного процесса наблюдается «правотворческий бум» [2]. Только преимущественно за последние три года изменения коснулись большинства статей Закона Российской Федерации «Об образовании» и Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании».

Учитывая процесс интеграции России в мировое образовательное пространство, данную тенденцию следует оценить как перспективу и обозначить приоритетным направлением отечественной образовательной политики.

Наряду со всем, вполне уместно поднять вопрос о структурных изменениях учебных заведений, переходе к уровневой системе образования и стандартизации образовательного процесса, в частности в высшей школе. Так как именно высшее профессиональное образование является интеллектуальным потенциалом общества, локомотивом экономики и прогресса.

По настоящее время вопрос о включении России в Болонский образовательный процесс остается достаточно дискуссионным и противоречивым. Оживленные споры в большей мере сосредоточены на двух принципиально ключевых положениях реформы.

В первую очередь, это переход к уровневой системе вузовского образования, состоящей из двух ступеней: бакалавриат (обучение по направлению сроком в 4 года) и магистерские программы (обучение сроком в 2 года по узко специализированной программе).

Государственные образовательные стандарты нового поколения, регламентирующие образовательную деятельность, не обеспечивают в полной мере преемственности между ступенями образовательного процесса. Магистерские программы специфичны и требуют специальной подготовки по направлениям. В то время как образовательный уровень у выпускников бакалавров чаще, ниже, чем входные требования на магистерские направления. Более того, не проясняется и ситуация с преемственностью образовательного процесса школа—вуз. Спорным остается вопрос о статусе действующих кандидатов и докторов наук. Промежуточное положение в академической иерархии занимают специалисты.

Второе принципиально важное положение преобразований касается системы инструментария оценки качества входных и выходных способностей, возможностей и знаний образовательного субъекта. Речь идет о

структурообразующих единицах образовательного процесса в стандартах нового поколения — компетенциях, и, компетентности как качественного показателя подготовки выпускаемого специалиста.

В данном вопросе проблемной является ситуация отсутствия методик формирования и оценки компетентностных составляющих: знаний, умений, навыков. Более всего настораживает декларативный фрагментарный подход к компетентностным составляющим квалифицированного специалиста.

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сделать некоторые установочные выводы по поводу перспектив и приоритетных направлений развития российской образовательной политики.

Перспективность российской образовательной политики напрямую зависит от конструктивного и своевременного решения насущных проблем. Краткосрочные перспективы авторы связывают с доработкой государственных образовательных стандартов в рамках компетентностного подхода. Не отвергают переход на стандарты 4-го поколения [3]. Долгосрочная перспектива связана с выходом конкурентной жизнеспособной российской модели образования на мировую арену.

Приоритетными направлениями государственной образовательной политики в России, следует определить: совершенствование образовательного законодательства с учетом современных тенденций и запросов; нивелирование целевой дифференциации образовательных учреждений; повышение инвестиционной привлекательности; расширение научного международного сотрудничества; активного внедрения инновационных методов преподавания; обеспечение преемственности образовательного процесса.

Библиографический список:

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. От 08.08.2009) <О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года> (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». — URL: www.base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=law; n=90601 (дата обращения 10.05.2013)

2. Усанов, В.Е. Перспективы развития нормативно-правового регулирования образования // «Образование и право». — 2011. — № 2. — URL:www.do.gendocs.ru/docs/index-74456.html (дата обращения 10.05.2013)

3. Хвощев, В.Е. Развитие социальной активности субъектов как цель образовательной политики государства / В.Е. Хвощев, О.И. Просвирнина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки. — 2013. — Т. 13.— № 1. — С. 141—143.

4. Экспертный доклад НИУ ВШЭ об Основных направлениях бюджетной политики на 2013—2015. — URL:www.hse.ru/data/2012/07/28/1258200197/onbp2013-2015.pdf (дата обращения 13.05.2013).

УДК 94(47+57)«1914/1917» +778.5(47+57)
ББК Т3(2)534+ББК Щ374.3(2Р)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИГРОВОМ КИНО (1914—1917)

Т.В. Раева

В докладе рассматриваются особенности кинорепрезентаций Первой мировой войны российских игровых фильмах 1914—1917 годов. В условиях большей, чем в документалистике, цензурной свободы образы войны в игровом кино складывались под влиянием зрительских ожиданий, восприятий и представлений о текущих событиях, позволяя тем самым уловить характер и смену настроений акторов в сложный период истории нашей страны.

Ключевые слова: Первая мировая война, российское игровое кино, кинообразы войны, восприятие и представления о войне

События Первой мировой войны и связанные с ними переживания обусловливали высокую потребность в коммуницировании и формировали в российском обществе устойчивый спрос на зрелищные мероприятия. Отвечая на него, все, действовавшие в стране, кинематографические фирмы выпустили на экраны новые игровые картины из «военной серии». Менее зависимые от военной цензуры, фильмы складывались, в первую очередь, под влиянием зрительских ожиданий, художественных вкусов и целей кинопроизводителей.

В начальный период Первой мировой на экранах страны появилось большое количество фильмов, призванных легитимировать цели войны, мобилизовать население, упрочить единство фронта и тыла перед лицом врага. Они отражали общий патриотический подъем и описывали текущие события как трагическую, но неизбежную борьбу за справедливость и сохранение собственной культуры. География войны в этих картинах была весьма широка, она включала не только события в тылу, на восточном фронте, но также и на западном. Наиболее сильное впечатление на кинематографистов и зрителей того времени производила история Бельгии, на примере которой идея о целях и характере войны выглядела более рельефно и отчетливо («Король, закон и свобода», «Лилия [Бельгии]»).

Российские события находили отражение в фильмах, имеющих броские прокатные названия («Огнем и кровью» («Злые коршуны», «Зверства немецкого майора Прейскера»), «Дочь истерзанной Польши» («Культурные варвары XX века») и др.). В них открыто демонстрировались разрушения, насилие и смерть, исходящие от врага, при этом аналогичные действия протагонистов легитимировались как защита. Риторика кинокартин формировала соответствующий образ противника-варвара, рыцаря разбоя, уг-

рожающего цивилизации. Изображение в качестве объекта вражеского насилия мирного населения содействовало демонизации и дискредитации врага, позволяя русским преодолевать комплекс собственной неполноценности и миф о непобедимости немцев, достигать сплочения тыла, повышать боеспособность фронта [1]. В свою очередь, репрезентация стойкости, моральной силы и нравственной высоты жертв военного насилия апеллировала к свойственным русской культуре мотивам мученичества и самопожертвования, позволяя тем самым позиционировать пострадавших в качестве победителей.

Изображение на экране зверств врага и иных тяжелых последствий, требовало режиссерского мастерства, особенно в условиях затягивания войны. Однако нередко кинопроизводители, ориентируясь на прибыль, тяготели к сенсационности и в грубом лубочном стиле рисовали «лики войны», что вызывало неприятие аудитории. Так, хорошо снятый фильм о злодействах немцев в Калише, вышедший в 1914 г., имел оглушительный успех и способствовал неописуемому патриотическому подъему у зрителей: «в антракте шел сбор на нужды войны: мужчины давали ассигнации, а некоторые дамы снимали с себя драгоценные броши и серьги», а наскоро сделанная «жуткая драма» о насилии, творимом врагом в Польше, снятая в 1915 г., столкнулась со скептицизмом публики [2].

Развитие военных действий неизбежно дифференцировало военный опыт отдельных групп российского общества. Относительно валентная зрительским представлениям кинопродукция тематизировала переживания воюющих солдат («Лицо войны», «Рождество в окопах»), беженцев («Дочь истерзанной Польши»), инвалидов («Курсистка Таня Скворцова») и др. В лучших своих образцах фильмы, демонстрирующие «правду войны», выполняли компенсаторную и смыслополагающую функции, выступали средством коммуникации между фронтом и тылом. Конструируя борющихся солдат как сообщество жертв и страдальцев, картины героизировали военную повседневность, наполняли действия воинов глубоким общественно значимым смыслом, давали им возможность ощутить единение с домом и заботу родных, развертывали примеры успешной интеграции инвалидов в мирную жизнь [3].

Характерной особенностью дореволюционного кино в изображении Первой мировой являлось то, что война зачастую выступала лишь «экстремальной ситуацией» для проверки общественных ценностей («Слава — нам, смерть — врагам», «Курсистка Таня Скворцова», «Слава сильным… Гибель слабым…» и др.). Такой подход ставил в центр внимания картин переживания действующих лиц, их отношения, обостренные «военными обстоятельствами». Война вплеталась в бытовые сюжеты и позволяла героям проявить лучшие человеческие качества, либо вскрывала их дурную натуру. Подобные фильмы романтизировали войну, представляя ее вели-

ким делом, общественным служением, при этом она утрачивала государственный масштаб и приобретала человеческое измерение.

Неудачи России на фронтах, тяготы тыловой жизни постепенно приводили к изменениям кинорепертуара: военные фильмы на экране были потеснены салонно-психологическими мелодрамами, авантюрно-приключенческими картинами, свидетельствующими об усталости населения и призванными отвлечь массового зрителя от политической жизни. В самом кино о войне появлялись критические и пессимистические нотки, отвечающими эмоциональному настрою публики («Умер бедняга в больнице военной» («Солдатская жизнь»), «Мародеры тыла» («В вихре спекуляции») и др.). Низкий художественный уровень этих лент компенсировался сюжетами «на злобу дня», опирающимися на устные, газетные мифы о заговоре спекулянтов, предательстве тыла, иностранном шпионаже и т. д. Рецептивным ожиданиям зрителя вполне соответствовала широко представленная в фильмах картина трудностей фронта и тыла: драматичная мобилизация, суровый военный быт, гибель солдат, страдания семей, недостаток и дороговизна продуктов, на фоне разгула и кутежа спекулянтов.

Иным направлением репрезентации Первой мировой стало развитие комедийного жанра в кино о войне. Использование приемов лубочного искусства, языка народного примитива, обеспечивающих простоту и доступность изложения в освещении политических событий, имело важное значение для кинематографа. В дни военных испытаний на экранах появились не только лубки и политические памфлеты, но также киношаржи, киноводевили и даже киноанекдоты («Как немецкий генерал подписал договор с дьяволом», «Как бабы немца одолели», «Каска-феска-колпак» и др.) [4]. В 1916 г. на экраны вышла серия картин «Вова приспособился», «Вова на войне», «Вова в отпуску» и др. Ее главный герой Вова-простодушный, неунывающий, находчивый юноша, для которого война становится приключением, где, благодаря неизменному везению, ему удается обвести вокруг пальца врагов и совершить геройские поступки. Комичность сцен и хорошее исполнение главной роли позволили фильмам про Вову не только выполнить рекреативную функцию, но и убедительно продемонстрировать превосходство русских над врагом и военными трудностями.

Февральские события в России способствовали возвращению на киноэкраны военных агиток («Революционер», «Так было, но так не будет» («Канун свободы», «Так было до 1 марта») и др.), которые отражали новый подъем патриотических настроений и попытки Временного правительства реализовать мероприятия мнемонического контроля. В ситуации, когда отношение к войне и проблема ее продолжения породили острое политическое и социальное противостояние, военное переживание превратилось в культурный конструкт, который, с одной стороны, являлся отражением господствующего политического порядка, а с другой — социальным капи-

талом, служившим легитимации отдельных групп, в том числе стремящихся этот порядок разрушить [5]. Кинопроизводители и режиссеры, понимая, что главные «битвы за войну» разворачиваются за пределами линии фронта, переместили акцент повествования о Первой мировой на тыловые события. Вышедшие в этот период картины предприняли попытку воссоздать образ справедливой освободительной войны, глорифицировать ее сторонников и участников, дискредитировать «внутреннего врага», большевиков-пораженцев и предателей-противников революции. Мобилизующим фактором в них выступал не только гнев в отношении немцев, австрийцев или турок, но и борьба за новую свободную Россию. Таким образом, в дореволюционный период в силу отсутствия жесткой цензуры и наличия высокого зрительского спроса кинопроизводители часто обращались к военной тематике, интерпретации которой на экране, в общем, соответствовали рецептивным ожиданиям публики. Для начального периода Первой мировой войны, когда в тылу еще сохранялся гражданский мир, было характерно изображение в фильмах не противоречащего официальной идеологии образа справедливой освободительной войны, жестокостей врага и непременного превосходства русских. Однако затягивание войны и болезненный опыт военных реалий способствовали снижению патриотического пафоса, большей персонификации переживаний на экране, появлению амбивалентных трактовок Первой мировой.

Библиографический список

1. Нагорная, О.С. Воспоминания о плене Первой мировой войны как объект политики памяти и средство групповой идентификации / О.С. Нагорная // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. — М.: АИРО-XX, 2005. — С. 48.

2. Великий Кинемо: Каталог сохранившихся игровых фильмов России (1908—1919). Каталог. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 214, 241.

3. Баталин, В. Реконструкция фильма Я. Протазанова «Рождество в окопах» / В. Баталин, Г. Малышева. — http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/233.pdf

4. Славский, Р.Е. Воспоминание о старой русской кинокомедии / Р.Е. Славский. — http://slavskii.narod.ru/HTML/ DE_15.htm

5. Baumeister, M. Erster Weltkrieg und Weimarer Republik / M. Baumeister // Krieg und Militaer im Film des 20. Jahrhunderts / hg. von B. Chiari u.a. — Muenchen, 2003. — S. 239—243.

УДК 378.4 (470.55)
ББК Т3(2Р-4Че) + Ч448.47

ИСТОРИЯ ЮУрГУ В УСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЯХ

И.В. Сибиряков

В основу статьи положены интервью с преподавателями, сотрудниками и студентами университета, собранные в рамках проекта «История ЮУрГУ в устных воспоминаниях». Проект был реализован волонтерами НОЦ «Устная история» в 2012—2013 гг. Первичный анализ интервью показал некоторые важные особенности формирования «исторического» образа университета в памяти его выпускников и сотрудников; позволил выявить те сюжеты, которые сыграли наиболее заметную роль в становлении этого образа, дали возможность на конкретных примерах увидеть «сильные» и «слабые» стороны такого источника исторической информации, как устные интервью.

Ключевые слова: интервью; историческая память; институт; университет

Важным элементом сохранения устных воспоминаний в качестве самобытного исторического источника уже много лет является интервью. Интервью, как инструмент сбора информации, используют многие гуманитарные науки. Наиболее эффективно этот инструмент всегда применяли профессиональные социологи, которые детально разработали не только технологию проведения различных видов интервью, но и научились активно применять математические методы для обработки полученных в ходе интервью данных. Однако в последние годы особый интерес к интервью, как способу получения информации, стали проявлять профессиональные историки, особенно специализирующиеся по истории XX в. Конечно, интерес историков к новому инструментарию для проведения исследования, связан в первую очередь с теми важными изменениями, которые произошли в мировой исторической науке на рубеже веков. Они касаются методологических, источниковедческих, философских и других аспектов организации исследования. Новые инструменты, безусловно, способны разрешить часть проблем, накопившихся в исторической науке XX в., но при этом неизбежно порождают другие проблемы.

История Южно-Уральского государственного университета — это важная страница истории отечественного высшего образования, науки, культуры. Изучение различных аспектов истории ЮУрГУ дает возможность лучше понять логику развития многих процессов в социальной, экономической, духовной жизни страны во второй половине XX в. Именно поэтому история ЮУрГУ представляет сегодня большой интерес не только для

историков, но и для социологов, культурологов, специалистов в области управления. Многие сюжеты этой истории уже были подробно описаны в научной литературе, но многие находятся вне поля зрения современных исследователей [1]. Так, по-прежнему остаются слабо изученными вопросы, связанные с особенностями повседневной жизни профессорско-преподавательского состава вуза и студенческой молодежи в 80—90-е гг. XX в., формированием многих научных коллективов ЮУрГУ, ролью официальных структур и общественных организаций в работе вуза на разных этапах его существования и т. д.

Для решения этих и многих других вопросов требуется существенное расширение источниковой базы исследования и применение новых инструментов для сбора и анализа информации. Одним из таких инструментов, на наш взгляд, могут быть интервью с бывшими и нынешними преподавателями и студентами ЮУрГУ. Сбор соответствующих интервью был изначально одной из главных задач, созданного в 2011 г. научно-образовательного центра «Устная история» [2]. За два года работы центра было собрано в общей сложности 15 интервью, анализ которых позволяет сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, сегодня волонтеры центра могут собрать интервью лишь с теми преподавателями и бывшими студентами вуза, которые учились или начинали работать в вузе в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. или в более позднее время. Информация о ранних этапах развития вуза либо полностью утрачена, либо сохранилась в памяти опрошенных волонтерами преподавателей и бывших студентов очень фрагментарно. Наиболее часто среди представленных в центр интервью, встречаются сюжеты, посвященные 80—90-м годам, что связано с особенностями исторической памяти участников интервью, а так же с характером тех вопросов, которые ставили перед ними волонтеры. Показательно, что события последних десяти лет в меньшей степени воспринимались участниками интервью, как исторические события, и, как правило, относились ими к сегодняшнему современному этапу развития вуза.

Во-вторых, среди, собранных на сегодняшний день интервью, доминируют интервью тех, кто не только учился в институте, но затем стал работать в вузе в качестве преподавателя. Это очень своеобразная группа опрашиваемых, чьи воспоминания представляют собой некую целостную конструкцию, где сюжеты, связанные со студенческими годами теснейшим образом переплетены, а порой просто смешаны с воспоминаниями более позднего времени. Такого рода «напластования» деформируют некоторые сюжетные линии и требуют осторожной кропотливой работы исследователя при использовании материалов интервью в рамках различных научных проектов. Примечательно, что такие проблемы возникали у опрашиваемых разных возрастных категорий. С учетом данного парадокса наиболее пер-

спективным с точки зрения анализа полученного исторического материала могут стать интервью с теми преподавателями ЮУрГУ, кто пришел для работы в вуз после окончания другого учебного заведения, и тех студентов, кто избрал для себя в дальнейшем работу вне института.

В-третьих, первичный анализ даже небольшого числа уже собранных интервью показывает, что они оказались, выстроены в очень благожелательной, позитивной манере. Воспоминания о «светлом прошлом», по нашему мнению, отражают одну из главных особенностей исторической памяти именно «российского человека», для которого «прошлое», как правило, исполняло роль альтернативной психологической, социальной, духовной конструкции, позволяющей противостоять «ужасам» и «мерзостям» текущей повседневной жизни. При этом степень идеализации «прошлого» могла существенно варьироваться в зависимости от многих объективных и особенно субъективных факторов. Именно в этом, на наш взгляд, историческая память «российского человека» отличалась от исторической памяти «советского» человека, которая строилась на совершенно иной базовой конструкции. В ее основании лежала идея о разрыве с «ужасным» капиталистическим прошлым и, безусловно, прогрессивным движением к социалистическому будущему. Трансформации «советской» модели исторической памяти в «российскую» модель начались еще в 60—70-е гг., но в полной мере проявились уже в 80-е и 90-е гг., что и удалось зафиксировать в целом ряде интервью.

В-четвертых, показательно, что во многих интервью, собранных волонтерами центра, «линия воспоминаний» состоит из нескольких наиболее ярких событий, имен, происшествий, которые, как правило, были никак не связаны между собой в единую конструкцию. Чаще других фамилий в интервью упоминаются фамилии ректоров В.В. Мельникова и Г.П. Вяткина, что представляется совершенно естественным, с учетом особой роли этих руководителей в истории вуза. Большинство опрошенных смогли вспомнить фамилии деканов тех факультетов, где они учились, и фамилии преподавателей, с которыми осуществляли подготовку дипломных проектов. Важно отметить, что в памяти многих опрошенных волонтерами бывших выпускников института очень слабо сохранились сюжеты, связанные с учебным процессом и организацией научной работы.

В-пятых, большинство участников интервью использовало в качестве главного ориентира для организации своих воспоминаний вопросы, поставленные волонтерами, что предопределило количественное доминирование некоторых сюжетов, например, сюжетов о спортивной и культурной жизни вуза или сюжетов о повседневной жизни студентов и аспирантов.

В интервью, собранных участниками проекта, крайне слабо отражены политические процессы, происходившие в стране и реакция на эти процессы в среде преподавателей и студентов, что, на наш взгляд, связано с осо-

бенностями политической культуры, сложившейся в стране во второй половине XX в., спецификой функционирования механизмов культурно-исторической памяти, своеобразием тех отношений, что сложились между политической элитой страны, региона и профессорско-преподавательским составом вуза в 70—90-е гг. XX в. Важно отметить, что «страх» политических воспоминаний не смогли полностью преодолеть в себе ни студенты 70-х, ни студенты 90-х годов XX в.

Конечно, интервью с преподавателями и студентами Южно-Уральского государственного университета необходимо собирать последовательно, на протяжении нескольких лет, совершенствуя методику проведения интервью и методы работы с уже собранным историческим материалом. Очевидно, что так называемая «устная история» не может радикально изменить уже сложившиеся представления об основных этапах истории ЮУрГУ. Но, материалы, полученные в рамках разнообразных и более многочисленных интервью, могут существенно «уточнить» целый ряд сюжетов этой истории, придать ей более «живой», более динамичный характер, восстановить роль реального человеческого фактора во многих событиях и процессах.

Библиографический список

1. Тулинский, С.В. Южно-Уральский государственный университет. 1943—2003 гг. Исторический очерк. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. — 269 с.; История ЮУрГУ в документах и материалах / сост., автор предисл., введ., заключения И.В. Сибиряков. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2010. — 416 с.; Антонова, О.В. Основные направления научной работы в Челябинском механико-машиностроительном институте в 1943—1951 гг. / О.В. Антонова // Вестник ЮУрГУ. — 2011. — С. 8—11. Сибиряков, И.В. Отдел аспирантуры Челябинского политехнического института: первый год работы / И.В. Сибиряков // Вестник ЮУрГУ. — 2012. — № 10 — С. 62—65; и др.

2. НОЦ ЮУрГУ «Устная история» — http://oral-history.ru

УДК 902.4
ББК Т48(2)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНИХ ТОРГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ В УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ СТЕПЯХ

А.Д. Таиров

О существовании караванной торговли через урало-казахстанские степи свидетельствуют находки предметов средне-азиатского импорта второй половины I тыс. до н. э. в западносибирской лесостепи. Для реконструкции древних караванных путей большое значение имеют археологические источники. Опора на них дает возможность определить ключевые точки основных торговых коммуникаций, проходящих через степные пространства.

Ключевые слова: урало-казахстанские степи, караванные пути, археологические источники

Реконструкция древних караванных путей в урало-казахстанских степях хотя и чрезвычайно сложна, но, тем не менее, вполне реальна при синтезе самых разных источников: письменных, картографических, топонимических, космоснимков и, конечно, археологических. Каждая группа источников имеет свои преимущества и ограничения. Так письменные источники для I тысячелетия до н. э. и большей части I тысячелетия н. э. по интересующей нас территории практически отсутствуют. В источниках более позднего времени, вплоть до начала XVIII века, описания дорог достаточно редки и не полны. Археологические же материалы в силу своей неоднозначности не содержат прямых указаний на существование караванной торговли и в большинстве своем не могут маркировать торговые пути.

В ряде случаев археологические источники вообще не могут выступать в качестве прямых свидетельств наличия торговых связей между районами, где вещи найдены, и теми местами, где они были изготовлены. Большое количество импортных изделий из драгоценных металлов в погребениях кочевников может свидетельствовать не о торговых или обменных связях, а об активной военной деятельности номадов за пределами степи. Дальние походы, сопровождавшиеся грабежами или получением откупа, взимание дани, выкуп за пленных, работорговля способствовали массовому притоку в степь изделий из драгоценных металлов, дорогих тканей, предметов роскоши. Немаловажную роль в поступлении импорта играло участие в военных действиях на стороне того или иного государственного образования, а также наемничество.

Более надежным свидетельством торгово-обменных связей являются импортные предметы массового спроса: стеклянные и каменные бусы, ке-

рамика, особенно тарная, бронзовые зеркала и т. п. Естественно, что кочевые объединения, обслуживающие и контролировавшие торговые коммуникации в степи, имели больше возможностей для получения необходимых им ремесленных изделий, в том числе и украшений. А знать этих объединений концентрировала своих руках предметы престижа, поступавшие в виде пошлины и/или платы за предоставляемые услуги. Накопленные богатства оседали в родовых некрополях, находящихся на летних и/или зимних пастбищных территориях, принадлежащих данному объединению. В связи с этим, изменение районов концентрации импорта в степи может являться не только свидетельством переориентации основных направлений торговли, но и отражением борьбы за возможность контролировать узловые точки караванных дорог.

О достаточно раннем существовании караванной торговли через урало-казахстанские степи могут свидетельствуют многочисленные находки предметов среднеазиатского и ближневосточного импорта, прежде всего изделий массового спроса, в памятниках лесостепи Зауралья и Западной Сибири второй половины I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э., поступавшего сюда из оседло-земледельческих центров Средней Азии. Существование именно караванной торговли подтверждается наличием, иногда значительным, фрагментов станковой керамики и костей верблюда в культурных слоях поселений и городищ лесостепи. Причем, памятники эти расположены близ караванных дорог XVII—XIX веков: городище Чудаки на реке Юргамыш близ ее впадения в Тобол; Рафайловское городище и поселение Рафайловский остров на Исети, между ее устьем и устьем реки Миасс; Узловское поселение и городище Актау на Ишиме и другие. Так на Рафайловском городище и расположенном рядом поселении Рафайловский остров вместе с костями верблюда обнаружено большое количество фрагментов среднеазиатской станковой посуды, в том числе и тарных сосудов [1, с. 77, 100]. Следует отметить, что на некоторых поселениях южной лесостепи кости пушных зверей составляют до 63—67 % от общего количества диких видов, в то время как на северных лесостепных поселениях преобладают кости копытных. Этот факт может указывать на солидное значение здесь промысла пушнины [2, с. 153], которая, вероятно, вывозилась в южные страны.

Анализируя описание путей через казахские степи, приведенные в трудах отечественных исследователей XVIII—XIX веков, нетрудно заметить, что в них почти нигде не говорится о дороге в современном ее понимании. «Караванная дорога хотя одна и таже для всех караванов, отправляющихся, например, из Бухары до Оренбурга или до Троицка, но караваны идут по разным ее направлениям, потому что по одним и тем же следам двум или трем караванам не всегда бывает возможно проходить — по причине истребления корма, — почему они большею частью принимают боковой

путь и выходят на собственно караванную дорогу только около колодцев…» [3, с. 393—394], родников или бродов через реки. Выходя же в пустыни, караваны обычно идут врозь по параллельным направлениям, если есть ряды колодцев [4, с. 52].

Маркерами узловых точек караванных путей в степи достаточно часто выступают развалины средневековых городищ, караван-сараев и, изредка, мавзолеи и могилы. В полупустынной и пустынной зонах узловыми точками путей являлись колодцы. Описывая в начале XIX века пути «из Сарайчиковой крепости в Хиву» А.И. Левшин отмечал: «развалины строений, остатки укреплений и прочно устроенные колодцы показывают, что два пути сии проложены народами, жившими здесь прежде киргиз-казаков» [5, с. 97]. П.И. Рычков оставил описание развалин крупного города Беленана на реке Сарысу в одном дне пути от озера Телеколь [6, с. 514], там, где проходила «сарысуйская» дорога и караванный путь «Троицк—Бухара» [7, с. 10—11]. О развалинах кирпичных зданий в урочище Караяр (Каражар) на реке Карыксалды-Тургай (Карынсалды) на северной дороге, отмеченной на «Карте генеральной Оренбургской губернии…» 1755 года, писал И.А. Кастанье. Причем, еще в середине XIX века здесь сохранялись следы дорог [8, с. 83—84].

В качестве одного из маркеров сухопутных дорог, существовавших в скифское время в степях Северного Причерноморья, выступают крупные курганы и курганные группы [9, с. 121—122]. Вполне вероятно, что это наблюдение применимо и для других регионов. Однако, для урало-казахстанских степей взаимосвязь дорог и крупных курганов, насколько нам известно, пока не была предметом специального изучения.

Для конкретизации прохождения путей немаловажное значение имеют данные, полученные непосредственно в ходе полевых исследований. Так в ходе археологических работ на пути из Булгара в Киев удалось наметить места переправ через крупные реки, определить не только некоторые пункты дневок, но даже отдельные места ночевок [10, с. 12—22]. В ходе обследования одного из ответвлений дороги, проходившей по северной окраине Хазарского каганата, было обнаружено несколько небольших городищ, находящихся на расстоянии около 30 км друг от друга. Они, как считает С.А. Плетнева, вполне могли служить временными дорожными стоянками — своеобразными караван-сараями [11, с. 145].

Таким образом, реконструкция древних и средневековых караванных путей в степях Центральной Евразии вполне возможна при синтезе всех имеющихся источников, в том числе и археологических. Исходной базой для этой работы могут служить карты XVIII — начала XX века. Однако, окончательное решение вопроса о караванных путях в урало-казахстанских степях невозможно без широкого археологического исследования

намеченных дорог, в частности, в местах перехода их через естественные препятствия (реки, горы, солончаки, лесные массивы, пустыни и т. п.).

Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Коммуникации Центральной Евразии: от древности к Новому времени».

Библиографический список

1. Матвеева, Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе / Н.П. Матвеева. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. — 175 с.

2. Стоянов, В.Е. Некоторые черты социально-экономической организации древнего населения Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век) / В.Е. Стоянов // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. — Свердловск: б.и., 1977. — С. 152—159.

3. Черемшанский, В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях / В.М. Черемшанский. — Уфа, 1859.

4. Мейер, Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь, Оренбургского ведомства / Л. Мейер. — СПб., 1865. — 288 с.

5. Левшин, А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / А. Левшин. — Алматы: «Санат», 1996. — 656 с.

6. Рычков, П.И. Топография Оренбургской губернии / П.И. Рычков. — СПб., 1762.

7. Таиров, А.Д. Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Препринт / А.Д. Таиров. — Челябинск: изд-е ЧелГУ, 1995. — 43 с.

8. Кастанье, И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края / И.А. Кастанье // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — 1910. — Вып. XXII. — 332 с.

9. Болтрик, Ю.В. Основной торговый путь Ольвии в Днепровское лесостепное Правобережье / Ю.В. Болтрик // Рос. археология. — 2000. — № 1. — С. 121—130.

10. Халиков, А.Х. Торговые пути Булгарии в IX–XIII веках и их археологическое изучение (на примере пути из Булгара в Киев) / А.Х. Халиков // Путь из Булгара в Киев. — Казань, 1992. — С. 12—22.

11. Плетнева, С.А. Саркел и «шелковый путь» / С.А. Плетнева. — Воронеж, 1996.

УДК 94(470.55)«19» + 316.422(470.55)
ББК Т3(2Р36)53-283.4

МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ ГОРОЖАН ЮЖНОГО УРАЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.А. Тимофеев

По результатам проведенных исследований, после строительства Транссибирской магистрали и развитием городов в начале XX века, на Южном Урале происходят противоречивые процессы в социальной жизни населения: с одной стороны городская культура и грамотность способствовала секуляризации сознания, оказывала влияние на поведение, делая его рациональным и расчетливым, ориентированным на достижение максимальных результатов; с другой — трудовая этика большинства бывших крестьян не претерпела рациональных изменений, вплоть до 1914 г.

Ключевые слова: модернизация, Южный Урал, Транссибирская железнодорожная магистраль.

Исследование ключевых направлений социальной модернизации России конца XIX — начала XX вв. имеет важное значение для целостного понимания сущности и возможных последствий трансформационных процессов в современной России. В этом плане вызывает интерес промышленный подъем в России в конце XIX — начале XX вв., важнейшей составляющей которого было строительство Великой Сибирской железнодорожной магистрали. Изучение опыта строительства Великой Сибирской железнодорожной магистрали на Южном Урале в 1891—1914 гг., экономических и социально-культурных последствий ее функционирования актуализируется современными проблемами государственного регулирования экономики, а также необходимостью уяснения социальных последствий экономических реформ.

Глубинное содержание модернизации определяется складыванием новых рациональных моделей поведения, в конечном счете, формированием новой культуры. Невозможно понять исторический смысл модернизации общества, не обратившись к анализу ее социокультурной составляющей: культурных оснований модернизации, сопровождающих ее социокультурных конфликтов, изменения ментальности и моделей поведения участников модернизационного процесса. Именно в социокультуре общества содержатся неопровержимые доказательства, указывающие на начало и завершение модернизации в стране.

Социально-экономические факторы развития региона после строительства Транссиба и процесса модернизации вызвали процесс трансформации в среде мелкого предпринимательства. Это, прежде всего, количественное

увеличение ремесленников и постоянных работников, живущих за счет доходов от производства, специализация, рост профессионализма кустарей

Распространение предприятий фабричного типа, развитие транспорта и торговли превращало производство в дело все более многочисленных групп населения. Индустриализация, растущая специализация труда предъявили новые, более высокие образовательные и профессиональные требования к работнику, в частности стимулировали повышение уровня просвещения, распространение в обществе знаний. Происходит «смена социальных критериев сословности и этнической принадлежности на критерий классовой принадлежности, вытеснение традиционной сословной элиты новыми людьми, растущее равенство между полами и увеличение числа работающих вне дома женщин, выросшую урбанизацию» [1, с. 61].

Можно согласиться с мнением Б.Н. Миронова о том, что «рационализация или модернизация социальных отношений — принципиальное изменение природы русского общества периода империи, положение в России медленно изменялось к лучшему в течении второй половины XIX — начала XX вв. не столько благодаря росту числа городов, сколько благодаря развитию путей сообщения» [2, т. 1, с. 522].

В рассматриваемый период в южно-уральском регионе, во время строительства Транссиба в городах происходит постепенный отказ от подсобных сельскохозяйственных занятий, который означал, что деревня способна обеспечить город продуктами, а горожане в состоянии покупать все необходимое. Формируется поколение дельцов, движимых личной выгодой, ориентированных на мобильность и долговременное планирование, готовых заниматься новыми видами деятельности или изобретать новые технологии производства. Формируется общество современного типа, с более высоким уровнем профессиональных навыков по сравнению с традиционным [1, с. 18]. Транссиб давал населению городов и поселков, где он проходил, возможность заработать, экономические блага.

Различаются два идеальных типа трудовой этики, один из которых можно назвать потребительским, традиционным, или минималистским. Согласно принципам минималистской трудовой морали, работать следует до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи и не стремиться к накоплению; напротив, максималистская трудовая этика ориентировала человека на достижение максимально возможного результата в своей работе, а предпринимателя — на максимальную прибыль [2, т. 2, с. 305].

Именно строительство Транссиба ориентировала население региона на достижение нового идеала трудовой этики. Например, челябинский акцизный чиновник К.Н. Теплоухов имел месячный оклад 208 рублей, довольно приличная по тем временам сумма, но: «Занялись золотодобычей. Жили хорошо, но почему не жить еще лучше… Был подрядчиком на строитель-

стве дома Ляпустина, врача. Стоимость дома составила 4—5 тыс. руб. Получил свои 400 руб., обычные 10 %. Строительными подрядами занимался и городской голова г. Челябинска А.Ф. Бейвель, заработал в качестве подрядчика на строительстве казенного винного склада 40 000 руб.» [3, с. 5, 43].

Проявляется индивидуализм и горожан среднего достатка. Из капиталов состоятельных челябинцев было создано общество взаимного кредита, которое имело небольшой основной капитал (10 000—150 000 руб.) и кредитовало в основном своих членов. Вот что пишет об этом К.Н. Теплоухов: «осенью [1903 г.] по инициативе А.Ф. Бейвеля в Челябинске образовалось Общество взаимного кредита. Набралось достаточное количество желающих, сделали взносы — не менее 50 руб., некоторые внесли и 500 руб. Получили разрешение на открытие. Собрались в Городскую думу для организации. Банк открыл свои действия. Дела Кредитки шли бойко — деньги нужны всегда и всем» [3, с. 71—72]. При чем желание заработать захватило практически все слои населения. Вот что по этому поводу сообщала местная пресса: «священники, учителя, купцы, крестьяне — все стали строить маслоделательные заводы» [4].

Социально-экономическая составляющая модернизации конца XIX—начала XX вв. определяется, прежде всего, наличием стимулов для улучшения жизни. И стимул этот для населения Южного Урала появился с появлением транспортной составляющей модернизации — Сибирской железнодорожной магистрали. Традиционное общество постепенно трансформируется в общество массового потребления. Россия (в том числе и Южный Урал) переживала сложный процесс экономического и социокультурного обновления. Он проявился в развитии промышленной, торговой, кредитно-банковской и других видов несельскохозяйственных отраслей, появлении «нового человека», с особыми индивидуальными установки, ценностями и образом жизни.

Особенно важным обстоятельством, свидетельствующим о возникающем новом мировоззрении было физическое воспитание учащихся. Пропаганда здорового образа жизни, формировалась под влиянием жизненных стандартов современного городского образа жизни. В школах культивировались спортивные игры, туристические походы, велосипедный спорт и особенно гимнастика. По свидетельству К.Н. Теплоухова, гимнастический бум охватил Челябинск. Во дворах строили гимнастические снаряды, где подростки с удовольствием занимались спортом [3, с. 177].

Культурную среду, в рассматриваемый период, формировали в большей степени различные организации социальной помощи, культурно-просветительские и научные общества, образующиеся в процессе становления нового городского общества, связанного с процессом модернизации. Грамотность способствовала секуляризации сознания, оказывала влияние на поведение, делая его рациональным и расчетливым, ориентированным

на достижение максимальных результатов. Урбанизация и связанные с ней модернизационные процессы стимулировали население зарабатывать и вкладывать заработанное в будущее: в образование, улучшение жилищных условий и быта, новых технических достижений, а также в досуг. Южноуральские города после строительства Транссиба, становятся более культурными центрами. Строятся театры, клубы, издаются местные газеты и т. д.

В рассматриваемое время на Южном Урале происходят противоречивые процессы: с одной стороны городская культура и грамотность способствовала секуляризации сознания, оказывала влияние на поведение, делая его рациональным и расчетливым, ориентированным на достижение максимальных результатов; с другой — трудовая этика большинства бывших крестьян не претерпела рациональных изменений, вплоть до 1914 г. она оставалась минималистской, потребительской, то есть сохранялся менталитет традиционного общества. Крестьянство знакомилось с ценностями и стилем поведения светских, секулярных людей, и это постепенно оказывало влияние не только на их материальный быт, но и на менталитет. Идеалами крестьянина оставались терпение, самопожертвование, солидарность, равенство, справедливость и взаимопомощь, на смену им шла «умственность», как говорили крестьяне, т. е. рациональность и расчет. Модернизационные процессы, происходящие на Южном Урале проходили медленно, стабильно, но не успели завершиться к 1914 году.

Библиографический список

1. Опыт российских модернизаций XVIII—XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. — М.: Наука, 2000. — 246 с.

2. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — Т. 1—2 / Б.Н. Миронов. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 547 с. + 565 с.

3. Теплоухов, К.Н. Челябинские хроники: 1899—1924 гг. / К.Н. Теплоухов — Челябинск: Центр историко-культурного наследия, 2001. — 512 с.

4. Голос Приуралья. — 22 марта 1909.

УДК 324(470.55)
ББК Х400.82(2Р-4Че)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГОЛОСОВАНИЯ НА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ

Н.А. Трегубов

В статье рассмотрены особенности электорального поведения на муниципальных выборах в современной России. На материалах Челябинской области выявлены наиболее распространённые национально-культурные стереотипы поведения избирателей, повлиявшие на результаты выборов в органы местного самоуправления в 2012 году: а) нежелание тратить время на участие в выборах властных органов, которые «ничего не решают»; б) политическая апатия и абсентеизм в связи с тем, что результаты подобных выборов «известны заранее»; в) растерянность в связи с наличием в списке кандидатов нескольких «критиков действующей власти», до предела сужающая возможности рационального распоряжения своим «протестным» голосом.

Ключевые слова: электоральное поведение, политические стереотипы, муниципальные выборы, Челябинская область.

В октябре 2012 г. серией муниципальных выборов в России закончился очередной «электоральный политический сезон». По итогам этого «сезона» практически повсеместно уверенную победу одержали кандидаты, поддержанные «партией власти». Попробуем разобраться в некоторых причинах такого исхода, проанализировав национально-культурную специфику поведения российских избирателей на муниципальных выборах 2012 года.

Анализ будет осуществляться с опорой на материалы о ходе и результатах «знаковых» избирательных кампаний в отдельно взятом субъекте Российской Федерации (метод кейс стадии). В качестве наиболее доступного объекта исследования была выбрана Челябинская область. В соответствии с этим, исходным материалом для анализа стали данные о кампаниях по выборам главы Златоустовского городского округа (март—май 2012 года), а также по довыборам депутатов городской Думы в Центральном и Курчатовском районах города Челябинска (июнь—октябрь 2012 г.).

Известно, что муниципальные выборы (особенно выборы муниципальных органов законодательной/представительной власти) всегда относились в России к разряду так называемых «выборов со слабым содержанием». Население не особо верит в то, что власть на местах, в отличие, скажем, от Президента или Губернатора, обладает достаточными полномочиями для того, чтобы эффективно решать насущные проблемы людей. Соответст-

венно, «достучаться» до избирателей на таких выборах кандидатам бывает очень и очень непросто [1, с. 147—148].

В Златоусте и Челябинске дополнительным фактором, снижающим интерес населения к местным выборам 2012 г., стал досрочный / дополнительный характер этих выборов. Так, в Златоусте в связи со «скоропостижной» отставкой главы округа А. Караваева, выборы проводились в «неурочное» время — 20 мая 2012 г. Соответственно, для уставших от череды федеральных избирательных кампаний 2011—2012 гг. златоустовцев отдых на природе или работа на садовом участке становились заманчивой альтернативой скучной, малозначимой и малопонятной процедуре «исполнения гражданского долга». В свою очередь, в Челябинске довыборы депутатов городской Думы 14 октября 2012 г. проводились только в двух одномандатных округах (округ № 35 в Центральном районе и округ № 9 в Курчатовском районе города). Кандидаты избирались на «ущербные» то ли полтора, то ли два года (ясности в этом вопросе не существовало до самого последнего времени), вместо «полноценного» пятилетнего срока.

Таким образом, интерес избирателей Златоуста и Челябинска к местным выборам 2012 г. изначально был на достаточно низком уровне. Некоторой активизации избирателей могла способствовать разве что яркая и интригующая предвыборная кампания кандидатов. Однако итоговые показатели явки на выборы (Златоуст — 26 %, Центральный район Челябинска — 18,9 %, Курчатовский район Челябинска — 15,7 %) красноречиво свидетельствуют о том, что необходимого для «разогрева» избирателей качества предвыборной борьбы кандидаты избирателям в итоге так и не продемонстрировали.

Судя по характеру агитационной активности на муниципальных выборах в Златоусте и Челябинске, избирателям на этих выборах было предложено «меню» из четырех основных категорий кандидатов.

1. Кандидаты — ставленники действующей власти. Главные аргументы, на основании которых гражданам предлагалось проголосовать за претендентов на выборные должности от «партии власти» — это поддержка данных кандидатов уважаемыми в области (городе/районе) политиками и общественными деятелями, а также то, что данные кандидаты уже сегодня делают реальные «добрые дела», помогают людям в решении их насущных проблем.

2. Кандидаты — оппозиционеры. Очевидно, что голосование за оппозиционных кандидатов обуславливалось в основном негативной логикой «от противного»:

а) сегодня люди в городе/районе живут плохо;

б) в этом виновата действующая власть;

в) следовательно, надо голосовать за того, кто ярче всех выступает против кандидата от действующей власти.

3. Кандидаты, «приятные во всех отношениях». Такие кандидаты в основном стремились произвести на избирателей благоприятное внешнее впечатление (хороший костюм; умные глаза; приятная улыбка; красивая, качественная агитационная продукция и т. п.).

4. Фоновые, случайные кандидаты, в том числе кандидаты-статисты от политических партий «второго и третьего эшелонов», а также подставные кандидаты. За таких кандидатов люди голосовали в итоге по самым разным, преимущественно случайным и второстепенным мотивам (понравилось/знакомо название партии, которая выдвинула кандидата; новое (молодое) лицо; учился(ась) с кандидатом в одной школе и т. д. и т. п.).

Представляется, что именно приведенные выше основные мотивы голосования во многом определили базовую логику поведения избирателей Златоуста и Челябинска на муниципальных выборах 2012 г.

Еще одним важным показателем, уточняющим логику поведения электората на соответствующих выборах, является уровень «связанности» голосования избирателей за пары кандидатов-конкурентов. Этот показатель позволяет с большой долей вероятности выявить из всего множества участвующих в выборах претендентов на выборные должности пары «кандидатов-антагонистов», борющихся за одних и тех же избирателей [см., напр.: 2, с. 112—120; 3].

По итогам рассмотрения хода и результатов златоустовских и челябинских муниципальных выборов 2012 г. можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Муниципальные выборы 2012 г. в Златоусте и Челябинске изначально рассматривались населением как малозначимые. При этом кандидаты от партии власти всеми силами стремились укрепить мнение населения о никчёмности этих выборов, тогда как оппозиционные и «нейтральные» кандидаты не смогли убедить население в обратном: отчасти — в связи с огромным неравенством ресурсных возможностей, отчасти — в связи с допущенными стратегическими и тактическими ошибками, отчасти — в связи с банальным недостатком воли к победе.

2. Выяснилось, что при условии низкой явки избирателей и монополизации позиции «кандидат от действующей власти» ставленниками «Единой России» шансов на победу над представителями «партии власти» на муниципальных выборах не имеют ни оппозиционеры (тем более что они, как правило, выступают в таких кампаниях спойлерами по отношению друг к другу, «разрывая» протестный электорат на сравнительно мелкие части), ни кандидаты, «приятные во всех отношениях».

3. Соответственно, основными и самыми общими условиями победы над кандидатами от «партии власти» на муниципальных выборах являются мобилизация явки на участки максимально большого числа «своих» избирателей (в основном, через хорошо организованную и методично веду-

щуюся «полевую» агитационную работу; других неадминистративных способов мобилизации избирателей на муниципальных выборах ещё не придумано [см., напр.: 4, с. 13—194]), а также недопущение «распыления» этих избирателей между несколькими похожими кандидатами.

В целом, муниципальные выборы 2012 г. в Златоусте и Челябинске показали, что на «политтехнологическом» фронте оппозиционные и «нейтральные» кандидаты пока проигрывают кандидатам от «партии власти» по всем статьям. При этом наиболее распространенными и «эффективными» (приносящими победу провластным кандидатам) национально-культурными стереотипами электорального поведения на муниципальных выборах стали:

1) нежелание избирателей тратить свое время на участие в выборах властных органов, которые «ничего не решают»;

2) политическая апатия и абсентеизм в связи с тем, что результаты подобных выборов «известны заранее»;

3) растерянность в связи с наличием в списке кандидатов нескольких «критиков действующей власти», до предела сужающая возможности рационального распоряжения своим «протестным» голосом.

Представляется, что для повышения уровня цивилизованной конкурентной борьбы политических сил на муниципальном уровне кандидатам от оппозиции и их командам, помимо прочего, следует более тщательно работать с имеющимися национально-культурными стереотипами электорального поведения.

А для этого имеет смысл начать извлекать уроки из своих собственных ошибок, а также в определенной степени «поучиться мастерству» у своих более умелых оппонентов.

Библиографический список

1. Малкин, Е. Политические технологии / Е. Малкин, Е. Сучков. — М.: «Русская панорама», 2006.

3. Ахременко, А.С. Количественный анализ результатов выборов: современные методы и проблемы / А.С. Археменко. — М., 2008.

4. Трегубов, Н.А. Довыборы в Челябинскую городскую Думу 2012. Логика электорального поведения (предыстория) / Н.А. Трегубов — http://n-tregubov.livejournal.com/758.html

5. Полуэктов, В.В. Полевые и манипуляционные технологии. Настольная книга менеджера избирательных кампаний / В.В. Полуэктов. — М.: [б.и.], 2003.

ББК Ф06 + Ф2(0)

ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСИВНОГО И ДОГМАТИЧЕСКОГО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ[1]

В.Е. Хвощев

Одной из характерных черт российской политической науки XXI века стало огромное разнообразие взглядов, суждений, мнений относительно потока новых процессов, протекающих в обществе. В разнообразии подобного дискурса быстро теряется смысл происходящего, поиск которого всё чаще ведётся на ненаучной, а то и антинаучной основе. Автор предпринимает попытку обосновать возможность упорядочения дискурса путём разработки научной политической догматики светского содержания, способной сформировать общие цели и смыслы социального развития.

В современных социальных и гуманитарных науках термин дискурс едва ли не самый распространённый. Оторвавшись от прародительницы — лингвистики, он не взял с собой заложенного в него строгого смысла и превратился в форму констатации свободного самовыражения по самым разным поводам. Сегодня дискурс — это сумма индивидуальных ощущений реальности, сформулированных в текстах или устных высказываниях. При этом единичный дискурс всё больше превращается в автономный и самодостаточный, а его ценность целиком определяется авторитетом источника. Очевидно, что в таком состоянии дискурс лишён устремлённости к истине и, следовательно, всякой научности.

Пренебрежение поиском истины, которое демонстрируют отечественные гуманитарии последние десятилетия, означает отказ от науки и переход на эзотерические позиции. Подхваченная этой волной, российская философия является одной из первых общественных дисциплин, добровольно меняющих научную сущность на мировоззренческую — начальную фазу движения к эзотерике.

Было бы не верным считать эзотерический разворот российской гуманитарной мысли продуктом исключительно философского переосмысления реальности. Есть основания утверждать, что подобное движение обусловлено политическими факторами, связанными с переустройством общественно-экономического уклада в государстве и появившейся у правящего класса потребности скрывать от общества свои меркантильные интересы в хаосе дискурса эзотерической природы.

Нельзя сказать, что ситуация в гуманитарных науках формируется в полной мере сознательно и целенаправленно заинтересованными активными субъектами. Во многом она складывается в результате энергичных усилий пассивных исследователей, утративших стратегическое мышление.

Причем утрата эта обусловлена состоявшимся крушением фундаментальных основ гуманитарных наук в России конца XX века, а разнообразие современного дискурса является следствием растерянности научной мысли, лишённой концептуальной опоры — догмы.

По своей природе человек — существо догматическое. Его дискурс по поводу разных сторон жизни представляет собой логически не противоречивое целостное образование — догму.

В человеческих сообществах картина иная: здесь встречаются «дискурсы совместимые, способные к сближению, взаимослиянию, взаимосовершенствованию, взаимодополнению. На основе таких дискурсов складываются идеологии и теоретические построения — суммарные, универсальные, классовые, групповые дискурсы» [1]. Такого рода дискурсы, несмотря на не полное совпадение отражаемых ими позиций, обнаруживают способность их носителей взаимодействовать друг с другом в поисках консенсуса или, по крайней мере, проявлять определённую толерантность.

К сожалению, за дружелюбием дискурса нередко прячется безразличие субъекта к предмету высказывания, отчего сам дискурс может классифицироваться как дискурс пассивный. В таком случае подобный дискурс, которым наполнены российские коммуникации (не в последнюю очередь научные) не является толерантным, поскольку толерантность по общему признанию образование активное.

Однако, в любом сообществе немало принципиально не совместимых дискурсов, не допускающих соглашательства, а, в конечном итоге, взаимной терпимости субъектов. Они образуют особый тип дискурсов — антагонистические дискурсы. В отличие от остальных — не антагонистических — этот тип взглядов, мировоззрений задаёт напряженность политической системы и накал политической борьбы в обществе. Антагонистический дискурс всегда критичен и не существует как автономный феномен. Изначально он направлен на оппонента с целью сокрушения его мировоззренческих позиций. Антагонистический дискурс никогда не поступается принципами, что дополнительно указывает на его догматическую природу.

Антагонистический дискурс — относителен. Его антагонизм проявляется лишь во взаимодействии с другими дискурсами. Абсолютный антагонизм ко всем и во всём — верный признак догматизма субъекта.

Современный научный дискурс, а гуманитарный и социально-политический дискурс особенно, стесняется собственной догматичности, хотя последняя свойственна всякой серьёзной науке. Научный догмат представляет собой ту фундаментальную теорию, на которой основана данная наука. Там, где нет догматической конструкции, не может быть никакой науки. Осознание этого факта ведёт к пересмотру распространённого отношения к догме, как феномену косному и реакционному, позволяет

увидеть в ней необходимую основу познавательной деятельности, фундамент научного исследования.

Предвзятое отношение науки к догме исходит из того бесспорного факта, что всё догматическое содержит значительный элемент веры. Однако, несмотря на принципиальные разногласия науки и религии, столь же принципиальных противоречий между наукой и верой не существует. Мало того, любая наука представляет собой симбиоз опыта и веры человека, в котором вера подкрепляется или опровергается опытным путём [2]. По сути, вера предстает перед нами как вербальная целостность, позволяющая классифицировать, а, значит, осваивать результаты опыта. Такая вера динамична и продуктивна.

В политической сфере индивидуальная вера трансформируется в политический дискурс и абсорбируется в определённую идеологию. Отечественная политическая наука стоит на пороге синтеза хаотичного и разрозненного дискурса в одну из известных идеологических форм.

Такой переход требует догматизации политического дискурса, придания его потоку синхронизирующего русла либо поддержания «броуновской» природы существующего дискурса.

Современная российская власть действует в обоих направлениях. В одном из них она поддерживает разобщающий либеральный дискурс, неспособный формироваться в какой бы то ни было догмат. За кажущейся свободой мысли и слова, проповедуемой либерализмом, скрывается его догматическая сущность — оправдание неравенства, несправедливости и, в конечном итоге, несвободы [3]. В другом направлении власть содействует распространению православного догмата, готового сотрудничать с властью в обмен на земные блага для церкви. Церковный догмат во все времена был симпатичен для власти своей политической пассивностью, граничащей с полной аполитичностью. Нельзя сказать, что церковь сторонится политики, но, обретая политическое влияние, она утрачивает влияние духовное и вместе с ним общественный авторитет. И в том и в другом случае церковь не представляет угрозы для власти.

На арену российской политики настойчиво пробивается аморфная группа людей под общим названием оппозиция. При этом «оппозиционные силы действуют, как правило, в двух направлениях: пытаются навязать обществу другую догму, либо вовлечь его в бессмысленный дискурс, ослабляющий позиции власти» [4]. Объективно у оппозиции нет определённого догмата, как нет видимой концептуальной основы у действующей власти. По этой причине их возможное противостояние лишено всяческого смысла и отсутствие внятной идеологии у той и другой стороны делает взаимоотношение власти и оппозиции абсолютно бессмысленным.

Впрочем, декларируемая безидейность власти не может сохраняться долго. Особенно, если за безидейностью скрывается вполне осязаемая

идеология. Поздно или рано идеология эта становится прозрачной и власти остаётся либо открыто вступать в конфронтацию с обществом, либо объявить приемлемую для большинства форму общественного мировоззрения.

Есть основания полагать, что такой формой будет модернизированный вариант марксизма, поскольку либерализм не обладает объединяющими людей свойствами, раздражает большинство населения, а религиозный догмат безнадёжно устарел.

Многовековая узурпация религией понятия «догма» неизбежно стала компроматом всего догматического в науке, противопоставляющей себя религии. Добровольный отказ от важнейшей фундаментальной категории познания не только обедняет научный потенциал исследования, но и лишает науку критического аргумента в отношении религии, что в настоящее время весьма актуально для сакрализирующейся российской политической мысли. Вот почему строительство светской догматической науки для духовного развития общества трудно переоценить.

Библиографический список

1. Хвощев, В.Е. Теория активности: от истоков к началам: монография / В.Е. Хвощев. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ; Изд-во ЮВИГ, 2008. — С. 83.

2. Хвощев, В.Е. Теология, философия и науки о религии: предметные соотношения и вненаучные связи. Теология и науки о религии: монография / под общей редакцией М.А. Малышева и В.Е. Хвощева; Россия—Мексика. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, Изд-во Научно-образовательного центра «Комплексные проблемы общественных наук». — 2011. — С. 11—18.

3. Хвощев, В.Е. Политическая наука: диалектика дискурсивного и догматического. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. Выпуск 18. — № 10 (269). — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ. — 2012. — С. 167—170.

4. Хвощев, В.Е. Диалектика дискурсивного и догматического. Многоликий дискурс: монография / под общей редакцией В.Е. Хвощева и М.А. Малышева. Россия—Мексика. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, Изд-во НОЦ «КПОН», 2012. — С. 13—16.

ФАКУЛЬТЕТ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81’322.2
ББК Ш11

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЗАПОЛНЕНИЯ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ЗОНЫ МАШИНОЧИТАЕМОГО СЛОВАРЯ

О.И. Бабина, Н.Ю. Дюмин

Разработан алгоритм для автоматической генерации морфологических парадигматических форм для лексических единиц на русском языке. Создана лексическая база знаний, использующаяся для работы алгоритма. Показана возможность применения данного алгоритма при заполнении морфологической зоны машиночитаемого словаря.

Ключевые слова: автоматический словарь, машиночитаемый словарь, компьютерная морфология, морфологическая парадигма слова, словоизменительная парадигма

Машиночитаемые словари (лексиконы) — это необходимый ресурс, который обеспечивает работу систем автоматической обработки текстов. В зависимости от задач, решаемых в конкретной системе обработки текстов, требуется определенная лингвистическая информация, что определяет структуру и наполнение лексикона.

Уровень морфологии в системах автоматической обработки текстов выступает минимальным уровнем лингвистического анализа. В задачах машинного перевода текстов, информационного поиска, автоматической компрессии текстов и других в системах, строящихся на основе лингвистических баз знаний, практически всегда возникает необходимость обеспечить морфологический анализ или синтез словоформ.

При решении задач морфологической парадигматической идентификации лексических единиц, возможны следующие подходы организации базы знаний:

1) в форме морфологических лексиконов с минимально необходимым перечнем лексических единиц (слов, морфем, квазиморфем) и неким алгоритмом, обеспечивающим генерацию и идентификацию парадигматических форм для вхождений словаря (см., например, [1, 2, 3, 4]);

2) хранить полный перечень словоформ «в готовом виде» с перечнем грамматических характеристик, ассоциируемых с данной словоформой, и информацией об их взаимосвязях. Каждый из подходов имеет преимущества и недостатки. Однако когда речь идет о флективном языке, в ряде случаев достаточно сложно выделить формальные признаки, обеспечивающие корректную генерацию морфологических форм. Кроме того, ограничение предметной области позволяет значительно сократить объем лек-

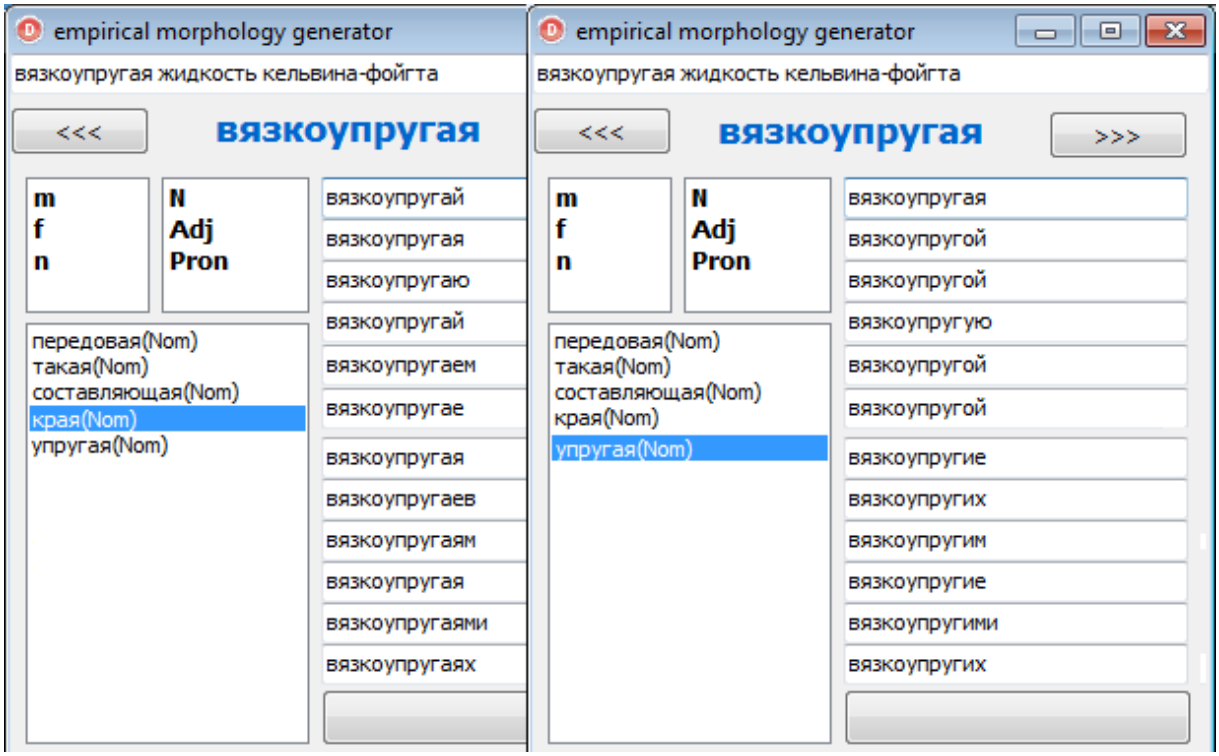
сикона, необходимого для функционирования системы автоматической обработки текстов. Это, в свою очередь, дает возможность надеяться на возможность исчисления в базе лексических знаний набора лексических единиц, хотя и не полного, но достаточного для корректного функционирования системы. Вместе с тем, автоматическая генерация форм морфологической парадигмы привлекает своей универсальностью и возможностью покрывать морфологию отсутствующих вхождений словаря.

Учитывая указанные факторы, для работы различных приложений по автоматической работе текстов нами в составе группы исследователей создается лексическая база знаний [5, 6, 7] в машиночитаемом формате, в которой в структуру каждого вхождения входит морфологическая зона. В этой зоне для каждого лексической единицы в явной форме перечисляются все парадигматические варианты этого вхождения. Однако заполнение морфологической зоны является весьма трудоемкой задачей. В связи с этим мы предлагаем использовать разработанный алгоритм автоматизации генерации форм морфологической парадигмы лексических вхождений.

Следует отметить, что в составляемом лексиконе в качестве вхождения может выступать многокомпонентная лексическая единица, содержащая несколько отдельных слов, например, *вязкоупругая жидкость Кельвина-Фойгта*. Как можно видеть на примере, в состав многокомпонентного вхождения входят прилагательное и существительные. Причем, рассматривая словоизменительную парадигму этого вхождения, можно наблюдать, что синтаксически главное существительное изменяет свою форму, в то время как зависимые существительные остаются неизменными (ср. *вязкоупругая жидкость Кельвина-Фойгта, вязкоупругой жидкости Кельвина-Фойгта, вязкоупругой жидкостью Кельвина-Фойгта* и т. д.). Это влечет за собой необходимость рассматривать не только парадигму отдельного слова при формировании морфологической парадигмы вхождения, но раскладывать это вхождение на составляющие и генерировать парадигмы для каждого компонента отдельно. Кроме того, как можно видеть, в русском языке словоизменение осуществляется посредством изменения окончаний слов. Разработанный алгоритм учитывает эти особенности.

Работа созданного алгоритма заключается в следующем: текущая лексическая единица раскладывается на составляющие ее элементы, разделенные пробелами. Последовательно, начиная с первого, у каждого компонента лексической единицы выделяются 3, затем 2 (и если таких окончаний не найдено — 1) последних символа и производится поиск по лингвистической базе знаний на предмет наличия в ней слова или слов с такими же окончаниями. Если в базе знаний такие слова найдены, они добавляются в список кандидатов и используются в качестве моделей для формирования морфологической парадигмы текущей единицы. Пользователю предъявляется автоматически сгенерированная парадигма по модели при-

оритетного из найденных кандидатов, а также полный список найденных кандидатов. Пользователь оценивает корректность сформированной парадигмы и имеет возможность просмотреть парадигму текущего вхождения, автоматически сгенерированную по модели любого из кандидатов (см. рисунок). Далее пользователь имеет возможность согласиться с одним из предложенных вариантов склонения лексемы и перейти к следующему компоненту текущего вхождения / следующему вхождению. Если на каком либо из этапов не найдено корректного решения (в базе знаний нет слов с таким же окончанием, ни один кандидат не склоняется по модели, присущей текущей единице), пользователю предлагается изменить окончания лексемы вручную, и добавить текущую лексему в базу знаний примеров.



Генерация морфологической парадигмы прилагательного в составе именной группы по моделям неверного и верного примеров из базы знаний

Как можно видеть, алгоритм представляет собой процедуру заполнения морфологической зоны словаря «по аналогии» на основе базы лингвистических примеров. База знаний для работы алгоритма сформирована для генерации парадигматических форм прилагательного и существительного. Словоизменительные парадигмы для этих частей речи выявлены (и заложены в качестве основы представления знаний в базе) в результате анализа корпуса текстов научных статей по математическому моделированию.

Парадигма прилагательного в базе знаний представлена 22 формами (от классической парадигмы прилагательного отличается тем, что формы соответствующих косвенных падежей мужского и среднего роды объединены в одну форму, так как согласно анализу корпуса текстов, эти формы

всегда совпадают). Для прилагательного в русском языке было выделено 9 словоизменительных парадигм, 6 для полных прилагательных и 3 для кратких прилагательных. Многокомпонентные прилагательные представлены прилагательными, распространенными наречиями в препозиции, например, *n-кратно дифференцируемый, бесконечно делимый, диаметрально противопол*ожный и т.д. Так как наречия не склоняются, словоизменение многокомпонентного прилагательного сводится к словоизменению основного прилагательного в группе.

Структура именной группы с существительным в качестве главного слова, выявленная по корпусу текстов, может быть представлена как [Adj* + N]*изм* + [N*(Р.п.)]*неизм*. Можно видеть, что изменяемая часть может включать как собственно существительное, так и прилагательные. Парадигмы прилагательного в составе именной группы составлены на основании упомянутых ранее 9 парадигм прилагательного, но разведены по родам. Таким образом, для прилагательного в составе именной группы выделено 27 морфологических парадигм. Для собственно существительного выделено 24 типа склонений (внутри типа выделяются вариации по фонетическому принципу). При этом возможность пополнения базы знаний собственными примерами обеспечивает гибкость работы алгоритма.

Библиографический список

1. Ide, N. Multext (multilingual tools and corpora) / N. Ide, J. Véronis. // Proceedings of 14th Conference on Computational Linguistics (COLING'94), Kyoto, Japan. — Kyoto, 1994. — P. 588—592.

2. Skoumalova, H.A Czech Morphological Lexicon / H.A. Skoumalova // Proceedings of the Third Meeting of the ACL Special Interest Group in Computational Phonology, Madrid, Spain. — Madrid, 1997. — P. 41—47.

3. Creutz, M. Inducing the Morphological Lexicon of a Natural Language from Unannotated Text / M. Creutz, K. Lagus // Proceedings of the International and Interdisciplinary Conference on Adaptive Knowledge Representation and Reasoning (AKRR'05), Espoo, Finland, June 2005. — Espoo, 2005. — P. 106—113.

4. Morphological Lexicon. — http://www.neurolingo.gr/en/technology/lexica/morpholexicon.jsp.

5. Sheremetyeva, S. «Less, easier and quicker» in language acquisition for patent MT / S. Sheremetyeva // Proceedings of Workshop on Patent Translation. MT Summit X, Phuket, Thailand, September 2005. — Phuket, 2005. — P. 35—42.

6. Бабина, О.И. Построение базы лингвистических знаний для многоязычных систем автоматической обработки текстов / О.И. Бабина // Лингвистика в контексте культуры: материалы V международной научно-практической конференции. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. — С. 19—23.

7. Шереметьева, С.О. К вопросу об электронных ресурсах профессиональной лексики / С.О. Шереметьева, П.Г. Осминин, Е.С. Щербаков // Вестник ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. — 2013. — Вып. 17 (в печати).

УДК 81’255.2
ББК Ш107.7

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ

В.С. Варламова

Рассмотрены различные подходы к понятию «культурно-маркированная» лексика. Приведены различные классификации реалий. Определены приемы перевода реалий.

Ключевые слова: культурно-маркированная лексика; реалия; безэквивалентная лексика; лингвокультурема.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение взаимосвязи языка и культуры. При этом особого внимания заслуживает культурно-маркированная лексика, так как она является богатейшим источником сведений о быте и мировоззрении носителей языка. Каждый язык обладает определенным количеством единиц с национально-культурным компонентом значения. Впервые о национально-культурном компоненте значения упоминает русский лингвист Н.Г. Комлев (в его работах данный компонент именуется культурно-историческим, термин «национально-культурный компонент» принадлежит А.С. Мамонтову).

По его мнению, в слове помимо информации о предмете содержится еще и некий социальный фон, ассоциирующийся с этим словом. «Признавая наличие «внутреннего содержания слова», то есть факта, что слово-знак выражает нечто кроме самого себя, мы обязаны признать и наличие культурного компонента — зависимость семантики языка от культурной среды индивидуума» [5].

О том, что слово — носитель не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации, пишет и Е.М. Верещагин. По его мнению, слово аккумулирует социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно национального характера [1].

Таким образом, ученые-лингвисты признают, что слово обладает неким «культурным компонентом», и очевидно, что наличие этого компонента необходимо учитывать и при переводе. Так, А.Д. Швейцер пишет: «Перевод — это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур... Процесс перевода «пересекает» не только границы языков, но и границы культур» [7]. Именно культурный компонент вызывает сложности при переводе, именно поэтому особого внимания заслуживает культурно-маркированная лексика.

Отечественные лингвисты по-разному определяют культурно-маркированную лексику, описывая ее как лексику с национально-

культурным компонентом, культурологически значимую лексику, культурозначимые слова, безэквивалентную лексику и др. Чаще всего, эти понятия используются недифференцированно.

Существует несколько классификаций культурно-маркированной лексики. Так, например, В.Н. Комиссаров предложил следующую классификацию безэквивалентной и фоновой лексики: а) советизмы, б) слова нового быта, в) наименование предметов и явлений традиционного быта, г) историзмы, д) лексика фразеологических единиц, е) слова из фольклора, ж) слова нерусского происхождения [4].

М.Г. Яшина под культурно-маркированной лексикой понимает реалии (лексемы, называющие предметы или явления одной культуры, не существующие в других культурах) и фоновую лексику (слова, денотаты которых существуют в различных культурах, но культурный фон которых совпадает не полностью, в них содержатся дополнительные знания о мире, стилистические и семантические оттенки, накладывающиеся на основное значение, известное говорящим на данном языке) [8].

Сопоставив подходы вышеупомянутых лингвистов, становится очевидным, что используя понятие «безэквивалентная лексика», каждый подразумевает под ним несколько различные явления. Так Комиссаров под безэквивалентной лексикой в основном подразумевает реалии, тогда как Яшина выделяет реалии как отдельную группу безэквивалентной лексики. Тем не менее, именно термин «реалия» чаще всего встречается в исследованиях проблем перевода, и на сегодняшний день существует несколько вариантов классификации реалий по временным, семантическим, грамматическим, местным, фонетическим и прочим признакам.

А.А. Реформатский объединяет реалии по предметно-языковому принципу в следующие группы:

- имена собственные;
- монеты;
- должности и обозначения лиц;
- детали костюма и украшения;
- кушанья и напитки;
- обращения и титулы при именах [6].

Наиболее полно реалии описаны в работах С.Влахова и С. Флорина (1985), и В.С. Виноградова (2004). Нецелесообразно приводить в данной статье эти классификации полностью, стоит лишь отметить общие моменты. В классификации С. Влахова и С. Флорина четыре раздела: предметное деление, местное деление (в зависимости от национальной и языковой принадлежности), временное деление (в синхроническом и диахроническом плане, по признаку «знакомости») и переводческое деление. Наиболее обширно представлено предметное деление, охватывающее множество сфер жизни, такие как быт, искусство, труд, меры и деньги и т. д. [3].

Классификация В.С. Виноградова имеет много общего с классификацией С. Влахова и С. Флорина. Виноградов подразделяет лексические единицы, передающие фоновую информацию на ряд тематических групп, а также выделяет ассоциативные и ономастические реалии.

Ассоциативные реалии связаны с различными национальными историко-культурными явлениями, но не закрепились в специальных словах, а нашли свое отражение в широко распространенных словах.

Ономастические реалии включают в себя антропонимы, топонимы, имена литературных героев, названия компаний и т. д. По мнению Виноградова, в литературном переводе имена собственные не только выполняют функции наименования, называния существа или объекта, но и являются теми немногими словами, сама форма которых указывает на национальную принадлежность наименованного предмета мысли. Таким образом, собственные имена способствуют сохранению в переводе национального колорита оригинала [2].

Различные исследователи предлагают определенные наборы приемов перевода культурно-маркированной лексики, которые несколько отличаются по своему составу, хотя и имеют ряд общих черт (В.С. Виноградов, С.Влахов, С.Флорин). Способы перевода реалий представлены в соответствии с классификациями реалий, чем и обусловлены отличия. Рассмотрев предлагаемые исследователями приемы перевода культурно-маркированной лексики, представляется целесообразным выделить следующие приемы:

1. Транскрипция (транслитерация)/практическая транскрипция. Выделяется всеми вышеупомянутыми исследователями. Данный прием чаще используется при переводе имен собственных, топонимов и т. д. (McFaul — Макфол, Richard E. Pipes — Ричард Пайпс). При этом в скобках нередко приводится имя/название на английском.

2. Калькирование (кальки, полукальки). Этот перевод С. Влахов и С. Флорин относят к непосредственному переводу реалии. Не все исследователи выделяют этот прием как самостоятельный, однако следует отметить, что этот прием нередко используется при переводе в тех случаях, когда его применение стилистически уместно (skyscraper —небоскреб, der Dritte Reich — третий рейх).

3. Освоение. С. Влахов и С. Флорин относят этот прием к переводу реалии. Суть этого приема заключается в том, что иноязычная реалия обретает вид слов ПЯ, при этом изменяется не только графическая форма, но и применяются грамматические признаки ПЯ (concierge (ж.р.) — консьержка) [3]. Зачастую, чем раньше была освоена реалия, тем менее ярко в настоящий момент заметен ее колорит. Соответственно, новые реалии, к которым был применен прием освоения, явно выделяются в речи/тексте (skaters — скейтеры, американизм). Уместность использования этого приема зависит от стиля текста.

4. Замена реалии. Данный прием также выделяют С. Влахов и С. Флорин, но при этом отмечают, что используется данный прием сравнительно редко, поскольку национальный колорит реалии полностью теряется. Кроме того, при замене реалии существует вероятность допустить фактические ошибки (ср: baron — помещик). В настоящее время наблюдается тенденция сохранять национальный колорит при переводе реалий, особенно в художественных произведениях.

5. Описательный перевод. Данный прием выделяют все вышеупомянутые исследователи (другие названия приема: описание, объяснение, толкование, «дескриптивный» перевод и т. п.). Описательный перевод чаще всего используется с транскрипцией, что позволяет сохранить национальный колорит и в то же время дать реципиенту достаточно ясное представление о предмете (борщ — borschch, beetroot and cabbage soup). Недостатком этого приема перевода является то, что обычно он весьма громоздкий. Нередко переводчики используют сноски, где приводится описательный перевод реалии, переведенной в тексте с помощью транскрипции или транскрибирования.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на разнообразие реалий и глубину различий между культурами, всегда существуют способы передать смысл культурно-маркированных единиц. Очевидно, что в некоторых случаях теряется национальный колорит, либо дается не совсем полное представление о предмете. Переводчику, сталкивающемуся с культурно-маркированной лексикой (в том числе реалиями), необходимо помнить, что выбор способа передачи реалий зависит от характера текста (его стиля, цели), от значимости реалии в контексте, от реципиента перевода.

Библиографический список

1. Верещагин, Е.М. Язык и культура: монография / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 224 с.

2. Виноградов, В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы / В.С. Виноградов. — М.: Книжный дом «Университет», 2006. — 235 с.

3. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М.: Международные отношения, 1980. — 342 с.

4. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода / В.Н. Комиссаров. — М.: Международные отношения, 1980. — 165 с.

5. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. — М.: КомКнига, 2006. — 192 с.

6. Реформатский, А.А. Введение в языкознание, изд. 4-е / А.А. Реформатский. — М.: Просвещение, 1967. — 542 с.

7. Швейцер, А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. — М.: Наука, 1988. — 215 с.

8. Яшина, М.Г. Анализ и семантизация культурно-маркированной лексики: (на материале итальянского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук / М.Г. Яшина— М.: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2009. — 21 с.

УДК 81-26:347.78.034
ББК Ш107.7

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ

А.С. Волков

В статье рассматривается понятие «гендер», его реализация в различных сферах языка и средства передачи гендерных особенностей в переводе. Проблема гендерной асимметрии становится особенно актуальной в английском языке на фоне современных тенденций политкорректности и устранения языковой дискриминации.

Ключевые слова: гендер, художественный перевод, культурное взаимодействие, гендерные стереотипы, гендерная асимметрия.

Развитие художественного перевода идет в напряженном столкновении противоборствующих начал: верности и вольности, близости к оригиналу и естественной, а подчас и противоестественной отдаленности. Но читатель судит по одним и тем же законам и оригинальное, и переводное произведение [1].

В процессе обучения художественному переводу важно ориентировать будущих переводчиков не только на информацию, представленную в словарной статье, но и на использование своего собственного опыты, знаний, сложившихся на протяжении жизни ассоциаций, представлений, взглядов.

Понятие «гендер» давно уже вышло за рамки грамматики. Это явление широко рассматривается как социокультурный, дискурсивный и психолингвистический феномен. Сегодня гендер — это не примитивная категория рода, а комплекс базовых ассоциаций, которые в синтезе с ассоциациями оригинальными стимулируют творческий процесс [2].

Как ни странно, в теории перевода явлению гендера уделялось крайне мало внимания. Но если замалчивание проблемы гендера в общей теории перевода хоть и непростительно, но как-то объяснимо, то невнимание к ней в рамках частных теорий просто недопустимо. Особенно в российской теории перевода, ведь при работе с русским языком и другими языками синтетического типа с ярко выраженной категорией рода, имеющей порой основополагающее значение, не учитывать ее — непозволительно, и небрежное отношение к проблеме гендера в переводе чревато серьезными ошибками [2].

Процесс перевода — это поиск, связанный с последовательным выбором из возможных вариантов. Осуществляя этот выбор, переводчик постоянно пользуется собственными лингвистическими и когнитивными зна-

ниями, а кроме того учитывает лингвистические и когнитивные знания будущих читателей, отражающие особенности их культуры.

Недооценка гендерного фактора при переводе может иметь самые неприятные последствия, вплоть до отторжения текста перевода культурой данного языка и неприятия его носителями.

Единственно приемлемым «полноценным» может считаться лишь перевод [3]:

- в котором переводчик соавторствует и может выразить в переводе себя;
- который не игнорирует контекст (в самом широком смысле слова, с учетом гендерных и культурологических особенностей языка перевода);
- который имеет возможность стать оригиналом на новой языковой, художественной и культурной почве.

Однако любое оригинальное произведение воспринимается таковым носителями языка лишь в случае соблюдения всех его законов, в том числе и гендерного фактора, зачастую имеющего большее значение, чем многие другие стилистико-грамматические аспекты.

Необходимость соблюдения гендерно-культурологических особенностей языка перевода усложняет и без того нелегкую задачу переводчика, заставляя его искать выход из сложившейся ситуации, разрываясь между необходимостью наиболее полно отразить фактуру оригинала и желанием создать достойный вариант на родном языке. В данном случае, переводчик прибегает к использованию трансформаций.

Так, в авторском сравнении, основанном на лексеме «corn-crace» – «дергач/коростель», переводчик весьма удачно, может заменить словарный эквивалент «дергач/коростель» на лексему «ворона», коннотативное поле которой в русской культуре включает устойчивые ассоциации с резким неприятным криком и которая в то же время в полной мере учитывает гендерный аспект в языке перевода и категорию грамматического рода, поскольку лексема «дергач/коростель» мужского рода, а «ворона» – женского: *«... их голоса кажутся нежными, но послушали бы вы их за завтраком, — они каркают, как вороны».*

При переводе лексемы «love-bird»/«попугайчик», учитывая гендерную специфику русского языка, применим прием генерализации: *« Вот это та маленькая птичка, которая меня интересует». Но, к сожалению, в данном случае были утрачены ассоциации, вносимые в оригинал корнем «love»/«любовь»* [2, 3].

Таким образом, гендерный аспект представляет собой достаточно сложную переводческую проблему, которую переводчик (особенно переводчик художественной литературы) обязан учитывать для создания эквивалентного по содержанию и равного по ценности литературного произведения на языке перевода.

Женская проза – социокультурный феномен, возникший в процессе освоения женщинами публичного пространства и выражающийся в появлении литературных текстов, описывающих мир, социальный опыт и практики женщин глазами женщин. Как самостоятельный социокультурный феномен женская проза зарождается в начальных фазах эмансипационных процессов в виде *маргинальных* для литературоведения и истории литературы текстов, описывающих опыт социального женщины.

Одним из центральных методов исследования в лингвистике перевода является сопоставительный анализ текстов перевода и текста оригинала, другими словами, мы проведем анализ формы и содержания перевода в сопоставлении с оригиналом. Мы рассмотрим гендерно-маркированные единицы, выбранные методом сплошной выборки, на трех уровнях языка: морфологическом, лексическом и синтаксическом.

На морфологическом уровне гендерные особенности проявляются посредством категории рода. В современном английском языке, имеющем аналитический строй, род является исключительно лексической категорией и не имеет формального выражения. О роде того или иного объекта мы можем судить по его соотнесенности с одним из личных местоимений третьего лица единственного числа (*she, he it*), а также категория рода раскрывается в контексте [4]. В свою очередь, русский язык, будучи синтетическим, обладает развитой системой окончаний, посредством которых мы определяем принадлежность того или существительного к определенному роду.

Основная задача гендерно-маркированных единиц на морфологическом уровне заключается во внесении ясности в текст. Следовательно, в тексте оригинала этой цели служит контекст, а в тексте перевода грамматическая категория рода:

Таким образом, учитывая тот факт, что изучение гендера является одним из центральных вопросов в современных лингвистических, социологических и культурологических исследованиях, мы приходим к выводу, что в рамках формирования переводческих компетенций при обучении художественному переводу гендерный аспект обретает всё большее значение.

Также следует проводить черту и четко разграничивать следующие понятия: гендер — представляющий первостепенно социо-культурное понятие, грамматический род — являющийся исключительно лингвистическим понятием, и пол — представляющий собой физиологическую и анатомическую характеристику человека.

Гендерные стереотипы и основные стереотипные оппозиции, ассоциирующиеся с мужчиной и женщиной, такие как логичность — интуитивность, абстрактность — конкретность, инструментальность — экспрессивность, сознательность — бессознательность, власть — подчинение, поря-

док — хаос и т. д., должны учитываться переводчиком при передаче художественного образа героя произведения.

Проблема гендерной асимметрии языка (неравномерной представленности в языке лиц разного пола), особенно ярко проявляющаяся на примере английского языка. В качестве основных признаков ассиметрии традиционно выделяются: отождествление понятий человек и мужчина, неспецифицированное использование слов, обозначающих лиц мужского пола; использование имен существительных женского рода являющихся, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Обучающимся переводу следует иметь в виду, что в русском и английском языке существуют разное отношение к данной асимметрии: если в английском языке, главным образ по соображениям политкорректоности, её пытаются преодолеть, то в русском языке такие тенденции проявляются куда менее отчётливо.

Мы рассмотрели особенности женского и мужского речевого поведения. И выяснили, что женская речь более эмоциональна, богата вводными конструкциями и междометиями, в ходе общения женщины склонные к гиперболизации, интенсификации, в особенности, положительных качеств, употреблению оценочных прилагательных. В свою очередь, речь мужчин более сдержанная, последовательная, менее эмоциональная; мужчины не склонны давать оценку, слишком ярко выражать эмоции.

Гендерные особенности также находят свое проявление и в языке: местоимения третьего лица единственного числа, слова, соотносимые непосредственно с женщиной или мужчиной, образование слов посредством суффиксов и слияния двух слов для описания лиц женского пола.

Библиографический список

1. Ананиашвили, Э.О. Сущности искусства художественного перевода / Э.С. Ананиашвили // Литература и перевод: Проблемы теории. — М.: Наука, 1992. — С. 396.

2. Бурукина, О.А. Гендерный аспект перевода / О.А. Бурукина // Гендер как интрига познания. сб. статей. — М.: Рудомино, 2000. — С. 99—107.

3. Бурукина, О.А. Личность переводчика в контексте гендерных исследований / О.А. Бурукина. // Гендер: язык, культура, коммуникация. — М.: МГЛУ, 1999. — С. 25—26.

4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. — 688 с.

УДК 81’42
ББК Ш100.3

СУПЕРСТРУКТУРА ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СЛОВАРЕЙ АССОЦИАТИВНОГО ТИПА)

А.М. Кашхчян

В статье рассматривается понятие «суперструктура» дискурса. Анализируются словарные статьи энциклопедических мультимедийных словарей ассоциативного типа как репрезентанты энциклопедического дискурса. Описывается суперструктура словарных статей и её отдельные компоненты.

Ключевые слова: дискурс, словарная статья суперструктура, энциклопедический дискурс.

Во многих типах дискурса проявляется традиционная, культурно-обусловленная схематическая структура, организующая глобальное содержание текста [1]. Для её обозначения голландским лингвистом Т.А. ван Дейком был введен термин «суперструктура», которая, по его определению, представляет собой «глобальную форму или «синтаксис» глобального значения текста» [2] и принадлежит к картине мира всего лингвокультурного сообщества. Суперструктура представляет собой некоторую ментальную модель дискурса, общую для всех членов социума, в основе которой лежит некий сценарий [4].

Таким образом, под суперструктурой понимается способ построения дискурса, принцип связи входящих в него компонентов. Исследование отдельных типов дискурса позволило выделить стандартные суперструктурные схемы присущие определенным типам дискурса. Так, рассказам обычно приписывается нарративная схема, состоящая из иерархической структуры таких традиционных категорий, как Завязка, Кульминация и Развязка [1]. Или, например, суперструктурная схема рекламного дискурса состоит из таких компонентов как Заголовок (Слоган) → Основной Информационный Блок → Данные для обратной связи (телефон, факс, адрес) [3].

Суперструктура энциклопедического дискурса, представляя собой стереотипную модель, определяющую последовательность изложения информации, находит индивидуальное выражение в форме текста энциклопедической статьи, как наиболее распространенного представителя энциклопедического дискурса [4]**.** Отечественный лингвист Е.С. Ульянова, занимающаяся исследованием суперструктуры немецкоязычного лингвистического энциклопедического дискурса выделила следующие её компоненты: *Заголовок* (называющий тот объект лингвистики, о котором пойдет

речь) → *Дефиниция* (включающая (а) этимологический экскурс и (б) набор основных отличительных признаков (от менее конкретных к более конкретным) → *Информационно-Категориальный Блок* (используемый для определения роли данного понятия в науке и содержащий по возможности историческую справку о возникновении и разработке понятия или отражающий современный взгляд на данное явление) и → *Комментарий* (включающий библиографическую справку и/или указания на смежные с данным понятием области знаний) [4]. Суперструктура отдельной энциклопедической статьи может реализовываться полностью в выше указанной последовательности или частично.

Анализ статей энциклопедических мультимедийных словарей ассоциативного типа «A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists» [5], «Barcelona in the Life and Work of Famous People», «Boston in the Life and Work of Famous People» позволил выделить следующие компоненты суперструктуры: *Заголовок* (включающий антропоним и хронологическую помету), *Информационный блок* (который в свою очередь состоит из таких разделов, как описание жизни и творчества и определение роли влияния города на личность), *Библиографическая справка* (содержащая ссылки для поиска дополнительной информации о личности), *Ассоциации* (представляющие собой ассоциации автора статьи с городом и личностью) (рис. 1).

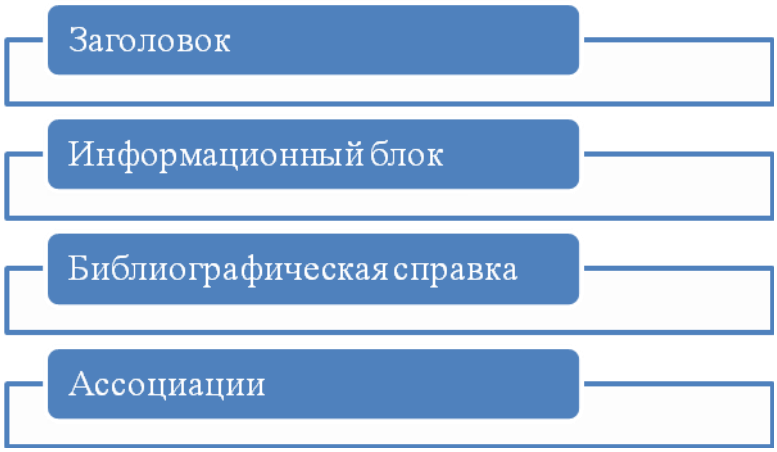


Рис. 1. Суперструктура словарных статей из энциклопедических мультимедийных словарей ассоциативного типа о Флоренции, Барселоне и Бостоне

Ниже приводятся примеры из указанных словарей, соответствующие определенному компоненту суперструктуры словарной статьи энциклопедических мультимедийных словарей ассоциативного типа.

Заголовок (рис. 2):

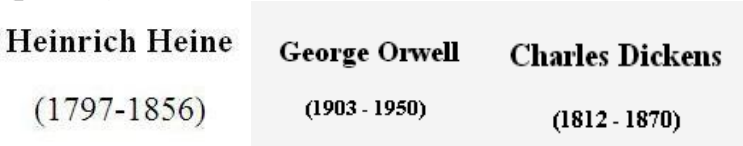


Рис. 2. Компонент *Заголовок* суперструктуры словарных статей из словарей о Флоренции, Барселоне и Бостоне соответственно

Каждый заголовок включает антропоним (имя персоналии) и хронологическую помету (годы жизни).

Информационный блок (рис. 3):

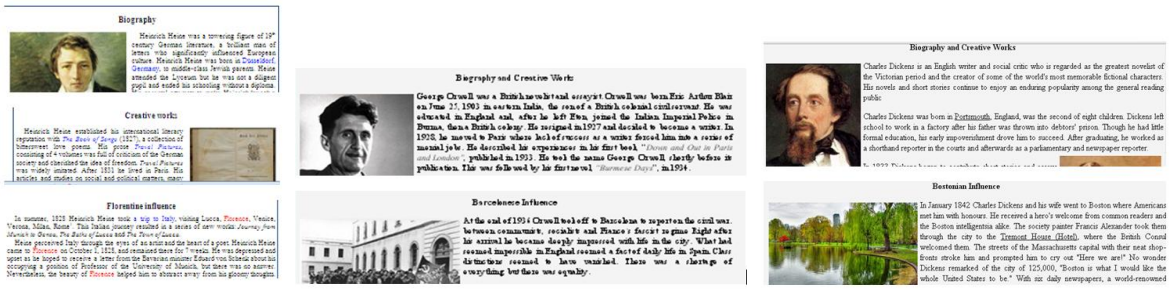


Рис. 3. Компонент *Информационный блок* суперструктуры словарных статей из словарей о Флоренции, Барселоне и Бостоне соответственно

Как видно из примеров, внутреннее членение компонента *Информационный блок* незначительно различается, в словаре о Флоренции биография и творчество выдающийся личности представлены отдельно, а в статьях из словарей о Барселоне и Бостоне эти разделы объединены. Раздел «Флорентийское влияние (Барселонское и Бостонское соотвтственно)» включает в себя информацию о влиянии города на жизнь и творчество той или иной личности, маршрут пребывания этой личности в городе, высказывания о городе. Наличие такой информации в одном разделе облегчает читателю поиск и открывает для него и город, и личность с новой, ранее неизведанной стороны.

Библиографическая справка (рис. 4):

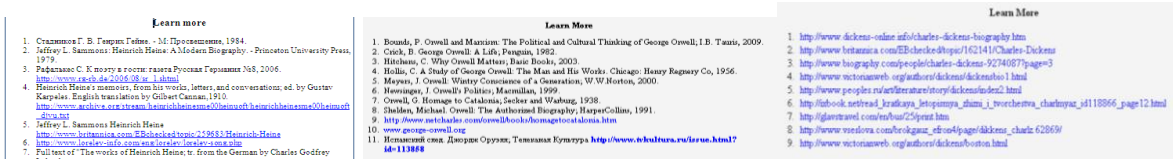


Рис. 4. Компонент *Библиографическая справка* суперструктуры словарных статей из словарей о Флоренции, Барселоне и Бостоне соответственно

В этом разделе указаны ссылки, пройдя по которым пользователи словаря смогут получить дополнительную информацию о той или иной личности.

Ассоциации (рис. 5):

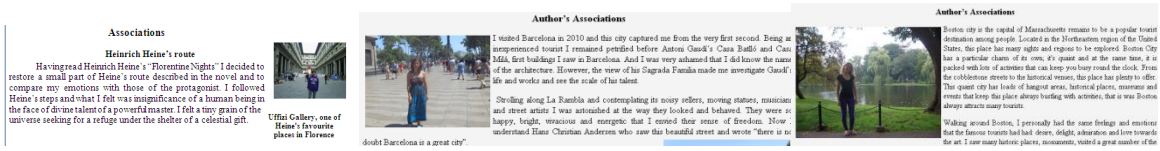


Рис. 5. Компонент *Ассоциации* суперструктуры словарных статей из словарей о Флоренции, Барселоне и Бостоне соответственно

Стоит отметить, что в отличие от словаря о Флоренции, все статьи которого написаны разными авторами, словари о Барселоне и Бостоне каждый написан одним автором. Поэтому в статьях словаря о Флоренции раздел *Ассоциации* присутствует в каждой статье, а в словарях о Барселоне и Бостоне ассоциации авторов вынесены в конец словаря.

Такая суперструктура позволяет авторам статьи не только представить информацию о той или иной персоналии и о влиянии определенного города на неё, но и дать возможность читателям найти дополнительную информацию и узнать личные впечатления автора о выдающимся человеке и о городе.

Библиографический список

1. Дейк, Т.А. ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч. // Новое в зарубежной лингвистике [Вып. 23]. — М.: Прогресс, 1988 — С. 153—211.

2. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ./ Т.А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.

3. Томская, М.В. Оценочность в социальном рекламном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Томская. — М., 2000. — 202 с.

4. Ульянова, Е.С. Реализация суперструктуры немецкого энциклопедического дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Ульянова. — М., 2004. — 193 с.

5. Yudina, N.V. 2012. A Dictionary without Boundaries: Florence in the Works of World Famous People. Project of a Dictionary for Guides and Tourists, 3d issue / Edited by O.M. Karpova — Vladimir: Publishing House of Vladimir State University. — 125 c.

УДК 81'27
ББК Ш103

КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННАЯ ЛЕКСИКА НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Кравцова

В статье исследуется лексика научных рецензий на трех языках предметной области «Филология» на представление ею культурных ценностей.

Ключевые слова: язык; культура; лексика; научная рецензия.

Многие лингвисты указывают на тесную связь языка и культуры. Американский лингвист Р. Лангакер считает, что язык является «важным инструментом и неотъемлемой частью культуры, проникновение которой в языковую структуру является всеобъемлющим и весьма существенным» [1]. По мнению другого ученого Г. Палмера, «язык погружен в культуру и составляет с ней неразрывное единство» [2]. Именно благодаря культуре мы получаем разные знания о мире, поэтому большая часть концептов в любом языке являются культурно-обусловленными, т. е. не идентичными и в ряде случаев требующими объяснения для носителей других языков и культур.

Известно, что именно лексика отражает культурную специфику и представляет собой важный инструмент изучения культуры и общества. Весьма актуальным представляется исследование лексики в аспекте представления ею культурных ценностей. По мнению польского лингвиста А. Вежбицкой лексикон позволяет проникнуть в сущность культуры посредством изучения лексической семантики, именно через вокабуляр мы можем обнаружить и идентифицировать культурно-специфические концептуальные конфигурации, характерные для различных народов мира [3].

В любом языке существуют слова, отражающие уникальные для данной страны и культуры понятия, так называемые *реалии,* не имеющие аналогов в других странах и культурах (самовар, борщ, кока-кола, пицца и т. д.). Такую лексику мы называем *культурно-специфической*. Остальная лексика также неразрывно связана с культурой данной страны и является **культурно-обусловленной**, но не специфической для данного языка и культуры, где выделяется *культурно-ориентированный* слой. К культурно-ориентированной мы относим лексику, объем значений и частотность употребления которой обусловлены культурными ценностями, свойственными данной культуре [4].

Мы проанализировали 60 научных рецензий на русском, английском и немецком языках предметной области филология из современных электронных источников, в семантической структуре которых отчетливо присутствует культурный компонент значения. В этой лексике мы выделили

группы слов, выражающие следующие культурные ценности: отношение к характеру аргументации, отношение к деятельности, отношение к общению, отношение к природе, отношение к автономности личности.

Отношение к *характеру аргументации* включает такие противопоставления, как линейность — холистичность, фактуальность — интуитивность, абстрактность — конкретность, отстраненность субъекта — его вовлеченность. Линейный характер аргументации предполагает последовательное представление аргументов, внимание к конкретным деталям, верифицируемыми данными и т. д. [4].

В исследованном нами материале наиболее частотными словами, выражающими линейный, упорядоченный характер аргументации, являются следующие: (табл. 1).

Таблица 1

Результаты анализа отношений к *характеру аргументации*

Русские средства выражения	Английские средства выражения	Немецкие средства выражения
Во-первых, в первую очередь, сначала, последовательность, логика, четкость, ясность, структурность, объективность и др.	At first, first, sequence, logical, clarity, accuracy, structure, method, theory, models, approach, diagram, system, structure, etc.	Zuerst, von Anfang an, im ersten, die Tatsache, die Folgerichtigkeit, die Logik, die Genauigkeit, das System, die Strukturen, das Ordung, folgende, die Methode und andere.

Очевидно, что прямолинейность и системность аргументации во всех представленных культурах направлены на экономию времени и повышение эффективности деятельности.

Группа слов с культурно-ориентированным компонентом значения, выражающим *отношение к деятельности* характеризует англоязычную и немецкоязычную культуры как культуры, в которых важны решительность, эффективность, продуктивность и результат, в то время как в русской культуре ценятся духовная жизнь, размышления и рассуждения. Однако русскоязычная культура не лишена ориентации на продуктивность и результат (табл. 2).

По отношению к *общению* культуры делятся на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные. Высококонтекстуальные культуры характеризуются большой ролью системного контекста (место, время, участники, предыдущий опыт и т. д.), традиций и иерархий взаимоотношений, невербальных элементов коммуникации, низкой толерантностью к расхождениям, вниманием к формальностям, эмоциональностью и т. д. Русскоязычная культура считается высококонтекстуальной. Низкоконтекстуальные культуры пренебрегают контекстом — все значения должны быть эксплициро-

ваны вербально. Примером низкоконтекстуальной культуры является англоязычная [4].

Таблица 2

Результаты анализа *отношения к деятельности*

Русские средства выражения	Английские средства выражения	Немецкие средства выражения
Достигать, подтверждать, создавать,предпринимать, развивать, продумывать, эффективность, улучшать, производить, решать, улучшать, размышлять, рассуждать, порождать, следить и др.	Achieve, create, develop, improve, result, efficiency, solve, change, claim, make, research, focus, apply, etc.	Erreichen, entwickeln, erschaffen, beschäftigen, die Darstellung, analysieren, entscheiden, untersuchen, verwenen, erarbeiten, darstellen und andere.

Таблица 3

Результаты анализа *отношения к общению*

Русские средства выражения	Английские средства выражения	Немецкие средства выражения
Полагать, допускать, предполагать, давать возможность, учитывать, принимать во внимание, удаваться, стремиться и др.	Allow, assume, state, choice, select, motivate, offer, mention, survey, represent, manage, succeed in, etc.	Glauben, annehmen, befähigen, interessant, bündig, illustrative, beleuchtend, gelingen und andere.

Англоязычная и немецкоязычная культуры характеризуются высокой толерантностью к расхождениям и конфликтам, отсутствием эмоциональности, эксплицитным характером аргументации. Русскоязычная культура считается эмоциональной, много внимания уделяется деталям (табл. 3). Хотя в немецких рецензиях тоже довольно часто можно встретить слова для выражения оценки (это прилагательные, модальные глаголы können, müssen, sollen, wollen).

По *отношению к природе* англоязычная и немецкоязычная культуры характеризуются как культуры, в которых природа и обстоятельства контролируются человеком, что эксплицитно выражается в лексике (табл. 4), а русскоязычная культура больше относится к фаталистическим культурам, где положение дел воспринимается как неизбежное, не подлежащее контролю. Однако в эпоху глобализации и усиления межкультурных контактов происходит взаимовлияние культур, при котором возможно смещение полюсов базовых ценностей.

Таблица 4

Результаты анализа *отношения к природе*

Русские средства выражения	Английские средства выражения	Немецкие средства выражения
Управление, контроль, тестирование, направлять и др.	Plan, control, test, handle, lead, manage, etc.	Bewaltigen, kontrollieren, uberwinden, prufen und andere.

Отношение к личной свободе и автономности личности характеризует англоязычную и немецкоязычную культуры в целом как культуры индивидуалистичные, культуры, для которых характерен акцент на личном «я» и на личности, индивидуально принимающей решения. В отличие от индивидуалистичных культур, коллективистские культуры ассоциируют достижения с совместной деятельностью, личность делит с коллективом ответственность за происходящее, важно понятие «мы» (табл. 5). К такой культуре относится русскоязычная.

Таблица 5

Результаты анализа
отношения к личной свободе и автономности личности

Русские средства выражения	Английские средства выражения	Немецкие средства выражения
Авторское «мы», безличные обороты	I, my, we, our	Wir, uns

Как показал анализ исследованного нами материала, в научном мире, как правило, преобладает коллективизм. Многие исследования основаны на трудах многих ученых и рассматривается автором как совокупный труд, в котором научная этика предпочитает использование местоимения *«we»*. Однако в научных рецензиях на английском языке все чаще стало появляться местоимение «I», что свидетельствует об индивидуалистичном направлении данной культуры.

Заканчивая анализ культурного компонента значения в лексике трех языков предметной области филология, следует отметить, что культурный компонент, на наш взгляд, присутствует во всех без исключения лексических единицах любого языка. На основании проведённого анализа лексического минимума научных рецензий, можно утверждать, что его частотная лексика является культурно-обусловленной и отражает систему ценностей, образ жизни и модели поведения носителей русскоязычной, англоязычной и немецкоязычной научной культуры, в том числе прямолинейность, логичность, решительность, эффективность, продуктивность, толерантность, и, в основном, безэмоциональность изложения.

Библиографический список

1. Langacker, R. Assessing the Cognitive Linguistic Enterprise / R.Langacker // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. T. Janssen and G. Redeker (eds.). — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. — P. 16.

2. Sharifian, F. Applied Cultural Linguistics: Implications for Second Language Learning and Intercultural Communication / F. Sharifian & G.B. Palmer (eds.). — John Benjamin Publishing Company, 2007. — P. 15.

3. Wierzbicka, A. Semantics, culture and cognition / A.Wierzbicka. — NY: Oxford University Press, 1992. — P. 22.

4. Хомутова, Т.Н. Научный текст: интегральный подход: монография / Т.Н. Хомутова. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2010. — 122—124 с.

УДК 81-26:347.78.034
ББК Ш107.7

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Н.В. Лелекова

Лингвокультурая адаптация применяется для облегчения восприятия чужих культурных реалий и языковых явлений. Лингвокультурная адаптация предопределяет стратегию преобразования высказывания, направленную на достижение при переводе комплексной эквивалентности иностранного и переводного текстов.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация, культурные реалии, язык оригинала, язык перевода, речевая культура, языковые явления, эквивалентность, логико-предметное содержание, коммуникативный эффект, стратегии, методы.

Во второй половине XX в. на рубеже столетий и тысячелетий в гуманитарном познании мира происходит смена парадигм, которая коснулась и исследований перевода. В современной науке о переводе можно говорить о двух доминирующих парадигмах — лингвистической и философско-культурологической.

Лингвистическая парадигма представлена классической теорией перевода, в рамках которой были сделаны попытки дать математически строгое (насколько это возможно) описание и объяснение перевода как «соотнесенного функционирования языков» [2]. И тут нельзя не согласиться с В.Н. Комисаровым, который писал, что «перевод являет собой гигантский естественный лингвистический эксперимент, в ходе которого языки и их элементы приравниваются, заменяют друг друга в процессе общения. В основе его лежит важнейший принцип частичной общности или подобия, который, наряду с принципом оппозиции, может по праву считаться краеугольным камнем языковой структуры» [3].

В некоторых случаях перед переводчиком становится задача не только перевести, но и обработать текст. В современных исследованиях зачастую встречается мнение, что все случаи, когда при переводе текста имеет место его попутная обработка, следует считать фактом не перевода, а языкового посредничества, к которому, наряду с переводом, относятся и реферирование, и пересказ, и другие адаптированные переложения. Действительно, текст в рамках одного языка может претерпеть эти виды обработки и превратиться просто в другой текст. Но если при этом он перевыражается средствами другого языка, то, помимо обработки, перед нами еще и перевод в тех или иных своих проявлениях [5].

Обработка может затрагивать состав информации, сложность ее подачи, стиль текста. В зависимости от этих задач различаются разные виды адаптации текста при переводе.

Адаптация перевода это комплекс действий переводчика с использованием приемов, нацеленных на обработку и приспособление текста языка перевода к восприятию его адресатом, который является носителем другой культуры [1].

Стремление переводчика соответствовать уровням эквивалентности — смысловой, жанровой, стилистической, прагматической, национально-культурной — заставляет его приспосабливать текст к восприятию иноязычным читателем, для того чтобы достичь адекватного понимания текста. Иногда бывает, что у читателя отсутствуют фоновые знания историко-культурного и географического плана, и он не в состоянии интерпретировать так, как носитель языка [4].

Нередко адаптация текста языка перевода необходима в связи с присутствием различных коннотаций образно-ассоциативного плана у слов, имеющих регулярные соответствия в языках, а также специфические различия в речевой культуре.

В общем, адаптация перевода осуществляется без вреда для смыслового содержания текста, хотя, можно встретить ситуации, когда переводчик может пожертвовать логико-предметным содержанием для достижения нужного коммуникативного эффекта.

Частные случаи адаптации текста приводят к его серьезному отдалению от текста иностранного языка, к утрате текстом языка перевода эквивалентности; такого рода переводы принято считать модернизацией текста, а иногда их называют вольным пересказом. В большинстве случаев они используются для специальных целей, в частности: манипуляции сознанием, предложения ложных документов при доказательстве [2].

Несколько иной характер имеет адаптация текста для носителей иной культуры, или лингвокультурная адаптация. Она состоит не в упрощении грамматического и лексического состава текста, а в приемах, направленных на облегчение восприятия чужих культурных реалий и языковых явлений. Так, при переводе с немецкого языка на русский учебника по общему языкознанию немецкие примеры могут быть заменены на русские, аналогичные по типу, но представляющие собой слова с другим значением.

При характеристике морфемной структуры слова вряд ли имеет смысл оставлять в русском тексте пример «Vor-pruf-ung-en», демонстрирующий возможное наличие в слове структуры «префикс-корень-суффикс-окончание», поскольку читатели могут не знать немецкого языка. Соответствующее русское слово «за-чет» не показательно для описания морфемной структуры слова, ибо содержит лишь префикс и корень, поэтому в це-

лях адаптации к восприятию русского читателя обработчик может выбрать другое слово, например «про-вид-ени-е».

Многочисленные реалии чужой культуры, которые в публицистическом или художественном тексте на иностранном языке могут встретиться без пояснений, при переводе снабжаются комментарием. Текст при этом расширяется, это может снизить его эмоциональное воздействие, но зато он станет доступен читателю.

Такая адаптация, получившая название лингвокультрной, предопределяет стратегию преобразования высказывания, направленную на достижение при переводе комплексной эквивалентности иностранного и переводного текстов.

Особенно велика роль лингвокультурой адаптации при переводе произведений, которые отличаются яркой национальной окраской, как по форме, так и по содержанию. К ним относятся фольклорные произведения, в частности, народные сказки, высокая степень национальной окрашенности которых обусловливает наличие значительного «психотипического расстояния» между читателями оригинала и перевода и требует, следовательно, наибольшей «аккультурации» текста [6].

Лингвокультурная адаптация также помогает решить проблему жанрово-стилистических различий, позволяет обеспечить «читаемость» текста в другой культуре.

Иными словами в процессе перевода сталкиваются или вступают в диалог две культуры: культура оригинала и культура перевода. Соответственно, переводчик всегда оказывается перед выбором стратегии адаптации текста перевода. Вопрос выбора стратегии лингвокультурной адаптации был и остается одним из самых острых как в теории, так и практике перевода. Однако, на наш взгляд, этот вопрос нельзя считать только переводческим, он является и лингвокультурологическим, и лингвофилософским, поскольку касается проблемы соотношения языка и культуры, проблемы соотношения языка и мышления, проблемы понимания.

Существующие проблемы соотношения языка и культуры при переводе и определения одного из двух видов лингвокультурной адаптации: адаптации к оригинальной и исходной культуре, решаются в переводе за счет выбора соответствующей стратегии и методов перевода.

Стратегия перевода определяется концепцией переводчика и зависит от цели, которую ставит перед собой переводчик. Достижение этой цели реализуется посредством методов перевода, представляющих собой совокупность мыслительных операций и переводческих решений.

Например, используемые в процессе перевода народных сказок методы, позволяют прочувствовать «внутреннюю поэзию» текста, неповторимую орнаментику фольклорных языковых элементов: фольклорные реалии, сказочные формулы, зачины и повторы, затейливые присказки и концовки [6].

Поэтому стратегия лингвокультурной адаптации при переводе реализуется в тексте перевода следующим образом: прежде всего, путем поиска в культуре таких элементов, которые можно, в следствие функциональной эквивалентности, соотнести с соответствующими элементами в другой культуре; созданием в тексте перевода новых эквивалентных лексических единиц с учетом контекстного значения единиц оригинала; важную эстетическую функцию выполняет и замена стилистически нейтральных на эмоционально окрашенные лексические единицы и т. д.

Выделенные выше приемы комбинируются в тексте перевода, участвуя в различных трансформациях (опущения, перестановки, добавления), органично вплетаясь в повествование. Таким способом переводчик стремится с максимальной полнотой передать «имплицитный мир», выраженный средствами языка-оригинала [6].

Таким образом, лингвокультурная адаптация представляет собой чрезвычайно сложный комплексный процесс приспособления текста при переводе с учетом всех культурно-специфических реалий и языковых явлений.

Библиографический список

1. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. — М.: Изд. Московского университета, 2004. — 544 с.

2. Гарбовский, Н.К. Герменевтический аспект перевода: типология ошибок понимания оригинального текста / Н.К. Гарбовский // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2002. — № 1.

3. Комиссаров, В.Н. Практикум по переводу с английского языка на русский: учеб. пособие / В.Н. Комиссаров, А.Л. Коралова. — М.: Высш. шк., 1990. — 127 с.

4. Нестерова М.Н. Наука о переводе: в поисках эквивалентности / М.Н. Нестерова // Индустрия перевода. — Пермь, 2008. — 324 с.

5. Романова, С.П. Пособие по переводу с английского на русский / С.П. Романова, А.Л. Коралова. — М.: КДУ, 2004. — 176 с.

6. Фененко, Н.А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого. / Н.А. Фененко // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. — № 1.

УДК 378.016:8
ББК Ч448.027.6

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЕ «ФИЛОЛОГИЯ»

И.Г. Насталовская

Статья рассматривает теоретические основы, задачи и принципы организации педагогической практики будущих магистров филологии в рамках компетентностного подхода в профессиональном обучении.

Ключевые слова: компетентностный подход, педагогическая практика.

Компетентностный подход в профессиональном обучении будущих магистров филологии предполагает совокупность учебно-производственных заданий, позволяющих использовать теоретические знания на практике. Компетентностный подход не отрицает, но изменяет роль знаний, знания подчиняются умениям. Магистрант должен быстро и безошибочно воспользоваться всеми доступными источниками информации (справочники, энциклопедии, Интернет и т. д.) для решения проблемных ситуаций. С позиции данного подхода уровень образованности определяется не объемом знаний, а готовностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний, умений, отношений и опыта.

По мнению ряда исследователей именно компетентностный подход наиболее глубоко отражает основные аспекты процесса модернизации современной системы высшего образования [4, 73]. Именно в рамках этой установки делаются утверждения:

- компетентностный подход дает ответы на запросы производственной сферы;
- компетентностный подход проявляется как обновление содержания образования в ответ на изменяющуюся социально-экономическую реальность;
- компетентностный подход как обобщенное условие способности человека эффективно действовать за пределами учебных сюжетов и учебных ситуаций [3, 51];
- компетентность представляется радикальным средством модернизации;
- компетентность характеризуется возможностью переноса способности в условия, отличные от тех, в которых эта компетентность изначально возникла [1, 22];

- компетентность определяется как готовность специалиста включиться в определенную деятельность или как атрибут подготовки к будущей профессиональной деятельности [2, 37].

ФГОС ВПО определяет цель педагогической практики, а именно, педагогическая практика — это «профессионально-практическая подготовка студентов».

В соответствии с этим стратегическая цель педагогической практики будущих магистров филологии может быть сформулирована следующим образом: «Содействие становлению компетенций у будущих магистров филологии в области решения профессиональных задач, овладению профессиональной культурой на основе освоения разнообразных способов педагогической деятельности».

Исходя из этого, приоритетными принципами педагогической практики должны стать следующие:

- признание каждого студента личностью, обладающей индивидуальными способностями, развитие личности студента, наращивание его человеческого, культурного и социального капитала;
- самореализация и самоактуализация студентов в учебно-профессиональной деятельности, ответственность студента за собственные образовательные достижения;
- интегративный характер формирования у студентов психолого-педагогических и методических компетенций через единство теоретической и практической подготовки;
- открытость практики к внешним запросам, постоянное взаимодействие с работодателями, родителями и студентами для непрерывного повышения качества обучения и воспитания студентов.

В качестве ведущих профессиональных компетенций будущих магистров филологии в ФГОС ВПО определены следующие:

- способность демонстрировать знания современной научной парадигмы в области филологии и динамики ее развития, системы методологических принципов и методических приемов филологического исследования (ПК-1);
- владение коммуникативными стратегиями и тактиками, риторическими, стилистическими и языковыми нормами и приемами, принятыми в разных сферах коммуникации, умение адекватно использовать их при решении профессиональных задач (ПК-3);
- способность к самостоятельному пополнению, критическому анализу и применению теоретических и практических знаний в сфере филологии и других гуманитарных наук для собственных научных исследований (ПК-4);
- владение навыками самостоятельного исследования системы языка и основных закономерностей функционирования фольклора и литературы

в синхроническом и диахроническом аспектах; изучения устной и письменной коммуникации с изложением аргументированных выводов (ПК-5);

- владение навыками участия в работе научных коллективов, проводящих исследования по широкой филологической проблематике, подготовки и редактирования научных публикаций (ПК-7);
- владение навыками проведения учебных занятий и внеклассной работы по языку и литературе в учреждениях общего и среднего специального образования; практических занятий по филологическим дисциплинам в образовательных учреждениях высшего профессионального образования (ПК-9);
- владение навыками подготовки учебно-методических материалов по отдельным филологическим дисциплинам (ПК-10);
- способность к подготовке методических пособий и организации профориентационной работы (ПК-11);
- способность к созданию, редактированию, реферированию и систематизированию всех типов текстов официально-делового и публицистического стиля (ПК-12);
- готовность к планированию и осуществлению публичных выступлений с применением навыков ораторского искусства (ПК-14);
- владение навыками квалифицированного синхронного или последовательного сопровождения международных форумов и переговоров (ПК-15);
- умение выстраивать прогностические сценарии и модели развития коммуникативных и социокультурных ситуаций (ПК-16);
- знание теории и владение практическими навыками проектирования, конструирования, моделирования структуры и содержания образовательного процесса в области филологии (ПК-17);
- способность и готовность к участию в разработке научных, социальных, педагогических, творческих, рекламных, издательских и других проектов (ПК-18);
- умение планировать комплексное информационное воздействие и осуществлять руководство им (ПК-19);
- владение навыками организации и проведения учебных занятий и практик, семинаров, научных дискуссий и конференций (ПК-20);
- владение навыками организации и управления научно-исследовательскими и производственными работами при решении конкретных задач в соответствии с профилем магистерской программы (ПК-21).

Содержание практики, разработанное на основе компетентностного подхода, предполагает, что единицей проектирования и развертывания содержания является профессиональная педагогическая задача и производные от нее задания, которые носят интегрированный характер. Выполнение заданий представляет для студента процесс практического решения профессиональной педагогической задачи.

Разработка системы интегрированных заданий и системы оценки их выполнения — одна из ключевых задач разработки программы практики. Компетентностный подход, являясь основой разработки программы практики, ориентирует на достижение нового качества профессиональной практической подготовки, оценку динамики развития профессиональной компетентности студентов в условиях реальной деятельности. В процессе педагогической практики студент решает профессиональные педагогические задачи в соответствующей области профессиональной деятельности. Ценностный смысл практики состоит в том, что студент-практикант овладевает опытом реализации целостного образовательного процесса в условиях реальной профессиональной деятельности.

Реализация всех вышеперечисленных установок возможна лишь в определенной развивающей среде, целенаправленно созданной и постоянно обновляющейся, в которой происходит постоянная смена ролевых позиций студентов — от творческого сотрудничества до самостоятельной групповой или индивидуальной работы.

Библиографический список

1. Зимняя, И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результатов образования / И.А. Зимняя // Интернет-журнал «Эйдос» http://www.eidos.ru.

2. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Стенограмма обсуждения доклада А.В. Хуторского в РАО // Интернет-журнал «Эйдос» http:// www.eidos.ru /journal/2003/0423-1.htm.

3. Корнилович, В.А. Социальная компетентность общественных подсистем: управление организационным потенциалом / В.А. Корнилович // VII Межрегиональная научно-практическая конференция студентов и аспирантов. Ч. 1. Доклады аспирантов и молодых ученых. — Новокузнецк, 2007. — С. 54—59.

4. Переломова, Н.А., Развитие субъектов образовательной деятельности посредством формирования ключевых компетенций / Н.А. Переломова // http://denza-dnem.ru.

УДК 81’253
ББК Ш143.21

ПРИЕМЫ РЕЧЕВОЙ КОМПРЕССИИ ПРИ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

И.Н. Незнанов

Рассмотрены механизмы речевой компрессии, сопутствующей процессу синхронного перевода. Основываясь на психолингвистической природе механизма компрессии, проанализированы количественные характеристики компрессии для ряда языковых комбинаций в англо-русской языковой паре. Определены основные приёмы компрессии, выделены трансформации синтаксической и лексико-семантической структуры высказывания, характерные для типичных текстов выступлений в англо-русской языковой комбинации.

Ключевые слова: речевая компрессия, сжатие текста, лексические трансформации, коммуникативная ситуация, слоговая величина.

Особенностям речевой компрессии при синхронном переводе с английского языка на русский всегда уделялось большое внимание, как со стороны практикующих переводчиков-синхронистов, так и на традиционных академических курсах обучения переводу. Необходимость компрессии очевидна и при переводе с русского на английский, особенно под влиянием ряда специфических факторов, однако особенности русской грамматики и стилистики официальных выступлений, в которых преобладают номинативные словосочетания, а также большая длина слов, усложняют задачу синхрониста по сжатию текста именно при переводе с английского на русский.

Исследуя проблему речевой компрессии, основное внимание специалисты обращают на различные трансформации синтаксической и лексико-семантической структуры высказывания, характерные для англо-русской языковой пары. Как отмечает А. Ширяев, речевая компрессия осуществляется путем синонимических и близких к ним замен словосочетаний и предложений более короткими словами, словосочетаниями и предложениями, опущением отрезков речи, дублирующих ранее выданную информацию, и опущением смысловых единиц, которые являются избыточными либо в конкретной ситуации общения, либо с точки зрения задачи коммуникации [3].

В арсенале синхрониста, таким образом, есть целый комплекс разнообразных приемов использования богатых ресурсов русского языка. Прежде всего, необходимо упростить синтаксическую структуру высказываний на английском языке с тем, чтобы превратить их в ограниченные и более стандартные по объему русские предложения. Сжатию исходного текста

также способствует интенсивное использование служебных слов вместо знаменательных, хорошо знакомых реципиенту по конкретной коммуникативной ситуации.

Осуществляя на практике речевую компрессию, синхронисты должны также помнить об одном из тезисов Р.Пиотровского о «квантовой информационной структуре текста», иными словами, о том, что информационно нагруженные элементы текста чередуются со «слабоинформативными элементами заполнения» [5].

Рассмотрим предложение:

«*Addressing nuclear non-proliferation challenge will require a sustained effort over many generations*».

и его полный перевод:

«*Решение проблемы нераспространения ядерного оружия потребует постоянных усилий на протяжении жизни многих поколений*».

С точки зрения содержания этого высказывания вне конкретной коммуникативной ситуации, избыточными в нем являются слова «*решение*», «*на протяжении*» и «*жизни*». Если эти слова опустить, то смысл высказывания существенно не изменится:

«*Проблема нераспространения ядерного оружия потребует постоянных усилий многих поколений*».

В конкретной коммуникативной ситуации, когда уже много говорилось о *проблеме нераспространения ядерного оружия*, это словосочетание можно сократить до словосочетания «*проблема нераспространения*» или даже «*эта проблема*». Таким образом, после проведенных сокращений, мы получаем следующий вариант перевода:

«*Эта проблема потребует постоянных усилий многих поколений*».

Сжатие данного текста на этом не ограничивается. В конкретной ситуации синхронного перевода можно опустить и слово «*многих*» и тогда в итоге получим:

«*Эта проблема потребует постоянных усилий поколений*».

На практике на вооружении синхрониста есть большой выбор лексических и грамматических трансформаций. Однако, в приведенном примере решение проблемы речевой компрессии осуществлено за счет всего одной лексической трансформации — приема опущения. При этом достигнуто максимальное сжатие текста без искажения его фактической составляющей.

Если слоговая величина исходного английского текста, состоявшего из 12 слов, выражалась цифрой 29, то у полного русского перевода из 13 слов она увеличилась до 46 слогов, то есть на 37 %. Это объясняется превышением средней слоговой длины слова в русском языке над средней длиной слова в английском языке, что превращает синхронный перевод этого текста в таком виде в практически невыполнимую задачу. За один и тот же отрезок времени, который ушел на произнесение английского текста, не-

обходимо будет произнести текст на русском языке, почти в полтора раза превышающий по объему исходный. При этом нельзя забывать о сложности восприятия на слух текстов, произносимых с огромной скоростью и, как часто бывает в таких случаях, с большими погрешностями в произношении и риторике.

Если же исходный текст сравнить с итоговым русским переводом, то вместо 29 слогов мы получили 20, то есть, произошло сокращение слоговой величины более, чем на 30 %. При этом, количество слов сократилось вдвое: из 12 слов в английском тексте мы получили 6 слов в русском. После такой речевой компрессии итоговый текст вполне легко усваивается любым реципиентом на формально-знаковом уровне.

При реальном решении проблемы речевой компрессии текста, как в приводимом примере, так и на практике, синхронисту следует всегда на интуитивном уровне учитывать ряд следующих факторов:

1. Общеизвестность темы выступления — чем более общеизвестна тематика ядерного разоружения, тем шире возможности сокращения текста перевода.

2. Уровень подготовки аудитории — чем лучше подготовлена аудитория к восприятию данного содержания выступления, тем шире возможности сокращения, иными словами, выступление перед специалистами позволит чаще и свободнее прибегать к речевой компрессии, чем выступление перед широкой публикой.

3. Насыщенность выступления специальными терминами — термины сужают поле речевой компрессии.

Следует помнить также о том, что производить речевую компрессию в англо-русском синхронном переводе следует, только заранее познакомившись с темой выступления. Это позволит синхронисту свободнее интерпретировать содержание и производить сжатие текста за счет использования более коротких фраз.

Для сравнения можно рассмотреть следующие исходные тексты на русском языке до и после речевой компрессии.

Исходный текст до компрессии:

«*Обмен мнениями в ходе бесед, имевших место между главами правительств в ходе только что закончившегося Московского форума, лишний раз убеждает в том, что наблюдаемое нами преимущество и инициатива совместных продуманных действий политических и государственных деятелей по преодолению кризисных явлений начинает постепенно приобретать все более четкие и ясные очертания*».

Исходный текст после компрессии:

«Обмен мнениями на недавнем Московском форуме глав правительств подтверждает превосходство их совместной борьбы с кризисом, что становится очевидным».

В рассмотренных примерах избавления от второстепенной информации присутствует целый ряд лексических и грамматических трансформаций (нулевой перевод, добавление, генерализация, модуляция, целостное преобразование структуры, изменение частей речи и членов предложения), которые выполняли одновременно несколько задач: они упрощали грамматическую структуру текста, находили нужную для переводчика лексику и, кроме того, сокращали слоговую величину исходного текста (сокращение слоговой величины более чем на 65 %). Тем самым они вместе с другими приемами речевой компрессии подготовили текст для операций на формально-знаковом уровне.

Для успешного осуществления компрессии необходимо внимательно изучить и тщательно отработать на практике все приемы сжатия текста при переводе с английского языка на русский. При этом надо понимать, что речевая компрессия реализуется специфически в каждом конкретном переводе.

Кроме того, во всех случаях практического применения речевой компрессии необходимо помнить, что это вынужденная мера и прибегают к ней в англо-русском синхронном переводе только при очень быстром темпе речи выступающего. При нормальном, умеренном темпе с английского языка на русский можно и настоятельно рекомендуется переводить все.

Библиографический список

1. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. — М.: ЭТС, 2001. — 424 с.

2. Мирам, Г.Э. Курс синхронного перевода (англо-русская языковая пара) / Г.Э. Мирам, С.В. Иванова, П.В. Амплеев. — Киев: «Эльга», 2007 — 344 с.

3. Пиотровский, Р.Г. Математическая лингвистика: монография / Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская. — М.: Высшая школа, 1977. — 256 с.

4. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика: конспект лекций / Я.И. Рецкер. — М.: Р.Валент, 2011. — 244 с.

5. Ширяев, А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода: учебное пособие / А.Ф. Ширяев. — М.: Воениздат, 1982. — 213 с.

УДК 81'322
ББК Ш111

АНАЛИЗ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ, ОРИЕНТИРОВАННЫЙ НА ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РЕФЕРИРОВАНИЯ

П.Г. Осминин

На основе анализа корпуса специальных текстов в статье выдвигается гипотеза о формальных критериях отбора информации для реферата статьи. Описывается база знаний для модели системы реферирования.

Ключевые слова: автоматизированное реферирование, база знаний; подъязык, специальный текст.

В современном мире объем информации постоянно возрастает. Для оперативной обработки этой информации применяются автоматические методы, включая автоматическое реферирование текста. Реферат — краткое точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы [4]. Рефераты текстов позволяют определить целесообразность обращения к исходному тексту. Несмотря на то, что исследования в этой области продолжаются уже более 50 лет (первая работа была опубликована в 1958 г. [1]), проблема автоматического реферирования полностью не решена, так как естественный язык неоднозначен и трудно поддается формализации.

Для достижения наилучших результатов исследователи стремятся сосредоточить усилия на построении систем автоматического реферирования для конкретных предметных областей или для специальных текстов. Специальные тексты содержат сведения, факты из определенной области знания [3] и отличаются использованием подъязыка — подсистемы языка, характеризующейся ограниченностью словаря и грамматики. К таким текстам можно отнести научные статьи. Научная статья представляет собой отчет автора о проведенном исследовании. В статье автор аргументировано излагает свое мнение по какой-либо актуальной проблеме, описывает цель исследования, методику экспериментов, представляет результаты работы, делает выводы о проделанной работе.

Одной из задач системы реферирования является отбор содержания для реферата. С целью выявления формальных критериев отбора релевантного для реферата содержания мы провели анализ корпуса объемом 105 научных статей с авторскими рефератами. Предметная область статей — математическое моделирование.

Анализ состоял в исследовании пересечений множеств предложений авторских рефератов с множествами предложений соответствующих статей. При анализе принимались во внимание следующие параметры:

- текстовая презентация одного и того же содержания в реферате и статье;
- лексические и другие маркеры релевантной для реферата информации.

В соответствии с требованиями ГОСТа [4] в тексте реферата можно выделить следующие информационные части: «Тема» — информация о предмете и теме статьи, «Цель» — информация о цели работы, «Метод» — информация о методе или методологии проведения работы, «Результат» — информация о результатах работы, области применения результатов.

Проведенный анализ показал, что порядок изложения в реферате не всегда отражает порядок представления соответствующих типов информации в статье. При составлении рефератов к статьям авторы выполняют редактирование информации, например слияние предложений, опущение некоторых частей предложений.

В статье каждый из перечисленных выше четырех типов информации, как правило, сопровождается лексическими маркерами. Для описания темы статьи могут использоваться маркеры «содержать», «глава», «раздел», для описания метода исследования могут применяться маркеры «прием», «инструмент», «находить». Например, в предложении статьи, описывающем результат работы: *«Приведем решение задачи оптимального управления с начальными условиями Коши»* использованы маркеры «приводить», «решение задачи».

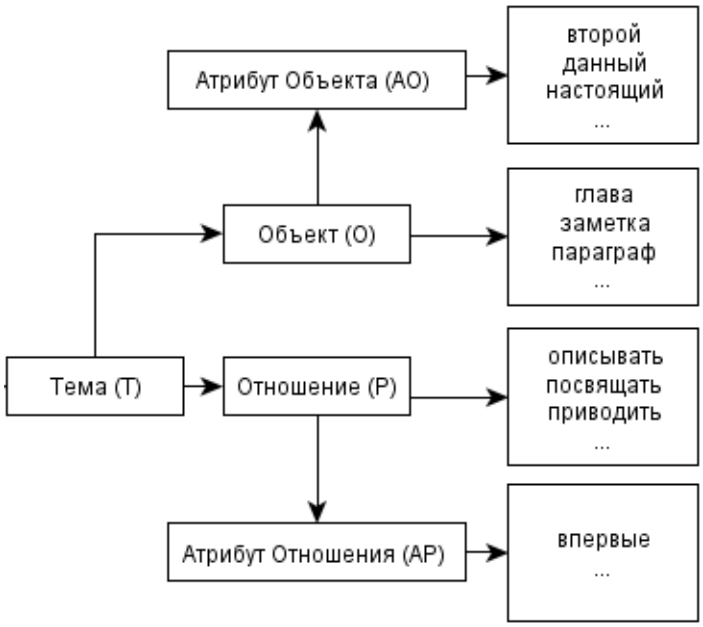
На основе проведенного анализа выдвинута гипотеза о том, что формальным критерием отбора содержания для реферата является наличие в предложениях статьи маркеров в определенной семантико-информационной и структурной корреляции.

По результатам анализа подъязыка построена база знаний модели системы автоматизированного реферирования. База знаний включает в себя следующие компоненты: списки стоп-слов и специальных сегментов, информационно-концептуальную сеть в виде корневого дерева и множество шаблонов.

Списки стоп-слов и специальных сегментов используются для удаления нерелевантной для реферата информации. Списки содержат сегменты, подлежащие удалению, либо признаки для удаления сегментов. Например, удалению подлежат вводные слова «итак», «однако», «окончательно», математические формулы. Удаляются предложения со словами «положим», «пусть», «обозначим».

С помощью второго компонента базы знаний, информационно-концептуальной сети, выделяются маркеры. На рисунке приведен фрагмент сети для информационной части «Тема». Информационно-концептуальная сеть состоит из терминальных и нетерминальных узлов и

дуг, реализующих отношение включения. Корнем дерева является концепт Реферат, в нетерминальных узлах находятся концепты, соответствующие информационным частям реферата «Тема (Т)», «Цель (А)», «Метод (М)», «Результат (R)» и семантическим типам маркеров «Объект (О)», «Отношение (Р)», «Атрибут Объекта (АО)» и «Атрибут Отношения (АР)». Термин «концепт» используется в значении «общее понятие» [2].



Фрагмент информационно-концептуальной сети

Объекты выражаются существительными и местоимениями и описывают то, о чем говорится в предложении. Отношения выражаются глаголами и описывают связи между объектами, а атрибуты выражаются прилагательными, местоимениями, наречиями они дают дополнительную характеристику объектам или отношениям. Терминальные узлы содержат лексемы, реализующие определенный тип маркера в подъязыке.

Каждому выделенному с помощью концептуально-информационной сети маркеру присваивается сетевой код — путь от терминального узла-маркера к вершине сети. Например, сетевой код маркера «глава» выглядит как ОТ (Объект-Тема), а сетевой код маркера «приводить» — РТ (Отношение-Тема).

С помощью последнего компонента базы знаний — шаблонов, осуществляется отбор информации в реферат. Шаблон — фреймовая структура, кодирующая знания о допустимой совместной встречаемости и линейной последовательности маркеров и других слов в релевантном для реферата фрагменте статьи. Если фрагмент текста подходит под шаблон, то слоты шаблона заполняются частями текстового фрагмента. В большинстве случаев шаблон извлекает фрагмент текста, ограниченный справа запятой или точкой. Шаблоны имеют вид:

ИЧ {[X] (группа (Маркер_код))},

где *ИЧ* — информационная часть реферата; X — цепочка из последовательных слов фрагмента;

группа может быть: NP — именная группа, VP — глагольная группа, AP —группа прилагательного; маркер — терминальный узел сети; код — сетевой код маркера.

Обязательные части шаблона указываются в круглых скобках, необязательные части указываются в квадратных скобках.

Ниже в качестве примера приведен один из шаблонов базы знаний:

Тема {[X] (NP[Маркер_АОТ] (Маркер_ОТ [X])) [Маркер_АРТ X] (VP(Маркер_РТ [X])) (X)}

Данный шаблон определяет следующий фрагмент статьи (жирным выделены маркеры): «*В этой* ***работе рассматривается*** *задача оптимального управления для линейного уравнения Шредингера с критерием качества Лионса*».

Отбор содержания для реферата происходит следующим образом:

1) удаление нерелевантных сегментов с помощью списка стоп-листов и специальных сегментов;

2) идентификация маркеров с помощью сопоставления лексического состава статьи с множеством терминальных узлов информационно-семантической сети;

3) наложение шаблонов из базы знаний на текст статьи;

4) оценка веса заполненных шаблонов. Вес шаблона зависит от наличия и количества маркеров во фрагменте.

Таким образом, на основе анализа корпуса специальных текстов выявлены формальные критерии отбора информации из статьи в реферат. Разработана база знаний для модели системы автоматизированного реферирования. База знаний состоит из трех компонентов: списков стоп-слов и специальных сегментов, информационно-концептуальной сети, шаблонов. Предложены этапы отбора содержания для реферата.

Библиографический список

1. Luhn, H. P. The Automatic Creation of Literature Abstracts / H. P. Luhn // IBM Journal of Research and Development. — 1958. — V. 2, № 2. — P. 159—165.

2. Большой толковый словарь русского языка: ок. 60000 сл. / сост.: В.В. Виноградов и др.; под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 1268 с.

3. Будылева, О.Н. Эксплицитная подача метаязыка географии — Режим доступа:http://cnit.ssau.ru/iatp/work/ budileva/, свободный.

4. ГОСТ 7.9-95. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация. Общие требования — введ. 1997-07-01. — М.: Изд-во стандартов, 1995. — 8 с.

УДК 378.374
ББК Ч448.44

ПРОБЛЕМА ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Е.А. Телешова

Статья посвящена проблеме трудоустройства выпускников высших учебных заведений. Целью данной работы является систематизация существующего практического опыта содействия трудоустройству выпускников и разработка стратегического плана развития кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации в аспекте трудоустройства.

Ключевые слова: трудоустройство, выпускники вузов, работодатели, содействие трудоустройству.

Проблема трудоустройства выпускников сегодня как никогда актуальна. Россия, присоединившись к Болонскому соглашению, одним из важных положений которого является трудоустройство выпускников, должна обеспечить ориентацию высших учебных заведений на конечный результат, то есть на использование полученных знаний на пользу экономики страны. В то же время сложная экономическая ситуация, сложившаяся в последнее время, отражается, прежде всего, на молодых специалистах, только начинающих свою трудовую деятельность. Последние статистические данные показывают, что большинство выпускников вузов трудоустраиваются с потерей квалификации, а многие не трудоустраиваются совсем [1]. Среди возможных способов разрешения сложившегося противоречия можно назвать организованное и контролируемое содействие трудоустройству выпускников как со стороны государства, так и со стороны высшего учебного заведения.

Государственный контроль осуществляется посредством требований, отраженных в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Национальной доктрине образования в Российской Федерации», законе Российской Федерации «Об образовании», приоритетного национального проекта «Образование» [1].

Со стороны высшего учебного заведения требуется не только обеспечение содержательных и процессуальных аспектов образования, направленных на подготовку специалистов, отвечающих требованиям рынка, но и активная деятельность по трудоустройству выпускников. Осенью 2013 года учебные заведения ждет второй мониторинг эффективности, в который будет внесен новый критерий — учет трудоустроенных выпускников. Челябинская область вошла в список

12 регионов, где опробуют показатели трудоустройства выпускников учебных заведений.

По данным социологических исследований, сложности трудоустройства выпускников связаны, прежде всего, с сокращением производства, закрытием предприятий, структурными экономическими преобразованиями, незапланированным перемещением рабочей силы, с ее невостребованностью на рынке труда [1]. Также проблемой для трудоустройства выпускников является то, что объем, структура и качество профессиональной подготовки не ориентированы на реальные потребности экономики [4].

В российской педагогике профессионального образования проблема формирования конкурентоспособности специалистов рассматривалась в социальном, экономическом, организационном и педагогическом аспектах [3].

Так, теоретические основы профконсультаций, психологическую характеристику профессиональной деятельности раскрыл Е.А. Климов. Системный подход к профессиональной информации обучающихся обосновал Б.Н. Федорин. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности сделали Т.В. Кудрявцева и В.Ю. Шегурова. Психологические механизмы развития трудового и профессионального самоопределения объяснила А.И. Сухарева. Вопросами вузовской организации трудоустройства выпускников занимается Л.И. Сазонова. Большое внимание организационным и методическим основам создания и функционирования государственной системы содействия трудоустройству и занятости выпускников учреждений высшего профессионального образования уделено в работах Е.П. Илясова [2; 5]. Большинство исследований носит фундаментальный характер, рассматривая все уровни государственной системы образования, от федерального до регионального и вузовского.

Целью данной работы является систематизация существующего практического опыта содействия трудоустройству выпускников и разработка стратегического плана развития кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации в этом аспекте до 2020 года.

Создание системы профориентации и содействия трудоустройству предусматривает помощь студентам и выпускникам факультета в их трудоустройстве в соответствии с квалификацией, а также отслеживание трудоустройства выпускников их продвижение по карьерной лестнице.

Для достижения обозначенной цели предусмотрено осуществление деятельности по следующим направлениям:

– непосредственная деятельность по трудоустройству выпускников;
– переподготовка и дополнительное профессиональное обучение;

– организация системы учета, анализа и обобщения данных о трудоустройстве выпускников.

Охарактеризуем указанные направления деятельности кафедры.

Организация непосредственной деятельности по трудоустройству выпускников предусматривает различные формы работы, которые условно можно разделить на две группы:

– взаимодействие с работодателями;

– взаимодействие со студентами.

Взаимодействие с работодателями реализуется по следующим направлениям:

– составление и обновление базы данных работодателей, желающих принять выпускников факультета (по итогам работы комиссии по содействию трудоустройству выпускников);

– заключение договоров о сотрудничестве;

– привлечение работодателей к участию в учебном процессе и научно-исследовательской работе обучающихся;

– согласование с работодателями содержания производственных практик;

– подбор выпускников на вакантные должности по заявкам работодателей;

– поддержание связи с работодателями по вопросам качества подготовки специалистов и ее содержанию.

Взаимодействие со студентами предполагает работу по следующим направлениям:

– проведение работы со студентами в целях повышения их конкурентоспособности на рынке труда посредством их профориентации, помощь в составлении профессионального резюме, сопроводительных писем, консультаций по прохождению собеседований;

– информирование обучающихся и выпускников о состоянии и тенденциях рынка труда (спросе и предложениях);

– организация временной занятости студентов;

– организация стажировок и учебно-производственных практик, предусмотренным учебным планом;

– разработка методических материалов по вопросам содействия трудоустройству выпускников.

Кроме того, с целью повышения конкурентоспособности студентов факультета предусмотрена переподготовка и дополнительное профессиональное обучение. Данное направление работы факультета осуществляется в рамках подготовки выпускников по дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Большое значение уделяется и работе с выпускниками факультета. Деятельность по организации системы учета, анализа и обобщения данных о трудоустройстве выпускников включает в себя:

– создание и ведение базы данных о выпускниках факультета с целью оценки удовлетворенности выпускников полученной профессиональной подготовкой;

– мониторинг динамики профессионального роста и развития карьеры наиболее успешных выпускников; учет их замечаний и пожеланий;

– приглашение выпускников на встречи со студентами;

– освещение профессиональных успехов выпускников в средствах массовой информации (газета «Технополис»).

Рынок труда характеризуется, с одной стороны, ужесточением требований работодателей, с другой — высокими притязаниями молодежи. Вопреки существующему представлению о том, что значительная часть современной молодежи, получив диплом, ищет работу вне сферы своих профессиональных интересов, основываясь на меркантильных соображениях, анкетирование, проведенное среди выпускников нашего факультета, показало, что среди переводчиков 82 % выпускников хотели бы работать по специальности, среди преподавателей — 78 % выпускников. Но исследования продемонстрировали трезвый прагматичный взгляд современных молодых людей на свою будущую работу. Задача приведения в соответствие спроса и предложения на рынке труда отводит особую роль учебному учреждению профессионального образования, которое является не только посредником, но и активным участником данного процесса.

Библиографический список

1. Жигадло, А.В. Качество подготовки и трудоустройство молодых специалистов: социологический аспект / А.В. Жигадло, В.П. Пузиков // Высшее образование в России. — 2007. — № 10. — С. 108—112.

2. Илясов, Е.П. Цель — трудоустройство выпускников / Е.П. Илясов // Человеческие ресурсы. —2002. — № 2. — С. 7—11.

3. Российская педагогическая энциклопедия / гл. ред. А.П. Горкин. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999. — 865 с.

4. Сазонова, Л.И. Трудоустройство выпускников как основной критерий качества образовательной услуги / Л.И. Сазонова // Гарантии качества профессионального образования. — Барнаул: Алт ГТУ, 2010. — С. 64—69.

5. Энциклопедия содействия трудоустройству. Эффективные методы работы региональных центров содействия трудоустройству выпускников учреждений профессионального образования: методические рекомендации: в 7 т. / гл. ред. Е.П. Илясов. — М.: МЦПТ МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2006. — Т. 4. — 88 с.

УДК 378.016:81
ББК Ч448 + Ш100

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Л.Л. Ткачёва

В современных условиях от студентов-лингвистов требуется сформированность иноязычной компетенции, в частности лексического компонента. В статье указываются основные проблемы формирования данной компетенции у студентов-лингвистов и пути решения этих проблем.

Ключевые слова: компетенция, лексическая компетенция, проблемы, задания, упражнения.

В условиях глобализации, когда процесс общения между странами упрощается благодаря средствам электронной связи и интернету, а с другой стороны усложняется из-за большого потока информации и необходимости быстро и качественно ее передавать, студент-лингвист должен исполнять роль связующего звена. И поэтому, к современному уровню подготовки студентов-лингвистов предъявляются более высокие и конкретные требования. Если мы обратимся к государственному стандарту третьего поколения по подготовке бакалавров лингвистики, то можно выделить несколько необходимых профессиональных компетенций, без сформированности которых образование студентов-лингвистов может считаться не полным, а именно:

- владеет системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностей (ПК-1);
- умеет свободно выражать свои мысли, адекватно используя разнообразные языковые средства с целью выделения релевантной информации (ПК-5);
- владеет основными особенностями официального, нейтрального и неофициального регистров общения (ПК-6);
- обладает готовностью преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения (ПК-7);
- умеет моделировать возможные ситуации общения между представителями различных культур и социумов (ПК-19).

Как видно из представленных выше профессиональных компетенций, первое место занимает иноязычная компетенция. Понятие иноязычной

компетенции, а именно иноязычной коммуникативной компетенции, является сложным явлением, состоящим из нескольких субкомпетенций.

Как было сказано выше, понятие коммуникативной компетенции является довольно неоднородным и существуют различные подходы к его классификации. Например, Д. Хаймс выделил следующие субкомпетенции: *лингвистическую* (правила языка), *социально-лингвистическую* (правила диалектной речи), *дискурсивную* (правила построения смыслового высказывания), *стратегическую* (правила поддержки контакта с собеседником) [3].

Р.П. Мильруд предложил такие составляющие коммуникативной компетенции, как: *грамматическая* (знание правил лексики, грамматики, фонетики), *прагматическая* (знание того, как передать основную мысль), *стратегическая* (знание того, как передать эту основную мысль в различных ситуациях общения), *социокультурная* (знание этикета, национального менталитета и ценностей) [1].

Одна из самых подробных классификаций коммуникативной компетенции была предложена Л. Бахманом. Согласно его классификации она состоит из: *языковой* (осуществление высказываний на иностранном языке возможно только на основе усвоенных знаний, понимания языка как системы), *дискурсивной* (связность/cohesion, логичность\coherence, организация\pattern высказывания), *прагматической* (умение передать коммуникативное содержание/message в соответствии с социальным контекстом), *разговорной* (на основе лингвистической и прагматической компетенций, уметь говорить связно, без напряжения, в естественном темпе, без пауз и поиска языковых форм), *стратегической* (умение использовать коммуникативные стратегии для компенсации недостающих знаний в условиях реального языкового общения), *социально-лингвистической* (умение выбирать языковые формы, знать, когда говорить, когда нет, с кем и в какой манере) [2].

При существующих классификациях иноязычной коммуникативной компетенции, мы хотели бы уделить большее внимание лингвистической (по Д. Хаймсу), или грамматической (по Р.П. Мильруду), или языковой (по Л. Бахману) компетенции, а именно, лексической ее составляющей, так как без знаний лексики невозможно осуществлять общение на иностранном языке.

Итак, сформированность лексической компетенции является одним из залогов успеха любого студента-лингвиста. В современных условиях межнационального общения, когда появляются все новые слова и идиоматические выражения, когда словарный запас любого языка увеличивается пропорционально, студент-лингвист должен пополнять свой словарный запах, не только активной, но и пассивной лексикой.

В связи с этим возникает ряд проблем, которые мешают формировать лексическую составляющую иноязычной компетенции. В данной статье

хотелось бы остановиться на нескольких проблемах, которые мы выделили в ходе работы со студентами-лингвистами, особенно на занятиях по домашнему чтению.

Нередко преподаватели, ведущие аспект «Домашнее чтение», удивляются тому факту, что при наличии огромного количества новых слов и выражений, с которыми они работают на занятиях, словарный запас студентов остается скудным. Студенты испытывают трудности не только работая близко к тексту, обсуждая прочитанное, но и в выражении собственных мыслей по прочитанному.

На наш взгляд можно выделить следующие проблемы:

- во-первых, на занятиях по домашнему чтению осуществляется формальный подход к работе с лексикой самим преподавателем. Работа с лексикой сводится к заучиванию слов и выражений со стороны студентов и к последующей проверке лексики при помощи лексических или переводных диктантов со стороны преподавателя. Данный формальный подход не позволяет в должной мере осуществлять формирование иноязычной коммуникативной компетенции, так как он не соблюдает последовательность этапов работы с лексикой. Как известно, работа с лексикой должна состоять из строго последовательных этапов, а именно: *ознакомление, первичное закрепление, применение, совершенствование*. Ознакомившись с текстом дома, переведя и вызубрив слова, не зная, как они применяются в любом другом контексте, студенту-лингвисту очень сложно удержать их в долгосрочной памяти. Такие слова быстро забываются, в лучшем случае переходя в пассивный словарный запас;
- во-вторых, на занятиях мало времени отводится продуктивным видам речевой деятельности, особенно говорению. Иначе говоря, студенты-лингвисты мало общаются на иностранном языке, нет выхода в неподготовленную спонтанную речь, что также препятствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции. Большую часть времени преподаватель посвящает работе с новой лексикой, уделяя время репродуктивным упражнениям и заданиям. Таким образом, идет работа на этапе первичного закрепления лексики, но страдают следующие более важные этапы (применение и совершенствование);
- в-третьих, не соблюдается поэтапность формирования иноязычной коммуникативной компетенции, в общем, и лексической компетенции в частности. На наш взгляд, формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов-лингвистов должно иметь строгую последовательность. На 1 курсе должно происходить обогащение словарного запаса (активного и пассивного). Для этого целесообразно проводить лексические диктанты, работать с новым лексическим материалом, то есть упор должен быть на первичное закрепление лексики. На 2 курсе больший упор должен делаться на закрепление и применении нового лексического материала,

что может вовлекать больше общения и творчества со стороны студентов-лингвистов. На 3 курсе целесообразно заниматься применением лексического материала в новых ситуациях общения, обсуждая прочитанные книги и делясь своим опытом из жизни. На 4 курсе упор должен делаться на совершенствование лексической компетенции, благодаря таким заданиям, как мозговой штурм, различным видам дискуссии, стратегии «Уголки» и другим.

Можно сделать вывод о том, что если будут решены вышеуказанные проблемы, то процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов-лингвистов будет проходить более продуманно и эффективность иноязычной компетенции будет значительно выше. Студенты-лингвисты смогут вполне соответствовать всем требованиям, предъявляемым к бакалаврам лингвистики на современном этапе высшего обучения.

Библиографический список

1. Мильруд, Р.П. Компетентность и иноязычное образование / Р.П. Мильруд // сборник научных статей. — Таганрог, 2004. — С. 65—79.

2. Bachman, L. Fundamental Considerations in Language Testing. / L. Bachman. — Oxford University press, 1990.

3. Hymes, D. On Communicative Competence / D. Hymes. — University of Pensilvania Press, 1971. — 125 p.

УДК 81-26:347.78.034
ББК Ш107.7

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

О.А. Толстых

На примере сказки Р. Киплинга рассматриваются основные проблемы перевода художественных текстов в лингвокультурологическом аспекте: проблема эквивалентности в целом, специфичность семантики языковых знаков в разных языках, несовместимость языковых картин мира, национально-культурные расхождения.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; лингвокультурная трансляция; языковая картина мира; проблема эквивалентности.

В настоящее время во всех без исключения лингвистических исследованиях большее внимание уделяется вопросам, связанным с национально-культурной спецификой языков, с национальным своеобразием образа мира или языковой картиной мира, сложившейся у лингвокультурной общности. Современное переводоведение также активно заимствует терминологию, методологию и достижения теории межкультурной коммуникации, подчеркивая при этом особую роль переводчика во взаимодействии языков и культур. Перевод как особый вид речевой деятельности понимается как одно из основных и общепринятых средств межкультурной коммуникации, переводчик зачастую выступает в роли посредника в обмене научной информацией, который должен быть не только билингвом, но и бикультурной личностью.

А.В. Подстрахова справедливо отмечает, что «в результате переводческой деятельности возникает новый текст, адекватно заменяющий текст оригинала в другой культуре, другом языке, другой коммуникативной ситуации. Именно на этом пути находится способ достижения эквивалентности двух текстов, которая предполагает не абсолютную их тождественность, а достаточную общность для целей коммуникации в конкретных условиях» [4].

Основным в данном аспекте и наиболее проблематичным остается вопрос об эквивалентности перевода оригиналу, особенно в области художественного перевода в силу некоторой относительности самого результата процесса перевода. Здесь громогласно заявляет о себе проблема эквивалентности применительно к каждому конкретному тексту.

«Каждый язык и каждая культура зорко стерегут своих подданных и ставят препятствия разного рода, «воюют» с другими языками и культурами», — пишет С.Г. Тер-Минасова [5]. Таким образом, языковые и куль-

турные барьеры, именуемые также национально-культурными расхождениями, составляют одну из фундаментальных трудностей в переводе.

Расхождения в языковых картинах мира у представителей английской, американской, немецкой, французской, итальянской, русской и других лингвокультурных общностей вызывают непременные «сбои» в процессе опосредованной двуязычной коммуникации. В этой связи представляется важной особая функция перевода — нейтрализация культурных барьеров и передача содержания художественного текста с особым вниманием к его «культурным» компонентам.

Небезызвестно, что наибольшее число проблем в межкультурной коммуникации возникает при переводе информации с одного языка на другой. Точный перевод невозможен из-за различий в картинах мира, поэтому достижение эквивалентности двух текстов предполагает уже не абсолютную их тождественность, а достаточную общность для целей коммуникации в конкретных условиях. При этом вопрос об эквивалентности перевода оригиналу остается по-прежнему актуальным в теоретическом и прикладном плане.

Итак, при лингвокультурной трансляции художественных текстов на первый план выступает проблема эквивалентности перевода — одна из центральных проблем переводоведения. Во-первых, абсолютной эквивалентности (тождества) при переводе невозможно достичь в силу целого ряда причин, наиболее важными из которых, по мнению известного французского лингвиста и переводчика Ж. Мунэна, являются следующие:

– специфичность семантики языковых знаков в разных языках;
– несовместимость «картин мира», создаваемых языками;
– различия в самой реальности, культуре и цивилизации носителей разных языков [3].

Исследователи выделяют, прежде всего, языковые трудности: открытые (грамматика, фонетика) и скрытые (объем семантики, лексико-фразеологическая сочетаемость). Следующая группа трудностей — культурно-языковые. Открытые — безэквивалентная лексика (блины, большевики, мачете и т. д.), отсутствие в культуры реалии и скрытые (обманчивая эквивалентность). Третья группа трудностей — социокультурные коннотации. Особо сложными для передачи оказываются цифры, цвета, символы. Их необходимо «переодеть», именно этот термин используют переводчики, сталкиваясь с непереводимым явлением.

Самыми сложными в межкультурной коммуникации оказываются ситуации, когда одно и то же понятие по-разному — избыточно или недостаточно — выражается в разных языках (классические примеры про снег в языке эскимосов или верблюдов в языке арабов).

Основная проблема лингвокультурной трансляции заключается в том, что значение слова не исчерпывается одним лишь лексическим понятием

(денотацией слова), а в значительной степени зависит от его лексико-фразеологической сочетаемости и коннотации. Привычные в родном языке, языковые выражения становятся абсолютно непонятными иностранцам. Из сказанного выше можно заключить, что один язык дает возможность не выражать разницы между определенными понятиями, в то время как другой язык вынуждает пользующегося им обязательно выразить эту разницу.

Помимо проблем, связанных с лексико-фразеологической сочетаемостью слов, существует проблема несоответствия между культурными представлениями разных народов о тех или иных предметах и явлениях реальности, которые обозначены эквивалентными словами этих языков.

В качестве примера трудностей лингвокультурной трансляции в области художественного перевода обратимся к вариантам перевода сказки Р. Киплинга *The Cat that Walked by Himself* (1902) на русский язык.

На данный момент существуют три варианта перевода, каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки:

1) К.Чуковский «Кошка, которая гуляла сама по себе»;

2) Л.Б. Хавкина «Как кот гулял, где ему вздумается»;

3) Е.М. Чистякова-Вэр «Кот, который гулял, где хотел».

Наиболее известным и классическим является вариант перевода, выполненный К. Чуковским, однако проблема лингвокультурной трансляции заявляет здесь о себе с первых строк произведения. Сравним оригинал и перевод следующего отрывка:

«Ear and attend and listen; for this befell and behappened and became and was, O my Best Beloved, when the Tame animals were wild. The Dog was wild, and the Horse was wild, and the Cow was wild, and the Sheep was wild, and the Pig was wild — as wild as wild could be — and they walked in the Wet Wild Woods by their wild lones. But the wildest of all the wild animals was the Cat. He walked by himself, and all places were alike to him» [1].

«Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумей, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было ещё в ту далёкую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая — и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам. Но самая дикая была Дикая Кошка — она бродила, где вздумается, и гуляла сама по себе» [2].

В сказке насчитывается 7 персонажей-животных: пес (dog), конь (horse), корова (cow), овца (sheep), свинья (pig), кот (cat) и летучая мышь (bat). Рассмотрим их более внимательно.

Пес (dog) — один из главных мужских персонажей, он смелый, отважный, первый из всех животных направился к пещере человека, это образец покорности и услужливости. Конь (horse) также наделяется Киплингом мужским родом. Корова (cow) — единственный персонаж-животное жен-

ского пола. Овца (sheep), Свинья (pig) и Летучая мышь (bat) не получили в английском языке никаких признаков грамматической категории рода и выступают в качестве второстепенных персонажей. Интересно, что в переводе в силу национально-языковой специфики пол большинства животных оказался противоположным.

Особое положение занимает в данной сказке образ Кота (cat). Во-первых, кот наделяется автором грамматической категорией мужского рода и играет главную роль в сказке. Он важен и свободолюбив, предпочитает держаться в стороне от людей и не принимать их подарков. Во-вторых, Кот — самое хитрое и умное животное в сказке, он получает от людей блага, практически ничего не возвращая взамен.

Литературоведам хорошо известен тот факт, что киплинговский кот — это прототип домашнего кота жены Р. Киплинга, Каролины, подаренного ей мужем, а сама сказка, по одной из версий, была адресована жене писателя, так как их сиамский любимец любил уходить из дома и бродить по ночному лесу. Кот в сказке Р. Киплинга — это, прежде всего, символ свободы и независимости, к которой стремились многие колонии, мечтающие вырваться из-под гнета Британской Империи. Во многих восточных странах кошка — хранительница домашнего очага и символ уюта, а кот — символ свободолюбия и отсутствия привязанности к дому.

Таким образом, результатом данной лингвокультурной трансляции оказался полностью утраченный при переводе смысл художественного произведения: Кот — символ мужской мудрости, которую не смогла покорить женщина, приручившая почти всех животных, явившихся к ней в пещеру.

Библиографический список

1. Kipling, R. The cat that walked by himself / R. Kipling. Access mode: http:// www. boop.org/jan/justso/cat.htm.

2. Киплинг, Р. Кошка, которая гуляла сама по себе // Сказки / Р. Киплинг. — М.: «Махаон», 2010. — С. 75.

3. Мунэн, Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт / Ж. Мунэн // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — С. 36—41.

4. Подстрахова, А.В. Перевод юридического текста: проблемы лингвистической и межкультурной коммуникации / А.В. Подстрахова // Международный научно-практический электронный журнал «INTER-CULTUR@L-NET». — Выпуск 4. Режим доступа: http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v4/v4_ar13.htm.

5. Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур / С.Г. Тер-Минасова. — М.: «Слово», 2008. — С. 121.

УДК 81.232
ББК Ш100.0

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ УСТНОЙ РЕЧИ

Т.В. Финаева

В статье проводится сравнительный анализ восприятия и понимания устной речи с точки зрения традиционного и компетентностного подходов к обучению. Сравниваются объект восприятия и понимания, цель обучения, характер деятельности слушающего, результат. Рассматриваются термины «аудирование» и «перцептивная компетенция». По результатам проведенного анализа предлагается новая трактовка понятия «перцептивная компетенция».

Ключевые слова: компетентностный подход; аудирование; коммуникативная компетенция; перцептивная компетенция.

Компетентностный формат представления результатов профессионального образования, закрепленный в федеральном государственном образовательном стандарте, требует переосмысления методологической основы процесса обучения.

Как отмечается в исследованих [5], компетентностный подход не может автоматически заменить традиционный, основанный на знаниях, умениях и навыках, так как компетенция не является простой суммой ЗУНов, и несмотря на схожесть некоторых элементов, эти феномены концептуально различны. Более того, подчеркивается, что компетенция является интегративным понятием, а компетентности являются целостными, нерасчленимыми, системными образованиями [3, 5].

В традиционной модели обучения иностранным языкам (сознательно-практический метод обучения), основанной на теории речевой деятельности, которая предполагает овладение четырьмя видами речевой деятельности (рецептивными – аудированием и чтением, и продуктивными – говорением и письмом), а также связанными с ними тремя аспектами языка (лексикой, фонетикой, грамматикой) [4, 6], смысловое восприятие устного сообщения (аудирование) относится к рецептивным видам речевой деятельности и состоит из восприятия языковой формы и понимания содержания высказывания, которое делится на словесное и предметное, при этом целью обучения является выработка таких аудитивных умений, при наличии которых форма и содержание не расчленялись бы [2]. В этой системе подробно изучены трудности восприятия речи на слух, механизмы аудирования, разработаны таксономии аудитивных умений и системы упражнений (см. работы И.А. Зимней, Н.В. Елухиной, Н.И. Жинкина, Я.М. Колкера, Н.Д. Гальсковой и др.). С точки зрения традиционной модели обучения,

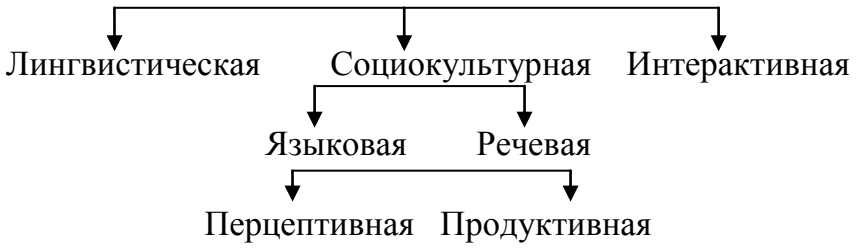
структуру аудирования можно представить следующим образом: объектом восприятия и понимания является язык и речь, целью обучения являются языковые и речевые знания, навыки и умения аудирования, деятельность слушающего имеет рецептивный (пассивный) характер, результатом становится понимание чужой мысли и реакция слушателя.

Рассмотрим данную структуру с позиций современного состояния лингвистической и педагогической науки. Обобщая результаты многочисленных исследований (см. работы G. Buck, G. White, M. Rost, Д.В. Агаповой, Д.В. Позняк, И.В. Щукиной и др.), относительно характера деятельности слушающего можно сделать вывод о том, что процесс восприятия и понимания устной речи является *активным* процессом, в котором значительная роль принадлежит слушающему. В частности, это отражается в современных определениях термина «аудирование», где появляются такие характеристики как *целенаправленное* восприятие, *активны*й когнитивный характер, способность *управлять* процессом восприятия и понимания иноязычной устной речи.

Также отмечается [7], что объект восприятия и понимания выходит за рамки буквального значения текста и включает в себя восприятие и понимание ситуативного и социокультурного контекста, необходимого для успешной интерпретации звучащего текста. Единство текста и контекста, лингвистических и социокультурных компонентов определяется как дискурс, который трактуется как коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и других знаковых комплексов в определенных контекстах общения. Таким образом, современные исследователи сходятся в своем мнении о том, что обучать следует не языку, а культуре, при этом объектом изучения становится не язык как автономное образование, а дискурс как совокупность вербальных и невербальных комплексов в определенных контекстах общения. Вследствие этого, результатом процесса восприятия и понимания речи становится представление о картине мира партнера по коммуникации.

В русле компетентностного подхода целью обучения является формирование компетенции, а результатом является компетентность. Структура коммуникативной компетенции рассматривалась многими исследователями весьма подробно. Как правило, в коммуникативную компетенцию включаются языковая, речевая, социокультурная, предметная, профессиональная, дискурсивная, стратегическая, страноведческая, социальная, прагматическая компетенции. При всех прочих переменных, исследователи сходятся во мнении, что обязательными компонентами коммуникативной компетенции являются языковая компетенция (овладение аспектами языка) и речевая (развитие коммуникативных умений в четырех видах речевой деятельности).

Однако данная модель имеет определенные ограничения. Во-первых, данная модель дискретна, ее компоненты рассматриваются как составляющие, но все же вполне самостоятельные части. При таком подходе аудирование является составной частью речевой компетенции, но никак не включается в социокультурную, интерактивную, прагматическую, дискурсивную и т.д. компетенции, тем не менее ни одна из них невозможна без восприятия и понимания соответствующих компонентов на слух. С другой стороны, и понимание, как уже было указано выше, невозможно без учета ситуативного контекста, социокультурного контекста и интерактивности. При учете всей совокупности данных факторов представление слушающего о картине мире партнера по коммуникации будет более точным, а собственное коммуникативное поведение будет более адекватным. Нам представляется возможным использовать для описания данной способности термин «перцептивная компетенция», предложенный Д.В. Агаповой [1], который она определяет как «процесс слушания, понимания и реакции, сопровождающей понимание сообщение или его непонимания, а также процесс принятия и приятия (или непринятия и неприятия) собеседника» (см. рисунок).



Коммуникативная компетенция (по Агаповой Д.В.)

В трактовке Д.В. Агаповой отражены такие характеристики перцептивной компетенции как активность процесса восприятия и понимания, интерактивность, влияние на коммуникативное поведение.

Мы предлагаем расширить понятие перцептивной компетенции и изменить ее место в структуре коммуникативной компетенции. По нашему мнению, перцептивная компетенция:

- является одной из сторон коммуникативной компетенции как интегративного явления;
- представляет собой активный процесс восприятия и понимания дискурса как совокупности текста, ситуативного контекста, культурного контекста и интерактивности;
- ее продуктом является представление о картине мира партнера по общению;
- ее результатом является коммуникативное поведение слушающего.

Таким образом, компетентностный подход к пониманию устной речи приводит к соответствующим изменениям в образовательной парадигме (см. таблицу).

Изменение образовательной парадигмы

	Традиционный подход		Компетентностный подход
содержание обучения	«язык — речь»	→	дискурс
цель обучения	ЗУНы	→	компетенции
характер деятельности	репродуктивный (пассивный)	→	перцептивный (активный)
термин	аудирование	→	перцептивная компетенция дискурса

Библиографический список

1. Агапова, Д.В. Формирование перцептивной компетенции аудирования как компонента межличностного общения у студентов 1-2 курсов языкового факультета (на примере английского языка): дис. … канд. пед. наук / Д.В. Агапова. — СПб., 2004. — 212 с.

2. Азимов, Э.Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — СПб: Златоуст, 1999г. — 472 с.

3. Звездова, А.Б. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании / А.Б. Звездова, В.Г. Орешкин. — http://www.miep.edu.ru/ uploaded/ zvezdova_oreshkin.pdf.

4. Колесникова, И.Л. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / И.Л. Колесникова, О.А. Долгина. — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», Cambridge University Press, 2001 г. — 224 с.

5. Материалы для опытно-экспериментальной работы в рамках Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года. — http:// tyristi.edusite.ru/DOKUMENT/kompetentnostnyiypodxodkaksposobdostijeniyanovogokachestvaobrazovaniya.doc.

6. Соловова, Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей / Е.Н. Соловова. — 4-е изд. — М.: Просвещение, 2006. — 239 с.

7. Финаева, Т.В. Современные подходы к пониманию устной речи / Т.В. Финаева // Лингвистика в контексте культуры: мат-лы V Международной научно-практической конференции (Челябинск, 28-30 ноября 2012г.) / под общ. ред. Е.В. Харченко. — Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2012. — С. 266—268.

УДК 811.111
ББК Ш101

КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ФОНЕТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А.А. Хомутова

Определяется понятие фонетической компетенции и выделен один из ее компонентов — когнитивный. Представлено содержание когнитивного компонента фонетической компетенции.

Ключевые слова: фонетика, методика преподавания, коммуникативная компетенция, английский язык.

Ведущей целью подготовки профессионального лингвиста является формирование иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК). ИКК — это многокомпонентное явление. Фонетическая компетенция (ФК) выступает составной частью ИКК, так как язык как средство международного общения, прежде всего, проявляется в звуке как на сегментном, так и сверхсегментном уровне, в самой манере звукового поведения, что обеспечивает понимание смысла высказывания, а, следовательно, обеспечивает достижение целей коммуникации.

Мы рассматриваем ФК как способность воспринимать и воспроизводить речевое произведение в соответствии с нормами изучаемого языка с учетом коммуникативной цели и условиями общения. Генезис понятия ФК требует учета положения о существовании «звуков речи, данных нам в опыте» [1]. ФК тесно связана с речепроизводством (то есть говорящий произносит звуки), восприятием речи (то есть, как воспринимаются звуки слушателем) и анализом речи. Иными словами, звуковые изменения, структурированные в рамках конкретной фонологической системы, выступают глубинной материальной основой всех речевых умений и навыков. Связь ФК с другими составляющими ИКК осуществляется через функцию выражения и понимания смысла, которая и регулирует становление ФК [2].

ФК выступает частью лингвистической компетенции и предполагает:

- знания об артикуляторной базе изучаемого языка, знания о строении органов речи, механизме голосообразования, специфике артикуляции звуков, знание просодии, знания об интонации, знание основных фонетических явлений и терминов;
- знания о способах артикуляции звуков в родном языке, например знания о сходстве / различии звуков, типах интонации, которые позволяют обеспечить перенос или избежать интерференции в овладении иноязычным произношением;
- знания об особенностях официальных и неофициальных стилях речи, диалектах;
- умения применять знания на практике и строить высказывания, адекватные целям и условиям коммуникации.

Когнитивный компонент представляет собой готовность к коммуникативно-мыслительной деятельности, направленной на овладение содержательным предметом общения. Он включает знания о фонологической системе изучаемого языка, которые отражают существующие в языке звуковые явления различных уровней — звука/фонемы, слова и предложения, отношений между графемой и фонемой, транскрипционное обозначение, фонологические средства общения, фонетическую терминологию [3].

В отечественной лингвистике язык рассматривается в тесной связи с мышлением, культурой, психологической деятельностью, а речевое высказывание определяется как отправная точка лингвистических процедур. Каждое речевое высказывание требует для своей реализации одной их двух языковых форм — фонетической или графической. При этом фонетическую форму следует рассматривать как первичную, так как она является предпосылкой для порождения и восприятия письменных сообщений.

Таким образом, ФК имеет сложный многоаспектный характер, что проявляется в ее интегративной сущности и разном уровне владения ее основными составляющими, одной из которых является когнитивная.

Когнитивный компонент ФК включает в себя 6 компонентов: артикуляторный, акустический, коммуникативный, интонационный, транскрипционный и просодический.

Артикуляторный компонент предполагает знание учащимися особенностей работы органов артикуляции при произнесении каждого звука; раздельное формирование произносительных и связанных с ними слуховых навыков; необходимость тщательной отработки каждого звука независимо от его смыслоразличительных функций в слове; тренировка произносительного аппарата, которая позволит ему осуществлять усвоенные артикуляции автоматически.

Акустической компонент связан с опорой на слуховое восприятие речи и ее имитацию. Усвоение звуков идет в речевых структурах, моделях. Вырабатывается фонематический слух, то есть способность различать звуковой состав речи и синтезировать значение при восприятии речи.

Одним из самых важных выступает коммуникативный компонент. Значимыми, на наш взгляд, являются следующие положения, выдвигаемые Е.И. Пассовым [4]:

1) произносительные характеристики речи следует считать сущностными характеристиками, так как нарушение произносительных норм препятствует общению;

2) произносительная сторона речевой деятельности имеет свои параметры: акустический, моторный и смыслоразличительный. Именно эти параметры, их стабильность является основой нормативности речи. В речи фонетические единицы взаимно детерминируют друг друга, а вырванные из контекста, лишаются своей главной характеристики — смыслоразличи-

тельной. Поэтому, на наш взгляд, необходимо исходить из того, что, признавая важность создания технической базы произношения, то есть артикуляционной базы произношения, важно сделать акцент на реализацию звука в речи, что должно обеспечить членораздельность всего речевого потока.

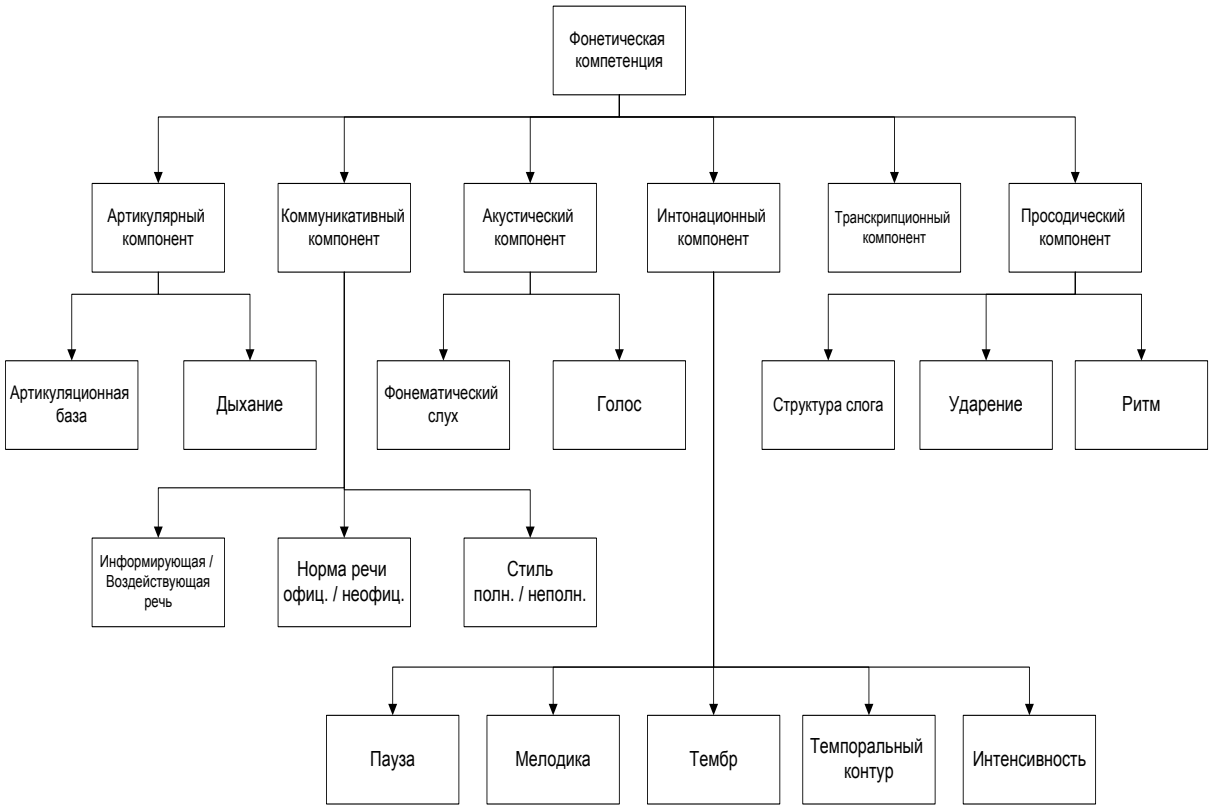
Интонация относится к супрасегментным фонологическим средствам языка и служит важнейшим средством различения смысла воспринимаемой на слух речевой цепочки. Как сложное образование интонационный компонент включает: *мелодику,* или различные формы движения тона в звучащем предложении; *темпоральный контур* (*длительность и темп)*; *интенсивность; паузы*; *тембровые варианты*.

В целях практического обучения языкам фонетическая транскрипция становится совершенно необходимой. Фонетическая транскрипция определяется D. Jones как однозначная система, представляющая произношение на письме, согласно которой каждой фонеме языка соответствует только одна буква алфавита [1], поэтому транскрипционный компонент входит в содержание когнитивного компонента ФК.

Зарубежные [5 и др.] и отечественные исследователи [6 и др.] выделяют разные просодические характеристики речи — «prosodies», компонентный состав которых не имеет точного определения. Анализ работ показал, что к просодическим характеристикам первые относят *структуру слога, ударение, тон, темп, ритм, громкость, тембр,* а вторые - *тон, паузацию, громкость, темп, ритм и ритмико-мелодические характеристики*.

Согласно данному анализу, мы относим к просодии *слоговую структуру, ударение* и *ритм.*

Лингвистическими основами формирования ФК выступает фонетика как система научного знания о звуке, которая позволяет устанавливать типологию трудностей в связи с межъязыковой и внутриязыковой интерференцией и обеспечивает методическую организацию фонетического материала. Когнитивный компонент включает в себя знания об устройстве органов речи, классификации согласных/гласных звуков, артикуляции звуков, фонемах и их аллофонах, фонологических процессах (аспирация, палатализация), просодических признаков (слоговая структура, ударение), транскрипции, интонации. Содержание когнитивного компонента ФК представлено на рисунке.



Содержание когнитивного компонента ФК

Библиографический список

1. Гвишиани, Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии): монография / Н.Б. Гвишиани. — М.: Высш. шк., 1986. — 280 с.

2. Павлова, С.В. Формирование произносительных основ иноязычной речевой деятельности. Стратегия и методология / С.В. Павлова. — Курск, 2002. — 180 с.

3. Хомутова А.А. Формирование фонетической компетенции на основе мультимедиа (английский язык, языковой вуз). Автореферат-дисс. на соиск. уч. ст. канд. пед. наук / А.А.Хомутова. — Тамбов, 2007. — 21 с.

4. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. — 2-е изд. — М.: Просвещение, 1991. — 223 с.

5. Firth, J.R. The use and distribution of certain English sounds. — In: Papers in linguistics / J.R. Firth. — London; New York; Toronto, 1957. — P. 34—47.

6. Соколова, М.А. Практическая фонетика английского языка: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / М.А. Соколова и др. — М.: ВЛАДОС, 2001. — 384 с.

УДК 81.42
ББК Ш100.0

НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МОДЕЛЬ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ

Т.Н. Хомутова

Рассматриваются вопросы интегрального характера языка и текста, процесса речепорождения. Анализируется связь научной коммуникации, языка и сознания. Предлагается интегральная модель научной коммуникации.

Ключевые слова: научная коммуникация, интегральная теория, научный текст, порождение речи, модель, язык, сознание.

В рамках характерной для современного этапа развития лингвистики коммуникативно-деятельностной парадигмы коммуникативная деятельность рассматривается как ролевое исполнение речевой деятельности, при этом, последняя осуществляется индивидом для того, чтобы путем знакового управления деятельностью адресата способствовать успешности деятельности отправителя сообщения [1, с. 20].

Согласно теории Е.В. Сидорова, базирующейся на коммуникативной концепции Р.О. Якобсона, в отдельном акте речевой коммуникации выделяются три основных компонента: а) первичная коммуникативная деятельность (коммуникативная деятельность отправителя сообщения); б) текст (речевое произведение); в) вторичная коммуникативная деятельность (коммуникативная деятельность адресата). Кроме указанных основных компонентов в состав акта речевой коммуникации входит системный контекст в виде неречевых деятельностей отправителя и адресата сообщения, условий коммуникации и референтной ситуации [1, с. 18].

В трактовке Е.В. Сидорова за текстом остается роль центрального звена коммуникативного акта, но сам текст рассматривается в деятельностном аспекте как предметно-знаковая модель сопряженных коммуникативных деятельностей общающихся.

В рамках разрабатываемой нами новой интегральной теории научного текста последний определяется как интегральный рассредоточенный по четырем секторам объект, предметно-знаковая модель сопряженных коммуникативных деятельностей представителей научного социума, вербализующая фрагменты научного знания, специального подъязыка, национальной культуры и профессионального социального пространства в процессе речевой коммуникации [2].

Моделирование процессов речепроизводства является одной из наиболее сложных и неоднозначных проблем современной психолингвистики. Вклад отечественной психолингвистики в разработку обозначенных про-

блем трудно переоценить. Труды Т.В. Ахутиной, Л.С. Выготского, А.А. Залевской, И.А. Зимней, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, Е.В. Сидорова и многих других являются тому свидетельством (подробно см. [3, с. 203—234]).

В задачи нашего исследования не входит подробный анализ моделей указанных авторов, каждая из которых является оригинальной и достойной изучения. В качестве базовой приведем модель процесса порождения речи Т.В. Ахутиной [4, с. 42] (см. таблицу). Эта модель, на наш взгляд, оптимально соответствует разрабатываемой нами интегральной модели текста, в частности модели его глубинной (информационной) и поверхностной структуры.

Уровни продуцирования речи

1	Мотив	
2	Мысль (речевая интенция)	
3	Внутреннее программирование	Грамматическое структурирование
4	*Смысловая структура*	*Грамматическая структура*
	Кинетическая программа	
5	Внешняя речь	

Как следует из приведенной таблицы, для возникновения мысли необходим мотив; оформление мысли идет по линии значений; разграничиваются внутренние (смысловая и грамматическая) и внешняя (поверхностная языковая) структуры речи; очевидно, что грамматическая структура является промежуточной между смысловой структурой и структурой внешней речи; формирование смысловой и грамматической структур языковых единиц, в нашем случае текста, является этапом, который непосредственно предшествует выходу в поверхностную структуру, т. е. во внешнюю речь.

Кроме понятия речевой деятельности и модели порождения речи, важным для понимания интегральной модели текста является понятие психофизиологического механизма речевой деятельности, с помощью которого в процессе речевой коммуникации формируется стержень, коммуникативная составляющая интегральной модели текста. По определению А.А. Залевской «речевой/языковой механизм человека представляет собой многоплановый феномен» [3, с. 63], что вполне соответствует постулируемому нами интегральному характеру текста, который формируется, в частности, именно благодаря интегральному характеру речемыслительного механизма.

Единицей акта научной речевой коммуникации является научный текст. Именно научный текст является продуктом и средством научного общения, основной единицей научной коммуникации.

Коммуникативная деятельность как ролевое исполнение речевой деятельности представляет тот стержень, который сводит воедино все четыре сектора интегральной модели текста и позволяет определить осуществляе-

мый подход как интегральный. Процесс коммуникации представляет собой бесконечность в виде 8. Он распределен по всем четырем секторам и в каждом имеет свою специфику.

Так, в когнитивном секторе — это та часть коммуникативной деятельности, которая формирует внутреннюю когнитивную основу речи. В языковом секторе внутренняя программа через фазы смыслового и грамматического структурирования выходит во внешнюю речь, или текст как предметно-знаковую модель речевой деятельности. Одновременно в культурном секторе в рамках индивидуального коммуникативного акта формируется культурно-обусловленная модель сопряженных коммуникативных деятельностей коммуникантов. В социальном секторе многочисленные коммуникативные акты представляют обобщенную модель коммуникации, в которой текст выступает как типичная социальная модель типичных сопряженных деятельностей коммуникантов. Коммуникация, в свою очередь, оказывает внешнее воздействие на коммуникантов и вызывает потребность (мотив) в ее продолжении, т. е. порождении речи.

Для исследования текста как модели коммуникативных деятельностей научного социума важной представляется мысль Е.Ф. Тарасова о прямой связи речевого общения и языкового сознания. Е.Ф. Тарасов определяет знаковое общение, в том числе речевое, как процесс оперирования образами сознания, на которые коммуниканты указывают с помощью тел знаков (означающих), а языковое сознание как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей [5, с. 3].

Языковое сознание в трактовке Е.Ф. Тарасова — это сознание промежуточное между глубинным когнитивным пространством и поверхностными языковыми средствами его выражения. В нашей интегральной модели текста к «образам сознания» можно отнести смысловую и грамматическую структуры текста.

При таком подходе необходимой предпосылкой речевого общения является общность языковых сознаний, неполная общность которых является основной причиной коммуникативных конфликтов, в том числе и из-за принадлежности коммуникантов к разным национальным культурам [6, с. 30]. Можно добавить и разным социумам.

А.А. Леонтьев считает, что наше знание о мире неразрывно связано с нашей деятельностью в мире [7, с. 273]. «Чтобы язык мог служить средством общения, за ним должно стоять единое или сходное понимание реальности» [7, с. 72]. Это дает возможность ученым говорить о профессиональном языковом сознании и различных степенях его сформированности.

По данным, полученным Е.В. Харченко, степени сформированности профессионального сознания зависят не столько от времени работы,

сколько от заинтересованности, вовлеченности, нацеленности на профессионализм и умении / неумении человека «переключаться» на обыденное сознание [8, с. 30]. Овладение профессией — это выявление все большего количества нюансов, отличий, тонкостей, которые закрепляются путем называния, присваивания им имени, формирование умений этим пользоваться, различать, производить какие-либо действия [8, с. 40].

Е.В. Харченко тонко подметила, что для профессионала существует необходимость владения не только декларативными, но и процедурными знаниями. Таким образом, необходимая для эффективного общения общность сознаний коммуникантов состоит не только в общности знаний о мире и о языке, но и в общности процедур оперирования этими знаниями. Эта общность формируется при присвоении идентичной этнической культуры, овладении одним и тем же национальным и профессиональным языком. В случае межкультурной научной коммуникации необходимо овладение межкультурной компетенцией и языком межнационального общения в данной области знания.

Изучение интегральной природы профессионального общения представляется перспективным направлением научных исследований.

Библиографический список

1. Сидоров, Е.В. Онтология дискурса / Е.В. Сидоров. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 232 с.

2. Хомутова, Т.Н. Научный текст: интегральный подход: монография / Т.Н. Хомутова. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. — 333 с.

3. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А.Залевская. — М.: Изд-во Российск. гос. гуманит. ун-та, 2000. — 382 с.

4. Ахутина, Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии: к вопросу о механизмах построения связанного грамматически оформленного высказывания / Т.В. Ахутина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 144 с.

5. Тарасов, Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира: сб. статей; отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. — С. 24—32.

6. Тарасов, Е.Ф. К построению теории межкультурного общения / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. статей; отв. ред. Н.В. Уфимцева. — М.: Изд-во Ин-та яз-я, 1998. — С. 30—34.

7. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики/ А.А.Леонтьев. — М.: Смысл, СПб.: Лань, 2003. — 287 с.

8. Харченко, Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении / Е.В. Харченко. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. — 336 с.

УДК 81’23 + 811.161.1’23
ББК Ш100.4

МЕЖПОКОЛЕННАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗА «ДОЛГ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО И МЛАДШЕГО ПОКОЛЕНИЙ

О.И. Чиркова

В данной статье рассматривается специфика восприятия ценности «долг» представителями старшего и младшего поколений на примере результатов свободного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: языковое сознание, поколение, ценности, ассоциативный эксперимент, долг.

Начало 1990-х годов ознаменовалось событиями, которые повлияли на мировосприятие советских людей и задали вектор исторического развития уже другого, несоветского, государства. Ценности, выработанные в советском обществе, существует и в российском, но члены социума наполняют их другим смыслом. Семантическая наполняемость слов-ценностей и этнический компонент их содержания изменились под влиянием стремительной трансформации социума и агрессивной пропаганды европейской культуры.

Актуальность изучения семантической наполняемости слов-ценностей объясняется не только сменой политического режима и этнической спецификой, но и национальной безопасностью, необходимостью сохранить национально-культурное наследие, что невозможно без понимания своей культурной уникальности. Осознание таковой приходит через самопознание, «это долг, хорошо сформулированный двумя афоризмами “познай самого себя” и “будь самим собой”» [4].

Ценности – сложное явление, состоящее из психологического, социологического, философского и психолингвистичекого компонентов. Наибольший вклад в изучение ценностей, с нашей точки зрения, внесли психологи, которые сначала говорили о «личностных смыслах» (А.Н. Леонтьев), об «отношениях личности» (В.И. Мясишев), о «ценностных ориентациях», «ценностных представлениях», «ценностных стереотипах» (Д.А. Леонтьев). Сегодня психологи так же, как и социологи используют в своих работах термин «ценности».

В настоящее время в психологии ценности изучаются и как часть мотивационной сферы индивида, и как регуляторы поведения социальных групп. Также внимание исследователей привлекает изменение содержательной части ценностей в сознании больших групп (И.Г. Дубов, В. Пантин, В. Лапкин, Б.С. Алишев, М.Г. Рогов).

Необходимо отметить, что ученые-психологи дают разные определения данному термину, руководствуясь, как мы полагаем, целями своих исследований. Трактовка данного понятия также зависит и от того, какой именно аспект ценностей становится предметом исследования. При этом, каждый из рассматриваемых аспектов ценностей раскрывает особенности восприятия и отношения к действительности. Например, В. Пантин и В. Лапкин трактуют ценности как «обобщенные представления людей относительно наиболее значимых целей и норм поведения, которые определяют приоритеты в восприятии действительности, задают ориентации их действиям и поступкам во всех сферах жизни и в значительной мере формируют жизненный стиль общества» [2]. Подобная трактовка уместна, если ценности рассматриваются как «имманентные регуляторы деятельности индивидов» (Д.А. Леонтьев), деятельности, результаты которой непосредственно влияют на «жизненный стиль» общества и могут стать либо неким ориентиром в его жизни и частью принятой нормы, таким образом подтверждая её правильность и необходимость, либо отторгаться членами общества и ставить под сомнение существующие нормы.

Ценности — многогранное явление, проявляющееся не только как элемент мотивации, норма или «значимая цель» поведения. Они также реализуются на уровне сознания и языка. Сегодня к теме ценностей, не традиционной для психолингвистики, обращается всё больше и больше ученых-психолингвистов, которые изучают ценности и как составляющую православной культуры (Т.А. Полякова), и как «смыслы предметной действительности» (С.П. Самойлова), и как лингвокультурологические объекты (В.П. Синячкин). Так или иначе, изучая ценности в русле психолингвистики, невозможно не соприкоснуться с семантической наполненностью понятий-ценностей. Основные методы, с помощью которых можно выявить семантическую составляющую слов-ценностей, – это метод семантического дифференциала, метод свободных дефиниций, свободный ассоциативный эксперимент.

В психолингвистике понятие «ценности» так же, как и в психологии, трактуется по-разному. Например, Е.Ф. Тарасов говорит о ценностях как о «мировоззренческих универсалиях»; о «вырабатываемых обществом ограничениях, накладываемых на активность членов социума. Любые совместные действия людей, осуществляемые в рамках социальных отношений, соотносятся с категорией *должного* (курсив Е.Ф.Тарасова) и, следовательно, получают оценку». В своей работе мы опираемся на определение понятия «ценности», данного Б. Родзевич, поскольку, с нашей точки зрения, оно наиболее полно объясняет данное понятие: в данном определении в одинаковой степени отражена суть ценностей и их значимость и для отдельной личности, и для большой социальной группы. Итак, Б.Родзевич определяет «ценности» как «объекты действительности, явления и абст-

рактные идеи, являющиеся воплощением общественных идеалов, служащих образцом должного и представляющих для человека всё значимое, дорогое, предпочтительное и совершенное» [3].

Проведя ряд экспериментов, последним из которых был свободный ассоциативный эксперимент (в нем приняло участие 204 представителя младшего поколения и 189 представителей старшего поколений), мы получили список ценностей, одной из которых является понятие «долг». В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой данное понятие определяется так же, как и обязанность, т. е. круг действий, возложенных на кого-н. и безусловных для выполнения; // взятое взаймы [1].

Ядром ассоциативного поля на слово-стимул «долг» в младшей группе являются деньги (17 %), обязанность (6,3 %) и честь (5,9 %). Для представителей старшего поколения долг – это, прежде всего, обязанность (7,4 %), платеж (7,4 %), деньги (6,9 %) и честь (5,3 %). Как видно из полученных данных, происходит смещение ценностных акцентов. Несмотря на сильное влияние новой экономической формации, представители старшего поколения до сих пор уверены, что каждый человек должен выполнять возложенные на него обязанности. При этом необходимо заметить, что старшие респонденты несколько четче, нежели младшие представляют, чем является долг для них: единичные реакции представлены в меньшем количественном соотношении (хотя разница и небольшая), 60 (31,8 %) — у взрослых, 68 (33,3 %) — у младших. В количественном соотношении к общему числу реакций старшего поколения количество единичных реакций достаточно большое. Такой высокий процент единичных реакций у старших респондентов можно объяснить тем, что их система ценностей расходится с доминирующим вектором сегодняшних реалий. Мы полагаем, что количество единичных реакций младших респондентов можно объяснить, с одной стороны, психологической незрелостью опрашиваемых, с другой — отсутствием четкой государственной идеологии, которая, в свою очередь, диктует определенную систему ценностей.

Выскажем предположение, что большое количество единичных реакций является не только показателем определенной семантической размытости данного слова-ценности в сознании носителей русской культуры, но также это показатель и того, что со временем количество единичных реакций может вырасти, либо сократиться, или некоторые из них могут стать ядром ассоциативного поля.

Определение долга как обязанности, т. е. круга действий, обязательных к исполнению, данное С.И. Ожеговым и Н.Ю. Шведовой, является ядром ассоциативного поля (стоит на первом месте по количеству реакций) у представителей старшего поколения (7,4 % (14 реакций). У младшего поколения ассоциация «обязанность» также входит в ядро ассоциативного поля, но стоит на втором месте и по количеству на 62 % (22 реакции) меньше.

У представителей обоих поколений слово-ценность «долг» ассоциируется с деньгами: у младшего поколения реакция «деньги» является ядром ассоциативного поля; у старшего поколения также входит в ядро ассоциативного поля, но стоит на третьем месте (6,9 % (13 реакций) и по количеству реакций на 1 меньше по сравнению с реакцией «обязанность» (7,4 % (14 реакций) и «платеж» (7,4 % (14 реакций).

Анализируя приведенные данные, можно заметить, что долг для представителей старшего поколения одновременно и обязанность, т. е. круг действий, обязательных для выполнения, и действия, связанные каким-либо образом с финансами, «деньги» и «платеж». Представители младшего поколения транслируют настроения, преобладающие в современном российском обществе, в котором деньги играют одну из ключевых ролей: ядром ассоциативного поля на стимул «долг» является реакция «деньги».

Итак, разница в восприятии ценности «долг» представителями старшего и младшего поколений невелика. На наш взгляд, это можно объяснить принадлежностью представителей обоих поколений к одной культуре. Результаты исследования показывают, что языковое сознание носителей русской культуры одновременно консервативно и изменчиво, что объясняется влиянием различных факторов.

Библиографический список

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: «АЗЪ», 1996. – 928 с.

2. Пантин, В. Эволюция ценностных ориентаций россиян в 1990-е годы / В. Пантин, В. Лапкин. — http://ecsocman.edu.ru/text/16395825.

3. Родзевич, Б. Система ценностей в языковом сознании поляков / Б. Родзевич // И вновь продолжается бой…: сб. науч.ст., посвященный юбилею д-ра филол. наук, проф. С.Г. Шулежковой. — Магнитогорск: МаГУ, 2010. — С. 222—227.

4. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания/ Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей. — М.: МГУ, 1996. — С. 139—162.

УДК 811.111’367.626.1 + 811.161.1’367.626.1
ББК Ш141.2-2 + Ш143.21-2

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРАХ

Л.Ю. Башмакова

В статье ставится задача рассмотреть различные случаи употребления английских и русских личных местоимений единственного и множественного числа на материале текстов научного и публицистического стилей. Дается сопоставительный анализ различных синтаксических конструкций, содержащих данные местоимения. Автор полагает, что их выбор, главным образом, обусловлен спецификой национальной лингвокультуры.

Ключевые слова: личное местоимение, культура, синтаксическая конструкция.

В процессе обучения письменному переводу с английского языка на русский текстов научного и публицистического стилей мы сталкиваемся с наиболее типичными ошибками, которые допускают студенты: излишняя эмоциональность, фамильярность языка, нарушение норм сочетаемости, а также чрезмерное употребление личного местоимения «я». Безусловно, важным аспектом при переводе текста с одного языка на другой является не только достижение эквивалентности, но и соблюдение норм принятых в культуре данной нации. Как известно, грамматика отражает особенности культуры еще в большей степени, чем лексика.

В данной статье хотелось бы остановиться на некоторых особенностях употребления английских местоимений «I», «we» и русских местоимений «я», «мы», а также способах их перевода. Как показывает практика их соотношение в оригинале и в переводе будет различным. Проведя анализ произвольной выборки научных, публицистических статей и их статистическую обработку, при этом объем текста составил 100 страниц для каждого языка, получились следующие результаты: количество употреблений местоимения «I» составило 87, а местоимения «я» — 11, местоимения «we» —110, а местоимения «мы» — 39.

Что обусловливает существенную разницу в количестве? Во-первых, употребление личных местоимений первого лица является культурно-обусловленным. Как отмечает Т. В. Ларина, для коммуникативного поведения англичан характерно «индивидуалистическое мировоззрение, основанное на уважении личной автономии, на праве каждого индивида на независимость», в отличие от русского коллективистского мировоззрения [3]. Особенно это проявляется на синтаксическом уровне, где очевидна анг-

лийская доминирующая ориентация на субъект. Примерами могут служить конструкции: My brother and I. — Мы с братом. I have a brother. — У меня есть брат. I am hot. — Мне жарко. I was called. — Мне позвонили. Там где в английском языке используются личные предложения, в русском эквивалентными будут безличные конструкции. Например: I don't feel like going out. — Что-то не хочется никуда идти. I am thirsty. — Хочется пить.

Одной из черт русской письменной речи является употребление дативных конструкций типа: «Мне кажется…», «Мне нравится….», в то время как в английском преобладают номинативные конструкции типа: «I seem…», «I want…». Дательный падеж довольно частое явление в русском языке. Он обозначает роль «получателя», «адресата», а также роль «получателя чувств и впечатлений» — то есть того, кто их испытывает или воспринимает. Рассматривая примеры предложений: Я боюсь темноты.— Мне страшно в темноте. Я здесь мерзну. Мне здесь холодно. Подобные конструкции с дательным падежом указывают на то, что от «меня» меньше зависит, а обстоятельства «сами» складываются таким образом, что «мне приходится».

Существует еще одна конструкция с дательным падежом, которая характерна именно для русского языка. Сравним такие пары предложений: Последнее время я совсем не работаю. — Последнее время мне совсем не работается. Во втором предложении человек не делает чего-то (не работает), независимо от себя самого, а какие-то внешние обстоятельства мешают ему — совершенно неожиданно и необъяснимо для него. Таких конструкций в английском практически нет совсем. А. Вежбицкая отмечает, что в англоязычных культурах доминируют «ценности активного действия, контроля над собой и своим окружением, личной ответственности и автономности личности», а в русской культуре — ценности фатализма, пассивности [2]. Это объясняет типичную ошибку русских студентов, начинающих изучать английский в построении «Me like», которое представляет собой кальку «Мне нравится».

В английском языковом мире доминирует субъект действия, он управляет всеми событиями. В русском языковом мире события происходят помимо воли субъекта и от него не зависят. В английских текстах научного и публицистического стилей местоимение «I» является распространенным явлением. Его частое употребление доказывает усиление индивидуальной ответственности за то, что автор пишет, делает, осознание личного обязательства по отношению к предмету обсуждения. В английском языке существует многообразие фраз для выражения собственного мнения к рассматриваемой в статье теме: I believe; I guess; I think; I consider; I reckon; I am sure; I feel и т. д., в русском языке такого разнообразия не наблюдается, а эквивалентами всех вышеперечисленных будут следующие: Я думаю; Я считаю; Я полагаю; Я уверен. Кроме того, местоимение «мы» наиболее

предпочтительно для русского публицистического текста и отстраняет автора от результатов написанного, как бы обезличивая его, придает налет отстраненности по отношению к тому, что он пишет. «Мы» также свидетельствует о славянской тенденции к скромности. Поэтому при восприятии английского текста доминирование местоимения «I» для русского читателя может показаться высокомерным, имплицируя «Я знаю все».

Следует отметить, что в нашем обществе наблюдается нивелировка человеческой личности. Ролан Быков очень точно охарактеризовал состояние человека в России: «поставленный за скобки». Интересным является тот факт, что у человека есть имя и фамилия, а он существует лишь как понятие: квартиросъемщик, жилец, сосед, прохожий, посетитель, покупатель, сослуживец, клиент, абитуриент, пациент, потребитель, провожающий, отъезжающий и т.д. В англоязычной культуре, несмотря на стандартность жизненных ситуаций, в каждом покупателе видят личность.

В особенности средства массовой информации демонстрируют различие нашего и западного общества, т. е. контраст между коллективизмом и индивидуализмом. Возможно, коллективизм российского общества базируется на свойственной России соборности. Для западного общества свойственно стремление к проявлению индивидуальности, особости. Ярким примером послужили первые западные рекламные ролики, запущенные на российском телевидении. Без изменений они звучали непривычно: «Лореаль! Ведь я этого достойна! Моя кожа…! Мои волосы…!» Данная реклама эксплицирует то, что главное в этом мире — это я, мои желания, мои удовольствия, мой успех, я самая, самая. Такой эгоцентризм чужд российскому менталитету, он вызывает раздражение, поэтому текст рекламы при переводе был изменен на: «Лореаль! Ведь Вы этого достойны! Ваши волосы….!» [4].

Что касается научных статей, то их можно писать от первого лица, но не в единственном числе, так как наука имеет дело с объективными закономерностями, а не с личными мнениями и пристрастиями. Возможно, в запальчивом споре «я» будет уместным, но такие случаи встречаются крайне редко. Употребление «мы» стало практически правилом. Ведь наука в современном обществе — это дело коллективное, у исследователя часто есть соавторы или предшественники.

Рассматривая выражение личностного «я» авторов текстов научного дискурса, можно отметить наличие двух тенденций. С одной стороны, для автора научного изложения важно показать значимость своего личного вклада в научное исследование, подчеркнуть, что именно он выполнил такую работу, достиг таких результатов, которые помогут ему завоевать свой авторитет среди коллег. С другой стороны, правила научного дискурса, следуя которым ученый также показывает свою компетентность, застав-

ляют его «прятать» собственное «я» за точными фактами, строгими доказательствами.

Некоторые лингвисты указывают, что частое обращение к пассивным конструкциям в научных текстах позволяет отойти от применения авторского «я» и создать тон объективности изложения [1]. Особенно это характерно для текстов диссертаций. Однако пассивные конструкции в текстах русскоязычных и англоязычных исследователей используются с указанием на субъект действия, автора исследования, поэтому предложения с пассивными конструкциями не до конца свободны от субъективизма. Например: Автором был предложен комплекс педагогических условий…. Разработанная нами модель…..Применение безличных предложений одновременно позволяют передать объективность изложения и указать на автора исследования: Анализ позволил нам… Нам кажется удачной… Однако, как свидетельство объединения автора диссертации с его научным руководителем, довольно часто встречается местоимение «мы». Приведем примеры некоторых речевых оборотов: Мы полагаем, что…. При разработке уровней мы обратились к…. Следовательно, если автор исследования обращается к местоимению «мы», то он разделяет свое мнение с мнением целой группы людей, научного направления или научной школы.

Англоязычные авторы научных исследований в предложениях могут использовать личные местоимения «I» и «we». Причем, если они имеют в виду себя, то обращаются к местоимению «I», если группу людей (исследователей определенной научной школы, всех людей в целом), то обращаются к местоимению «we»: Upon further research, I expect that… Here, I will furnish an explanation of… In this portion I will describe…We could identify crime, punish transgressors….

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что при выборе личных местоимений в русскоязычной культуре предпочтение отдается коллективному «мы», в то время как для большинства коммуникативных ситуаций в контексте англоязычной культуры характерно индивидуальное «I».

Библиографический список

1. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. М.: Просвещение, 1990. — 182 с.

2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

3. Ларина, Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: моногр. / Т.В. Ларина. — М.: Изд-во РУДН, 2003. — 251 с.

4. Милосердова, Е.В. Национально-культурные стереотипы и проблемы межкультурной коммуникации / Е.В. Милосердова // ИЯШ. — 2004. — № 3. — С 80—84.

УДК 378.03
ББК Ч448.00

ТЬЮТОРСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

К.Н.Волченкова

В статье актуализируется проблема внедрения в высшее образование института тьюторства. Анализируются формы работы тьютора со студентами вузов, рассматриваются функциональные обязанности тьютора, выявляются профессиональные и личностные компетенции тьютора.

Ключевые слова: тьюторство, тьютор, принцип индивидуализации, тьюторское сопровождение.

В современном образовательном пространстве все острее встает проблема индивидуализации обучения и создания избыточной информационной среды для студентов вузов с целью наиболее полной реализации образовательных запросов студентов, что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на конкурентоспособность отдельно взятого высшего учебного заведения. Данную задачу и призван решить развиваемый в системе высшей школы институт тьюторства.

Современный студент демонстрирует неординарность в подходах в получении знаний. С одной стороны, это социально активный студент, с большим потенциалом интеллектуальных, познавательных возможностей и желаний, с другой стороны, это пассивный человек, получающий даже не знания, а информацию в достаточно формальном режиме. Внедрение принципа индивидуализации образования в связи с этим более чем актуально. Поэтому создается объективная реальность, с набором требований и условий, провоцирующая развитие института тьюторства быстрыми темпами.

Тьюторство как вид вузовской психолого-педагогической деятельности заслуживает особого внимания, как с точки зрения оптимального функционирования, так и с точки зрения профессиональных и личностных качеств, необходимых тьютору для реализации цели его деятельности.

Кто же такой тьютор в условиях современного Вуза? Тьюторство — это особый вид социальной образовательной деятельности, заключающейся в поддержке и сопровождении образовательной траектории студента [1].

Специальность «тьютор» внесена в «Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих», в раздел «квалификационные характеристики должностей работников образования» (приказ № 761н Миздравсоцразвития от 26.08.2010, зарегистрирован в Минюсте РФ 6 октября 2010 г. N 18638). Теперь муниципалитет может вполне законно дать ставку тьютора, а кадровая служба делать записи в трудовые книжки.

Краткое описание тьюторской деятельности можно найти в квалификационных характеристиках по данной должности (приказы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 августа 2010 г. № 761н «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования», от 11 января 2011 г. «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования»). Однако данные описания не позволяют представить профессиональную деятельность во всей полноте — такова специфика данного формата.

Основное, что необходимо отметить, это тот принцип, с которым работает тьютор. Тьютор работает с принципом индивидуализации. И второе, тьютор работает на расширение ресурса при условии создания потенциально избыточной среды. Принцип индивидуализации работает на создание возможности презентации разного содержания разным людям с учетом их запроса, способностей, возможностей, интереса, мотивации, в рамках получения, одной и той же специальности. Антропологический аспект это безусловный ориентир в практике тьюторства [2].

В научной литературе подробно обсуждается арсенал ролей тьютора в высшем образовательном пространстве, в зависимости от уровня квалификации и педагогогического опыта и способности исполнять роль наставника.

«Тьютор стажер», которым может стать студент старших курсов или бакалавр, организовывает помощь абитуриенту, первокурснику в освоении университетского пространства.

«Академический тьютор» (базовый уровень), которым является магистр с обязательной психолого-педагогической или специализированной тьюторской подготовкой, оказывает помощь студенту в построении и реализации Индивидуального учебного плана, что особенно актуально при кредитно модульной системе обучения.

«Тьютор наставник» — это специалист со степенью кандидата наук или профессионал, прошедший тьюторскую подготовку. Функцией тьютора этого уровня является сопровождение процесса формирования профессиональных компетенций будущего специалиста. Вышеперечисленные тьюторские позиции соответствуют этапам работы со студентами на всех курсах обучения [3].

«Тьютор — супервизор», которым может стать профессор, доктор наук, главной функцией в своей деятельности будет полагать организацию и «усиление» рефлексии тьюторов, выявления, поддержка и формирование

индивидуального стиля педагога, помощь в снятии проблемы быстрого накопления усталости «синдром выгорания» [3].

Тьюторское сопровождение базируется на принципах индивидуализации, открытости, субъектности, вариативности, демократичности [1].

В высшем образовании реализация принципа открытости может осуществляться привлечением студентов к чтению лекций, проведению семинаров, тренингов, специалистов из различных образовательных учреждений.

Принципы индивидуализации и вариативности предполагают возможность выбора между традиционными формами оценивания результатов обучения и рейтинговой системой оценивания; возможность разработки и реализации индивидуальной образовательной программы и индивидуальной программы НИР; возможность выбора отдельных дисциплин, научного руководителя и научных консультантов.

Принципы субъектности и демократичности реализуются через самостоятельность и самоорганизацию студентов в освоении образовательных программ, через субъект субъектные отношения между тьюторами и студентами.

Функциональный взгляд на деятельность показывает то, что тьютор должен делать в ходе образовательного процесса с обучающимися. Выделяют следующие инвариантные функции, которые тьютор должен исполнять [2]:

- управленческая функция;
- функция целеполагания;
- мотивационная функция;
- функция планирования;
- коммуникативная функция;
- функция контроля;
- функция рефлексии;
- методическая функция.

В отличие от деятельности традиционного педагога высшей школы, деятельность тьютора гораздо больше связана с целенаправленным развитием познавательной самостоятельности обучающихся. В функциональные обязанности тьютора входит составление индивидуальной образовательной программы для обучения студента (ИОП), составление карты его продвижения по образовательной траектории с учетом принципа индивидуализации и запроса студента.

Тьютор — это *координатор* динамики делового и научного общения и сотрудничества между студентами и преподавателями, он организатор и руководитель выборов студентов по карте спецкурсов, он медиатор острых учебных ситуаций (пересдач, консультаций, дополнительных занятий, ликвидации пропусков).

Что касается профессиональных умений и знаний, то тьютор не только должен быть специалистом по внутрипредметным связям, но и специалистом в паспорте специальности, т. е. по межпредметным связям. Это необходимо для того чтобы тьютор квалифицированно создавал карту, по которой будет двигаться студент в течение срока своего обучения.

Тьютор должен показать студентам возможность перехода из одних дисциплин в другие, т. к. это специалист, который разбирается в логике курса, в связях между курсами и составляет матрицы связей этих курсов. *В связи с этим тьютором может быть только доцент с опытом работы 10-15 лет.*

Что касается самого тьютора, то это человек, который любит студента и свою работу, он владеет не только специальными знаниями своего предмета, но и психолого-педагогическими ЗУН, что является обязательным условием для выполнения его обязанностей.

Тьютор должен владеть навыками методической работы, организаторской деятельности, владеть психологическими компетенциями, иметь основательную интеллектуальную базу, хорошо владеть и ориентироваться в информационных ресурсах с целью создания потенциально избыточной среды для гибкого лавирования студентов по их образовательной траектории, иметь определенный набор личностных качеств.

Библиографический список

1. Ковалева, Т.М. Международный контекст открытого образования и региональные программы. / Т.М. Ковалева // Открытое образование и региональное развитие: проблема современного знания: Сборник научных трудов по материалам 5 Всероссийской научной тьюторской конференции — М.; Томск, 2000.

2. Ковалева, Т.М. Тьюторское сопровождение как управленческая технология. Технологии открытого образования / Т.М. Ковалева. — М: АПКиПРО, 2002.

3. Кокамбо, Ю.Д. Тьюторство как новая форма взаимодействия участников образовательного процесса. / Ю.Д. Кокамбо, О.В. Скоробогатова // Вестник амурского государственного университета Сер. Гуманитарные науки. — 2013. — № 60. — С. 111—115.

УДК 81’23
ББК Ш112

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Е.Н. Воронина

В статье рассматривается классификация типов речевого воздействия и приводятся примеры из сети Интернет. На основе приведенной классификации автор проводит анализ использования выделенных типов в сети Интернет. Согласно проведенному исследованию наиболее часто используемыми типами речевого воздействия являются: социальное воздействие, информирование, призыв, повеление, оценка и эмоциональное воздействие.

Ключевые слова: речевое воздействие, интернет-коммуникация, типы речевого воздействия.

Интернет играет заметную роль в жизни каждого современного человека, это источник информации, общения, развлечения. Яркое оформление интернет-сайтов привлекает внимание пользователей, а информационное наполнение заставляет переходить по целому ряду ссылок, указанных на сайте.

По мнению О.С. Иссерс, «сложность и многоаспектность объекта обусловливают разграничение речевого воздействия в узком и в широком смысле» [3]. Подобное разграничение представлено и в работе «Речевое воздействие» Е.Н. Ремчуковой, которая пишет: «РВ в широком смысле — это любое речевое воздействие, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, описанное с позиций одного из коммуникантов» [5]. А в узком смысле «РВ обычно используется в сфере так называемых координативных отношений, когда коммуникантов связывают отношения равноправного сотрудничества, а не отношения субординации (формальные или неформальные). Такой тип РВ предполагает, что субъект регулирует деятельность другого человека в определенной мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями» [5]. Согласно Е.Н. Ремчуковой, именно этот тип воздействия характерен для средств массовой коммуникации, о которых и пойдет речь в данной статье. Как уже было упомянуто выше в процессе РВ необходимыми участниками являются субъект и объект. Говоря о речевом воздействии в интернет-коммуникации, следует отметить, что в роли субъекта выступают интернет источники, а объектом является пользователь, которому адресована информация.

Необходимо отметить, что во всемирной паутине в настоящее время существует большое количество различных интернет-сайтов. По мнению

специалистов в области программирования, в зависимости от различных параметров современные интернет-сайты различаются по:

а) доступности;

б) физическому расположению;

в) используемой технологии оформления;

г) типам макетов;

д) типу информации и области поставленных задач [6].

По каждому из упомянутых критериев интернет-сайты делятся еще на ряд подгрупп, образуя, таким образом, обширную классификацию, включающую порядка 25 параметров. Однако, несмотря на разнообразие параметров и видов сайтов, главной целью создания любого из них является получение прибыли. Одним из важных критериев, для достижения данной цели является «хорошая посещаемость … сайта» [4], которая обеспечивается количеством интернет-пользователей, посещающих данные интернет страницы. Для привлечения внимания пользователей существует ряд методов, используемых специалистами по созданию и продвижению интернет-сайтов, одним из которых является «почтовая рассылка» [1]. Данный метод считается одним из традиционных, однако, до сих пор эффективных. Именно в данном методе активно используется речевое воздействие, так как почтовая рассылка представляет собой короткое информационное сообщение, которое должно заинтересовать пользователя и привлечь его внимание к тому или иному интернет-сайту.

Следует отметить, что речевое воздействие это комплексное явление. Е.В. Шелестюк в своей работе выделяет факторы, способы, типы и приемы РВ [7]. В данной статье речь пойдет о типах речевого воздействия, представленных в такой области интернет-коммуникации, как почтовая рассылка.

Прежде чем приступить к анализу типов речевого воздействия в почтовой рассылке, необходимо обратиться к термину тип речевого воздействия. О.С. Иссерс пишет, что «понятие типа речевого воздействия некоторым образом перекликается с понятиями речевой стратегии, определяемой как комплекс речевых действий, направленных на достижение тех или иных коммуникативных целей, и коммуникативной тактики, означающей одно или несколько речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [2]. В работе Е.В. Шелестюк представлены следующие типы речевого воздействия:

1. *Социальное воздействие* — приветствие, прощание, представление, благодарность, извинение, прощение, обещание и т. д.

2. *Воздействие с помощью художественных образ*ов:

а) рассказ, повествование;

б) изображение — художественное описание.

3. *Информирование* — известие, сообщение, сведение.

4. *Доказывание* — обоснование, пояснение, описание, экспликация, доказательство, опровержение, экземплификация, толкование и др.

5. *Аргументация* — виды сообщений те же, что и в доказывании, но со специальным подбором фактов и упорядочиванием аргументов.

6. *Симулированный диалог* — обращение, вопрос (открытый, закрытый), риторический вопрос, вопросно-ответные комплексы.

7. *Уговаривание* — просьба, предложение, совет, пожелание, навязывание, обольщение, подкуп и др.

8. *Призыв* — воззвание, лозунг, агитация, реклама, презентация, самопрезентация и др.

9. *Повеление* — приказ, указание, распоряжение, команда, требование, запрет, позволение, заказ, напоминание, желание и др.

10. *Принуждение* — угроза, запугивание, волевой нажим и т. п.

11. *Оценка* — похвала, одобрение, порицание, осуждение, защита, оправдание, обвинение.

12. *Эмоциональное воздействие* — ободрение, утешение, ласка, жалоба, шутка, подначивание, насмешка, хвастовство, оскорбление, угроза, выражение эмоций (например, сожаления, радости, недоумения).

13. *Психическое программирование, прямое или суггестивное* — кодирующие формулы, восклицания, аффективно-эмоциональные фразы, «вставленные команды»[7].

Анализ ста единиц почтовой рассылки показал, что в интернет-коммуникации используются следующие типы речевого воздействия:

Социальное воздействие:

▸Дорогой друг! С наступающим новым годом и удачных покупок в связном!

▸Екатерина, Поздравляем с Днем Рождения!? Сегодня несколько интересных вариантов!

Информирование:

▸Выгодные деньги в кредит — это кредитная карта с лимитом до 300 000 рублей, льготным периодом пользования и бесплатной доставкой на дом.

▸Интересные новинки по отличным ценам.

Призыв:

▸РАСПРОДАЖА -60%! Начните Новый Год с выгодных покупок.

Повеление:

▸Альбина написала тебе сообщение. Прочитай его, пока оно не удалено.

Оценка:

▸Лучшая акция 2012 года.

▸Лучшие предложения по одежде и обуви + БЕСПЛАТНАЯ ДОСТАВКА

Эмоциональное воздействие:

▶Тсс! Это секрет! На LaRedoute скидки -60%! БЕСПЛАТНАЯ доставка!

▶ДА! НАЧАЛОСЬ! Новогодняя РАСПРОДАЖА LaRedoute - до 60%

Симулированный диалог, как тип речевого воздействия, как правило, не используется отдельно от других типов:

Симулированный диалог + информирование:

▶Нужен подарок родным на Новый год? Займ онлайн на банковскую карту за 10 минут онлайн!

▶Екатерина, досадно упустить хорошую скидку? Сегодня несколько интересных вариантов!

Симулированный диалог + повеление:

▶Хотели бы вы поехать в отпуск? Закажите себе для этого новую кредитную карту!

В целом, следует отметить, что не все типы речевого воздействия нашли свое применение в анализируемых почтовых рассылках. Наиболее часто используемыми среди перечисленных типов речевого воздействия являются информирование и социальное воздействие. На наш взгляд, это объясняется тем, что создатели интернет-сайтов считают данные типы речевого воздействия наиболее эффективными.

Библиографический список

1. Альтернативные способы привлечения целевых посетителей // Artoxmedia. http://seo.artox-media.ru/wiki/celevoj-trafik.html

2. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 284 с.

3. Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учеб.пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 224 с.

4. Каким должен быть успешный сайт? // Az — design. — http://www.az-design.ru/index.shtml?Projects&WebStat&Homebs52

5. Ремчукова, Е.Н. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / Е.Н. Ремчукова. — М., 1990. — 201 с.

6. Сайты их виды и назначение // Butenko.biz.- http://butenko.bi/sozdanie/sajty-ih-vidy-i- naznachenie.html

7. Шелестюк, Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования.: дис. … канд.фил.наук / Е.В. Шелестюк. — ЧелГУ, 2009. — 338 с.

УДК 821.111 + 378.016.1
ББК Ш12/17-9

УЧЕБНЫЙ МОДУЛЬ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ОСВОЕНИЮ РЕЦЕПТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

И.Н. Дмитрусенко

Определены основные принципы разработки учебных модулей по иностранному языку для студентов неязыковых специальностей Дано описание структуры учебного модуля. Проведен анализ полученных результатов оценки исходных и остаточных уровней владения лексическими единицами в экспериментальной и контрольной группах.

Ключевые слова: учебный модуль; рецептивная лексика; самостоятельная работа; принципы разработки учебного модуля; лексические единицы.

В вузе основными формами организации обучения иностранному языку являются аудиторное практическое занятие и самостоятельная работа. По мнению А.Н. Щукина, для современного урока (практического занятия) характерно преобладание коллективных форм обучения в сочетании с индивидуальной работой [2]. Оптимальные условия для наиболее продуктивной коллективной деятельности и эффективного взаимодействия преподавателя и учащихся, а также активизация самостоятельной работы учащихся, на наш взгляд, создаются при такой форме организации обучения, как модульное обучение.

Сущность модульного обучения, как определяет П. Юцявичене, состоит в том, что обучающийся более самостоятельно или полностью самостоятельно может работать с предложенной ему индивидуальной учебной программой, включающей в себя целевую программу действий, банк информации и методическое руководство по достижению поставленных дидактических целей. При этом функции педагога могут варьироваться от информационно-контролирующей до консультативно-координирующей [3].

Особенно актуальным является разработка модулей для студентов неязыковых специальностей, у которых количество аудиторных часов, отводимых на иностранный язык ограничено. Модульное обучение, в этом случае, позволяет более четко структурировать самостоятельную работу студентов.

Ранее нами были проанализированы и определены основные принципы разработки учебных модулей по иностранному языку для студентов неязыковых специальностей:

1. Принцип семантической ценности отбираемых слов. Во-первых, этот принцип может реализовываться с позиции минимализации числа лексических единиц, в этом случае будут отбираться общеупотребительные слова (принцип функциональности), функционально ценные слова. Во-вторых, этот принцип может реализоваться с позиции профессиональной направленности данного учебного блока (материала). В этом случае будут использоваться редко употребительные, но профессионально используемые.

Применительно к отбору лексических единиц по профессионально-специфической тематике представляется целесообразным использовать экспертный метод отбора лексики. В этом случае принцип определения семантической ценности фактически исключает использование принципа частотности, так как принцип частотности дает достоверные показатели лишь в рамках первой тысячи наиболее употребительных слов и больше подходит для составления словарей [1].

2. Принцип словообразовательной ценности: для включения в модуль должны отбираться слова, способные образовывать производные единицы и создавать предпосылки для лексической догадки и самостоятельной семантизации.

3.Принцип сочетаемости, согласно которому должны отбираться лексические единицы, наиболее способные сочетаться с другими словами.

4. Принцип последовательности и цикличности представления материала между учебными модулями, блоками и внутри них.

5. Принцип динамичности содержания модуля с учетом тематических изменений в данной программе профессиональной подготовки, а также с учетом уровня подготовленности учащихся.

В соответствии с этими принципами нами были разработаны и в рамках пилотного исследования апробированы два модуля для студентов психологического факультета по темам «Стресс» и «Виды социальной коммуникации». Каждый модуль включает в себя шесть разделов, состоящих из формальной части (название темы модуля, вводная часть, название темы раздела), а также из содержательной части. Содержательная часть каждого раздела представлена пятью блоками. Первый блок содержит перечень лексических единиц (от 12 до 18), сформированный по принципу трудности употребления для учащихся. Именно эти слова в упражнениях данного раздела должны быть закреплены учащимися до уровня лексического навыка. Второй блок включает в себя 7—8 лексических упражнений. Третий блок представлен текстом, который содержит изучаемые лексические единицы. В четвертый блок включены задания на понимание содержания текста, в пятый — тестовые задания для контроля правильности усвоения учебного материала данного раздела.

В заключительной части каждого модуля студентам предлагается выполнить творческую работу (презентацию, проектную работу и т. п.) для

закрепления знаний по данной теме. Кроме того, в ней содержится список дефиниций и терминов, а также ключи для самопроверки правильности ответов.

Для оценки эффективности разработанных модулей нами был определен исходный уровень знаний лексических единиц, изучаемых в рамках модулей «Стресс» и «Виды социальной коммуникации» у студентов-психологов второго курса, составивших экспериментальную группу (n=23). Контрольная группа была сформирована также из студентов-психологов второго курса (n=21), изучавших материал данных тем по традиционным программам.

Исходные и остаточные знания лексических единиц в контрольной и экспериментальной группах студентов изучались по одинаковым тестам через шесть месяцев после завершения работы над данными темами; в начале и в конце эксперимента использовались аналогичные тесты.

Исходный уровень владения лексическими единицами студентам факультета «Психология» определялся с помощью теста, состоящего из двух частей. В первой части теста студентам было предложено написать точный перевод лексических единиц, общеупотребительных по данной тематике. Оценивалась правильность (точность) перевода студентами двенадцати лексических единиц. 0 баллов по каждой лексической единицы устанавливалось в случае отсутствия или неверного перевода лексической единицы. 1 балл — при неточном переводе (ошибка в переводе части речи, числа, времени). 2 балла — при точном переводе. Для каждого студента в этой части теста рассчитывался суммарный балл, который в дальнейшем использовался при статической обработке и сравнении результатов экспериментальной и контрольной группы. Вторая часть теста была разработана с целью определения общего понимания текста по специальности. Студентам предлагалось выбрать утверждение (одно из трех), соответствующее основной идеи текста, а также ответить на вопросы об истинности и ложности утверждения (с учетом основной идеи текста).

Анализ полученных результатов оценки исходных уровней владения лексическими единицами по темам «Стресс» и «Виды социальной коммуникации» в экспериментальной и контрольной группах свидетельствует об отсутствии статистически значимой разницы. По первому блоку тестовых заданий средний балл в экспериментальной группе составил 8,3±1,3 из 24 возможных, а в контрольной — 9,4±1,6 балла. По второму блоку показатели в экспериментальной и контрольной группах составили соответственно 2,7±0,3 и 2,9±0,2 балла (из 4 возможных).

Уровень остаточных знаний лексических единиц в экспериментальной группе по первому блоку тестовых заданий составил 18,1±1,3 балла, а по второму блоку — 3,7±0,1 балла. В контрольной группе уровень оцен-

ки по первому блоку тестовых заданий был равен 12,4±1,5 баллов, а по второму блоку — 3,2±0,3 балла.

Сравнение уровней остаточных знаний в экспериментальной и контрольной группах с помощью критерия U-Манна-Уитни выявило разницу по первому блоку тестовых заданий на высоком уровне статистической значимости ($p<0,05$), а по второму блоку — на уровне статистической тенденции ($p<0,1$).

Полученные результаты позволяют сделать выводы о достаточной эффективности использования модульной формы обучения для самостоятельного освоения рецептивной лексики у студентов неязыковых специальностей. Это позволяет говорить о необходимости разработки данной формы самостоятельной учебной работы при обучении студентов различных неязыковых специальностей.

Библиографический список

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.

2. Щукин, А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика: учеб. пособие для преподавателей и студентов / А.Н. Щукин. — М.: Филоматис, 2006. — с. 293

3. Юцявичене, П.А. Теория и практика модульного обучения / П.А. Юцявичене. — Каунас, 1989. — с. 3—11.

УДК 378.016:81
ББК Ч43:Ш

ИНОЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЗРОСЛЫХ В КОНТЕКСТЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.А. Жежера

В статье анализируются приоритетные задачи развития иноязычного образования взрослых на современном этапе. Обобщаются перспективы реализации андрагогической модели обучения иностранному языку в системе последипломного непрерывного образования специалистов.

Ключевые слова: иноязычное образование взрослых; последипломное непрерывное образование; методические подходы; андрагогическая модель обучения.

Современные приоритеты и перспективы развития образования взрослых как основы развития человеческих ресурсов формируются в контексте их взаимодействия с международным образовательным сообществом под воздействием сложных и взаимозависимых тенденций развития мирового хозяйства: глобализации и интернационализации. Эти процессы определяют как международный контекст существования социума, так и развитие системы непрерывного образования в целом.

Образование взрослых, представляющее собой своеобразный механизм, стабилизирующий прогрессивно-поступательное, эволюционное развитие современного общества, является одной из наиболее интенсивно развивающихся подструктур системы непрерывного образования, поскольку ближе к жизни и более оперативно реагирует на ее запросы [3].

В соответствии с документами Совета Европы в ряду первоочередных задач, стоящих перед образованием — усиление мобильности людей, повышение эффективности международного сотрудничества. Социально-экономические и культурные реалии, процессы интеграции и интернационализации многих сторон материальной и духовной жизни мирового сообщества привели к расширению международных контактов.

С этих позиций формирование иноязычной коммуникативной компетенции является приоритетной целью последипломного непрерывного образования специалистов. Без знания иностранных языков невозможен ни один вид деятельности в современном обществе, поскольку владение языками дает возможность специалисту-профессионалу изучать и использовать новейшие достижения мировой практики, а также вносить свой вклад в разработку тех или иных проблем с учетом имеющегося отечественного и зарубежного опыта.

К числу приоритетных задач, стоящих перед иноязычным образованием взрослых (ИОВ) на современном этапе, относятся: переосмысление и обновление целей и содержания ИОВ в контексте идей непрерывного образования; поиск путей повышения качества ИОВ; разработка вариативных учебных программ и постоянная их адаптация к современным потребностям взрослого контингента обучающихся; внесение изменений в организацию образовательного процесса, использование андрагогической модели обучения. Существует необходимость поиска оптимальной методики обучения иностранному языку в системе последипломного непрерывного образования специалистов, что обусловлено возрастом обучающихся, характером их реальной или потенциальной профессиональной деятельности, личностными ориентациями, мотивами и интересами.

На современном этапе развития науки об образования неоспоримым признается тот факт, что образование взрослых имеет существенные отличия от детско-юношеского образования и для его эффективной реализации необходимы иные подходы к организации процесса обучения.

Особенности обучения взрослых описаны в трудах психологов (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анциферова, П.Я. Гальперин, С.Л. Рубинштейн и др.), педагогов-специалистов в области андрагогики (С.Г. Вершловский, С.И. Змеев, И.А. Колесникова и др.), методистов (Ж.Л. Витлин, Л.Ш. Гегечкори, Н.Н. Мирошникова, и др.), психолингвистов (В.П. Белянин, А.А. Леонтьев и др.), причём все авторы отмечают наличие специфических особенностей взрослых учащихся, учёт которых необходим для обеспечения эффективности образовательного процесса.

На основании огромного количества эмпирических данных и наблюдений об особенностях обучения взрослых в педагогической науке выделились особые отрасли — андрагогика и акмеология, предметом которых являются теория и методика обучения взрослых людей в контексте непрерывного образования. Андрагогика является особой ветвью психолого-педагогической науки, вбирающей в себя общие закономерности развития человека через образование и учитывающей при проектировании, организации и осуществлении познавательной деятельности взрослого действительно важные возрастные особенности его личности, мотивации и опыта — личностного, познавательного и профессионального. Принципы андрагогики основаны на специфических требованиях к организации учебного процесса, конечной целью которых является создание технологий преподавания, учитывающих особенности именно взрослых обучающихся [1, 2].

Следует отметить, что андрагогика — молодая отрасль науки. Выделение ее в самостоятельную область науки произошло в западных странах в 1950—1960 гг., а в России — лишь в 90-е гг. Следствием незрелости этой области знаний является несформированность научно-методической базы, технологий обучениями нехватка квалифицированных кадров для обучения

взрослых. При этом в последнее время значимость андрагогических принципов в обучении, область их применения расширилась, перешагнув пределы курсов повышения квалификации и перейдя в область вузовского и послевузовского образования.

Современными дидактическими концепциями обучения иностранному языку признается, что без учета особенностей развития личности на разных возрастных этапах, вне анализа мыслительных способностей невозможно построение методически грамотного и психолингвистически обоснованного учебного процесса. Выбор методов и приемов обучения иностранному языку напрямую зависит от возрастной принадлежности обучаемых. В силу вышесказанного особое значение приобретают сегодня исследования, посвященные изучению психофизиологических и социальных факторов, влияющих на успешность обучения взрослых иностранному языку; проектированию и внедрению в обучающий процесс адаптивных технологий, учитывающих вышеназванные факторы.

Опыт преподавания иностранного языка в группах повышения квалификации преподавателей и сотрудников университета показывает, что процесс обучения в таких группах имеет специфические черты, и для его эффективной организации необходим всесторонний учёт особенностей взрослой аудитории. На основе анализа научной литературы и собственного опыта мы выделили следующие группы факторов, влияющих на процесс обучения взрослых: общепедагогический (состав группы, темп обучения, воздействие личности преподавателя); социально-психологические особенности взрослой аудитории (содержание образовательных запросов; влияние на процесс обучения профессиональных, социальных, бытовых и временных факторов); личностный (возраст, мотивация, образовательный и жизненный опыт, коммуникативность, эмоциональность, активность, целеустремленность и т. д.); методический (технологии, методы и средства обучения).

Группы повышения квалификации, организуемые для преподавателей и сотрудников вуза, как правило, включают слушателей разных возрастных категорий. При этом разница в возрасте может быть весьма существенной, так как в одной группе может обучаться молодой преподаватель или научный сотрудник, недавно окончивший вуз или аспирантуру, и человек, проработавший в вузе долгие годы. В силу своих физиологических особенностей взрослые слушатели по-разному воспринимают и осваивают информацию, в разном объеме, с разной скоростью и степенью гибкости. Поскольку по каждому из названных параметров взрослые обучающиеся сильно отличаются друг от друга, формируется исходное неравенство условий и требований для каждого.

Особенности работы с данным контингентом обучающихся предопределяют выбор методических подходов при обучении взрослых иностран-

ному языку. Практический опыт убеждает, что обучение взрослых слушателей должно быть вариативным, комплексным, дифференцированным и развивающим с применением технологий, методов и средств обучения, адаптированных под индивидуальные стили учения и обеспечивающих индивидуализацию образовательных маршрутов. Эффективное решение задач ИОВ требует реализации андрагогических основ организации образовательного процесса, использование психолого-педагогических приемов, оптимизирующих руководство учебной деятельностью слушателей, проходящих переподготовку по иностранному языку. Многие принятые позиции педагогики должны быть поддержаны в системе последипломного образования специалистов.

Проанализировав имеющиеся научные данные и резюмируя изложенное, отметим, что возрастные и социально-психологические особенности взрослых обучающихся требуют серьезного подхода к выбору теоретической основы и принципов обучения, практическое применение которых станет условием успешного обучения взрослых слушателей иноязычной коммуникации. Первостепенное значение для эффективной организации процесса обучения взрослых специалистов иноязычной коммуникации имеет: реализация андрагогических основ организации образовательного процесса; учет индивидуальных учебных стилей обучающихся, формирующихся под влиянием их психофизиологических характеристик и окружающих социальных факторов; проектирование и внедрение в обучающий процесс технологий, методов и средств обучения, адаптированных под индивидуальные стили учения и обеспечивающих максимальную индивидуализацию образовательных маршрутов.

Библиографический список

1. Змеев, С.И. Наука XXI века: Андрагогика / С.И. Змеев // Высшее образование в России. — 1998. — № 2. — С. 76—79.

2. Змеев, С.И. Образование взрослых в России и в мире / С.И. Змеев // Педагогика. — 1999. — № 6. — С. 106—108.

3. Подобед, В.И. Образование взрослых: методологический аспект / В.И. Подобед, В.В. Горшкова // Педагогика. — 2003. — № 7. — С. 30—37.

УДК 81’23
ББК Ч410.2

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ПРОФЕССИИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ)

Е.А. Ненахова

В данной статье представлены некоторые особенности исследования детской речи, описываются аспекты изучения онтолингвистики, а так же место детского языка в области исследования морфологии, синтаксиса, лексикологии, словообразования. Так же приведены данные исследования образа профессии в языковом сознании дошкольника.

Ключевые слова: детская речь, онтолингвистика, языковое сознание, профессия.

Детская речь представляет большой интерес для исследователей уже значительный период времени, так как изучение механизмов, которые ребенок использует для производства речевого высказывания, «позволяют увидеть в новом свете единицы и категории постигаемого языка, их системные связи и закономерности, разграничить универсальные и идиоэтнические компоненты, выявить реальную иерархию языковых правил и т. д.» [1]

Теоретическую базу отечественной науки по детской речи составляют работы Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Гвоздева, И.Н. Горелова, Б.М. Гриншпуна, Н.И. Жинкина, А.В. Запорожца, И.А. Зимней, Р.Е. Левиной, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурия, В.К. Орфинской, Е.Н. Тихеевой, Р.М. Фрумкиной, М.Е. Хватцева, Н.Х. Швачкина, Д.Б. Эльконина. В последние десятилетия изучением речи детей занимаются И.Н. Горелов, Н.С. Жукова, Е.И. Исенина, Е.С. Кубрякова, Р.И. Лалаева, Н.И. Лепская, Е.Ю. Протасова, Т.Б. Филичева, В.К. Харченко, С.Н. Цейтлин, А.М. Шахнарович и др.

Раздел лингвистики онтолингвистика занимается изучением онтогинеза речи и детской речи: формирование речевой способности ребёнка, возникновение и дальнейшее развитие индивидуального языка и дальнейшие возрастные изменения в языке индивида [2].

Детская речь дает исследователям важный материал в силу того, что она достаточно специфична и требует особого подхода, обусловленного необходимостью проследить любое языковое явление в его динамике, развитии, становлении, индивидуальном своеобразии [2].

Исследователи делают большой акцент на определение статуса онтолингвистики, а именно является ли она отражением «взрослого» варианта

языка или же принципиально иная научная дисциплина, требующая иных подходов и методологий [2].

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что в таком случае детская речь выступает «как своего рода плацдарм для испытания объяснительной силы разработанных применительно к «взрослой» лингвистике теоретических концепций» [2].

Нам представляется, что ранняя вербальная деятельность управляется не чисто языковыми правилами, а теми, которыми ребенок овладевает через обобщение языковой деятельности. Свое начало эти правила берут в практической (предметной) деятельности.

Кроме того, можно полагать, что при овладении системой языка в детстве формируется некая обобщенная система элементов, коррелирующая с системой языка (но не тождественная ей). Можно так определить языковую способность: это многокомпонентная функциональная система, являющаяся следствием отражения (и генерализации) элементов системы родного языка [3].

Стелла Наумовна Цейтлин отмечает, что поскольку ребенок конструирует языковую систему, исходя из потребности выразить определенные речевые смыслы, доступные его возрасту и актуальные для тех ситуаций и видов деятельности, в которые он вместе со взрослым вовлечен, языковые системы детей, осваивающих один и тот же язык, оказываются в некотором отношении близкими одна с другой (поскольку являются сходными не только ситуации общения, но и ситуации, являющиеся объектами описания), к тому же до некоторой степени однотипен и получаемый ими речевой инпут. Кроме того, в каждой культуре являются социально отработанными и традиции поведения с детьми. В целом, как нам представляется, можно говорить о некоем «детском» варианте каждого языка. Заметим, что оппозиция языка и речи в детском возрасте не прочерчена четко. Перед маленьким ребенком стоит задача из представленных в его речевом опыте речевых фактов сконструировать собственную целостную языковую систему, переходя от одного возрастного этапа к другому [1].

Мы в нашем исследовании «образ профессии в языковом сознании дошкольников», смотрели на детскую речь с точки зрения определения уровня сформированности самого образа профессии, а так же лексических и грамматических особенностей тех языковых единиц, которые дошкольники использовали при определении профессии по картинке и описании основных качеств и характеристик, которыми они наделяли тех или иных профессионалов.

В средней группе детского дошкольного учреждения, в котором мы проводили эксперимент, вопросы: какой он/она, какой он/она должен быть, какой он/она по характеру, какими качествами он/она обладает/должен обладать — вызывали затруднения. Дети или молчали, или пе-

респрашивали. Приходилось стимулировать их наводящими вопросами: «Посмотрите, как он одет, какая у него аккуратная одежда, какой он?», или задавать общий вопрос, который уже содержал описательное прилагательное, а дети соглашались или нет. После этого они описывали дальнейшие картинки, уже пользуясь прилагательными, которые мы отработали, или использовали свои. Язык у детей был скудным. Характеристики довольно примитивные: хороший, добрый, милый.

Значительно отличались ответы на вопрос, почему они хотят выбрать эту профессию. Характеристики мальчиков отличались большей жесткостью и категоричностью. Были положительные характеристики: «милиционером, потому что он всех защищает, они хорошие», «пожарником, потому что я давно не был пожарником, хорошо быть, потому что он хороший», «Пошёл бы в спецназ, чтобы арестовывать и защищать людей», «Спасателем, потому что всех спасает». Также мы столкнулись с тем, что были и отрицательные характеристики в общечеловеческом, нравственном понимании, но говорящие о том, что в настоящее время профессии в правоохранительных структурах рассматриваются не как охраняющие, а как обладающие властью: «милиционером, потому что всех мочит, чтобы денег больше было, они бывают зелеными, они с палками, они убивают и в клетку могут посадить».

До сих пор популярность сохранила профессия космонавта, но она приобрела современное звучание, связанное с тем, что писатели-фантасты создали реальность, где космонавты путешествуют к другим планетам. Денис: «космонавтом, потому что я там еще не был, нужно аккуратно одеваться и хорошо одевать шлем, ему это не тяжело. Я полечу на другую планету — посмотрю».

У девочек выбор профессий был больше. Конечно, здесь встречались и привычно женские профессии: врач, учитель, повар. Интересным был ответ на вопрос, почему одна девочка хотела стать поваром, а другая официанткой: «Официанткой, чтобы всем еду подавать», «Поваром, потому что готовит».

Сравнительно немногие девочки хотят стать моделями и певицами, в нашем опросе их было всего две. Появляется интерес и к творческим профессиям: «Я хочу стать художником, потому что рисую хорошо, буду рисовать картины», «Я хочу стать дизайнером, потому что буду проектировать что-нибудь».

Девочки чаще всего просто описывали профессионалов общими прилагательными: хороший, красивый, добрый.

На втором этапе нашего эксперимента опрашивались дети в подготовительной группе детского сада в возрасте 6—7 лет. Теперь детям не предоставлялся зрительный образ, они сами должны были назвать ряд отличительных черт и характеристик по названию профессии. Нами было отмече-

но, что дети хорошо узнают профессии по картинкам, о многих из них знают, хотя такая «модная» в прошлом профессия, как менеджер, известна ребятам, но что-то сказать о ней могут только некоторые. У Димы (6 лет) прозвучало описание менеджера, как городского менеджера, это новомодное изобретение «сити-менеджер» было подмечено ребенком. Также интересно было отметить, что директор для дошкольников в первую очередь — это директор в школе, так как они собираются в школу, и уже имеют представление о её структуре.

Конечно, дети хорошо выделяли отличительные черты тех профессионалов, которые носят униформу, а именно: врач — 1) он одет в белый халат, со специальным колпачком, белым, 2) у него еще есть такие специальные штанишки и кофточка, в брюках, в специальной шапочке, чемодан, 3) лечит детей, в белом халате, есть специальный значок, красный крестик; полицейский — 1) у него специальная шапочка, он одет в специальную одежду, 2) есть специальная машина с мигалкой, включают мигалку, и все машины понимают, что они опаздывают, 3) фуражка, одежда такого цвета, как и рубашка, арестовывает людей, которые нарушают правила дорожного движения. Интересно, что полицейский у детей, в первую очередь, ассоциируется с инспектором дорожной службы, так как чаще всего они сталкиваются с ним на дорогах. Дети так же хорошо описывали строителя, пожарного, военного, так же из-за униформы. Учитель у детей ассоциируется с указкой и математикой, вероятно, этот предмет вызывает у них большие затруднения, и поэтому так актуален.

Можно сделать вывод, что дети в возрасте 6—7 лет имеют яркий образ профессионала, их характеристики отличаются аргументированностью. Теперь для описания им не нужен зрительный образ.

Библиографический список

1. Цейтлин, С.Н. Направления и аспекты изучения детской речи / С.Н. Цейтлин // Детская речь как предмет лингвистического исследования. — СПб., 2004. — С. 275—278.

2. Цейтлин, С.Н. Язык и ребёнок. Лингвистика детской речи.// С.Н. Цейтлин — М.: Владос, 2000. — 240 с.

3. Шахнарович, А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. — М.: Наука, 1991. — С. 185—220.

УДК 821.111 + 81’1(470.55)

УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН В АМЕРИКАНСКИХ МЕДИАТЕКСТАХ

Т.Ю. Передриенко

В статье рассматриваются отличительные особенности медиатекстов с лингвистической точки зрения. Автор раскрывает особенности репрезентации действительности в средствах массовой информации США на примере текстов об Уральском регионе.

Ключевые слова: лингвокультура; медиатекст; медиаграмотность; средства массовой информации (СМИ); языковая картина мира.

Со второй половины XX века начинается стремительное развитие средств массовой информации (СМИ). Активно увеличивается объем текстов, распространяемых по каналам СМИ, совершенствуются информационные технологии. Влияние средств массовой информации на современного человека заметно возрастает. Развивается всемирная сеть Интернет и образуется новое информационное пространство.

И теперь, как отмечает Л.Г. Антонова, «современная языковая личность живет в пространстве медиатекстов, представленных контекстом массовой информации» [1]. Медиатексты, фиксирующие происходящие события, в настоящее время являются одним из самых доступных источников информации. И именно массовость медиатекстов, свойственная им при создании и при потреблении, делает их интересным материалом для исследования языковой картины мира носителей различных лингвокультур.

Под медиатекстом мы, вслед за вслед за А.В. Федоровым, понимаем сообщение, изложенное в любом виде и жанре медиа [2]. Ученые выделяют четыре основных типа медиатекстов:

- новости;
- информационная аналитика и комментарий;
- текст-очерк, иначе говоря, любые тематические материалы;
- реклама [3].

Новости выполняют информативную функцию, аналитические медиатексты отличаются тем, что они не только информируют, но и оказывают воздействие за счёт выражения мнения и оценки. В текстах-очерках (публицистике) оказывается воздействие за счет художественно-эстетических средств, а рекламные медиатексты привлекают внимания целевой аудитории к тому или иному предложению на рынке, с целью побудить воспользоваться рекламируемыми услугами или товаром.

При подборе материалов из американских СМИ, в которых упоминается уральский регион, нам встретились все четыре типа медиатекстов. Те-

матическая выборка текстов была сделана по электронным версиям печатных изданий Америки и крупным новостным сайтам. Для анализа были взяты материалы из The New York Times (http://www.nytimes.com/), Wasington Post (http://www.washingtonpost.com/), San Francisco Chronicle (http:// www.sfchronicle.com/), Los Angeles Times (http://www.latimes.com/), CBS (http://www.cbsnews.com/), NBC News (http://www.nbcnews.com/), CNN (http://edition.cnn.com/), Fox News (http://www.foxnews.com/) и др.

В американских СМИ в последнее время отмечается заметный всплеск интереса к Уральскому региону. Мы считаем, что это связано с двумя событиями, произошедшими в 2013 году: падением «челябинского» метеорита и выходом на экраны фильма американского режиссера Ренни Харлина «Тайна перевала Дятлова» (The Dyatlov Pass Incident) о загадочном происшествии в Уральских горах в 1959-м году.

Ежедневно в мире происходит множество различных событий, но, как точно отмечает Т.Г. Добросклонская, только часть из них освещается средствами массовой информации. На полосы газет и в новостные программы попадают лишь те события, которые обладают «новостной ценностью» [3]. Большинство исследователей сходятся в том, что «новостная ценность» того или иного события определяется целым рядом факторов: новизной, актуальностью, пространственной или психологической близостью к получателю информации, значимостью, возможными последствиями для массовой аудитории, фактором человеческого интереса, конфликтностью [3].

Указанные выше события явно имели и имеют «новостную ценность», о чем свидетельствует количество публикаций о них в СМИ. Из 120 проанализированных текстов более 60 было о метеорите и около 20 было посвящено выходу фильма и самой загадке перевала. Интересно отметить, что эти события освещались не только в день падения метеорита и в день выхода фильма на экраны, но достаточно долгое время после этих событий. Нами были выделены три типа медиатекстов, посвященных данным событиям: новости, информационная аналитика и тексты-очерки.

Одним из важных факторов, который определяет «новостную ценность» является конфликтность или негативный характер информации. Т.Г. Добросклонская считает, что в мировой журналистской практике широко распространено мнение, что «плохие» новости гораздо привлекательнее «хороших». Действительно, в силу определённых особенностей человеческой психики, сообщения, содержащие негативную информацию, о всякого рода катастрофах, террористических актах, катаклизмах, этнических и прочих конфликтах и т. п., вызывают гораздо больший интерес, чем «обычные» новости [3].

Именно поэтому в выборке медиатекстов, в которых упоминается уральский регион, так часто встречаются «плохие» новости. Это тексты о разрушениях, вызванных падением метеорита, о происшествии в Челябинске, о расстреле царской семьи в Екатеринбурге, о воспитаннике челя-

бинского интерната Максиме Каргапольцеве, которого более года не может усыновить американская семейная пара и др. В данных медиатекстах нами было отмечено большое количество лексических единиц с отрицательной коннотацией: *shock, apocalyptic scenario, disaster, explosion, blast, misfortune, chaos, panic, havoc* и другие. Авторы данных медиатекстов, описывая уральский регион, используют следующие эпитеты: *the worst-hit, eerie, traumatic* и метафоры: *trouble pocket of Russia, home of nuclear and chemical weapons disposal facilities*.

Метафоры активно используются в медиатекстах, так как с их помощью удается создать новый запоминающийся образ. Имплицитно выраженная положительная или отрицательная оценка в медиатексте явно незаметна, но она обязательно присутствует. Например, в американских медиатекстах нами были отобраны следующие метафорические определения уральского региона: *constellation of defense industrial cities; meteor Disneyland, trouble pocket of Russia, home of nuclear and chemical weapons disposal.* Сравнение уральских городов с созвездием (constellation) говорит о единстве региона и о значимости каждого его города (звезды этого созвездиия) для обороны страны. Диснейленд — один из известнейших парков развлечений, привлекающий туристов со всего мира. После падения метеорита наш регион, по мнению американцев, тоже станет интересным и туристически привлекательным. Сравнение с карманом (pocket), наоборот, говорит о закрытости и недоступности нашего региона, а определение «проблемный» (trouble) указывает на то, что здесь неспокойно и часто случаются разные происшествия. О значимости уральского региона и, в частности, Челябинской области для атомной энергетики известно уже давно не только в России, но и за рубежом, что и вербализуется в метафоре *home of nuclear and chemical weapons disposal*. Итак, мы видим, что метафорическое описание одного и того же объекта в каждом медиатексте имеет свое особое звучание и выражает свою особую оценку.

Анализ медиатекстов также показал, что американцы плохо знакомы с уральским регионом, они не имеют четкого представления о его месторасположении: *Chebarkul, a run-down town in the Syberian wilderness, Chelyabinsk is the factory town separated by great expanses of uninhabited forest*. Называя, какой либо город нашего региона, американцы определяют его месторасположение по отношению к Москве: *Chelyabinsk, an industrial city about 1,500 kilometers (900 miles) east of Moscow;* или же вообще стараются описать место, не называя его: *the ground 50 miles west of Chelyabinsk, a lake west of Chelyabinsk*. Носители американской лингвокультуры недостаточно хорошо знакомы с нашими реалиями, о чем свидетельствует как неверное написание населенных пунктов: *Cher<u>r</u>barkul, M<u>e</u>gnitogorsk* так и использование несоответствующих топонимов: *they are hunting for the meteorites in <u>Russian sea</u>*. Словосочетание *Russian sea* используется для названия озера Чебаркуль.

Гораздо более точное знание уральских реалий было отмечено нами в медиатекстах рекламного характера. Мотоциклы марки «Урал», производимые в небольшом городе Ирбит (Свердловская область) хорошо известны во многих странах, так как основными рынками сбыта мотоциклов являются США, Австралия, Новая Зеландия и некоторые европейские страны. В США существуют клубы владельцев «Уралов», поскольку только 650 мотоциклов в год Ирбитский мотоциклетный завод (ИМЗ) продает в эту страну. В медиатекстах об ИМЗ абсолютно точно переданы аббревиатуры, названия всех имен собственных, названия моделей. Отношение американцев к мотоциклам «Урал» и ИМЗ отражается в следующих метафорах: *Russia's jeep,* (*Irbit) a mecca for the Russian motorcyclists, (Irbit) a biker's heaven*, в которых лексические единицы *mecca* и *heaven* поднимают данную продукцию и производителя до недостижимого уровня. Однако, сам город Ирбит видится носителям американской лингвокультуры достаточно нерадостным: *Irbit's factory sits on the rim of a ramshackle town of wooden buildings and rutted dirt roads on the Siberian side of the Urals, IRBIT is a small city in western Siberia, situated on the bleak plains east of the Ural Mountains, Irbit, a frozen windswept outpost on the steppe*. В американском медиатексте акцентируется внимание на холодном климате, заброшенности и недостаточной чистоте этого района.

В заключении отметим, что работа с медиатекстами — это важный этап в формировании медиаграмотности носителей лингвокультуры, в развитии навыков и умений, которые позволят проанализировать, оценить и понять как вербализуется языковая картина мира в средствах массовой информации носителей различных лингвокультур.

Библиографический список

1. Антонова, Л.Г. Медиатексты в современной массовой коммуникации / Л.Г. Антонова // Ярославский педагогический вестник. — 2011. — № 2 — Том I (Гуманитарные науки). — С. 275—278.

2. Федоров, А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности / А.В. Федоров. — Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2010. — 64 с.

3. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: моногр. / Т.Г. Добросклонская. — М.: Наука, Флинта, 2008. — 264 с.

УДК 81’234 + 81’271

«СВОЙ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

А.Р. Файзрахманова

Изучение этнического сознания в его языковой форме дает возможность раскрыть особенности образа мира, присущего представителям того или иного этноса. Образ мира является основополагающей компонентой культуры этноса и индивидуален для каждой культуры. В статье описывается то, что современные студенты вкладывают в образ своего, по результатам свободного ассоциативного эксперимента, и какие трудности могут возникнуть в ходе исследования данного образа.

Ключевые слова: языковое сознание, культура, межэтнический конфликт, ассоциативный эксперимент.

Особенности межкультурных различий, находящие свое отражение в языке и сознании, становятся одним из наиболее актуальных направлений, разрабатываемых в настоящее время в отечественной психолингвистике. Взаимосвязь культуры, национального самосознания и языка проявляется в базовых значениях (понятиях) каждой культуры. Психолингвистическая интерпретация данных, представленных в языке, позволяет рассматривать последние как репрезентацию особых знаний, стоящих за фактами (знаками) естественного языка.

Согласно психолингвистической (и психологической) концепции, реальный мир через посредство «своей» культуры отражается в сознании личности в виде образа мира, воспринимаемого личностью как единственно верное, объективное мировидение. Кажется вполне объяснимым, что именно «свой» образ мира предстает как истинный: мы убеждены, что объективно воспринимаем суть окружающих нас реалий, не осознавая, что на самом деле, включаем их в схемы и отношения, заданные собственной культурной традицией [1].

Е.Ф. Тарасов рассматривает значение как эквивалент образа сознания: «Идеальный образ предмета, т.е. значение, не зависит целиком от самого предмета, а в значительной мере зависит от той деятельности, которая была направлена на этот предмет и продуктом, которого было формирование идеального образа» [5]. Следовательно, образ сознания может быть соотнесен с ассоциативным, но не с лексическим значением соответствующей языковой единицы. «Образ сознания, ассоциированный со словом — это одна из многих попыток описать значения, используемые при производстве и восприятии речевых сообщений. А имя (слово, тело знака) — это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт

каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре. «Назвать» — значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение — значит понять, включить в свое сознание» [6]. Значение в психолингвистике, таким образом, понимается шире, чем в традиционной лингвистике, причем особую роль в формировании и развитии значения играют этнокультурные факторы. При таком понимании значения основным методом его исследования является ассоциативный эксперимент, позволяющий выявить структуру ассоциативного значения.

Ассоциативный эксперимент рассматривается нами как один из возможных способов описания образа «своего» в языковом сознании современных студентов.

Осенью 2011 года нами был проведен ассоциативный эксперимент, в котором участвовали студенты 1—2 курсов разных вузов Челябинска. Всего принимало участие 274 респондента, из них девушек — 162, юношей — 112. В результате были получены следующие реакции на слово-стимул «свой». В первую очередь свой — это человек (20), дом (14), друг (12), телефон, учебник, мир, парень. Обратимся к Толковому словарю С.И. Ожегова, где свой — это принадлежащий себе, имеющий отношение к себе (любить свою Родину, сделать что-нибудь своими руками, жить своим трудом, делать свое дело) [4].

Важными характеристиками своего являются такие как проверенный, знакомый, надежный, лучший, близкий, нужный, собственный.

Многие респонденты соотносят образ «своего» с родственными и дружескими связями: брат, братан, друг, приятель, партнер, напарник, чувак. Данная связь отражается и в толковых словарях, где свой — это родной или связанный близкими отношениями, совместной деятельностью (своих не узнаешь, свои люди — сочтемся, свой человек, он парень свой, в кругу своих) [4].

Оппозиция свой — чужой (15), является весьма устойчивой в сознании современных студентов, в ассоциативном поле в целом представлена следующим образом: чужой, иной, или чужой, ничей.

Свой—чужой — одна из базовых культурно-психологических оппозиций, формирующих когнитивную ценностно-оценочную систему знаний и отражающая уникальность восприятия и интерпретации реального мира, обусловленных особенностями конкретной культуры. Отражая меж- и внутриэтнические отношения, оппозиция свой—чужой связана с такими психологическими явлениями как формирование этнического (национального) самосознания, социального поведения и т. д. Каждая личность принадлежит социуму и этносу в целом, поэтому она вовлечена в многообразные и многоуровневые отношения своего и чужого в культуре: от относительно немногочисленной социальной группы до этнической общности [3]. Поэтому оппозиция свой—чужой проявляет себя во многих отношениях:

кровнородственных (свой—чужой род, семья, клан), этнических (свое—чужое племя, народность, нация), языковых (свой/родной — чужой /иностранный язык, говор, диалект), конфессиональных (своя—чужая вера, религия), социальных (свое—чужое сословие, коллектив, сообщество) и т. д. В зависимости от методов научной области, в которой данная оппозиция подвергается рассмотрению и исследованию, она получает разную интерпретацию.

Каждый народ, писал Г. Штейнталь, образует более или менее замкнутое сообщество, и каждый народ носит на теле и душе «отпечаток» своей особой природы. Он сохраняется и в языковом сознании личности — представителя конкретного народа. Самобытность народного духа, о котором писал В. фон Гумбольдт, воплощается, с одной стороны, в языке, и, с другой, формируется и поддерживается многочисленными формами традиции [2].

В целом участники эксперимента демонстрируют то, что свой — это родной, близкий человек. Благодаря ассоциациям респондентов можно увидеть, что они испытывают теплые и даже нежные чувства к образу своего. Также можно отметить то, что у некоторых студентов возникало чувство собственничества при виде данного стимула (собственный, мой, личный, твой).

Одним из основных моментов, который нам удалось выяснить — это то, что большое количество студентов ассоциируют образ своего с образом чужого. Реальность оппозиции свой—чужой может быть конкретизирована в виде набора других оппозиций (вариантов): прямой конкретизации (мы—они, человек—не человек), оценочных оппозиций (хороший—плохой, правильно—неправильно, норма—отклонение), пространственных отношений (близкий—далекий, личный—общий), качественных (живой—мертвый, белый—красный, христианин—нехристь, подлинный—поддельный), темпоральных (постоянный—временный, единичный—частотный), аффективно—социальных и социальных (друг—враг, родной—посторонний), связанный с личным или социальным пространством (домашний—привозной, заводской/фабричный) и т. д. Отношения «своего и «чужого» пронизывают все стороны жизни общности и во многом определяют ее сознание: люди часто строят свои взаимоотношения, руководствуясь представлениями о «своем/своих» и «чужом/чужих». Поэтому варианты, в которых данная оппозиция представлена в той или иной культуре, многочисленны.

Поскольку личность проходит социализацию в «своей» культурной среде, последняя формирует систему норм и ценностей, в соответствии с которыми воспринимается и получает оценку объект. Мы понимаем норму как субъективно-объективное представление о естественном, верном или единственно возможном способе (способах) существования, состояния, отношения и взаимодействия явлений, предметов, событий реального ми-

ра. Норма является объективной, поскольку формируется социальным окружением индивида, и субъективной, поскольку ее формирование осуществляется и через личный опыт личности. Добавим, что в этом отношении «свое» воспринимается не как «лучшее» в сравнении с «чужим», но и как «естественное», «нормальное». В этом случае то, что не соответствует этой норме, воспринимается негативно. Одновременно происходит постоянная активизация положительного «мы» — образа, который всегда переживается аффективно.

Таким образом, приписывание явлениям действительности тех или иных признаков, как объективно присущих им, на самом деле определяется уникальной нормой конкретной культуры. На основании этих признаков объекты могут, в конце концов, в соответствии с действием ментальной модели, автоматически и в ряде случаев неосознанно относиться к классу «своих» или «чужих» [1].

Библиографический список

1. Балясникова, О.В. «Свой — чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур. Диссертация кандидата филологических наук / О.В. Балясникова. — М., 2003.

2. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и их влияния на духовное развитие человеческого рода. Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт. — М., 1984.

3. Кон, И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И.С. Кон. — М., 1984.

4. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой — М.: Русский язык, 1990. — 816 с.

5. Тарасов, Е.Ф. Психолингвистические проблемы семантики / Е.Ф. Тарасов. — М., 1983.

6. Уфимцева, Н.В. Этнические константы и структура языкового сознания славян. Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тезисы докладов международной конференции / Н.В. Уфимцева. — Екатеринбург, 2001. — 136 с.

УДК 81’253

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Е.В. Шапкина

Статья посвящена принципам перевода личных документов для их дальнейшего представления в государственных органах другой страны. На основе анализа деятельности ряда переводческих агентств автор статьи рассматривает перевод личных документов в двух аспектах: как процесс и как результат этого процесса, т.е. письменный текст. В результате получены следующие выводы: процесс перевода личных документов предполагает работу группы специалистов; требует особой точности при передаче юридической терминологии, прецизионной информации, композиционной структуры документа, соблюдения требований к правилам заверения и оформления.

Ключевые слова: перевод, точность перевода, личные документы, апостилирование.

Как известно, в течение последних двух десятилетий переводческая отрасль в России испытывает небывалый подъем и активное развитие, что проявляется, прежде всего, в увеличении объемов переводов, расширении тематики и номенклатуры стилей переводимых текстов, диапазоне языков перевода, и, как следствие, появлении большого количества бюро и агентств переводов, предлагающих услуги по осуществлению самых разных видов перевода. При этом характерной особенностью является то, что в качестве заказчиков переводов все чаще выступают не юридические, а физические лица, т. е. обычные граждане, выезжающие за рубеж с самыми разными целями: для работы, отдыха, учебы и т. д.

По оценкам представителей переводческих агентств перевод личных документов на сегодня является одним из самых востребованных видов перевода. Однако, принципы выполнения данного вида перевода еще не получили подробного описания в академических изданиях. В связи с этим, целью настоящей статьи является обобщение данных принципов с точки зрения теории перевода на основе анализа деятельности ряда переводческих агентств.

Прежде всего, на наш взгляд, следует привести номенклатуру тех жанров официально-делового стиля, профессиональный перевод которых (с/на иностранные языки) пользуется спросом:

- паспорта, банковские выписки, документы о регистрации транспортных средств (технических паспортов), водительские удостоверения, трудовые книжки, справки о несудимости, характеристики с места учебы/работы, военные билеты, разрешение на ношение оружия, различные виды доверенностей;

○ документы, выданные образовательными учреждениями Российской Федерации (дипломы о среднем/высшем образовании, дипломы кандидатов и докторов наук, аттестаты государственного образца, свидетельства об окончании учебных курсов, повышении квалификации и т. д.);

○ документы, выданные органами регистрации актов гражданского состояния (свидетельства о рождении, свидетельства о заключении/расторжении брака, свидетельства об усыновлении/установлении отцовства, свидетельства о смерти, перемене имени/фамилии и т. д.) [2].

С точки зрения лингвистической классификации, данные тексты относятся к официально-деловому стилю, который действует в сфере официальных отношений. При этом участниками общения в данных текстах выступают различные государственные органы, как внутри конкретной страны, так и за ее пределами. Участие самого владельца личных документов в такой коммуникации является лишь опосредованной. Целью коммуникации в личных документах является передача информации об их владельце и его включение в различные виды взаимодействий с другими гражданами, а также организациями, предприятиями и учреждениями.

Такая ситуация и цели общения определяют основные черты всех жанров личных документов: точность, ясность формулировок, высокая степень стандартизации клише и устоявшихся оборотов, композиционной структуры, графических средств, а также безличность повествования, полное отсутствие эмоционально-оценочных лексических средств [6]. Порядок составления большинства личных документов прописывается в государственных стандартах.

С точки зрения транслатологической классификации текстов, разработанной немецким переводоведом К. Райс, данные документы относятся к текстам, ориентированным, прежде всего, на передачу содержания, т. е. выполняющим репрезентативную функцию [1]. В связи с этим, особую важность при переводе имеет точность передачи фактической, т.е. прецизионной информации: терминологии, цифр, дат, номеров документов, имен собственных. Причем последние должны передаваться согласно действующему стандарту транслитерации.

Кроме того, высокая степень точности требуется и при передаче композиционной структуры, т. к. с точки зрения стилистики личные документы относятся к текстам с жесткой структурой, имеющим стереотипную композицию. В связи с этим, перевод наиболее востребованных, т. е. типовых документов (паспортов, водительских удостоверений, свидетельств о регистрации транспортных средств, свидетельств о рождении, смерти, браке, разводе, дипломов, аттестатов и приложений к ним, справок о судимости/несудимости, выписок из банка, справок о состоянии счета, заработной платы), текстов осуществляется по отработанному на практике шаблону. К менее востребованным (нетиповым) документам относятся: доверенно-

сти, медицинские справки, свидетельства о собственности, ПТС, свидетельства о прохождении обряда крещения, принятии ислама. В этих случаях также сохраняется композиционная структура, и подбираются соответствующие речевые клише исходного документа, однако, стоимость перевода, как правило, выше [3].

Следующим важным моментом является учет правил оформления перевода личных документов. Так, в большинстве случаев перевод документа должен иметь нотариальное заверение, а в некоторых случаях, пройти еще и процедуру апостилирования, т. е. проставление специального штампа, содержащего слово «APOSTILLE» и удостоверяющего подлинность подписи и качество, в котором выступало лицо, подписавшее документ, а также подлинность печати или штампа на документе. Кроме того, перевод некоторых документов, например, документов об образовании (по требованию учебных заведений), заверяется штампом о правильности перевода, подписью переводчика, печатью бюро переводов, а в некоторых случаях необходима процедура легализации МЮ и МИДА, либо консульской легализации, т. е. подтверждения того, что документ соответствует законодательству государства [4].

Очень важным моментом при переводе личных документов является также внимательность, скрупулёзность и профессионализм работников переводческих агентств. Ошибки, неточности и простые опечатки могут привести к тому, что переведенный документ не будет признан официальными органами той страны, для которой они предназначаются или привести к более серьезным последствиям для заказчика.

Рассматривая особенности перевода личных документов как процесс, следует указать на расширение в нем роли самого заказчика. Так, в большинстве переводческих бюро обязательным этапом перед нотариальным заверением является согласование перевода с клиентом, т. е. сверка личных данных, дат, цифровых сведений и т. д.

Следует отметить, что перевод личных документов чаще всего является результатом работы группы специалистов из нескольких областей. Как правило, такая работа предполагает следующий порядок и содержание:

- сначала заказчик предоставляет копию документа клиент-менеджеру, который консультирует его по всем возникающим вопросам: ценах и сроках, способах оплаты, методах работы над документом;
- затем начальник отдела производит подбор специалиста, в зависимости от языка, тематики и специфики переводимого материала;
- после этого за дело берётся профессиональный переводчик, далее перевод проходит редакторскую вычитку.

В случае, если требуется нотариальное заверение перевода, апостиль или консульская легализация, менеджер проводит согласование перевода с

заказчиком и после этого передает его юристам [5]. Такой порядок работы обеспечивает высокое качество и своевременность выполнения заказов.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что особенностями перевода личных документов являются:

- четкое соблюдение и правильный подбор эквивалентов юридической, экономической и др. терминологии;
- корректная передача имен собственных с учетом действующих стандартов транслитерации;
- использование современных грамматических конструкций и лексических единиц, характерных для данного стиля;
- соблюдение особенностей композиционной структуры документа;
- учет стандартов оформления и форматирования текста перевода;
- отсутствие опечаток и неточностей;
- соблюдение особенностей законодательства тех стран, в которых переведённый документ будет использоваться;
- оперативность выполнения работы;
- конфиденциальность персональных данных клиентов.

Библиографический список

1. Райс, К. Классификация текстов и методы перевода. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. статей. / вступ. статья и общ. ред. В.Н. Комиссарова. — М.: Междунар. Отношения, 1978. — С. 202—228.
2. Перевод личных документов // www.transeurope.ru
3. Перевод личных документов // www.era24.ru
4. Апостилирование документов // www.ds72.ru
5. Перевод личных документов: паспорта, диплома, свидетельства, доверенности и т. д. // www.navigator-msk.com
6. Style of official documents // www.rescentr.ableikhan.kz

УДК 378.016:811.111

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРАКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ИННОВАЦИОННОГО ВУЗА

Ю.В. Баканова

В статье рассматривается использование современных интерактивных и телекоммуникационных технологий в обучении иностранному языку. Внедрение новых технологий позволяет превратить изучение иностранного языка в высокопродуктивный, мотивированный и инновационный процесс. Использование и внедрение современного мультимедийного оборудования способствует развитию у студентов навыков межкультурного общения со студентами вузов других стран.

Ключевые слова: проект, образовательный процесс, технологии, интерактивная доска, инновационный, межкультурная коммуникация.

В результате идущего сейчас процесса интеграции компьютерных технологий в образование, современные интерактивные и телекоммуникационные технологии стали широко использоваться в качестве средства интенсификации учебного процесса, в частности, при обучении иностранному языку. Техническое развитие как программного, так и аппаратного обеспечения дает широкие возможности применения компьютеров для проведения тестирования, тренировки грамматических навыков, навыков правописания, чтения, перевода и работы с текстом. Рассматривая компьютерные технологии как источник новых средств, способствующих повышению эффективности процесса обучения иностранному языку, необходимо отметить, что компьютерные технологии могут превратить изучение иностранного языка в высоко продуктивный, релевантный, мотивированный и инновационный процесс. Внедрение новых технологий в сферу образования ведет за собой переход от старой схемы репродуктивной передачи знаний к новой, креативной форме обучения. Одна из главных задач современного образования — это создание устойчивой мотивации у студентов к получению знаний, другая — поиск новых форм и инструментов освоения этих знаний студентами [1].

Особый интерес представляет использование современных телекоммуникационных технологий. Их потенциал в обучении иностранному языку еще недостаточно изучен. Применение таких технологий дает не только возможность отрабатывать основные языковые навыки, но и изучать культуру и традиции страны изучаемого языка, завязывать дружеские контакты

с носителями языка, работать над совместными проектами, принимать участие в дискуссиях со студентами вузов других стран.

Международные телекоммуникационные проекты уникальны для нас в том отношении, что они дают возможность создать реальную языковую среду. Никакие другие методы и технические средства не позволяли нам до этого создавать такие условия. Традиционно преподаватели иностранных языков были вынуждены ограничиваться на уроках условно-речевыми упражнениями и ситуациями. С их помощью можно создать мотивацию для иноязычных высказываний, но нельзя сформировать подлинную потребность, и, соответственно, подлинную коммуникацию. Международные проекты, которые организуются в Интернете на основе какой-то общей проблемы, исследование и решение которой одинаково интересны и значимы для партнеров разных стран, создает подлинную языковую среду [2, с. 243].

Компьютерные сети используются для организации общения различных лиц, начиная с 1969 года, и активно применяются в сфере образования во многих странах мира. Эта технология включает в себя компьютерные конференции, электронную почту, chat-линии, ICQ, MUD.

Чат-линии, позволяющие общаться в режиме реального времени, наряду с очевидными преимуществами обладают и существенными недостатками (несовпадение временных зон, сложность одновременной организации групповых занятий в нескольких учебных заведениях). Поскольку этот вид общения требует более высокого уровня владения языком, он не может быть использован на начальном этапе обучения.

Электронная почта (e-mail), в результате вышеизложенного, представляется эффективным средством, которое может использоваться на всех стадиях обучения иностранному языку. Преимуществом этой технологии является, прежде всего, отсутствие жестких временных рамок для ответа на сообщение. Студент, изучающий иностранный язык, имеет достаточно времени продумать, пересмотреть и отредактировать свое «письмо».

Современные телекоммуникационные технологии предоставляют широкие возможности для организации совместных образовательных проектов, объединяющих учащихся и преподавателей из различных стран и культурных групп. Существуют специализированные информационные ресурсы, предназначенные для организации такого рода проектов.

В последнее время все больше сторонников приобретает метод проектов. Проектная методика открывает доступ ученикам к новейшим информационным технологиям и самой современной технологии получения информации; дает возможность преподавателям в рамках одного метода реализовать личностно-ориентированный подход, увеличивать динамику мотивационной структуры, развивать в обучаемом творческую личность [3].

Для студентов предлагаются, в основном, проекты, связанные с общением между представителями различных культур и изучением иностранных языков.

Если общение по электронной почте идет с носителем языка, то их сообщения становятся текстом-моделью для изучающих иностранный язык. Являясь образцом аутентичной иностранной речи, сообщения носителей языка дают возможность изучать грамматические структуры и лексику иностранного языка в живом непосредственном общении. Знания, полученные в результате такого использования телекоммуникационных технологий, будут качественно отличаться от знаний, которые дают классические университетские курсы страноведения и культуры мира. Общаясь по электронной почте, студенты не только улучшают знания иностранного языка, но и приобретают навыки международного общения и сотрудничества, что выводит их подготовку на более высокий качественный уровень.

С методической точки зрения, преимуществом использования телекоммуникационных технологий в обучении иностранному языку является следующее: значительное улучшение качества письменной речи, так как она направлена на речевого партнера-носителя языка и общение ведётся в реальной ситуации; существенное развитие языковых навыков и словарного запаса, т. к. студенты максимально вовлечены в общение с аутентичной целью; более полное и глубокое восприятие культуры страны изучаемого языка, т. к. об обычаях и традициях рассказывают сами жители этой страны; развитие навыков работы с компьютером, преодоление барьера дискомфорта и неуверенности в общении с ним. Ещё одно немаловажное преимущество активного внедрения телекоммуникационных технологий в обучение иностранному языку, состоит в том, что значительно повышается мотивация студентов к изучению иностранного языка.

Например, общаясь со своими зарубежными сверстниками по электронной почте, студенты осознают, что изучение иностранного языка — это не только заучивание правил и выполнение домашнего задания. Студенты убеждаются, что это и интересный процесс, и что полученные ими знания могут эффективно применяться на практике, в естественном, прямом общении.

Для успешной работы с телекоммуникационными технологиями в обучении иностранному языку, необходимо соблюдать следующие условия: тщательный набор партнёров по общению, иначе отсутствие общих интересов сведёт процесс общения на «нет»; разработка графика обмена электронными сообщениями; выделение в учебном плане часов (специальных занятий) на обсуждение и анализ полученной информации. Использование телекоммуникационных технологий намечается также в рамках ряда специальных дисциплин, что будет способствовать работе студентов университета над совместными проектами с зарубежными вузами.

Глобальные изменения на всех уровнях технологии и общества требуют новых подходов в образовании. Телекоммуникационные технологии, обладая потенциалом глобальной интерактивности, обучения в совместной деятельности и неограниченной возможности продолжения обучения в течение всей жизни, являются частью новой структуры образования. Такая структура образования придает большое значение международному сотрудничеству, открывает новые возможности работы, обучения и разрешения всевозможных проблем.

В последнее время все больше сторонников приобретает метод проектов. Проектная методика изменяет традиционную классно-урочную систему в сторону гибкости и мобильности; открывает доступ ученикам к новейшим информационным технологиям и самой современной технологии получения информации; дает возможность преподавателям в рамках одного метода реализовать личностно-ориентированный подход, увеличивать динамику мотивационной структуры, развивать в обучаемом творческую личность.

Таким образом, интерактивные и телекоммуникационные технологии предоставляют дополнительные возможности совершенствования процесса обучения. Они способствуют развитию у студентов навыков межкультурного общения, так как обеспечивают реальное взаимодействие субъектов в глобальном пространстве, включающем в себя конгломерат культур. Участие студентов в телекоммуникационных проектах не только способствует приобретению знаний и формированию их речевых умений, но и воздействует на способности обучающихся справляться с непредвиденными культурно-обусловленными ситуациями в процессе межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / под. ред. Е.С. Полат. — М., 2000.

2. Резцова, С.А. Телекоммуникационные проекты в обучении иностранному языку / С.А. Резцова // Современные теории и методы обучения иностранным языкам: матер. второй междунар. науч.-практ. конф. «Языки мира и мир языка». — М.: Экзамен, 2006. — С. 243—245.

3. Полат, Е.С. Метод проектов на уроке иностранного языка / Е.С. Полат // Иностр. яз. в школе. — 2000. — № 3. — С. 3—9.

4. Harmer, Jeremy. How to teach English. An introduction to the practice of English language teaching. — Edinburg : Gate Longman, 2000.

УДК 81-13 + 821.161.1

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ КОНЪЮНКТИВНЫЕ И ДИЗЪЮНКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Д.В. Гудзенко

Статья посвящена исследованию отражения многообразия межличностных отношений в русском языке. Фразеологические единицы данного значения подразделяются на конъюнктивные (объединяющие людей) и дизъюнктивные (разделяющие людей).

Ключевые слова: процессуальные фразеологизмы, категория отношения, межличностные отношения, конъюнктивные отношения, дизъюнктивные отношения.

Важной задачей современного языкознания является исследование закономерности развития языка и его функционирование в рамках культуры. Именно в языке отражены национальные идеи и идеалы, именно он воспроизводит культурно-национальные установки и традиции народа.

Особый интерес в лингвистике межличностного общения представляет исследование способов номинации межличностных отношений. Как мы знаем, язык всегда является отражением действительности. Эмоциональная основа межличностных отношений означает, что они возникают и складываются на основе определённых чувств, которые возникают у людей по отношению друг к другу. Таким образом, неудивительно, что в языке и на уровне лексических, и на уровне фразеологических единиц эти чувства представлены во всём их многообразии. Единицы межличностного отношения сочетают в себе сему отношения, направленности и различных сем проявления отношения.

Объектом нашего исследования являются процессуальные фразеологические единицы семантической субкатегории «межличностные отношения». Как семантическая категория отношение изучается в языке недавно. Первое исследование семантического поля слов отношения было проведено Р.М. Гайсиной. В своей монографии «Лексико-семантическое поле глаголов отношения в русском языке» она определяет релятивную сему как «микропонятие об отношении в составе других понятий» [1]. Релятивная сема возникает в результате проекции различного рода отношений в плоскость языка.

Раскрывая сущность понятия «отношение» в психологии В.Н. Мясищев указывал на то, что психологический смысл отношения состоит в том, что оно является одной из форм отражения человеком окружающей среды [2]. Он раскрывал взаимозависимости, которые связывают познание людьми друг друга. Чувства, которые они при этом испытывают, разнообразны —

от безрассудной любви до с трудом подавляемой ненависти. Все эти чувства находят своё отражение и в языке. И.Г. Казачук в своей монографии «Процессуальные фразеологизмы русского языка (категории бытия и отношения)» [3] подразделяет всё многообразие отношений на 2 группы:
а) конъюнктивные — чувства, сближающие, объединяющие людей и
б) дизъюнктивные — чувства, разъединяющие людей, враждебные.

Во фразеологическом фонде русского языка имеется большое количество единиц для номинации межличностных отношений, возникающих на основе как конъюнктивных, так и дизъюнктивных чувств. Эти единицы образуют субкатегорию межличностных отношений.

На данный момент у нас всего собрано 332 фразеологических единицы субкатегории межличностного отношения в 4100 употреблениях. Абсолютное большинство из них описывает либор конъюнктивные, либо дизъюнктивные отношения людей друг к другу. Это связано с тем, что когда мы встречается с определённым человеком, у нас складывается о нём мнение и формируется определённое отношение, которое редко бывает нейтральным, и гораздо чаще может быть положительным или негативным.

Приведём примеры конъюнктивных отношений, выраженных фразеологическими единицами. В нашем материале выделяется несколько групп фразеологизмов, содержащих в своём значении интегральную сему «положительное отношение к чему—либо», то есть отношения, сближающие людей:

1) относиться с нежностью, симпатией, любовью;

— *не слышать (чаять) души в ком* — (устар.) — очень сильно, безгранично любить кого-либо; (определения фразеологических единиц взяты из фразеологического словаря под ред. А.И. Молоткова [4]);

2) относиться с покровительством, заботой;

— *держать под своим крылышком кого* — покровительственно относиться к кому-либо;

3) относиться с уважением;

— *склонять голову перед кем, склонить голову перед кем* (во 2-ом значении) — относиться с почтительным уважением к кому-либо; преклоняться перед кем-либо;

4) относиться с сочувствием;

— *болеть душой (сердцем) за кого-либо, о ком* (во 2 значении) — беспокоиться, страдать, переживать за кого-либо;

5) относиться с интересом, вниманием;

— *брать под наблюдение кого* — сделать кого-либо объектом пристального внимания;

6) проявлять склонность к близким отношениям;

6.1) склонность, инициирование любовных или брачных отношений:

— *предлагать руку и сердце кому, (предложить руку и сердце кому* — просить кого-то стать своей женой;

6.2) инициирование дружеских, приятельских отношений:

— *делать шаг навстречу (к) кому-либо* — предпринимать (предпринять) что-либо для сближения с кем-либо*;*

7) иметь согласованные, гармоничные отношения:

7.1) согласованные, гармоничные дружеские отношения:

— *выпить на ты* — вступить в приятельские отношения;

— *жить душа в душу с кем* — жить в полном согласии, гармонии;

7.2) согласованные отношения, связанные со вступлением в брак:

— *принимать предложение кого, чьё, принять предложение кого, чьё* — соглашаться выйти замуж за кого-либо.

Таким образом, проанализировав данный фразеологический материал, мы выделили основные ценности, составляющие ядро, доминанту внутреннего мира русского человека. Фразеологические единицы, описывающие отношения любви, нежности, симпатии, дружбы, заботы, уважения, сочувствия, гармоничных действий, дают представление о русском человеке как о тёплом, отзывчивом, любящем. Эти качества подчёркиваются и в компонентном составе фразеологизмов: *сердце, рука, душа, крылышко, принимать*. Чаще всего встречаются компоненты: *сердце, душа*, что подчёркивает важность душевных качеств в личности русского человека.

Теперь рассмотрим фразеологические единицы, обозначающие дизъюнктивные (негативные) отношения. Основная семантика группы — относиться равнодушно, враждебно, с раздражением, завистью, пренебрежением, недоверием, неблагодарностью. Присутствует квалифицирующая сема негативного отношения, недружелюбия, вражды, зависти, пренебрежения. Единицы с названным значением представляют широкую гамму разнообразных отношений русского человека к чему-то отрицательному — от равнодушия и предубеждения до враждебности и презрения. Можно выделить несколько подгрупп:

1) относиться безразлично, без симпатии, потерять интерес: *махнуть рукой на кого, на что* — перестать обращать внимание на кого-либо;

2) относиться враждебно, с раздражением:

— *с души воротит что, от кого* — нет сил терпеть кого-либо;

— *зуб точить (иметь) на кого (против кого)* - испытывать недовольство кем-либо, неприязнь к кому-либо;

3) относиться с завистью: *лавры спать не дают кого, чьи кому* — кто-либо испытывает чувство острой зависти к чужому успеху;

4) относиться с пренебрежением: *плевать с высокой колокольни* — относиться с презрением к кому-либо; *заживо хоронить кого* — считать ненужным, отжившим, ни на что не годным;

5) относиться с недоверием: *держать ушки на макушке с кем* (в 1-ом значении) — быть очень осмотрительным с кем-либо;

6) относиться с неблагодарностью: *забывать хлеб-соль какую, чью* — относиться с неблагодарностью к кому-либо, кто оказывал гостеприимство и расположение;

7) иметь несогласованные действия, противоречивые отношения:

1) отношения противодействия, борьбы: *бросать перчатку кому* — вступить в борьбу, вызвать на борьбу;

2) мешать, ограничивать кого-либо:

— *портить всю обедню кому, испортить всю обедню кому* — мешать в чём-либо, расстраивать что-либо, вредить как-либо;

— *выкручивать руки кому-либо* — мешать, противодействовать;

3) ставить в тяжёлое положение кого-либо:

— *портить кровь кому, испортить кровь кому* — причинять неприятности, огорчения и т.п.; раздражать чем-либо;

8) терять близкие отношения:

1) с семой отдаления: *держаться на почтительном (известном) расстоянии от кого* — избегать вступать в близкие отношения с кем-либо;

2) с семой разобщения: *чёрная кошка пробежала между кем* — произошла ссора у кого-либо, между кем.

Фразеологические единицы описывают отношения вражды, зависти, презрения, недоверия. Эти качества подчёркиваются и в глагольных компонентах фразеологизмов: *махнуть, воротит, точить, забывать, задирать, плевать, портить, выкручивать* и даже *хоронить*. Эти глаголы говорят сами за себя — в них присутствует сема презрения, враждебности и угрозы.

Библиографический список

1. Гайсина, Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1981. — 195 с.

2. Мясищев, В.Н. Психология отношений: под редакцией А.А. Бодалёва / вступительная статья А.А. Бодалёва. — М.: Издательство «Институт практической психологии». 1995. — 365 с.

3. Казачук, И.Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка (категории бытия и отношения): монография. — Челябинск: Издательство ГОУ ВПО «ЧГПУ», 2004. — 310 с.

4. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; под ред. А.И. Молоткова. — 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1987. — 543 с.

УДК 378.016:81 + 338.48:81

МЕТОД ПРОЕКТОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ТУРИЗМ»

Е.Г. Долгополова, Н.У. Кондакова

В статье рассматриваются профессиональные, общекультурные компетенции, должностные инструкции для студентов туристских специальностей, определен потенциал успешного применения метода проектов для формирования коммуникативной компетенции у данных специалистов.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, общекультурные компетенции, должностные инструкции, коммуникативная компетенция, метод проектов.

В последние годы в центре пристального внимания находится проблема модернизации профессионального образования. Разработаны новые образовательные стандарты, изменились критерии оценки уровня образования и подходы к формированию содержания образования, разрабатываются и апробируются новые методы организации учебного процесса. С одной стороны, увеличивается количество часов, отведенных на изучение дисциплины «иностранный язык», с другой стороны, возросшие требования к языковой подготовке стимулируют поиск более эффективных и динамичных методов обучения.

Среди объектов профессиональной деятельности специалистов направления подготовки 100400 «Туризм» в соответствии ФГОС ВПО названы потребители услуг туристской индустрии и их потребности. Говоря о профессиональных и общекультурных компетенциях, как ожидаемом результате профессиональной подготовки специалистов данного направления, разработчики стандартов отмечают способность к письменной и устной коммуникации на государственном и иностранных языках, готовность к работе в иноязычной среде, готовность к реализации проектов в туриндустрии, способность к реализации туристского продукта с использованием информационных и коммуникативных технологий, способность к эффективному общению с потребителями туристского продукта, умение организовать процесс обслуживания клиентов.

В соответствии с должностными инструкциями специалист туриндустрии должен уметь организовать процесс обслуживания клиентов (давать советы и рекомендации, консультации по особенностям природно-климатических и социально-демографических условий выбранного места отдыха), разработать и реализовать туристский проект, проводить рекламу выбранного места, описывать клиенту его достоинства и преимущества.

На основе требований ГОС ВПО и должностных инструкций можно сделать вывод, что профессиональный успех специалиста данного направления во многом зависит от сформированности коммуникативной компетенции и от умения создавать и продвигать туристский продукт.

В современной науке понятие коммуникативная компетенция довольно полно изучено, сформулированы определения, выделена структура, определены методы и походы к изучению. В рамках нашего исследования мы не ставим перед собой задачу детально изучить понятие «коммуникативная компетенция». Мы вслед за М.Н. Вятютневым под «коммуникативной компетенцией» будем понимать выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения; умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у участников до, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации [1]. Данное определение представляет для нас особый интерес, так как носит универсальный характер и не ограничивает понятие «коммуникативная компетенция» рамками иноязычного общения, напротив, рассматривает данное явление комплексно.

Сформированность коммуникативной компетенции дает преимущество специалистам многих направлений, в первую очередь тех, чья профессиональная деятельность базируется на субъект—субъектных отношениях. Для достижения поставленных целей разработано большое количество методов обучения, к наиболее эффективным относится метод проектов.

Данный метод успешно применяется при обучении первому и второму иностранным языкам студентов направления подготовки «Туризм». Метод проектов не относится к принципиально новым, однако, с момента возникновения в США в начале 20 века, претерпел ряд изменений. Метод проектов является интегрированным компонентом процесса образования и способствует переходу от теории к практике, соединяя академические знания с практическими навыками.

Метод проектов рассматривается нами как «способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы, которая должна завершиться реальным, осязаемым, практическим результатом, оформленным тем или иным образом» [2]. Как видно из данной трактовки понятия, в основе метода проектов лежит проблема. Рассматриваемая проблема должна быть значимой с исследовательской точки зрения и требовать применения теоретических знаний и умений. Особенностью такой учебной деятельности является ее прагматическая направленность на результат, получаемый в процессе изучения и решения проблемы.

Важным преимуществом проектной методики является стимулирование мотивации к самостоятельному выявлению и освоению знаний. Это происходит благодаря тому, что проект представляет собой индивидуаль-

ную работу, предоставляющую возможность проявить свой творческий потенциал и дающую ощущение самостоятельного достижения реального результата.

Организация работы студентов в рамках данного метода не ограничивается распределением тем будущих проектов. Для получения желаемого результата необходимо проработать все этапы проектной работы (подготовительный, организационный, завершающий и практический) [2], определить учебные задачи и цели, продумать пути взаимодействия преподавателя и студентов, разработать план.

Подготовительный этап предполагает выбор темы исследования, при этом особое значение имеет анализ, осмысление и обоснование социальной значимости темы. Тему проектной работы по своему усмотрению студент выбирает в соответствии с предложенными направлениями исследования или совместно с преподавателем формулирует свою. Данный вид деятельности требует от студента умения логически выстроить и представить аргументы в защиту выбранной темы. Приведем несколько примеров тем исследований студентов специальности «Туризм»: «Образ Николая II — тирана или мученика в экспозициях домов-музеев Урала», «Рим как центр религиозного туризма», «Плюсы и минусы развития туризма в регионах», «Основные тенденции развития туризма в России». На этом этапе студенту предъявляются требования, необходимые для выполнения работы, составляется план и график работы. Важно отметить, что чем четче составлен план работы, тем легче автору изложить свои мысли и сделать обоснованные выводы.

Следующий этап предполагает формулирование гипотез, выявление методов исследования, подбор теоретического материала, обсуждение полученных данных, проверка гипотез. После ознакомления с содержанием выбранной темы проекта студенту следует ознакомиться со справочной, научно-методической, специальной и дополнительной литературой, необходимой для написания работы, изучить интернет-источники. Определенное беспокойство вызывает тот факт, что для подбора теоретического материала студенты часто задействуют большое количество интернет ресурсов с непроверенной, неточной информацией. Зачастую такие интернет ресурсы представляют собой некорректно выполненный или даже машинный перевод статей с других языков (в первую очередь с русского). Для решения данной проблемы нами ведется работа по формированию и расширению библиографического списка, в который входят справочные издания, периодические издания, адреса баз данных электронных библиотек, а также интернет ресурсы, необходимые для грамотного подбора теоретического материала.

Завершающий этап включает в себя формулировку понятий, обобщений и выводов, оформление. Структура работы, как правило, включает: ти-

тульный лист, аннотацию, план, введение (где излагаются актуальность и основные положения темы, степень ее разработанности, новизна, объект и предмет исследования, цели и задачи, теоретическая и практическая значимость); основную теоретическую часть (где рассматриваются вопросы, раскрывающие тему), практическую часть (в которой разрабатывается, например, индивидуальный маршрут, тур, экскурсия и т. д.), заключение (где формулируются выводы и приводятся рекомендации) и список использованных источников.

Практический этап предполагает презентацию проекта, а также ее обсуждение. Наиболее эффективно такой вид учебной деятельности осуществляется посредством ролевой игры. Выступающий берёт на себя роль туроператора, в задачу которого входи привлечение внимания к своему туру наибольшего количества потенциальных клиентов. Среди остальных студентов роли распределяются в соответствии с различными туристскими потребностями (семейный, пляжный, активный отдых, наличие рекреационных ресурсов, бизнес тур и другие).

Защита проекта требует от студента умения выбрать и реализовать программы речевого поведения, учитывая особенности аудитории, ориентироваться в ситуации общения, а также логически выстроить и представить аргументы в защиту своей точки зрения.

Таким образом, метод проектов является эффективным средством формирования коммуникативной компетенции студентов направления подготовки «Туризм», а также способствует интегрированию теоретических знаний из разных наук, технологий, творчество, и направлен на получение практического результата, готового к внедрению.

Библиографический список

1. Вятютнев, М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах / М.Н. Вятютнев // Русский язык за рубежом. — 1977. — № 6. — С. 38—45.

2. Новые педагогическиеи информационные технологии в системе образования: учеб. пособие / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 272 с.

УДК 378.016:81

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

О.И. Ковалева

Статья рассматривает вопрос использования проектной технологии в процессе обучения иностранному языку. Даётся краткая историческая справка возникновения проектного метода, виды проектных технологий и этапы работы. Обоснована необходимость использования данных методов для развития самостоятельности и креативности обучающихся. Даётся пример использования проектного метода на практическом занятии.

Ключевые слова: самостоятельность, мотивация, навыки, обучение, практика, технологии, компетенции, проект.

Важную роль при обучении иностранным языкам в неязыковых вузах играет организация самостоятельной работы студентов. В последнее время широкую популярность в методике преподавания иностранных языков получили проектные технологии.

В основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков студентов, умение самостоятельно организовывать свои знания, развитие творческого мышления, умение ориентироваться в информационном пространстве.

Метод — это совокупность приемов, операций овладения определённой областью практического или теоретического знания, той или иной деятельности.

Проект — уникальный набор процессов, состоящих из скоординированных и управляемых задач с начальной и конечной датами.

Технология — совокупность методов и процессов, применяемых в каком-либо деле, в производстве чего-либо, а также научное описание таких методов [1, 2].

История проектного метода берёт свое начало в XIX веке, когда западные педагоги были заинтересованы личностно-ориентированным обучением. Метод проектов возник в 1920-е годы в сельскохозяйственных школах США в связи с развивающейся там все шире и шире идеей трудовой школы. Проектное обучение было направленно на то, чтобы найти способы и пути развития активного самостоятельного мышления ребёнка, чтобы научить его не только запоминать и воспроизводить знания, которые дает школа, но и уметь их применять на практике. Таким образом, метод проектов заключается в непосредственной связи учебного материала с жизненным опытом, их активной, познавательной и творческой совместной дея-

тельностью в практических заданиях (проектах) при решении одной общей проблемы.

Метод проектов успешно развивался благодаря педагогическим идеям американского педагога и психолога Дж. Дьюи, а так же его учеников и последователей В.Х. Килпатрика и Э.У. Колингса. Джон Дьюи предложил извлекать знания из практической самодеятельности и личного опыта ребёнка. Среди российских ученых методу проектных технологий большое внимание уделяли такие ученые, как С.Т. Шацкий, Б.В. Игнатьев, В.Н. Шульгин, М.В. Крупенина.

Использование проектных технологий в обучении иностранным языкам в вузе так же неразрывно связано с практическим применением иностранных языков в дальнейшей профессиональной деятельности студентов. Это помогает студенту быть более самостоятельным, совершенствует коммуникативную компетенцию в устном и письменном общении.

Интегративной целью обучения иностранного языка на современном этапе образования является способность и готовность студентов осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение в заданных государственным стандартом образования предметах.

Целью обучения иностранного языка является совершенствование всех компонентов иноязычной коммуникативной компетенции учащегося в процессе иностранной речевой деятельности, мобилизация творческих способностей и личного потенциала.

В соответствии с поставленной целью содержание обучения иностранного языка с использованием проектной методики являются лингвистические и социокультурные знания, которые формируются у студентов в процессе овладения новым языковым материалом.

Группа навыков и умений по оперированию знаниями, приобретаемыми в процессе проектной деятельности, включает интеллектуальные (умения работать с информацией, ориентироваться в информационном пространстве, систематизировать, выделять главные мысль, умение вести поиск новой фактической информации, анализировать гипотезу и её разрешение, умение делать обобщения и выводы, работать со справочными материалами); творческие (умения генерировать идею, находить несколько вариантов решения проблемы, прогнозировать последствия принятых решений, умение видеть новую проблему); коммуникативные (умение вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивать свою точку зрения) [3].

Проектные технологии наряду с информационными технологиями являются основой для формирования мотивации студентов, так как они получают возможность активно применять полученные теоретические знания для поиска решения коммуникативных и профессиональных задач; темы

для составления проектов должны быть актуальны и представлять интерес для студента.

Выделяют следующие этапы работы в формате проектной технологии:

1) определение проблемы и связанных с нею задач исследования;

2) выдвижение гипотезы;

3) обсуждение пошаговых методов исследования;

4) сбор релевантных данных;

5) анализ полученной информации;

6) оформление конечного результата и его представление в соответствующей форме: мультимедийной презентации; устного доклада; круглого стола;

7) подведение итогов.

Выделяют следующие виды проектных технологий:

1) индивидуальные;

2) групповые;

3) локальные;

4) телекоммуникационные [4].

В последнем случае группа обучаемых может вести работу над проектом в Интернете, будучи разделённым территориально.

В результате исследования теоретического материала по проектным технологиям нами была разработана и апробирована система занятий с использованием проектных технологий на занятиях по иностранному языку у студентов факультета «Сервис и Туризм» ЮУРГУ.

Студентам первого курса предлагается работа над проектом: «The roles of families in different cultures».

Студентам было предложено сравнить семейные ценности в разных странах, типы семьи, роль женщины в современном обществе. Студенты, в поиске информации, обращались к разным поисковым ресурсам Интернета, собирали, исследовали и структурировали информацию, составляли таблицы и схемы, сравнивали результаты. Конечный этап — это презентация проектов и исследований.

Можно классифицировать нашу работу следующим образом:

Тема проекта: «The roles of families in different cultures»

Тип проекта: Исследовательский и статистический

Цель проекта: Формирование языковой и социокультурной компетенции.

При работе над созданием проекта студенты совершенствовали языковые и речевые навыки, научились работать в группе, систематизировали навыки работы с электронными ресурсами и организации презентации.

Можно сделать вывод, что проектные технологии — это инновационные технологии. Правильно организованная работа оказывает положительное обучающее воздействие на студентов, способствует самостоятельному поиску знаний и приобретению необходимого жизненного и профес-

сионального опыта, развивает у них независимость, критическое мышление, инициативу. Иностранный язык при этом выступает, как средство познания нового, приобщает к диалогу культур.

Библиографический список

1. Яндекс словари. http://slovari.yandex.ru/ ?clid=187997&win=53 (дата обращения: 25.04.2013).

2. Викисловарь. http://ru.wiktionary.org/ wiki/ Заглавная_страница (дата обращения: 25.04.2013)

3. Полат, Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат. — М.: Издательский центр «Академия», 2003 — 272 с.

4. Дородько, О. Н. Метод проектов в современном профессиональном образовании. http://www/docme.ru/doc/127995/metod-proektov-v-sovremennom-professionalnom-obrazovanii/ (дата обращения: 23.04.2013)

УДК 378.016:811.111

МОДУЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОНВЕРГЕНТНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ

И.А. Колегова

В статье дается определение понятиям «конвергентная компетенция», «иноязычная конвергентная компетенция выпускника факультета журналистики», описывается их структура и содержание, предлагается модульное обучение и структура профессионально-ориентированного модуля, а также выделяются критерии отбора материала в модуль, осуществлен анализ принципов обучения.

Ключевые слова: компетенция, модульное обучение, профессионально-ориентированный модуль, принцип вариативности, принцип интеграции.

Как одна из ведущих тенденций развития мировой журналистики, конвергенция получила свое развитие и в России, причем не только в сфере слияния крупных медиахолдингов, но и в процессе создания региональных медиацентров. Понятие «конвергенция» не только доминирует в теории журналистики и практике медиаменеджмента, но и кардинально меняет подходы к сбору, созданию, распространению и управлению информацией, формирует новые модели, способствует возникновению новых сетевых СМИ.

Для обозначения журналистики, возникающей в связи с преобразованиями в системе производства массовой информации, Л.П. Шестеркина использует понятие «конвергентная журналистика», подчеркивая, что это особый вид профессиональной деятельности по производству системы журналистских материалов, созданных в условиях конвергенции СМИ, объединенных на медиарынке сетевыми технологиями и услугами и предназначенных для передачи их по различным каналам связи [1].

Целью профессиональной подготовки в таких условиях конвергенции является определенный тип специалиста СМИ — универсального журналиста. И это ставит новые задачи в организации и содержательном наполнении образовательного процесса журналистов не только на их занятиях по специальности, но и по иностранному языку. Такой специалист должен обладать требуемыми в медийной среде профессиональной компетенцией, которая позволит ему работать в условиях конвергентной среды, готовить материалы для передачи по различным каналам информации: в периодической печати, на телевидении и радио, в интернет- и мобильных СМИ, исходя из общего источника получаемых сведений, т. е. обладать конвергентной компетенцией.

В связи с этим, иноязычная конвергентная компетенция журналиста рассматривается нами как совокупность профессиональных знаний, навыков, умений, способностей и опыта, формирующаяся в процессе обучения иностранному языку и позволяющая журналисту работать в условиях иноязычной конвергентной среды.

Содержание иноязычной конвергентной компетенции студента факультета журналистики составляет:

– знание характеристик жанров журналистики на иностранном языке (информационные жанры: зарисовки, репортажи, обозрения, новости; аналитические жанры (статьи), экстремальная журналистика); знание об опыте работы самых известных, авторитетных и высокопрофессиональных зарубежных репортеров, журналистов современных СМИ;

– умение работать одновременно для радио, телевидения, печатного издания, интернет-сайта и фотожурналистики (иноязычная полифункциональность); умение искать и обрабатывать информацию из иноязычных печатных, аудиовизуальных и аудитивных источников и затем выдавать ее аудитории того или иного СМИ; умение делать тематический обзор по материалам иностранной прессы, радио, телевидения и Интернета; умения проводить презентации на иностранном языке по специальности на основе интегрирования источников извлечения и представления информации; умение оформлять статьи в рамках разнообразных жанров на иностранном языке.

Сочетание продуктивной коллективной и индивидуальной деятельности, а также эффективная работа в рамках консолидации всех типов СМИ, находит, на наш взгляд, свое отражение в такой форме организации обучения, как модульное обучение. Рассмотрев подробно теорию модульного обучения, следует отметить, что именно модульное обучение больше всего подходит для реализации идеи формирования иноязычной конвергентной компетенции студентов факультета журналистики. Модульное обучение также удачно используется в комплексе с другими формами обучения такими как, например, проектная работа. Выбор модульного обучения продиктован его универсальным характером, так как именно его содержание в полной мере отражает принципы обучения иностранному языку при формировании иноязычной конвергентной компетенции студентов факультета журналистики. Модульное обучение предполагает организацию обучения в виде профессионально-ориентированных модулей. Под модулем, в свою очередь, понимается целевой функциональный узел, в котором объединено: учебное содержание и технология овладения им в систему высокого уровня целостности. Модуль выступает средством модульного обучения, так как в него входит: целевой план действий, банк информации, методическое руководство по достижению дидактических целей, также он выступает как программа обучения, индивидуализированная по содержа-

нию, методам учения, уровню самостоятельности, темпу учебно-познавательной деятельности студента [2].

Структура отдельно взятого модуля представляет учебный блок, состоящий из разделов, посвященных подтемам основной темы. При обучении нами предлагается 6 профессионально-ориентированных модулей: СМИ (история развития, международная журналистика и др.); современная коммуникация (виды СМИ, теле- и радиопрограммы и др.); новости (определение, типы и советы по поиску и созданию); советы для новичков (искусство интервью и пресс-конференций); этика журналиста (свобода прессы, этические принципы, кодекс чести и др.); экстремальная журналистика (в военное время и др.).

Аутентичные тексты снабжены системой упражнений, направленных на усвоение профессиональной лексики, понимание текстов, повторение и отработку грамматики на основе профессиональной лексики, стилистическое использование терминологии. Характерной особенностью данного комплекса являются задания, связанные с поиском информации в Интернете, газетах, журналах, радио и телевидении, что развивает в студентах умения обобщать, анализировать, выделять основное и далее представлять это на иностранном языке, а также способствует развитию самостоятельности и творческого мышления. В каждом модуле представлены проектные работы, ролевые игры, проблемные ситуации, упражнения, стимулирующие аргументированное высказывание и участие в свободной беседе, а также после каждого модуля формируется портфолио известных журналистов.

Разработанный нами образец модуля может быть представлен следующей схемой:

Module 1 — Название модуля;

Units (3—5) — Название раздела: в каждом модуле от 3 до 5 разделов в зависимости от объема темы;

Lead-in — Введение: в каждом разделе перед началом работы с материалом предлагаются вопросы, цитаты известных людей или викторины с целью повысить интерес учащихся к данному вопросу и предварительного размышления над темой;

Texts (3—5) — Тексты: в каждом разделе представлены 1—2 текста по теме;

Exercises — Упражнения: в начале предложены упражнения, связанные с текстом и работой со словами, затем работа с Интернетом, презентации и проекты:

1. Scan the text and find the equivalents.

Find antonyms, Make up collocations, Match the words; Combine collocations; Complete the sentence; Choose the correct item; Divide the following points into…; Compose derivatives; Summing-up activity.

2. Express your opinion.

Networking; Case-study, Problem-solving activity; Round-table discussions.

Teamwork project; Presentation; Video project, Project work, Role-play; Games, Self-evaluation tests; Writing project.

3. Grammar Project, Grammar revision game, Analyzing activity; Grammar activity: профессионально-ориентированная грамматика представлена как в теоретическом, так и практическо-игровом формате.

4. Listening activity (pre-listening discussion work, listening, after-listening discussion work): профессионально-ориентированное аудирование с серией заданий.

5. Journalistic Portfolio: автобиографическая справка об известном журналисте с заданиями.

6. Glossary: словарь необходимых терминов, слов и выражений по теме.

7. Appendix: дополнительные тексты для самостоятельного чтения.

Таким образом, вышеперечисленные методические положения легли в основу комплекса упражнений для формирования иноязычной конвергентной компетенции студентов факультета журналистики, которые были использованы при проведении эксперимента на 2 курсе факультета журналистики. Статистическая обработка показала существенное различие в уровне сформированности иноязычной конвергентной компетенции у студентов контрольной и экспериментальной группы. Сравнение результатов экспериментального и итогового срезов позволили нам сделать вывод об очевидном различии показателей среднего балла у студентов экспериментальной группы, занятия в которой проходили с использованием разработанной нами методики, со средним баллом обучающихся контрольной группы, занимавшимся по традиционной методике, при практически одинаковых стартовых позициях.

Библиографический список

1. Моргулес, И.А. Жизнестойкая журналистика. Интервью с Шестеркиной Л., деканом факультета журналистики Южно-Уральского государственного университета // Южно-Уральская Панорама. 18.09.2008. — Режим доступа: http://www.up74.ru/ Рубрики / Собеседник (дата обращения 21.03.2010).

2. Юцявичене, П.А. Теория и практика модульного обучения. — Каунас: Швиеса, 1989. — 272 с.

УДК 378.1.048.2

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ»

С.М. Колова

Статья посвящена проблеме формирования социокультурной компетенции как составляющей иноязычной коммуникативной компетенции. Для реализации данной цели нужно не только обновить содержание и технологии образования, но, прежде всего, подготовить высококвалифицированного компетентного специалиста, с новым типом мышления, новым отношением к жизни, поколения, способного успешно самоопределяться в условиях быстро меняющегося мира.

Ключевые слова: социокультуная компетенция, диалог культур, культура.

Согласно мнению ведущих специалистов в области разработки национальных стандартов школьного и вузовского образования в странах Европейского и мирового сообщества, социокультурная компетенция отнесена к числу ключевых. По определению симпозиума «Ключевые компетенции для Европы» ключевая компетенция — это определяющая компетенция, соответствующая наиболее широкому спектру специфики, т. е. наиболее универсальная по своему характеру и степени применимости.

Следует отметить, что данные идеи нашли свое отражение в Примерных программах по иностранным языкам, где отмечена необходимость осуществлять особый акцент на социокультурной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции.

Логика изучения проблемы исследования требует рассмотреть понятие «социокультурный». Согласно толкованию С.А. Кузнецова, «социокультурный — обусловленный социальными и культурными причинами».

Понимая общество как единство культуры и социальности, П. Сорокин предлагает следующую емкую формулу: «Личность, общество и культура — неразрывная триада». И поясняет: «Структура социокультурного взаимодействия имеет три аспекта, неотделимые друг от друга». В условиях нарастания процессов мировой интеграции и глобализации во всех сферах человеческой деятельности перед высшей школой встает задача подготовки компетентного специалиста с высоким уровнем развития общей культуры.

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» говорится, что основная цель профессионального образования — подготовка квалифицированного специалиста соответствующего уровня и профиля, компетентного, ответственного, свободно владеющего своей профессией, способного к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов.

Для реализации данной цели нужно не только обновить содержание и технологии образования, но, прежде всего, подготовить высококвалифицированного компетентного специалиста, с новым типом мышления, новым отношением к жизни, поколения, способного успешно самоопределяться в условиях быстро меняющегося мира.

Решение этой задачи возможно только на основе гуманистических принципов новой образовательной парадигмы, определившей существенные изменения не только цели и содержания обучения, но и результата образования, который начинают характеризовать через компетенции, «определяющие современное качество содержания образования».

Качественные изменения, которые переживает сегодня высшая школа, связаны с глобальными социокультурными тенденциями современной эпохи. В условиях стремительного развития информационных технологий наблюдается сближение стран и народов, усиление их взаимодействия в социальной и культурной сфере. В то же время происходит стирание этнического и культурного своеобразия народов, унификация культурной жизни. В результате человек в современной социокультурной ситуации находится на рубеже культур.

В связи с этим мысль о необходимости социокультурного образования и формирования социокультурной компетенции средствами иностранного языка приобретает аксиоматичное звучание.

В.П. Фурманова рассматривает концепт социокультурного образования в теории и практике межкультурной коммуникации, определяя задачи обучать иностранному языку не только как средству общения, но и формировать «культурно-языковую личность» [4].

Проблема формирования языковой личности нового типа (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева и др.), способной эффективно осуществлять межкультурное общение во всех сферах, заняла главенствующее положение в преподавании иностранных языков в вузе. Поскольку язык является инструментом создания и интерпретации «образа мира», проникновения в мировую культуру и осознания своей национально-культурной принадлежности, инструментом социального взаимодействия, формирования и социализации личности, языковое образование играет в процессе развития личности ведущую роль.

Среди работ по исследованию проблемы социокультурного образования наиболее глубоким рассмотрением его содержательной

стороны отличаются, на наш взгляд, работы В.В. Сафоновой [2], где дано философское обоснование изменения социокультурных приоритетов в сфере языкового образования.

Цель исследования В.В. Сафоновой — разработка теоретической модели социокультурного вузовского образования при изучении языков.

Ученый отмечает, что «построение адекватной методической модели обучения нормам межкультурного общения на иностранном языке предполагает обязательное изучение социокультурного контекста». В этой связи предполагается корректировка целей обучения иностранному языку и всего процесса обучения, призванного носить социокультурный характер и формировать соответствующую компетенцию.

Подтверждая мысль о необходимости построения социокультурной модели образования, П.В. Сысоев [3], в исследовании, посвященном культурной вариативности и самоопределению личности, представляет теоретическую модель формирования личности субъекта диалога культур.

Основная ценность модели — это показ поэтапного перехода обучающихся от этноцентризма к диалогу культур, где под последним понимается философия общения в современном поликультурном мире. В этой связи, по мнению ученого, «культурное самоопределение личности представляется одним из финальных уровней формирования социокультурной компетенции в рамках иноязычной коммуникативной компетенции». Таким образом, мы полностью разделяем мнение ученого по поводу культурного самоопределения личности и полагаем, что иностранный язык является доступным и реальным средством формирования вышеупомянутой компетенции.

Понимание общения как процесса социального взаимодействия на основе системы вскрытых социальных отношений совместно действующих субъектов различных иносоциумов вызвало интерес к социокультурной составляющей коммуникативной компетенции.

Активное внедрение коммуникативного метода обучения иностранному языку (У. Литллвуд, Г. Олрайт, Е.И. Пассов, Э.П. Шубин и др.) послужило отправной точкой в изучении социокультурного компонента иноязычного общения.

Хронологически развитие коммуникативного метода и, следовательно, определение характеристик социокультурной компетенции зарубежными лингвистами предшествовало развитию подобного направления в отечественной методике.

Г.В. Елизарова объясняет данный факт тем, что в рамках закрытой российской образовательной системы иноязычное общение носило сугубо искусственный характер [1]. Более открытые западные общества столкнулись с необходимостью обучения общению представителей разных культур гораздо раньше. Д. Хаймс одним из первых наглядно показал, что

владение языком предполагает не только знание грамматики и лексики, но и социальных условий их употребления. И, хотя значимость экстралингвистических знаний для формирования коммуникативной компетенции признавалась многими методистами, зависимость процессов продукции и рецепции речевых сообщений от социокультурных факторов исследовалась недостаточно активно. Впервые эта зависимость была глубоко исследована в работе Ф. Эриксон и Д. Шульц [5].

Многими зарубежными учеными социокультурная компетенция понимается как комплекс знаний, умений и навыков о ценностях, языке, традициях, достижениях культуры, овладение которыми определяет во многом успешность общения с представителями иноязычной культуры, позволяя чувствовать себя уверенно и комфортно в иноязычной среде [3].

Процесс активного внедрения коммуникативно-ориентированного обучения иностранному языку сопровождался радикальными изменениями социальной жизни и нашей страны. Стремительное вхождение в мировое сообщество открыло новые возможности и перспективы сотрудничества, что способствовало развитию диалога культур как сравнения, взаимодействия и понимания иных культурных ценностей.

В новых условиях стало очевидно, что радикальное повышение уровня обучения коммуникации, общению между людьми разных национальностей может быть достигнуто только при наличии ясного понимания и реального, действенного учета социокультурного фактора.

С введением культурной составляющей в парадигму обучения иностранным языкам целью обучения становится, по определению В.П. Фурмановой, «овладение социокультурным опытом представителей лингво-культурной общности» [4].

На основании изложенного можно констатировать, что проблема формирования социокультурной компетенции и введения социокультурного компонента в содержание образования В.П. Фурмановой получила новый виток исследования: развитие социально-экономических и культурных связей послужило импульсом процесса изучения данной проблемы.

Рассматривая социокультурную компетенцию как сложное образование, включающее знания, умения и навыки, ученые начинают исследовать отдельные аспекты процесса её формирования без учета специфики профессиональной деятельности будущих специалистов.

Характерной особенностью этого этапа является дифференцированное рассмотрение видов компетенций в зависимости от рода деятельности. Например, при разработке уровней владения иностранным языком внутри языковой компетенции Совет Европы (1990) выделяет стратегическую, социальную, социолингвистическую, языковую и учебную. Стремительное вхождение в мировое сообщество открыло новые возможности и

перспективы сотрудничества, что способствовало развитию диалога культур как сравнения, взаимодействия и понимания иных культурных ценностей.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что к завершению этапа систематическое изучение социокультурного компонента коммуникативной компетенции как одной из ключевых компетенций привело к разработке отдельных аспектов процесса формирования социокультурной компетенции будущего специалиста в системе высшего образования без учета особенностей профессиональной деятельности.

Теоретическое осмысление проблемы позволяет сделать вывод о том, что трансформации экономических, политических и культурных моделей, возможности расширения мира до «мультиверсума» дали определенный импульс процессу изучения формирования социокультурной компетенции будущих специалистов.

Так, в работах В.В. Сафоновой социокультурная компетенция исследуется с ориентацией на общественно-политическую, социально-педагогическую и профессионально-педагогическую сферы будущих учителей иностранного языка.

В целом, в отечественной литературе по теории и методике преподавания иностранных языков за последние годы накоплен достаточный материал по вопросам формирования основ социокультурной компетенции (М.А. Богатырева, Т.М. Велла, Е.И. Воробьева, Г.Г. Жоглина и др.), содержания и структуры данной компетенции (И.Л. Бим, П.В. Мильруд, В.В. Сафонова и др.), путей и факторов формирования социокультурной компетенции (Г.А. Воробьев, Н.А. Игнатенко, Е.Н. Соловова и др.). Некоторые исследователи (А.В. Гусева, В.В. Сафонова, В.П. Сысоев и др.) отмечают, что социокультурная компетенция будущего специалиста имеет ряд специфических черт, следовательно, её формирование требует специально разработанной системы. Вместе с тем, как показывает анализ психолого-педагогической литературы и учебно-воспитательного процесса, в практике подготовки будущих специалистов по-прежнему доминируют технологии, рассчитанные на репродуктивное усвоение иностранного языка.

Определение социокультурной компетенции, данное в журнале «ElT NEWS» (2006) синтезирует ряд данных выше дефиниций: «социокультурная компетенция есть готовность и способность к ведению диалога культур, что предполагает знание собственной культуры и культуры страны изучаемого языка».

Следует уточнить, что в данном определении понятие готовность применено в значении состояния, которое представляет собой «...наличие у субъекта образа структуры определенного действия и постоянной направленности сознания на его выполнение». Эти значения передают суть

и содержание компетенции. Формируясь на внове теории и практики, они проявляются не в форме заученного знания, а в умении личности познавать, общаться и действовать в рамках межкультурной коммуникации.

Анализ различных толкований определения социокультурная компетенция позволяет говорить о том, что во всех случаях понимаются процессы, связанные:

— с эффективностью межкультурной коммуникации;

— ускорением социализации личности, её аккультурации;

— формированием гуманистического планетарного сознания, что помогает нам уточнить данное определение, под которым мы, вслед за Г.В. Елизаровой, В.В. Сафоновой, П.В. Сысоевым, понимаем овладение будущими специалистами комплексом социокультурных знаний о национальной специфике страны изучаемого языка, умение строить свое речевое и неречевое поведение в соответствии с данной спецификой, готовность и способность к диалогу культур.

Библиографический список

1. Елизарова, Г.В. Культура и обучение иностранным языкам / Г.В. Елизарова. — СПб.: КАРО, 2005. — 103 с.

2. Сафонова, В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур / В.В. Сафонова. — Воронеж: Истоки, 1996. — 239 с.

3. Сысоев, П.В. Обучение культурной вариативности и самоопределению (на материале курса по американистике) / П.В. Сысоев // Современные теории и методики обучения иностранным языкам / под общ. ред. Л.М. Федоровой, Т.И. Рязанцевой. — М.: 2004. — С. 61—64.

4. Фурманова, В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам / В.П. Фурманова. — Саранск: Изд-во Мордов. Гос. Ун-та, 1993. — 120 с.

5. Erickson, F. The Counselor as Gatekeeper: Social and Cultural Organization of Communication in Couselling Interviews / Erickson F., J. Shultz. — New York: Academic Press, 1982. — P. 112—118.

УДК 651.01 + 378.16

СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ

Е.Г. Короткова

На основе выделенных компетенций профессионального общения будущих бакалавров направления «Менеджмент» и некоторых теорий педагогического сопровождения, описана общая стратегия и методы педагогического сопровождения развития компетенций профессионального общения будущих менеджеров.

Ключевые слова: менеджер, компетенции, профессиональное общение, педагогическое сопровождение.

В настоящее время с каждым днем все больше и больше развиваются информационные технологии, внедряются компьютеры. В связи с этим во многих организациях широко используются средства дистанционного общения, забываются правила речевого и неречевого этикета в межличностном профессиональном общении. Поэтому в требованиях к подготовке студентов различных уровней и направлений необходимо выделять компетенции профессионального общения в отдельную группу компетенций, различая компетенции профессионального общения бакалавров и магистров и отражая в них специфику разных направлений подготовки [5].

Опираясь на выделенные нами компетенции профессионального общения, рассмотрим компетенции профессионального общения бакалавра направления «Менеджмент» [3].

Интерактивные компетенции профессионального общения менеджера:

- способность проявлять высокие нравственные качества, толерантность, эмпатийность;
- способность следовать общечеловеческим этическим ценностям и этическим ценностям менеджера;
- способность к кооперации с собеседниками, различными по возрасту, взглядам и т. п., а также с клиентами, коллегами, подчиненными и начальником;
- способность пользоваться разными видами общения (беседа, приказ, совещание, отчет, переговоры) в зависимости от места, которое менеджер занимает в управленческой иерархии и конкретной профессиональной ситуации;
- владение различными стилями профессионального общения: при общении с клиентами, коллегами, начальником — диалогический, при общении с подчиненными — авторитарно-диалогический;

- способность эффективно организовать работу небольшого коллектива, распределять полномочия и ответственность в нем на основе их делегирования;
- владение различными способами разрешения конфликтных ситуаций.

Коммуникативные компетенции:

- способность использовать нормы современного литературного языка (в произношении, правописании, словоупотреблении, грамматике) и коммуникативные качества речи (выразительность, точность, логичность и др.) при:

а) формулировании управленческих решений, бизнес-идей, стратегии организации и управления ее человеческими ресурсами, отчетов в финансовой области, аналитических выводов о конкурентной среде отрасли, о межличностных, групповых и организационных коммуникациях;

б) описании экономических, финансовых и организационно-управленческих моделей, бизнес-планов.

- способность употреблять формулы письменного и устного речевого этикета адекватно ситуации общения (приветствие, прощание, просьба, совет, согласие, отказ, одобрение и др.);
- умение применять средства невербального общения адекватно коммуникативной ситуации.

Перцептивные компетенции:

- способность настроиться на позитивное восприятие собеседника (группы);
- способность к обоснованному пониманию последствий принимаемых организационно-управленческих решений, современных концепций организации операционной деятельности, воздействия макроэкономической среды на функционирование организации; основных мотивов и механизмов принятия решений органами высшего управления, поведения потребителей, роли финансовых рынков, новых рыночных возможностей, выраженных вербальными и невербальными средствами;
- способность к рефлексии, пониманию своих сильных и слабых сторон;
- способность переключать внимание со своих проблем на проблемы собеседника;
- способность понимать главную мысль собеседника, отбирать материал, представляющий профессиональную значимость;
- способность понимать информацию, полученную из письменных источников.

Компетенции профессионального общения будущих бакалавров развиваются в режиме саморегуляции. Для того чтобы процесс развития данных компетенций студентов осуществлялся целенаправленно, им необходима в этом некоторая поддержка. В педагогической науке смысл понятия «поддержка» отражен в термине «педагогическое сопровождение».

Несмотря на повышенный интерес к процессу сопровождения, в научной литературе до сих пор не сложилось единого понимания данного термина, а также термина педагогическое сопровождение.

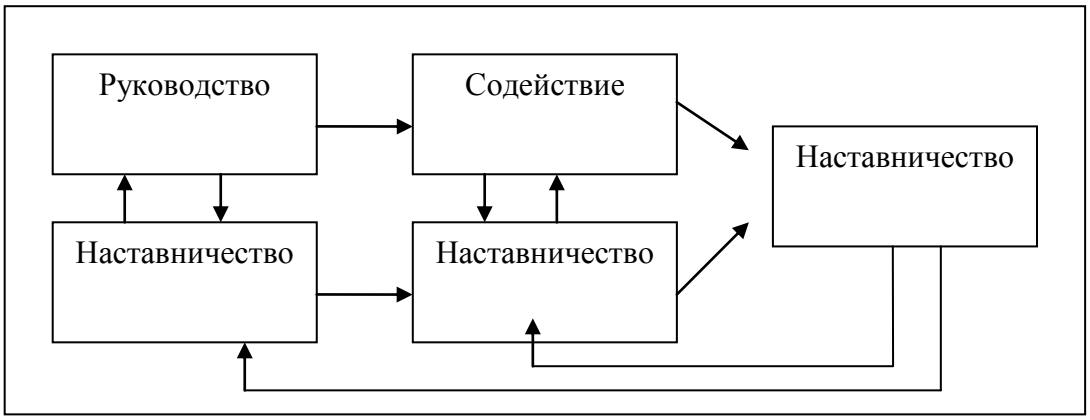
Однако, среди проанализированных нами следует выделить наиболее обобщенные определения педагогического сопровождения Е.И. Винтера, Г.Н. Серикова [1, 4].

Определение Е.И. Винтера будем рассматривать как наиболее обобщенное, синтезирующее в себе общую идею сопровождения, применимую к разным областям. Однако, автор, выделяя функции и принципы педагогического сопровождения, не дает описания его структуры [1].

Так как мы рассматриваем педагогическое сопровождение развитию компетенций профессионального общения у студентов вузов, которые осваивают большую часть образовательной программы самостоятельно, но при поддержке профессорско-преподавательского состава, то нас интересует поступательное сопровождение развития компетенций, постепенно готовящее студентов исполнять их самостоятельно, без непосредственной помощи педагога. При этом мы разделяем мнение Н.В. Золотых о том, что одна из основных задач сопровождения состоит не только в том, чтобы оказывать своевременную помощь и поддержку, но и научить самостоятельно преодолевать трудности процесса становления, помочь стать полноценным субъектом профессиональной жизни [2]. В связи с этим, при описании видов педагогического сопровождения развитию компетенций профессионального общения, мы будем опираться на выделенные Г.Н. Сериковым виды педагогического сопровождения: руководство, содействие и наставничество [4].

В процессе педагогического сопровождения не все компетенции развиваются одновременно: в то время как одна из компетенций профессионального общения уже развита до самостоятельного уровня владения ею, то другая компетенция может не достигнуть этого уровня. Поэтому для ее развития все еще может быть необходимо руководство или содействие. После овладения студентами той или иной компетенцией до уровня самостоятельного пользователя, процесс педагогического сопровождения не прекращается, так как студенту время от времени будут необходимы наставления педагога.

В то же время, достигнув уровня самостоятельного пользования той или иной компетенцией, студент со временем, не имея возможности на практике проявлять ее, может частично или полностью утратить навык владения этой компетенцией. Тогда ему вновь будет необходимо либо педагогическое руководство, либо педагогическое содействие, при том что наставничество всегда присутствует в процессе педагогического сопровождения.



Модель педагогического сопровождения развития компетенций профессионального общения.

Итак, опираясь на определения педагогического сопровождения Е.И. Винтера и Г.Н. Серикова, будем понимать педагогическое сопровождение развития компетенций профессионального общения будущих менеджеров как систему мер, оказывающих поддержку студенту в развитии компетенций профессионального общения в зависимости от уровня самостоятельности владения данными компетенциями. Под системой мер мы понимаем комплекс методов педагогического сопровождения: методы организации и осуществления учебно-познавательной деятельности, методы стимулирования и мотивации учебно-познавательной деятельности и методы контроля и самоконтроля.

При педагогическом руководстве развитием компетенций профессионального общения будущих менеджеров преобладает использование репродуктивных методов над проблемно-поисковыми, когда педагог дает определение понятию компетенций профессионального общения, раскрывает его структуру и содержание в рамках лекции с использованием наглядности в целях более активного и прочного запоминания информации. Практический метод предполагает стимулирование студентов к проявлению компетенций профессионального общения в различных шаблонных ситуациях профессионального общения по предложенному образцу, например, сформулировать бизнес-идею, ряд управленческих решений и др.

С тем, чтобы мотивировать студентов к овладению компетенциями профессионального общения при педагогическом руководстве, необходимо использовать методы формирования познавательного интереса в данной области, например, знакомство студентов с парадоксальными фактами проявления компетенций профессионального общения известными менеджерами.

При помощи методов устного и письменного контроля педагог определяет, насколько студент овладел данными компетенциями и готов

их использовать не в шаблонных ситуациях, а, например, в проблемных. Если педагог делает вывод о том, что студент готов к этому, то педагогическое руководство видоизменяется и переходит на уровень педагогического содействия.

При педагогическом содействии педагог предлагает проявить компетенции профессионального общения в учебных ситуациях проблемного характера или же в реально существующих ситуациях, в которых необходимо исполнение профессиональных компетенций менеджера. Педагог в свою очередь наблюдает за поведением студента, оценивает его способность проявлять в проблемной ситуации интерактивные, коммуникативные и перцептивные компетенции профессионального общения. Если студент демонстрирует свободное владение компетенциями профессионального общения в проблемных ситуациях, то в процессе дальнейшего педагогического сопровождения педагог использует лишь элемент наставничества.

Таким образом, мы описали общую стратегию педагогического сопровождения развития компетенций профессионального и его основные методы, опираясь на специфику профессиональной деятельности менеджера.

Библиографический список

1. Винтер, Е.И. Вопросы организационно-стимулирующего сопровождения профессионально-творческой подготовки будущих специалистов // Высшее образование сегодня. — 2008. — № 8. — С. 64—66.

2. Золотых, Н.В. Психолого-педагогичсекое сопровождение профессионально-личностного становления студентов вуза / Н.В. Золотых, Е.Н. Остроумова // Образование и наука. — 2011. — № 5 (84). — С. 83—90.

3. Короткова, Е.Г. Готовность студента вуза к профессиональному общению // Материалы Международной научно-практической конференции «Эффективные инструменты современных наук — 2012» (27.04.2012—05.05.2012) / Е.Г. Короткова. — Прага. —2012. — С. 54—63

4. Сериков, Г.Н. Управленческое сопровождение образования учащихся / вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». — 2010. — Вып. 8, № 12 [188]. — С. 49—58

5. Иностранные языки в профессиональной подготовке и самореализации специалистов высшей квалификации: монография / под ред. Е.Н. Ярославовой. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. — 371 с.

УДК 378.016:811.112.2

РАЗВИТИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В РАМКАХ КУРСА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА «HALLO, NACHBARN. NEU»

Л.Н. Овинова

Статья посвящена проблеме развития иноязычной компетенции взрослых при изучении немецкого языка в рамках курса «Hallo, Nachbarn. Neu». Рассматриваются цели, структура и условия организации данного курса.

Ключевые слова: курс немецкого языка, уровень владения иностранным языком, иноязычная компетенция, коммуникативный подход.

Целью организации курса «Hallo, Nachbarn. Neu» является поддержка немецкого меньшинства в России и странах СНГ, а также сохранение его национальной идентичности, традиций и языка.

Организация курса осуществляется при финансовой поддержке АОО «Международный союз немецкой культуры» в рамках Программы Правительства Германии в пользу немецкого меньшинства в Российской Федерации.

Курс ориентирован на европейские подходы к изучению немецкого языка. Цель курса — обеспечить уровень владения немецким языком, который необходим для общения с носителями языка в типичных ситуациях повседневной жизни.

Подобный курс издается впервые. В нем реализуются некоторые нетрадиционные приемы начального обучения немецкому языку, что отличает его от отечественных учебных пособий аналогичного типа. В частности, для курса «Hallo, Nachbarn. Neu» характерны:

- коммуникативная направленность;
- отказ от использования грамматического аспекта как доминирующего компонента при обучении иностранному языку;
- использование интернациональных слов в качестве исходных единиц при обучении разным аспектам языка;
- выбор нетрадиционных разговорных тем

Программа курса построена на основе учебно-методического пособия «Hallo, Nachbarn. Neu», созданного специально для Российской Федерации международным коллективом авторов под руководством Goethe Institut, e.V., München при поддержке GTZ GmbH Eschborn.

При создании курса авторы стремились максимально учесть потребности и запросы взрослых, изучающих иностранный язык. Именно это обусловило целый ряд особенностей, которые отличают данный курс от существующих отечественных и зарубежных.

Учебный комплекс «Hallo, Nachbarn. Neu» состоит из двух частей, дополненных аудио- и видеоматериалами, и приложением, содержащим страноведческую информацию и разнообразные творческие задания.

Авторская концепция учебного комплекса основана на позициях коммуникативного, межкультурного и личностно-ориентированного обучения.

На занятиях доминирующей формой обучения избрана та, которая имитирует ситуации общения. Это диалоги и работа в малых группах, общие дискуссии и коллективные проекты. После обучения слушатели смогут дискутировать по широкому кругу вопросов, выражать эмоции в устной речи.

Вот только некоторые из предлагаемых авторами тем: «Кто Вы?» (как представить себя, как заинтересовать собеседника и делового партнера, что Вы за человек, есть ли у Вас хобби, как Вы отдыхаете), «Что такое для Вас семья?» (родственники, семейные традиции, праздники, семейные конфликты, конфликт поколений), «Работа — что это для Вас?» (как составить объявление о поиске работы, как ввести разговор с работодателем, как назначить деловую встречу).

Программа курса «Hallo, Nachbarn. Neu» рассчитана на два года, по окончании степень языковой компетентности слушателей курса достигает уровня А2 (согласно Европейскому языковому портфелю).

В настоящее время при кафедре иностранных языков ЮУрГУ действуют 4 группы для изучающих немецкий язык: 2 группы для начинающих (уровень А1), 2 группы для продолжающих (уровень А2) с количеством слушателей от 15—20 человек в каждой 70 % из которых — это российские немцы Южного Урала. Занятия в группах проходят 2 раза в неделю по 2 часа вечером.

Поставленные учебные цели данного курса совпадают с учебными целями по достижению уровней владения иностранным языком А1 и А2.

В процессе изучения немецкого языка в рамках курса «Hallo, Nachbarn.Neu» слушатели учатся понимать основные и повседневные речевые ситуации на немецком языке (аудирование и чтение) и активно в них участвовать (говорение и письмо).

Учебный курс состоит из 18 глав. Каждая глава включает следующие разделы.

- «Lernziele» — содержит подробное описание целей обучения и является своего рода компасом в учебном материале глав курса.
- «So viel Deutsch können Sie schon» — помогает убедиться слушателям в том, что они знают и понимают больше слов на немецком языке, чем им это кажется.
- «Miteinander sprechen» — предлагает различные речевые образцы и ситуации.

- «Texte verstehen» — предлагает устные и письменные тексты. В процессе анализа данных источников слушатели извлекают разнообразную информацию, которая помогает слушателям при написании собственных текстов, например, открыток или электронных сообщений.
- «Zu Hause üben» — содержит упражнения для самостоятельной работы дома по углублению знаний и навыков, полученных во время занятий на курсах.
- «Können Sie das?» — дает возможность самооценки уровня достижений целей обучения: Чем Вы владеете очень хорошо? Что Вы хотели бы еще раз повторить? Что Вам нужно еще раз посмотреть?

На примере раздела «Здоровье» из учебного пособия «Hallo, Nachbarn. Neu» конкретизируем содержание разделов, направленное на развитие иноязычной компетенции слушателей курсов.

Целями обучения (Lernziele) данного раздела для слушателей являются: научиться называть части тела, уметь рассказывать о заболеваниях и здоровье, уметь вести беседу с врачом, уметь понимать основное содержание аннотации лекарства, уметь дать и понять советы о здоровье; придаточные предложения с «wenn», модальные глаголы «sollen, müssen, (nicht) dürfen), отрицание (nicht, kein, nie).

Раздел «So viel Deutsch können Sie schon» знакомит слушателей с интернационализмами по теме «Здоровье», такими как der Virus, der Infarkt, der Stress, die Klinik, der Alkohol, die Gymnastik, der Tabak, die Aerobik, die Angina, das Koffein, die Fitness , развивает фонетическую компетенцию.

В разделе «Miteinander sprechen» предлагаются такие речевые образцы и ситуации, как например, диалог с соседкой о самочувствии, диалог с врачом, разговор о визите к врачу, о средствах и способах народной медицины. В данном разделе можно найти следующие задания: Ваш преподаватель называет части тела, а вы покажите их, Ваш сосед чувствует себя не очень хорошо, разыграйте диалоги, используя следующие фразы: плохо спать, болит зуб, болит голова, болит желудок, быть всегда усталым, часто простывать, ходить в сауну, соблюдать диету, больше заниматься спортом, не пить кофе, много пить воды и т.д.; что Вы делаете, если у Вас ожог, если Вас укус насекомого, если у Вас болит зуб, если у Вас болит горло. Также слушателям предлагаются следующие виды заданий: у Вас болит спина и Вы ищете врача, послушайте два текста и скажите, какого бы врача выбрали Вы; Вы в Германии и заболели, Вам нужно к врачу. Что Вы должны делать, пронумеруйте предложенные действия в правильном порядке.

Раздел «Texte verstehen» предлагает различные виды работ с аннотацией к лекарству, личное письмо, в котором говорится о проблемах со здоровьем, советы по поддержанию здорового образа жизни. Задания к

аннотации сформулированы следующим образом: находясь в командировке в Германии у Александра заболела голова. Он покупает в аптеке упаковку аспирина. Просмотрите аннотацию и скажите: когда и как нужно принимать таблетки. Дайте Александру советы.

В разделе «Zu Hause üben» представлены задания, нацеленные на закрепление лексического и грамматического материала раздела, которые рекомендуется выполнить дома письменно.

Раздел самооценки по теме «Здоровье» нацелен на анализ уровня достижений следующих речевых умений:

— я могу сказать, как я себя чувствую или что у меня болит;
— я могу рассказывать о том, что я делаю в случае болезни;
— я могу назвать основные части тела;
— я могу дать полезные советы при недомогании или болезнях;
— я могу составить список мероприятий по укреплению моего здоровья;
— я могу понять основное содержание аннотации лекарства;
— я понимаю советы для здоровья;
— я могу понять простые вопросы врача о моем самочувствии;
— я понимаю короткие беседы о повседневных проблемах со здоровьем.

Принимая во внимание тот факт, что иноязычная компетенция является многокомпонентным явлением, можно заключить, что курс «Hallo, Nachbarn. Neu» целостно и разносторонне нацелен на развитие всех компонентов иноязычной компетенции слушателей за счет используемых методов и приемов в процессе обучения немецкому языку.

Библиографический список

1. «Hallo, Nachbarn. Neu»: Lehrbuch Bd. 1, Einheiten 1— 9.— Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) GmbH, 2009. S. 184.

2. «Hallo, Nachbarn. Neu»: Lehrbuch Bd. 2, Einheiten 10 — 18.— Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) GmbH, 2009. S. 192.

УДК 821.111 + 659.15

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ИНТЕРАКТИВНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ» В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ

И.С. Олейник

В статье рассматривается понятие «интерактивная презентация» как интерактивная методика обучения для реализации коммуникативного подхода в обучении и повышения языковой подготовки студентов.

Ключевые слова: презентация, интерактивный метод, языковая подготовка, коммуникативный подход.

Применение компьютерных информационных технологий в обучении — одна из наиболее важных и устойчивых тенденций развития мирового образовательного процесса. Это влияет не только на систему образования, но и вызывает значительные изменения в содержании и методах обучения иностранным языкам. Мы считаем важным использовать эту возможность в качестве мощного инструмента развития мотивации, а также повышения качества языковой подготовки студентов.

Применение новых информационных технологий — это не только использование современных технических средств, но и новые формы преподавания — «интерактивные методики обучения», при которых «все обучают каждого и каждый обучает всех».

Понятие «интерактивные методы» можно перевести как методы взаимодействия участников между собой, а обучение, осуществляемое с помощью данных методов, можно считать интерактивным, то есть, построенном на взаимодействии.

Интерактивные методики позволяют сделать процесс обучения активным и для преподавателя, и для студента. Они не конкурируют с традиционными формами преподавания, их цель — объединить все эти формы преподавания. Использование интерактивной технологии позволяет решить поставленные задачи для развития творческого мышления и умения аргументировать свои доводы, необходимые для решения любых проблем.

Одним из самых удачных средств осуществления интерактивного обучения иностранному языку и повышения качества языковой подготовки, с нашей точки зрения, является «интерактивная презентация». «Интерактивная презентация» строится таким образом, что практически все студенты оказываются вовлеченными в процесс познания, они имеют возможность понимать и рефлектировать по поводу того, что они знают и думают. Совместная деятельность студентов в процессе познания, освоения учебного материала означает, что каждый вносит свой индивидуальный вклад,

идет обмен знаниями, идеями, способами деятельности. Происходит это в атмосфере доброжелательности и взаимной поддержки, что позволяет студентам не только получать новое знание, но и развивать свои коммуникативные умения: умение выслушивать мнение другого, взвешивать и оценивать различные точки зрения, участвовать в дискуссии, вырабатывать совместное решение.

Под «интерактивной презентацией» мы понимаем не такую презентацию, чей ход выполнения определяется в зависимости от выбора объекта на экране, а презентацию, предполагающую активное взаимодействие всех студентов, а также применение большого числа интерактивных методов.

К примеру, преподаватель при подготовке к занятию по иностранному языку может создать вводную «интерактивную» презентацию по определенной теме. В такой презентации на первом слайде мы заявляем тему занятия и предлагаем студентам высказать свои ожидания от заявленной темы. Студенты высказывают свои предложения по поводу того, что они хотят узнать, каким образом и для чего. Таким образом, мы используем такой приём интерактивного обучения, как «ожидания». Указанный приём применяют в начале занятия, когда совместно со студентами определяются дидактические цели урока.

Также в «интерактивной презентации» очень успешно можно реализовать метод «мозгового штурма». «Мозговой штурм» или «мозговая атака» — оперативный метод решения проблемы на основе стимулирования творческой активности, при котором участникам обсуждения предлагают высказывать как можно большее количество вариантов решения, в том числе самых фантастичных. Затем из общего числа высказанных идей отбирают наиболее удачные, которые могут быть использованы на практике. Преподаватель предъявляет проблему на слайде и предлагает выдвинуть решения, с целью появления новой и ценной идеи. На последующем слайде считается возможным представить готовые решения и сравнить с выдвинутыми. Успех «мозгового штурма» сильно зависит от психологической атмосферы и активности обсуждения, поэтому роль ведущего в мозговом штурме очень важна.

Презентация, сопровождающая лекцию, позволяет максимально эффективно использовать особенности восприятия каждого обучаемого. Безусловно, презентации, сопровождаемые красивыми изображениями или анимацией, являются визуально более привлекательными, нежели статический текст, и они могут поддерживать должный эмоциональный настрой, облегчающий восприятие и запоминание представленного материала. «Интерактивные презентации» предоставляют возможность для создания тестов с вопросами и выбираемыми ответами, один из которых верен. Таким образом, перед прочтением лекции или изложением фактов, целесообразным считается проведение викторины, чтобы выявить знания студентов по

данной теме, а также сформировать устойчивую мотивацию. В ходе чтения лекции при изложении каких-либо цифр, данных, фактов можно предложить студентам угадать, что значат данные цифры или сравнить факты или цифры данные, например, о Британии с ситуацией в России. В конце лекции можно предложить студентам тест, проверяющий усвоение материала.

При обучении иностранному языку, преподаватель часто использует статистические данные как основу дискуссии. Такого рода данные также возможно предъявлять с помощью презентации. Перед предъявлением мы рекомендуем провести социологический опрос по теме в группе, проанализировать результаты и представить их в цифрах, а в дальнейшем сравнить данные и обсудить расхождения полученных результатов с данными на слайде. Социологический опрос представляет собой ролевую игру, т. е. принятие участниками на себя определенных ролей (социолога и прохожего). Ролевая игра предполагает подражание ее участников действительности в речевом и неречевом поведении. Ролевая игра также является методом интерактивного обучения и способствует формированию иноязычной коммуникативной компетенции.

Дискуссия, как интерактивный метод обучения, также можно осуществляться с помощью презентации. Учебной дискуссией называется целенаправленное, коллективное обсуждение конкретной проблемы, сопровождающееся обменом идеями, суждениями, мнениями в группе. Основой дискуссии могут стать ложные и правдивые высказывания, данные на слайде. Студенты могут высказывать свои соображения по поводу правильности или неправильности данных высказываний и аргументировать свою точку зрения. На следующем сайте предъявляем правильные ответы и анализируем свою позицию. Эффективность использования учебной дискуссии как метода обучения определяется целым рядом факторов: актуальность выбранной проблемы; сопоставление различных позиций участников дискуссии; информированность, компетентность и научная корректность дискутантов и др.

В отличие от традиционного применения учебной компьютерной презентации как средства методически пассивной наглядности в обучении, или преимущественно для самостоятельной работы учащихся, мы предлагаем применять «интерактивную презентацию» как инструмент организации познавательной деятельности для создания комфортных условий обучения и включенности учащихся в учебное взаимодействие, что делает продуктивным сам процесс обучения.

«Интерактивная презентация» является эффективным средством повышения качества иноязычной подготовки студентов за счет своего дидактического потенциала, заключающегося в следующих возможностях:

— интерактивность обучения, обеспечивающая управление учебным процессом и создающая условия для осуществления различных видов учебной деятельности;

— мобильность и упрощение организации переходов от одного вида наглядности к другому при объяснении нового материала посредством интеграции в презентации различных видов информации;

Презентацию можно превратить в увлекательный способ вовлечения студентов в образовательную деятельность. Причем презентация может стать своеобразным планом урока, его логической структурой, т. е. может быть использована на любом этапе урока или на любом виде урока, будь то: изучение нового материала или закрепление, контроль знаний или домашнее задание и др.

Интерактивные технологии обучения позволяет развивать иноязычные профессионально-коммуникативные навыки, способствующие повышению конкурентоспособности будущих специалистов в профессионально-деловой сфере. «Интерактивная презентация» предполагает реализацию коммуникативно-когнитивного подхода в ходе формирования иноязычной компетенции, что предполагает повышение качества языковой подготовки студентов.

Библиографический список

1. Анисимова, Н.С. Теоретические основы и методология использования мультимедийных технологий в обучении: автореферат. дисс. … д-ра пед. наук / Н.С. Анисимова. — СПб, 2002 — 32 с.

2. Балицкая, И.В. Интерактивные методы обучения и воспитания США Текст: монография / И.В. Балицкая. — Южно-Сахалинск: Изд-во СахГу, 2004. — 108 с.

3. Гусарова, Е.Н. Современные педагогические технологии / Е.Н. Гусарова. — М.: Центр «Академия», 2005. — 20 с.

4. Захарова, И.Г. Информационные технологии в образовании / И.Г. Захарова. — М.: Центр «Академия», 2005. — 190 с.

5. Муковникова Е.В. Эффективное использование цифровых образовательных ресурсов на уроках английского языка // Английский язык, «Первое сентября». — 2008. — № 4. — С. 4—7.

6. «Языки в современном мире». Международная конференция. Тезисы докладов. М. — 2004.

УДК 81’23

МЕТОД НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА И МЕТОД НАРРАТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

М.В. Репьевская

В данной статье охарактеризованы нарративные методы исследования, предпринята попытка объяснить значимость нарративных методов исследования при изучении языкового сознания, а также при изучении и выявлении ценностных категорий, присущих современному обществу.

Ключевые слова: нарративный анализ, языковое сознание, ценности, нарратив, нарративное интервью.

Знаменитый немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель говорил, что метод есть орудие, которое стоит на стороне субъекта, есть средство, через которое субъект соотносится с объектом. Таким образом, метод как определенное средство может касаться любой сферы человеческой деятельности, в том числе и такой ее разновидности, как исследовательская, познавательная деятельность. (В пер. с греческого «methodos» означает «способ, путь следования».)

Метод в науке, в научной деятельности — это знание, с помощью которого добывается новое знание. То есть один и тот же фрагмент знания в одном случае может рассматриваться как теория (разрабатываемое знание), а в другом — как метод (знание, с помощью которого разрабатывается теория).

Знание методов помогает систематизировать информацию, способствует разработке новых идей и взглядов, позволяет проанализировать изучаемый вопрос с разных сторон и разными способами, позволяет выбрать соответствующую методику для конкретного исследования, определить этапы исследования и многое другое.

В нашей работе мы обратились к такому качественному методу исследования как нарративный анализ, а также мы проводим исследования на материалах нарративного интервью.

Нарративный анализ (от narrative — повествование) — это качественный метод исследования, направленный на интерпретацию повествования и уделяющий особое внимание временной последовательности, которую устанавливают люди как рассказчики о своей жизни и окружающих событиях.

Согласно Ильину, человеку свойственны нарративные способы осмысления мира и текстуальность мышления как средство конструирования собственной идентичности по законам художественного текста. Сторонни-

ки этого метода считают, что другие виды анализа не учитывают тот факт, что люди воспринимают свою жизнь как непрерывный процесс, отражающий социальные явления. Бытие личности, ее отношения с миром раскрываются через повествование с помощью языка, выражающего внутренние причины человеческого поведения. Через нарратив личность придает социальным практикам форму и смысл, временно и логически упорядочивает свой опыт, выделяя в нем начало, конец, кульминацию. Нарративы выступают как механизмы организации человеческого опыта.

Ученые указывают на тесную связь нарратологии с социальным конструкционизмом — научным направлением, согласно которому социальная реальность конструируется самими людьми в процессе коммуникации как непрерывного переговорного процесса. Нарративы выступают как один из важнейших способов отражения социальных конструктов — с их помощью можно получить представление о мировосприятии другого человека. Применяя нарративный анализ, можно не только исследовать модели конструирования действительности членами определенного общества, но также исследовать языковое сознание индивидов.

Феномен «языковое сознание» представляется интересным в нескольких отношениях. Прежде всего, оно закрепляет связь лингвистического явления (языка) с психологическим феноменом (сознанием). Это важно в связи с попытками разделения и установления границ между психологическими процессами, семантикой, с одной стороны, и языковыми средствами выражения мысли личности, с другой, то есть в более общем плане — между лингвистикой и психологией. По А.Н. Леонтьеву «сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния». Функция сознания состоит в том, чтобы субъект мог действовать на основе возникающего субъективного образа.

ЯС — совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей. При этом он подчеркивает, что главное в этой дихотомии «сознание и язык», естественно, сознание. (Е.Ф. Тарасов)

Метод нарративного интервью (Н.И.) это качественный метод исследования, наиболее распространенный в сферах психологии и антропологии. Серьезный вклад в развитие нарративной методологии сделал когнитивный психолог Дж. Брунер (Jerome Bruner), который концептуализировал нарратив как один из двух типов человеческого мышления и, применив к нарративу конструктивистский подход, выдвинул тезис о взаимном влиянии прожитой жизни и рассказа о ней. Метод Н.И. может использоваться на пилотной стадии научного исследования в процессе формирования объективных исследовательских инструментов, либо в рамках комбинирован-

ной стратегии, когда объективные методы применяются для исследования больших выборок, а нарративный метод — для небольших групп, чтобы достичь более глубокого понимания исследуемых феноменов.

В современной социологии и антропологии метод Н.И. используется для исследования стиля жизни специфических социальных групп: гендерных, расовых, религиозных и т. д., изучения взаимоотношений и взаимодействий индивидуумов и групп (D. Bertaux); в психологии, педагогике и медицине — для более глубокого понимания личности и ее развития, а также диагностики психологических и медицинских проблем клиентов. Начиная рассказывать о своем жизненном пути, человек подчиняется динамике процесса повествования и в меньшей степени ориентирован на возможности самопрезентации, обусловленные актуальной ситуацией интервью. В нашей работе мы придерживаемся мнения о том, что метод Н.И. основан на представлении об истории жизни как социальном конструкте, охватывающем как социальную реальность, так и переживаемый субъектом мир. При этом жизненные истории, понимаемые как конструкты, не отделяются от интеракционных процессов. Нарратив в исследуемом биографическом интервью также может рассматриваться как результат интеракции между рассказчиком и слушателем. Поэтому полученные в результате нарративного интервью тексты можно исследовать с точки зрения выявления наиболее ценных категорий как для рассказчика, так и для слушателя. Целью Н.И. может быть получение качественной информации о различных социальных процессах и проблемах, о ценностях и об опыте тех или иных социальных групп с позиции самих рассказчиков.

Библиографический список

1. Ван Дейк, Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

2. Глухов, В.П. Основы психолингвистики: учебное пособие для студентов педвузов / В.П. Глухов — М.: АСТ: Астрель, 2005. — 351 с.

3. Караулов, Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 191—206.

4. Стернин, И.А. Значение в языковом сознании: специфика описания / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. — М.: Институт языкознания РАН, 2006. — № 4. — С. 171—179.

5. Фридман, Ж.И. Методика анализа значения слова в языковом сознании носителей русского языка / Ж.И. Фридман // Вопросы психолингвистики. — М.: Институт языкознания РАН, 2007. — № 5. — С. 78—82.

УДК 821.111 + 81'1

ЛЕКСИЧЕСКАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ ЭМОЦИЙ

Т.В. Семёнова

В статье рассматриваются вопросы лексической манифестации эмоций и её значение в межкультурной коммуникации. Эмотивная лексика представлена как лексическая оппозиция.

Ключевые слова: эмоции, эмотивная лексика, эмосема, лексическая оппозиция, лексикология.

Исследования эмоций и их лингвистической манифестации становятся необходимыми в условиях глобализации и интеграции мировых процессов. Многомерность мира вновь приводит нас к необходимости сопоставить различные языковые картины, что, возможно, будет способствовать более глубокому взаимопониманию наций.

Большинство ученых признает, что эмоции — особая форма познания, отражения, оценки объективной действительности. Эмоции многогранны. Они затрагивают и опыт, физиологию и поведение, формы познания и концептуализации. Принимая точку зрения эмпирической психологии и когнитивной науки вслед за Ортони А., Клоур Дж., эмоции определяются способом, каким лицо, испытывающее их, воспринимает ситуации, которые порождают эти эмоции [9].

Мы согласимся, что структура словаря эмоций не изоморфна структуре самих эмоций. Говоря о вербализации эмоций, мы подчеркиваем, что существуют значительные индивидуальные и культурные различия в переживании эмоций. Если личность определенным образом коцептуализирует ситуацию, то существует возможность для определенного типа эмоций. Ведь именно то, как концептуализируется ситуация и является источником индивидуальных и культурных различий, что находит свое отражение в языке.

Как известно, эмоции имеют двоякий способ обнаружения в языке. Во-первых, они проявляются в языке как эмоциональное сопровождение, эмоциональная окраска, возникающая в результате прорыва в речи говорящего его эмоционального состояния в виде эмоциональных оценок.

Во-вторых, эмоции отражаются языковыми знаками как объективно существующая реальность, подобно любой другой конкретно наблюдаемой реальности.

Традиционно выделяют различные два класса эмотивной лексики. Так называемая лексика эмоций включает слова предметно-логическое значение, которых составляют понятия об эмоциях.

К эмоциональной лексике относят эмоционально-окрашенные слова, содержащие чувственный фон.

С точки зрения В.И. Шаховского только эмотивы (экспрессивная лексика, выражающая эмоции) являются собственно эмотивной лексикой [8]. Мы придерживаемся точки зрения Л.Г. Бабенко, которая, сохраняя за терминами «лексика эмоций» и «эмоциональная лексика» их традиционное осмысление, называет совокупность обозначаемых ими средств эмотивной лексикой [2].

Для описания всего множества эмоций в лексике может служить категория эмотивности. Существует узкое и широкое понимание эмотивности. В первом случае эта категория соотноситься с экспрессивной эмотивной лексикой и либо отождествляется в целом с коннотацией [7], либо отождествляется с каким-либо из компонентов коннотации: эмоциональным компонентом [4], оценочностью [3]. Во втором случае эта категория охватывает все языковые, в том числе лексические средства отображения эмоций.

Известный психолог К. Изард включает в мотивационную систему человека 10 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд и вина [5].

Исходные эмотивные смыслы совпадают с номинациями базовых эмоций и самыми частотными из множества эмотивной лексики. Эмотивные смыслы, отображающие основные человеческие эмоции, — универсальны, а их лексическая манифестация, с разной степенью глубины и в различных аспектах конкретизирующая их, имеет национальную специфику. Мы можем сказать, что наши эмоции — это код, который позволяет общаться людям разного пола, возраста и социальной принадлежности. И именно культура общества, в котором мы живем, определяет форму их проявления, чтобы мы могли быть поняты и приняты этим обществом.

Исходные эмотивные смыслы относятся к разряду универсальных, общечеловеческих и составляют психологическую картину личности, отражают её основной психологический уклад. Однако, их лексическая манифестация имеет национальную специфику. Исходные эмотивные смыслы пронизаны антонимическими связями и представляют полюса одного чувства.

По Апресяну Ю.Д. пара слов с противоположным значением образует антонимическую парадигму [1]. В основе их семантического соотношения находится общий интегральный признак (или признаки) и дифференциальный признак (или признаки), несущий в себе противопоставленность значений. Во многих работах по антонимии рассматриваются вопросы их классификации. Основой для различных классификаций служат следующие признаки:

а) точность антонимического противопоставления двух значений (точные — приблизительные);

б) степень совпадения — несовпадения сочетаемости (полные — частичные);

в) число антонимических значений двух слов;

г) морфологическая структура антонима (однокорневые — разнокорневые);

д) тип языковых единиц, которыми представлена данная академическая пара.

Таково основное содержание традиционной теории антонимии.

Существуют ещё две идеи, которые выходят за рамки традиционных представлений.

Первая, связывающая антонимию и отрицание, высказана в определении Вебстеровского словаря: «Антоним — это слово, противопоставленное другому слову … таким образом, что оно отрицает все до единой содержащиеся в нем импликации» [11].

Вторая идея тесно связана с первой и состоит в утверждении семантической ассиметричности антонимов: один из антонимов семантически сложнее, чем другой [12].

Эмоции являются одним из основных и всепроникающих аспектов человеческого опыта. Нормальные люди испытывают широкий диапазон эмоций: от спокойного удовлетворения при выполнении сравнительно обыденной задачи до восхищения при рождении ребенка. Именно восприятие ситуации, на наш взгляд, определяет способы декодирования национальной картины чувств. И именно эмоциональный концепт, который является этнически, культурно обусловленным сложным структурно-смысловым, как правило, лексически и/или фразеологическим вербализованным образованием, включающем в себя помимо понятия, образ и оценку, дает возможность сопоставления концептуальных систем, закрепленных в разных языках [6]:

- *interest — indifference;*
- *joy — sorrow;*
- *anger — composure;*
- *fear — boldness;*
- *wonder — indifference;*
- *shame — honour;*
- *aversion — love.*

Рассматривая в качестве примера такую лексическую репрезентацию эмоций в английском языке, представленных в оппозиции, мы можем заключить, что все множество эмотивной лексики передает национальную картину чувств, а их группировка по исходным эмотивным смыслам — универсальную картину чувств.

Эмотивная лексика является одним из компонентов языковой картины нации, и её структурирование имеет важное, на наш взгляд, значение для построения точных, обоснованных в рамках определенной культуры вербальных коммуникативных взаимоотношений в сфере международного бизнеса.

Библиографический список

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. I: Лексическая семантика. / Ю.Д. Апресян. — М.: « Восточная литература», 1995. — 472 с.

2. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. / Л.Г. Бабенко. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. — 184 с.

3. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. / Е.М. Вольф. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 210 с.

4. Гальперин, И.Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста./ И.Р. Гальперин. — М.: Высшая школа, 1979. — 245 с.

5. Изард, К.Э. Эмоции человека. / К.Э. Изард. — СПб.: Питер, 2008. — 446 с.

6. Ключникова, З.Е. Лексико-грамматическая характеристика глаголов в русском языке: автореф. дис. … канд. фил. наук / З.Е. Ключникова. — Алма-ата, 1973. — 210 с.

7. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. / В.Н. Телия. — М.: Высшая школа, 1986. — 156 с.

8. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. / В.И. Шаховский. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. — 193 с.

9. Ortony, A. The Cognitive Structure of Emotions. / A. Ortony, G. Clore, A. Collins. New York.: Cambridge University Press,1988. —208 с.

10. The Penguin Dictionary of English Synonyms & Antonyms. — London.: Penguin Books, 1992. — 456 с.

11. Webster’s New Dictionary of Synonyms. — Springfield, Mass., USA: Merriam-Webster Inc. Publishers, 1968. — 400 с.

12. Wierbicka Anna. Semantics, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configuration. / Anna Wierbicka. — New-York: Oxford University Press, 1992. —267 p.

УДК 821.111 + 378.16 + 651.01

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ МАГИСТРОВ НАПРАВЛЕНИЯ 080100 «ЭКОНОМИКА» И 080200 «МЕНЕДЖМЕНТ»

Л.М. Сергеева

Данная статья описывает трудности, возникающие в процессе организации обучения иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза на примере направлений «Экономика» и «Менеджмент».

Ключевые слова: иностранный язык, неязыковой вуз, магистратура, качество подготовки, проблемы, специалист, бакалавр, рынок труда.

Одной из характерных черт нашего времени являются интеграционные процессы во всех общественных сферах. Сближение культуры и образования различных стран — это один из значимых примеров подобных процессов. Наша страна стремится к приведению нашего высшего образования в соответствие с мировыми стандартами, общеевропейской системой образования. Широкое международное сотрудничество и активный обмен информацией являются отличительными характеристиками современных отношений в научном сообществе. Следовательно, сейчас иноязычная подготовка кадров высшей квалификации приобретает особую значимость. Большая роль в этом процессе отводится магистратуре, которая может помочь слушателям сформировать способность функционировать в международном образовательном пространстве и осуществлять активную межкультурную коммуникацию в рамках своей профессиональной и научной деятельности. Изучение иностранных языков даст возможность усвоить опыт международной деятельности по выбранному направлению и применить его в практической работе [1].

Согласно европейским стандартам, магистратура является вторым элитарным циклом получения высшего образования. Предполагается, что в магистратуру стремятся уже имеющие высшее образование и вполне сформировавшиеся люди, которые хотят повысить свою квалификацию, систематизировать уже имеющиеся знания и практический опыт и получить новые возможности для развития [1]. Так как программы обучения в магистратуре ориентированы на рынок труда, диплом магистра обеспечивает им дополнительные конкурентные преимущества при карьерном росте и устройстве на работу.

Достижение таких привлекательных для многих молодых специалистов целей, однако, сопряжено на практике с рядом проблем, которые отмечаются и другими авторами, работающими в разных вузах страны [1—5].

Прежде всего необходимо отметить незначительное количество аудиторных часов, отводимое на изучение курса иностранного языка в неязыковых вузах; различное наполнение зачетных единиц; отсутствие официальных критериев конвертирования учебных модулей и курсов между российскими и европейскими университетами [5]. Безусловно, тех 70 аудиторных часов (2 часа в неделю в течение первого года обучения в магистратуре), которые предусматриваются учебным планом для направлений подготовки 080100 «Экономика» и 080200 «Менеджмент», совершенно недостаточно для эффективного овладения навыками чтения и перевода текстов по специальности и их дальнейшего развития. Чтобы магистранты могли осознанно и более профессионально подходить к выполнению заданий на чтение и перевод, им также необходимо получить базовые знания в области терминологии, что будет способствовать их подготовке к дальнейшей профессиональной деятельности, которая, как предполагается, потребует умения читать англоязычные специальные тексты и понимать их особенности [1]. Видимо, было бы целесообразно либо продолжить изучение иностранного языка в 3 и 4 семестрах, либо увеличить количество часов в 1 и 2 семестрах.

Учебные планы подготовки магистров включают все дисциплины, предусмотренные федеральными государственными образовательными стандартами, и корректируются с учетом меняющейся экономической ситуации в России и в мире, а также с учетом потребностей современной науки и практики. Однако, в самих государственных образовательных стандартах (как по направлению подготовки 080100 «Экономика», так и 080200 «Менеджмент») указана лишь одна общекультурная компетенция, которую можно отнести к изучению иностранного языка: «свободное владение иностранным языком как средством профессионального общения (ОК-5)» [6, 7]. На базе этой общекультурной компетенции (а также с учетом профессиональных компетенций) в федеральных государственных образовательных стандартах в Южно-Уральском государственном университете были разработаны программы иноязычной подготовки магистров по данным направлениям, согласно которым «в результате изучения дисциплины магистрант должен овладеть:

- всеми видами чтения научной литературы в оригинале (изучающее, ознакомительное, просмотровое, поисковое), предполагающими разную степень понимания и смысловой компрессии прочитанного;
- стратегиями организации письменной речи (реферирование и аннотирование);
- навыками поиска и критического осмысления информации, полученной из зарубежных источников, аргументированного изложения собственной точки зрения;

- стратегиями организации коммуникативной и научно-исследовательской деятельности, исходя из своих образовательных и профессиональных потребностей;
- основами публичной речи (сообщения, презентации);
- стратегиями автономного обучения».

Использование иностранного языка как средства межкультурной коммуникации в ситуациях повседневного и социо-культурного общения становится возможным только лишь при условии владения совокупностью вышеперечисленных компетенций. Данные компетенции позволят находить и анализировать иностранные источники информации, сделают возможным профессиональное общение, направленное на решение профессиональных задач во всех видах речевой деятельности и учитывающее исторические, культурные, социальные, политические и психологические особенности иностранных партнёров [2].

Достижение цели обучения иностранному языку в нелингвистической магистратуре, которая подразумевает формирование практических навыков межкультурной коммуникации на иностранном языке, затрудняется также разнородностью ранее полученных профессиональных навыков и различием в уровне владения иностранным языком [1]. Для поступления в магистратуру необходимо иметь высшее образование в статусе специалиста (в России), бакалавра или магистра другой специальности. В связи с этим слушателями магистратуры являются как специалисты, так и бакалавры, чья профессиональная подготовка ниже, чем у сегодняшних специалистов [3]. Положение усугубляется еще и тем, что выбранное ими на данный момент направление подготовки не имеет ничего общего с той специальностью, которую они получили до поступления в аспирантуру, что существенно затрудняет понимание англоязычных профессионально ориентированных текстов ввиду отсутствия знания терминологии и сути изучаемых понятий, событий и явлений.

Цель обучения иностранному языку в неязыковом вузе должна достигаться на основе использования межпредметных связей с другими дисциплинами, изучаемыми в магистратуре [2], однако, указанные выше причины значительно снижают эффективность обучения и существенно замедляют процесс формирования необходимых умений и навыков. Также нельзя не отметить и тот факт, что для большинства магистрантов характерен двухгодичный (часто более) пробел в занятиях иностранным языком. Так как большая часть студентов 1 и 2 курсов как бакалавриата, так и специалитета менее мотивирована, чем студенты магистратуры, то отсутствие должного внимания изучению иностранного языка в тот период часто приводит к проблемам в магистратуре. И в то время как незначительная часть слушателей готова развивать профессиональную языковую компетенцию, подавляющее их большинство нуждается в приобретении этой компетен-

ции в связи с отсутствием либо профессиональных, либо языковых навыков и умений.

В связи с тем, что магистратура как один из высших уровней образования оказывает влияние на формирование имиджа университета, следует более тщательно отбирать будущих магистрантов. Возможно, следовало бы «организовать подготовительные курсы для абитуриентов, поступающих в магистратуру со сменой профиля» [4].

Библиографический список

1. Тунёва, Н.В. Организация обучения иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза / Степанова, М.М. Современные подходы к обучению иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2/11/2010. — С. 109—114.

2. http://terralinguistica.ru/bridge/publications/NTV2010.html.

3. Попова, Н.В., Степанова, М.М. Междисциплинарный подход к преподаванию иностранного языка в непрофильной магистратуре // Материалы второй международной научной конференции «Актуальные проблемы науки и образования». Ставрополь: СевКавГТУ, 2010. — С. 76—81.

4. Саломахина, Л.А. Проблемы функционирования магистратуры в системе высшего образования России как фактор сдерживания академической мобильности, 2011.

5. http://magistrature.ru/problems.html.

6. Лисицын, В.М. Проблемы и задачи по реализации магистерской подготовки в НИУ РЭТ ТПУ / В.М. Лисицын, Н.А. Шепотенко // Совершенствование содержания и технологии учебного процесса. — Томск: Изд-во ТПУ, 2010. — С. 17—20.

7. Сенашенко, В.С. О тенденциях реформирования магистратуры в структуре российской высшей школы.

8. http://scilance.com/library/book/1439.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100 Экономика (квалификация (степень) «магистр»). — 2010. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200 Менеджмент (квалификация (степень) «магистр»). — 2009.

УДК 378.126 + 378.111

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

А.С. Скоробогатова

Статья посвящена вопросам формирования информационной компетентности преподавателя высшего учебного заведения в условиях информатизации образования, дано определение информационной компетентности, обобщены противоречия социального характера.

Ключевые слова: информационная компетентность, информатизация образования, повышение квалификации.

Развитие общества на сегодняшний день характеризуется возрастающей ролью информационных и телекоммуникационных технологий, другими словами мы переживаем глобальную информационную революцию, которая вносит значимые изменения во все сферы нашей жизни: образование, экономику, политику и др. Широкая компьютеризация выявила необходимость подготовки специалистов нового типа, обладающих компетентностью в области компьютерных и информационных технологий, способных эффективно интегрировать их в свою педагогическую деятельность.

Основополагающие нормативные правовые акты Российской Федерации определили стратегические и тактические цели модернизации образования, отражающие изменения в характере информатизации образования. Они подчеркивают значимость полноценного овладения информационными технологиями и определяют основные задачи информатизации образования, в числе которых подготовка педагогических кадров, обладающих высоким уровнем ИК. Информатизация образования является одним из новшеств, которому уделяется большое внимание. Для понимания этого феномена воспользуемся определением И.В. Роберт — «Информатизация образования — целенаправленный процесс обеспечения сферы образования методологией, технологией и практикой создания и оптимального использования научно-педагогических, учебно-методических разработок, ориентированных на реализацию возможностей средств информационных и коммуникационных технологий» [1].

Количество активных пользователей компьютерной сети стремительно растет. Однако, использование новых информационных технологий несет с собой не только решения каких-либо задач, но и многочисленные проблемы. Одной из них является подготовка и повышение квалификации педагогических работников. На заседании Совета российского союза ректоров, которое проходило 25 июня 2012 года, В.А. Садовничий сказал в сво-

ем выступлении: «…на первый план выходят проблемы качества подготовки и переподготовки специалистов…. Если система образования не будет меняться, то она еще больше будет уязвима для критики…» [2]. Очевидно, что люди, сами плохо владеющие информационными технологиями, не могут обеспечить качественного развития информационной культуры студентов в том объеме, который востребован сегодня. Только достижение высокого уровня информационной компетентности обеспечит необходимую адаптацию к современной информационно-культурной среде, создаст основу для эффективной реализации своих знаний во всех сферах деятельности.

Мониторинг и анализ научных работ, связанных с формированием ИК, выявили ряд противоречий социального характера между тем, как должна быть сформирована компетенция и реальным ее состоянием. Преподаватели в своей профессиональной деятельности испытывают затруднения, обусловленные низким уровнем информационной компетентности, то есть большинство не владеют навыками практического применения компьютерных программ в профессиональной деятельности. Таким образом, налицо противоречие между острой необходимостью повышения информационной образованности всех членов общества, в частности педагогов, с одной стороны и невозможностью обеспечить выполнение этого требования в полном объеме в современных вузах — с другой.

Курсы повышения квалификации предлагают нам, в основной своей массе, программы, нацеленные на обеспечение компьютерной грамотности, знаний и умений в вопросах использования информационных ресурсов и технологий. Но, как показывает практика, в процессе подготовки и повышения квалификации преподавателей педагогическим аспектам использования информационных технологий не уделяется должного внимания. Таким образом, сложилась довольно противоречивая ситуация, с одной стороны, постоянное увеличение оснащенности университета современными ИКТ технологиями вызывает у преподавателей желание их применять в свой профессиональной деятельности, в первую очередь с целью более эффективной организации учебного процесса, а с другой — отсутствие умений по применению информационных технологий не позволяет педагогам в полной мере реализовать имеющиеся информационные ресурсы.

Как известно, разработка государственных образовательных стандартов и программ повышения квалификации ведется на основе компетентностного подхода. По мнению В.И. Байденко, под компетенцией понимается динамичная совокупность знаний, умений, навыков, способностей, ценностей, необходимая для эффективной профессиональной и социальной деятельности и личностного развития специалистов, и которую они обязаны освоить и продемонстрировать после завершения части или всей образовательной программы [3].

По его классификации компетенции целесообразно поделить на две группы:

• общие (универсальные, ключевые) для всех специальностей (инвариантные);

• предметно-специализированные (профессиональные), связанные с конкретными специальностями (вариативные).

Профессиональная компетентность преподавателя — понятие многогранное. В частности, А.С. Белкин определяет порядка 70 компетентностей педагога. Одной из основных компетентностей на современном уровне развития образования является информационная компетентность (ИК).

Информационная компетентность педагога проявляется в умении технологически мыслить и предусматривает наличие аналитических, проективных, прогностических и рефлексивных умений в усвоении и применении информации в педагогической деятельности. Кроме того, ИК является составной частью информационной, технологической культуры преподавателя, выполняет интегративные функции, служит связующим звеном общепедагогических и специальных знаний и умений. Следует отметить, что в современном толковании термина «информационная компетентность» чаще всего подразумевает использование компьютерных информационных технологий, а более точное определение следует трактовать как «компьютерная информационная компетентность».

Кроме того, Я.И Кузьминов в понятие «информационная компетентность» вкладывает и методический аспект деятельности учителя [4]. П.В. Беспалов определяет информационную компетентность как «...интегральную характеристику личности, предполагающую мотивацию к усвоению соответствующих знаний, способность к решению задач в учебной и профессиональной деятельности с помощью компьютерной техники и владение приемами компьютерного мышления.» Информационная компетентность преподавателя формируется на этапах изучения компьютера, применения информационных технологий в качестве средства обучения в процессе профессиональной деятельности и рассматривается как одна из граней профессиональной зрелости.

Формирование информационной компетенции педагога является важной составляющей его профессионализма. Системное, целостное представление об этом явлении позволяет целенаправленно и эффективно организовать учебный процесс в рамках образовательной деятельности, повысить уровень предметно-специальных знаний, принимать эффективные решения в учебной работе, целенаправленно и системно развивать студента.

Библиографический список

1. Роберт, И.В. Основные направления информатизации образования в отечественной школе// Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. — 2005 — № 5. — С. 106—114.

2. Садовничий, В.А. / Высшее образование сегодня. — 2012 — № 7 — С. 2—5.

3. Байденко, И.В. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: Методическое пособие. — М.: Исследовательский центр проблема качества подготовки специалистов, 2006. — 72 с.

4. Кузьминов, Я.И. Профессиональный стандарт педагогической деятельности (проект) // Вестник образования.— 2007. — № 7. — С. 17—24.

УДК 821.112.2 + 81'24

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА

М.Г. Соболева

Эта статья посвящена изучению проблемы формирования поликультурных компетенций студентов, знакомит с деятельностью клуба любителей иностранных языков как специально созданного социального объединения, нацеленного на повышение уровня поликультурной образованности.

Ключевые слова: поликультурные компетенции; образовательная среда; поликультурность; поликультурная образованность.

В педагогике под образованием понимается и «универсальный способ трансляции культурно-исторического опыта, дар одного поколения другому; общий механизм социального наследования, механизм связывания нацело некоторой общности людей и способа их жизни, передачи и сохранения норм и ценностей общей жизни во времени» [4]. Образование неразрывно связано с общественными процессами и трансформациями. Именно социокультурные изменения увязывают образование с определёнными общественными запросами. В межнациональном и поликультурном государстве особенно актуальным становится вопрос формирования специфической образовательной среды. Воздействие образовательной среды на гражданина поликультурного общества характеризуется особенной актуальностью в связи с необходимостью сосуществования множества культур, сопряжённых с взаимным пониманием и уважением к традициям и культуре друг друга.

Ученые отмечают, что образование, которое последовательно сопрягает в своих целях, содержании, методах и организационных формах две и более культурные традиции, формируя мировоззрение, в котором культурное многообразие становится естественной нормой и непреходящей ценностью, называется поликультурным. Есть все основания считать поликультурное образование новой парадигмой образовательного процесса [4].

Известно, что принцип поликультурности основан на диалоге национального и общечеловеческого, интеграции человеческих знаний и культур, обращении к личностно-смысловой сущности человека, внутренним источникам сознания, разнообразию культур и субкультур в окружающем нас мире. Нам импонирует понимание «поликультурной среды» как совокупности различных условий, материальных средств и межчеловеческих отношений, которые устанавливаются между представителями различных культур в их взаимодействии.

Поликультурная образовательная среда вуза — «духовно насыщенная атмосфера разноплановых контактов, пространство позитивного взаимодействия индивидов, групп, культур, представляющих разные этносы, культуры и т. п., учреждение с многокультурным контингентом, призванным удовлетворить образовательные, социокультурные и адаптивные потребности студентов» [1].

Интерес представляет и недавно появившийся термин «образование шириною в жизнь» (lifewide learning), который акцентирует не только постоянство процесса обучения, но и разнообразие его форм — формальное, информальное и неформальное. «Неформальное образование означает преднамеренную, добровольную и планируемую программу личного и социального образования, направленную на изучение и практику ценностей и на развитие широкого круга навыков и качеств, необходимых для жизни в демократическом обществе» [3]. Основными его характеристиками выступают: целенаправленность, систематизированность, субъектность, добровольность, личный интерес, свобода и выбор. При этом неформальное образование предполагает личностную включенность субъекта в образовательный процесс, что делает его результаты подлинно индивидуальными и уникальными.

Неформальное образование может включать внеаудиторные мероприятия, выходящие за рамки традиционной образовательной программы: участие в деятельности общественных организаций, клубах по интересам, индивидуальные занятия с репетитором, тьютором и т. д. Эта идея и легла в основу создания нового структурного элемента вузовской образовательной среды — студенческого клуба, деятельность которого основывалась бы на интеграции принципов формального и неформального образования.

Клуб любителей иностранных языков «Полиглот», организованный при кафедре иностранных языков факультета лингвистики ЮУрГУ, реализует лингвистическую, когнитивную и коммуникативную функции и представляет собой элемент специально организованной поликультурной образовательной среды, включенность студентов в которую позволит обеспечить позитивную динамику показателей уровня их поликультурной образованности, в частности — высокий уровень толерантности, готовность к диалогу культур, высокий уровень коммуникативной компетентности, низкий уровень агрессии, владение эмпатическими способностями.

Разработанная концепция деятельности Клуба, основана на положениях неформального образования и теории поликультурного образования и интегрирована в реальный образовательный процесс вуза. Членами клуба любителей иностранных языков «Полиглот» становятся студенты факультета экономики и предпринимательства, а также торгово-экономического и автотракторного факультетов ЮУрГУ. Программа деятельности построена по модульно-тематическому принципу; ее содержание, формы, ме-

тоды и средства адекватны основным положениям теории поликультурного образования и принципам неформального образования.

Разнообразие тематики и форм подготовки и проведения заседаний можно продемонстрировать следующим образом. Так, например, тема «Гражданская идентичность» предусматривала установочную беседу с проблемным изложением материала и работу с культуроведчески ориентированными печатными текстами, аудиовизуальными данными. В рамках тематики «Люди и мир, в котором мы живем» была предусмотрена работа в проектных группах, эвристические беседы, дидактические игры, просмотр видеофильмов, встречи с представителями иноязычных культур. Тематика «Праздники и досуг» раскрывалась через доклады, видеопрезентации, дидактические игры, праздничные презентации, встречи с носителями различных культур. «Образование: традиции и перспективы» раскрывалось через проектную деятельность, активное участие в культуроведчески ориентированных ролевых играх, написание рефератов.

Рассмотрим более подробно праздничное заседание клуба любителей иностранных языков «Полиглот», состоявшееся накануне католического Рождества, 23 декабря. Члены Клуба — студенты ТЭФ, АТ и ЭиП факультетов, представили четыре страны и познакомили гостей с культурными рождественскими обычаями Германии, Великобритании, Испании и Франции. Видеопрезентации были посвящены Weihnachten (Рождество в Германии) Были исполнены традиционные немецкие песни «O, Tannenbaum», «Stille Nacht, Heilige Nacht». «!Feliz Navidad!» — «Счастливого Рождества!» по-испански. Все участники заседания отметили, что они познакомились с обычаями испанцев прыгать на Рождество через костёр, чтобы избавиться от всех болезней, а в полночь с каждым ударом часов съедать по одной виноградинке. С большим удовольствием все разучили несложные слова испанской рождественской песенки. По вкусу пришлись и традиционные угощения — рождественский пирог, печенье в виде звёздочек, снежинок и ёлочек с марципанами и миндалём, испечённые членами клуба по оригинальным рецептам.

В планах дальнейшей работы клуба «Полиглот» знакомство с многоязычным характером современного мира, сотрудничество с иностранными студентами в аспекте расширения своего поликультурного кругозора. Запланированная деятельность способствует, по нашему мнению, формированию активной позиции субъектов педагогического процесса по отношению к носителям иных культур, в освоение которых они вовлечены в процессе иноязычного образования и взаимодействия друг с другом и с преподавателями.

Результативностью деятельности клуба любителей иностранных языков в рамках поликультурной образовательной среды в вузе может выступать «становление поликультурной личности, обладающей высокой профессио-

нальной и общей культурой и способной находить и принимать адекватные решения в условиях межкультурной коммуникации, межличностного взаимодействия и поликультурной реальности» [2]. Освоение и принятие особенностей культурного многообразия сопровождается повышением уровня поликультурной образованности, общего уровня культуры личности.

Таким образом, через Клуб любителей ИЯ как один из своих структурных элементов современный инновационный вуз осуществляет поддержку адаптации и интеграции личности в поликультурной среде и, являясь модулем целостного поликультурного образовательного пространства, формирует личность будущего выпускника посредством развития межнациональных отношений и определяет жизнь подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Гукаленко, О.В. Некоторые аспекты моделирования поликультурного образовательного пространства / О.В. Гукаленко, Т.П. Ильевич // Сборник трудов Первой международной научно-практической конференции. — Южный Федеральный Университет. — 2010. — С. 25—28.

2. Михайлова, Т.В. Поликультурная среда вуза: к вопросу о содержании понятия / Т.В. Михайлова // Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет. — 2008. — 38 с.

3. Сираева, М.Н. Методы и формы организации поликультурного образования студенческой молодежи в современном вузе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради: психолого-педагогические науки. — 2008. — № 12 (88). — С. 229—233.

4. Хакимов, Э.Р. Исследование проблем перехода педагогов на парадигму поликультурного образования // Педагогическое образование: современные проблемы, концепции, теории и практика. сб. статей / под ред. И.И. Соколовой. — СПб.: Учреждение РАО ИПО, 2009. — С. 252—254.

УДК 378.016:81

ПРИНЦИП КОСВЕННОГО ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

И.В. Ставцева

В статье рассматривается принцип косвенного целеполагания и описываются результаты его применения в обучении иностранному языку студентов вуза.

Ключевые слова: косвенное целеполагание, принцип двуплановости, студенты вуза, иностранный язык.

Поверхностный взгляд на сущность вузовского этапа образования обнаруживает кажущуюся очевидность единомыслия преподавателя и студента, общность целей их двусторонней деятельности и заведомо высокую результативность всего образовательного процесса. Как правило, не подлежит сомнению тот факт, что в данной ситуации обе стороны максимально заинтересованы в достижении результата, мотивированы самим процессом и сконцентрированы на эффективности своей деятельности. Другими словами, студент поступает в университет для того, чтобы стать компетентным специалистом, и его непосредственная задача — приложить все усилия для освоения вузовских дисциплин, а преподаватель, в свою очередь, обеспечивает студента всеми доступными ресурсами для профессионального становления, что является гарантом успеха прямых императивов организации преподавателем процесса обучения.

Однако, более глубокий анализ психологических закономерностей взаимодействия в рамках университетской среды выявляет широкий контекст отсутствия жизнеспособности управления процессом обучения напрямую. На практике образовательная деятельность, представляя собой вариацию социальной, сталкивает внутренние мотивы двух субъектов, наложенные на внешние факторы и зависимые от них, определяя поведение участников и одновременно разрушая иллюзию общности представлений о результатах обучения.

В вузе по сравнению с более ранними этапами образования положение усугубляется высокой степенью ориентации на научную сферу деятельности профессорско-преподавательского состава, который увлечен открытием новых академических явлений и, как следствие, не обращает особого внимания на внутренние мотивы учащихся. Тем не менее, именно преподаватель ответственен за выявление мотивационной составляющей психологии студента, так как именно он проектирует траекторию обучения, организуя образовательный процесс с реальными учащимися.

Выход из сложившейся ситуации мы видим в максимальном применении принципа косвенного целеполагания. Проиллюстрируем данный

принцип сравнением скорости достижения схожих целей мирским обществом и церковью, проведенным историком А.Дж. Тойнби. Если общество и государство формулируют свои императивы напрямую, то видимые церковные задачи всегда направлены на нечто более высокое и поэтому церковь достигает своих целей быстрее. Резюмируя пример, автор отмечает: «Парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни является то, что для того, чтобы достигнуть какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели» [2, С. 515].

Принцип косвенного целеполагания (принцип двуплановости) рассматривается психологами, педагогами и философами, отмечается как важный и во многих случаях единственно возможный в контексте социального регулирования, а также является ключевым в теории интенсивных методов обучения иностранному языку (Г.К. Лозанов, Г.А. Китайгородская). Несмотря на распространенность и признание данного принципа, в большинстве случаев педагогической практики в вузе он остается за пределами непосредственных занятий со студентами. Его проявление фиксируется в основном лишь при проведении деловых игр, получивших распространение в связи с теорией контекстного обучения А.А. Вербицкого и основанных на совмещении педагогического и игрового контекстов.

При реализации принципа двуплановости в образовательном процессе прямая задача всегда соотносится с внутренними мотивами студентов, а косвенная тождественна педагогической, первичной для преподавателя, чаще всего не воспринимаемой студентами, им непонятной и следовательно не способной оказать эффект в результате ее прямого формулирования.

В рамках дисциплины иностранный язык для студентов неязыковых специальностей положение о важности использования принципа косвенного целеполагания становится особенно актуальным из-за больших отличий в понимании сущности дисциплины у преподавателей и студентов. Нередки такие крайние точки противоречия, когда студент хочет «говорить на языке» (желательно, не прилагая к этому никаких усилий), а преподаватель видит в языке набор грамматических правил и лексических закономерностей, соотнесенных с учебной программой. В лучшем случае студенты, для которых язык — не будущая профессия, имеют отличные от лингвистов и филологов мотивы его изучения (несопоставимые с языковой структурой), в то время как остается большой процент тех, кто вообще не считает иностранный язык в университете полезным и заслуживающим внимания.

Для преодоления описываемого противоречия мы используем два вида педагогически обоснованной деятельности студентов, переработанных нами для учебных задач исследовательского университета: работа с оригинальными психологическими тестами и коллективное ведение учебного

пользовательского словаря [1], являющегося результатом чтения оригинальных текстов, самостоятельно найденных в Интернет-среде.

Обе деятельности реализуют принцип косвенного целеполагания и помогают преподавателю перевести учебные цели серии уроков в задачи общения учащихся на основе личностно-значимой исследовательской деятельности, соотносимой с их профессионализацией и легко адаптируемой для различных специальностей и уровней подготовки в высшей школе.

Работа с тестами помогает выявить личностные особенности характера учащихся, одновременно познакомив их с ведущими психологическими разработками и организовав дискуссию на тему полученных результатов. При этом косвенные цели варьируются от автоматизации речевых умений и отработки языкового материала до фиксации психологических характеристик с целью их последующего применения.

Деятельность по коллективному ведению учебного пользовательского словаря была разработана нами на основе положений современной лексикографии для перевода задачи чтения специальной литературы в косвенную форму. Таким образом, сначала студент работает над созданием индивидуального словаря по следующему алгоритму: 1) создание поисковой базы для выбора текстов-источников словаря; 2) поиск основного и вспомогательных текстов по заданной тематике; 3) чтение найденных текстов; 4) выбор ключевых единиц; 5) построение семантических схем по прочитанному; 6) добавление выбранных единиц в общий пользовательский словарь (заданного типа и заданной структуры словарной статьи); 7) написание вторичного текста жесткой структуры на основе данного. Затем происходит обсуждение созданных словарей с целью организации полученных словарных статей в единый проект. После этого в группе распределяются роли по ведению коллективного словаря.

Особенность предложенной технологии заключается в намеренном соединении методических положений в области обучения языку и лексикографии, что реализует принцип двуплановости, объединяющий лексикографические и педагогические цели. С одной стороны, учащиеся работают над ведением словаря, а с другой стороны, — они повышают свой уровень читательской компетентности. Реализация принципа двуплановости обеспечивает сохранение высокой мотивации на занятиях через постепенное развитие единой комплексной идеи организации деятельности студентов.

Приведенный алгоритм основывается на гибкой смене организационных форм работы (индивидуальной, групповой и коллективной), чередование которых позволяет добиться хороших результатов. В предложенной технологии сначала все этапы алгоритма выполняются учащимися индивидуально, затем осуществляется переход к групповой работе, когда студенты обсуждают найденные источники текстов, выбранные ключевые единицы, вместе выстраивают семантические схемы и составляют вторич-

ный текст, после чего продолжают деятельность по ведению словаря. Стоит отметить, что индивидуальное выполнение всех этапов необходимо, так как, только предварительно подготовившись, студенты могут участвовать в групповой и коллективной деятельности. Создание поисковой базы и ведение словаря представляют собой коллективные этапы работы, которые получают определенную социальную оценку и значимы с точки зрения коллективной ответственности за их выполнение.

Результаты применения двух технологий продемонстрировали целесообразность и высокую эффективность принципа косвенного целеполагания. Анкетирование показало, что студенты самостоятельно выявили следующие возможности работы над психологическими тестами: 1) разобраться в себе, понять, что помогает, а что мешает учиться, выявить личностный потенциал; 2) узнать одногруппников и обсудить с ними их характер на иностранном языке; 3) применить результаты тестов для профессионального и карьерного роста (например, индекс по типологии Майерс-Бриггс в резюме); 4) узнать о разнообразии психологических типов людей и попытаться найти способы взаимодействия с ними; 5) обсудить преимущества и недостатки психологических теорий и их практической реализации в тестах. Коллективное ведение учебного пользовательского словаря по прочитанным специальным текстам способствовало самостоятельному выявлению студентами следующих возможностей: 1) обсудить особенности поисковых систем, существующих словарей и автоматических переводчиков; 2) узнать, экспериментально проверить и обсудить составление поисковых запросов; 3) использовать знания, приобретенные из лекционных курсов, читаемых на родном языке; 4) изучать тексты на родном и иностранном языках в сравнении; 5) оценивать работу одногруппников, вместе выявлять плюсы и минусы включенных в словарь статей; 6) составлять такие описания слов, чтобы ими пользовались другие студенты.

Таким образом, наше исследование подтвердило действенность принципа косвенного целеполагания в качестве теоретической основы технологий, создаваемых для обучения студентов вуза.

Библиографический список

1. Ставцева, И.В. Сущность и возможности учебного пользовательского словаря в обучении студентов неязыкового вуза / И.В. Ставцева // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты: сборник научных трудов. Вып. 16. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. — С. 39—43

2. Тойнби, А.Дж. Постижение истории: сборник / А.Дж. Тойнби — М.: Прогресс, 1991. — 617 с.

УДК 821.111 + 378.114

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЮРИСТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА В РАМКАХ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»

Е.Г. Шрайбер

В статье описываются некоторые методические особенности учебного пособия автора, направленного на формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности юристов в вузе на материале иностранного (английского) языка.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, иностранный язык, учебное пособие.

Согласно требованиям к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата по направлению подготовки 030900 Юриспруденция, выпускник должен обладать следующими общекультурными компетенциями: осознавать социальную значимость своей будущей профессии, быть способным добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста, владеть культурой мышления, быть способным к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, быть способным логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную, быть способным анализировать социально значимые проблемы и процессы, владеть необходимыми навыками профессионального общения на иностранном языке. Кроме того, выпускник должен обладать следующими профессиональными компетенциями: быть способным осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры; быть способным обеспечивать соблюдение законодательства субъектами права, принимать решения и совершать юридические действия в точном соответствии с законом; быть готовым к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества, государства; быть способным уважать честь и достоинство личности, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина и т. д. [1].

Положения компетентностного подхода, новые государственные образовательные стандарты третьего поколения, а также инновации в теории лингвистического образования требуют на современном этапе учета профессиональной специфики, актуализации задач будущей профессиональной деятельности выпускников вузов. Значительное внимание уделяется интеграции социальных, лингвистических и профессиональных навыков,

межпредметным связям входящих в учебный план определенного направления подготовки будущих специалистов (юристов) дисциплин.

Из чего следует, что актуальность на сегодняшний день приобретает научно-практическое направление в теории обучения иностранным языкам, выделяемое многими исследователями под названием «Язык для специальных целей» (Language for Specific Purposes — LSP).

Большое число исследований в области LSP привело к появлению множества вариантов интерпретации данного определения, как и к многообразию различных мнений относительно его сущностных характеристик, что естественным образом порождает терминологические расхождения.

Поскольку целью нашей статьи не является анализ данного понятия, мы ограничимся утверждением, что понятие «язык для специальных целей» связан с такими номинациями как «функциональный / предметный / профессиональный язык».

Ситуации, в которых профессиональный язык может быть востребован, связаны, прежде всего, с ситуациями общения в пределах специальной сферы (наука, техника, управление, медицина, дипломатия, юриспруденция и др.). Специальная тематика, специальные цели беседы побуждают специалистов пользоваться профессиональным языком, который в меньшей степени связан с такими категориями как национальность, общественно-политическая формация, идеология, мировоззрение. Основным необходимым качеством носителя данного языка становится профессионализм, который требует владения понятийно-категориальным аппаратом определенной сферы деятельности. В целом, безусловно, язык, как инструмент, остается тем же национальным литературным языком, но в конкретных (профессиональных) условиях он содержательно сокращается, становится монотематичным, насыщается специальными словами и выражениями, использование которых предопределяет профессионализм говорящего (языковой личности), т. е. его компетентность.

Овладение профессиональным языком можно рассматривать как приобретение коммуникативной компетентности. При этом языковая личность использует профессиональные знания, учитывает задачи и условия общения, коммуникативную целесообразность высказывания. Коммуникативная целесообразность включает в себя не только способность пользоваться языком, но и наличие знаний, которые лежат в основе реального общения. В рамках профессиональной подготовки современного специалиста любого профиля особое внимание уделяется профессиональной коммуникативной компетентности, т. е. навыкам общения в профессиональной ситуации. Поскольку профессиональная речевая деятельность целенаправленна, то она предполагает сознательный выбор средств и способов достижения цели, в соответствии с которой тщательно отбирается содержание обучения в образовательном процессе вуза.

Основными задачами обучения являются развитие навыков уверенной устной речи на темы делового и профессионального (юридического) английского языка; развитие навыков понимания устной речи по тематике программы обучения, включая общеделовые и профессиональные темы; формирование/расширение активного словарного запаса делового и юридического английского языка, включая характерные идиоматические выражения и профессиональную терминологию; развитие навыков работы с печатными материалами деловой и юридической тематики; повышение общего уровня владения деловым английским языком.

Тематическое содержание учебного пособия для студентов юридического факультета было разработано с учетом наиболее значимых для студентов тем, имеющим профессиональную направленность. Текстовый материал пособия подобран из аутентичных учебников, сети Интернет и включает следующие темы: Проблемы наркотиков в жизни молодежи; Преступления несовершеннолетних; Агрессия и насилие на ТВ; Тюрьма: жизнь до и после; Высшая мера наказания; Алчность юристов; Мораль и право.

Методы и формы обучения, направленные на развитие требуемых языковых навыков (чтения, говорения, письма) в процессе обучения включают: кейс метод и ролевые игры, диалоги, обсуждения, круглые столы, конференции, презентации, работу в парах (в малых и больших группах), выполнение различных письменных заданий, пре- и послетекстовых упражнений и др.

Каждый урок (unit) открывается вопросами (раздел «Brainstorm»), вводящими слушателя в обсуждаемую тему ближайших нескольких занятий. Далее следует текст (тексты) с разработанными к нему (к ним) заданиями. Прежде всего, это вопросы после текста (раздел «Comprehension»), контролирующие общее его понимание (просмотровое чтение), либо требующие поиска конкретного ответа (поисковое, изучающее чтение).

В разделе «Work it out» подобраны задания на отработку лексики. Обучающимся предлагаются различные формы обсуждения темы по прочитанному тексту, а также с привлечением имеющихся у них дополнительных (фоновых) знаний, скажем, из смежных или профессиональных дисциплин, либо добытых иным путем. Обсуждение инициируется либо в форме вопросов (раздел «Discussion»), либо предложенной ситуации, обдумав которую студенту предоставляется возможность прокомментировать или выразить свое отношение к ней, либо ответить на вопросы после (раздел «Let’s debate»).

В разделе «Activities» расположены различные варианты игровой деятельности: ролевые игры, создание проектов в группах или индивидуально, ведение полемики (прений, дискуссий).

Для развития критического мышления студентов подобраны задания, составляющие раздел «Critical thinking activity»: анализ событий с позиции «за» и «против» по предложенной проблемной ситуации, подготовка монологического высказывания с обоснованной аргументацией по дискутируемому вопросу, требующего разумное рефлексивное мышление, направленное на принятие решения «чему доверять и что делать» и т. д.

Предусмотрены задания для самостоятельной работы студентов (раздел «Networking»), в основном рассчитанные на обращение к сети Интернет по ссылкам, указанным в пособии, и на выполнение затем предложенных заданий. Приветствуется и самостоятельный поиск необходимой информации посредством Интернета или других информационных ресурсов.

Задания на развитие навыков письма и письменной речи выведены в специальный раздел «Writing». В приложении можно найти указания по написанию разных видов письменных работ. Кроме того, в приложении приведен глоссарий устойчивых выражений, которые можно использовать, участвуя в дискуссии.

Отметим, что данное учебное пособие способствует развитию навыков чтения и понимания профессионально-направленных текстов по юридической специальности, развитию навыков говорения. Кроме того, пособие направлено на развитие монологической и диалогической речи, на развитие навыков интернет-пользования и расширение общего кругозора студентов. Поэтому, ожидаемым результатом прогнозируется умение обучающихся вести устное общение на профессиональные (юридические) темы; самостоятельно участвовать в деловых встречах, переговорах, презентациях на английском языке; уверенно применять профессиональную юридическую терминологию при устном и письменном общении с зарубежными коллегами и партнерами; вести деловую переписку на английском языке; составлять юридические документы, информационные материалы, отчеты, презентации на английском языке; участвовать в профессиональных тренингах и семинарах юридической тематики на английском языке; читать и понимать документы, статьи, информационные материалы юридической тематики.

Библиографический список

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 030900 — Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»). — http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm464-1.pdf

УДК 81’23 + 659.1.013

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

О.О. Яшан

В данной статье отражена методика проведения психолингвистического исследования, предпринятого с целью выявления гендерных особенностей рекламного дискурса. В ходе исследования был проведен ассоциативный эксперимент среди студентов Южно-Уральского государственного университета.

Ключевые слова: рекламный дискурс, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, гендер.

В наши дни реклама постоянно воздействует на потребителя по разным каналам коммуникаций, что приводит к усвоению ее языка, изменению речевого поведения, поэтому можно сказать, что современная реклама участвует в формировании языкового сознания людей. Реклама, представляя собой совокупность лингвистических и экстралингвистических компонентов, также оказывает значительное влияние на формирование различных (в том числе и гендерных) стереотипов и образа жизни современного общества. Гендерный фактор является основой для эффективной рекламной стратегии.

Настоящая статья отражает методику проведения психолингвистического исследования, предпринятого нами с целью выявления гендерных особенностей рекламного дискурса. В ходе данного исследования был проведен ассоциативный эксперимент среди студентов Южно-Уральского государственного университета разных курсов, групп и специальностей. Около 200 студентов (100 человек мужского пола, 100 человек женского пола) приняло участие в эксперименте.

Ассоциативный эксперимент является одним из способов изучения языкового сознания, а получаемые в результате ассоциативные поля позволяют описывать образы, существующие в сознании носителей языка.

Согласно В.П. Глухову, в прикладной психолингвистике разработано несколько основных вариантов ассоциативного эксперимента:

1) «свободный» ассоциативный эксперимент (испытуемым не дается никаких ограничений на словесные реакции);

2) «направленный» ассоциативный эксперимент (испытуемому предлагается называть только слова определенного грамматического или семантического класса);

3) «цепочный» ассоциативный эксперимент (испытуемым предлагается реагировать на слово-стимул сразу несколькими словесными ассоциациями) [1].

Нами был выбран метод свободного ассоциативного эксперимента, то есть при его проведении респондентам не давалось никаких ограничений на словесные реакции.

В качестве стимулов, предъявляемых участникам эксперимента, были использованы слова, наиболее часто встречающиеся в рекламе из современных гендерно-ориентированных журналов. Для этого мы проанализировали около 100 выпусков наиболее популярных женских («Лиза», «Cosmopolitan», «Joy», «Glamour») и мужских («За рулем», «XXL», «Playboy», «Maxim») журналов, вышедших за последние несколько лет. Таким образом, нами было отобрано 50 наиболее частотных слов, обнаруженных в рекламе из женских журналов («преображение», «восстановление», «совершенство», «безупречный», «эффективность» и т. д.) и 50 наиболее частотных слов, найденных в рекламе из мужских журналов («функциональность», «безопасность», «преимущество», «уверенность», технологии» и т. д.). Также нами были отобраны фразеологизмы, встречающиеся в рекламе из гендерных журналов: 50 фразеологизмов из женских журналов («дамские штучки», «код молодости», «тайное оружие», «покорять взглядом» и т. д.) и 50 фразеологизмов из мужских журналов («свежее решение», «стальное сердце», «шкуру спущу», «всегда на связи», «интеллектуальная роскошь» и т. д.).

В ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента респондентам были предъявлены отобранные стимулы. Женщинам была предъявлена анкета, состоящая из 100 слов и фразеологизмов, найденных в рекламе из женских журналов. Мужчинам была предъявлена анкета со 100 словами и фразеологизмами, обнаруженными в рекламе из мужских журналов. Респондентам было предложено дать свои реакции на содержащиеся в анкетах стимулы.

Рассмотрим основные этапы обработки данных, полученных в результате проведения данного ассоциативного эксперимента.

При обработке результатов эксперимента нами было построено «ассоциативное поле стимула — сводное описание реакций на данный стимул, выстроенное от наиболее частотной реакции к наименее частотной» [4].

Ассоциативное поле в дальнейшем подверглось процедуре семантической интерпретации. Как утверждает И.А. Стернин, под семантической интерпретацией понимается «интерпретация значений полученных ассоциатов как семантических компонентов (сем) значения слова-стимула, а также группировка полученных семантических компонентов в семемы (отдельные значения) по общности их денотативной отнесенности» [3].

При анализе ответов ассоциативного эксперимента нами были выделены синтагматические и парадигматические ассоциации.

Синтагматическими называют ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула. Этот тип ассо-

циаций выделяется в том случае, когда слово-стимул вступает в синтаксические отношения со словом-реакцией и образует словосочетание (чаще всего согласованное) или грамматическую основу предложения.

Парадигматические же ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы. В данную совокупность входят слова, которые являются взаимозаменимыми в определенных типах контекста (антонимы, синонимы, гиперонимы, гипонимы).

Затем мы сравнили соотношение синтагматических и парадигматических реакций среди мужских и женских ассоциаций.

В ходе дальнейшего исследования ассоциаций, полученных в результате проведения эксперимента, мы воспользовались методом семантического гештальдта.

Метод построения семантического гештальта представляет собой один из способов представления знаний об окружающем мире в языковом сознании носителей определенного языка.

Семантический гештальт представляет собой семантическую классификацию слов-реакций, входящих в определенное ассоциативное поле, он включает в себя несколько семантических зон, объединяющих характерные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия. Для обозначения данных семантических зон используют местоименные названия, передающие наиболее общие смыслы.

По мнению Ю.Н. Караулова, можно выделить следующие семантические зоны:

1) лицо, ассоциируемое со словом-стимулом, отвечает на вопрос «Кто?»;

2) предмет, ассоциируемый со словом-стимулом, отвечает на вопрос «Что?»;

3) постоянные (интегральные) признаки, рассматриваемые с позиции стороннего наблюдателя, отвечает на вопрос «Какой?»;

4) оценочные характеристики (дифференциальные признаки), в рамках шкалы «хороший-плохой», отвечает на вопрос «Каков?»;

5) квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки;

6) действие, ассоциируемое со словом-стимулом, отвечает на вопрос «Что делать?» [2].

Тем не менее, при необходимости можно выделять и другие семантические зоны.

Мы классифицировали все реакции, полученные в результате проведения ассоциативного эксперимента. С помощью метода «семантического гештальта» они были распределены на 5 семантических зон, которые отвечают на вопросы «Кто?», «Что?», «Какой?», «Что делать?», «Как?». В результате мы получили женское и мужское ассоциативные поля, распределенные по данным зонам. Затем нами было рассмотрено содержимое се-

мантических зон женского и мужского ассоциативных полей, был проведен их сравнительный анализ.

Итак, исследуя психолингвистические аспекты гендерных особенностей рекламного дискурса, мы использовали разную методику проведения психолингвистического эксперимента, с помощью которой решили ряд важнейших задач нашего исследования, а именно, получили:

1) ассоциативные поля рекламного дискурса с гендерной составляющей и их семантическую интерпретацию;

2) образы и семантические зоны, отраженные в гендерно-ориентированной рекламе, существующие в сознании носителей языка;

3) синтагматические и парадигматические ассоциации, позволяющие подойти к решению вопроса о месте грамматических явлений в ассоциативно-вербальной сети и понять, какие именно грамматические средства использует современный носитель языка посредством рекламного дискурса.

Библиографический список

1. Глухов, В.П. Основы психолингвистики: учебное пособие для студентов педвузов / В.П. Глухов — М.: АСТ: Астрель, 2005. — 351 с.

2. Караулов, Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 191—206.

3. Стернин, И.А. Значение в языковом сознании: специфика описания / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. — М.: Институт языкознания РАН, 2006. — № 4. — С. 171—179.

4. Фридман, Ж.И. Методика анализа значения слова в языковом сознании носителей русского языка / Ж.И. Фридман // Вопросы психолингвистики. — М.: Институт языкознания РАН, 2007. — № 5. — С. 78—82.

УДК 378.016:81

СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ (УРОВЕНЬ БАКАЛАВРИАТА)

Е.Н. Ярославова

В статье приводятся результаты анализа содержания ряда государственных образовательных стандартов в аспекте иноязычной подготовки, конкретизируется состав профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции, определяются требования к отбору содержания обучения по дисциплине «Иностранный язык».

Ключевые слова: профессионально-ориентированная иноязычная коммуникативная компетенция, содержание обучения, самореализация.

Курс на модернизацию отечественного промышленно-экономического комплекса делает актуальной задачу иноязычной подготовки будущего профессионала в соответствии с международными стандартами, где профессионально-ориентированная иноязычная компетентность работника — это не только условие его успеха в осуществлении межкультурной коммуникации, социальной адаптации, но и средство взаимосвязанного личностного и профессионального развития, фактор обеспечения мобильности.

Данные ориентиры нашли отражение в Примерной программе [3], разработанной УМО по образованию в области лингвистики, где на первый план выдвигается гуманитарно-образовательный, культурно-экономический и социальный смысл иноязычной подготовки. В соответствии с данным документом общая цель овладения иностранным языком в курсе бакалавриата заключается в формировании зрелой гражданской личности, обладающей системой ценностей, взглядов, представлений и установок, отражающих общие концепты российской культуры, и отвечающей вызовам современного общества в условиях конкуренции на рынке труда. В качестве приоритетных определяются такие качества будущих бакалавров как способность осуществлять межкультурные контакты в профессиональных целях, конкурентоспособность, стремление к самосовершенствованию в постоянно меняющемся многоязычном и поликультикультурном мире, мобильность, потребность в самообразовании.

Конечная цель курса овладения иностранным языком на данном уровне подготовки заключается в формировании профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции, необходимой для иноязычной деятельности по изучению и творческому осмыслению зарубежного опыта в профилирующей и смежной областях деятельности бакалавра, а также для профессионально-делового общения и самообразования. Результаты иноязычной подготовки бакалавра должны быть представлены номенклатурой взаимозависимых компетенций [3].

Как известно, государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования – это тот документ, который задаёт параметры всей деятельности будущего профессионала по освоению выбранного направления подготовки. В образовательных стандартах нового поколения нелингвистического профиля владение иностранным языком относится к общекультурным компетенциям. Однако, следует подчеркнуть, что проектируемый результат освоения дисциплины «Иностранный язык», описываемый в стандартах, не характеризуется полнотой описания и требует конкретизации, принимая во внимание интегративный характер иноязычного образования. Так, в составе формируемых компетенций ему отводится чисто коммуникативная роль средства социального и бытового общения, при этом речь идёт об «уровне не ниже разговорного», что не отражает профессиональный компонент иноязычной подготовки. Во многих стандартах (150700, 151000, 151900, 160700) проектируемый результат освоения представлен весьма обобщённо в терминах «знать иностранный язык». В ряде же стандартов (151900, 160100, 160400, 190100) мы встречаем более детальное описание в терминах «знать», «уметь», «владеть», которые аналогичны формулировкам стандартам предыдущего поколения и не отражают международных требований к уровню владения иностранным языком.

Данные обстоятельства обусловливают необходимость обратить внимание на состав профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности будущего бакалавра, а также на такие важные составляющие педагогической системы иноязычной подготовки, как содержание и технологии обучения.

С позиций компетентностного подхода, который призван решить задачу конкурентоспособности выпускника вуза на рынке труда, профессиональная компетентность работника складывается из целого ряда ключевых/универсальных, базовых/общепрофессиональных и специальных компетенций и представляет личностно-интегрированный результат, имеющий деятельностные, мировоззренческие и поведенческие признаки: практическую, опытную, мотивационно-ценностную и когнитивно-обеспеченную готовность действовать в сфере своей компетенции [2].

Ключевые или универсальные компетентности необходимы для любой профессиональной деятельности и связанны с успехом личности в быстроменяющемся мире. Они проявляются, прежде всего, в способности решать профессиональные задачи на основе использования информации, осуществления коммуникации, в том числе на иностранном языке; в знании социально-правовых основ поведения личности в гражданском обществе.

Базовые/профессиональные компетентности отражают специфику определенной профессиональной деятельности (педагогической, медицинской, инженерной и т. д.).

Специальные компетентности отражают специфику конкретной предметной или надпредметной сферы профессиональной деятельности. Специальные компетентности можно рассматривать как реализацию ключевых и базовых компетентностей в конкретной области профессиональной деятельности [2, с. 86].

Организуя процесс иноязычной подготовки, мы должны иметь в виду тот объём знаний, умений и навыков, а также необходимых качеств, которые способны обеспечить непрерывное развитие профессионально-ориентированной иноязычной компетентности, которая может быть представлена совокупностью компетенций, объединённых в кластеры. На основании проведённого исследования [5] мы считаем целесообразным в структуре профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности, которая рассматривается как цель и результат иноязычной подготовки, выделить предметно-языковую, предметно-речевую, социо-культурную и эмотивно-рефлексивную компетенции. Данные компетенции представлены через их основные характеристики, разграниченные по трём основаниям, определяющим знания, способы осуществления деятельности и результат в терминах, что обучающийся *должен знать, может выполнить, и чем оперировать по окончанию обучения.*

Среди выделенных нами кластеров компетенций социокультурные и учебные мы относим к ключевым и рассматриваем их как общие для всех профессий специальностей. Предметно-языковая и предметно-речевая относится к базовым. Компетенции в устных и письменных формах общения — к специальным.

Современные лингводидакты рассматривают содержание обучения как постоянно развивающуюся категорию, в которой находит отражение, как предметный, так и процессуальный аспекты [1, 4]; оно обеспечивает сам процесс обучения и его результат. Его детерминантами выступают, в первую очередь, цель непрерывного профессионально-ориентированного иноязычного образования: развитие компетенций и тех свойств личности, которые ей нужны для включения в процессы межкультурного общения, а также для самообразования. Подобное рассмотрение цели формирует

отношение к осваиваемым знаниям и умениям как средствам, обеспечивающим целостное развитие личности обучающегося.

Отметим, что содержание обучения не является постоянным: оно определяется Государственным стандартом и программой обучения и зависит, в свою очередь, от целей и этапов обучения [4]. Исходя из того, что предметный аспект содержания обучения является первичным при его отборе [1], принципиальным является выявление приоритетных типов формируемой деятельности, которые выявляются на основе анализа видов деятельности бакалавра, при этом они будут различными в зависимости от направления подготовки. Так, анализ ГОСТов ВПО ряда инженерных направлений подготовки (150700, 151000, 151900, 160100, 160400, 160700,190100, 190600, 190700) показал, что основными видами деятельности будущих бакалавров инженерного направления подготовки являются производственно-технологическая, организационно-управленческая; научно/экспериментально-исследовательская, проектно-конструкторская. В то время как профессиональная деятельность бакалавра экономического направления связана с аналитической, расчётно-экономической, предпринимательской видами деятельности. Общими видами деятельности для направлений является организационно-управленческая деятельность.

На основании вышеизложенного напрашивается вывод, что для достижения качественного результата процесса иноязычной подготовки при проектировании как предметного, так и процессуального компонента содержания обучения, а также выбора технологии обучения (традиционной, интегрированной, тренинговой, проектной, проблемно-исследовательской) необходимо опираться на виды деятельности будущего профессионала, и на их основе уже отбирать сферы и ситуации общения, наиболее типичные для конкретного направления.

Подчеркнём, что процесс формирования профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетентности осуществляется через контекст профессиональной деятельности, в основе которой лежит комплекс умений, позволяющих участвовать в профессионально-ориентированном общении; через развитие языкового материала и языка как умения соотносить языковые средства с конкретными целями, ситуациями, условиями и задачами речевого общения; с учётом профессионально-ориентированного сознания. Именно благодаря языковому сознанию коммуникативная компетенция обучающегося обеспечивает выражение, интерпретацию, обсуждение значения, включая взаимодействие между профессионалами на основе единого когнитивного пространства.

Научно обоснованный отбор учебного материала (на основе анализа сфер и видов деятельности специалистов) и организации работы с ним

(выбор технологий) поможет запустить механизм, раскрывающий возможности практического использования иностранного языка как средства личностного и профессионального развития обучающихся. Интегративный характер иноязычной подготовки выражается в том, что посредством языка обучающийся получает возможность расширить и углубить представление о предметной области выбранной профессии, сформировать концептуальную и профессиональную картину мира, развить соответствующие умения, тем самым сформировать готовность к самореализации.

Библиографический список

1. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. — М.: «Академия», 2004. — 336 с.

2. Компетентностный подход в педагогическом образовании: коллективная монография /под ред. В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпициной. — СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. — 392 с.

3. Примерная программа по дисциплине «Иностранный язык» для подготовки бакалавров (неязыковые вузы). — М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. — 32 с.

4. Щукин, А.Н. Обучение иностранным языкам: теория и практика:учебное пособие для преподавателей и студентов / А.Н. Щукин. — М.: Филоматис, 2007. —416 с.

5. Ярославова, Е.Н. Концепция непрерывного профессионально-ориентированного иноязычного образования как условие самореализации будущего специалиста высшей квалификации / Е.Н. Ярославова, М.Г. Федотова — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010 — 316 с.

УДК 808.51

РИТОРИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

О.С. Бернат

Статья посвящена исследованию понятий «риторические технологии», «риторическое образование». В данной работе говорится о формировании речевого мастерства посредством риторических технологий.

Ключевые слова: риторика, риторическое образование, риторические технологии, речевые упражнения.

В настоящее время риторическое образование в процессе модернизации вузовского образования играет особую роль. Интерес к риторике обусловлен тем, что риторика есть философия и технология оптимального (эффективного) речевого поведения.

Риторика, в основе которой заложена антропологическая парадигма, несет дидактические возможности формирования у обучаемых целевого речетворческого умения — коммуникативной компетентности — комплекса знаний и умений, позволяющих коммуниканту добиваться результативности в общении.

Риторика (как интегрирующий предмет) создает базу для формирования коммуникативных умений обучаемых, что предполагает развитие у них творческих способностей, познавательных интересов, самостоятельной мыслительной деятельности, формирование высокой культуры речевого поведения.

Важность риторики в контексте современного образования определяется тремя основными параметрами:

1) риторика представляет собой определенное культурное отражение глобального идеоречевого феномена «мысль-слово»;

2) риторика является рефлексивным слоем (на уровне теории и практики) сферы речевой коммуникации;

3) риторика — одна из существенных составляющих ментального плана всей европейской культуры.

Если исходить из значимости риторики в общем цикле гуманитарной человеческой деятельности, то следует отметить, что эта дисциплина должна занять одно из важнейших мест в подготовке студента.

Теоретическое умение распознавать риторические ходы мысли и слова в самых разных формах коммуникации способствует критическому подходу к феноменам культуры, позволяет вырабатывать специфическую профессиональную рефлексию относительно форм и способов коммуникации.

Прикладное значение риторики в подготовке студента определяется необходимостью практического овладения различными коммуникативными стратегиями, устными и письменными жанрами в разных коммуникативных ситуациях.

Основная цель курса риторики — формирование образов представлений и знаний, определяющих коммуникативные стратегии гармонизирующего диалога и соответствующую профессиональную коммуникативную компетенцию, содействие тому, чтобы студенты усвоили целостность риторической парадигмы как систему внутренне взаимосвязанных и взаимообусловленных теоретических и практических компонентов.

Задачами курса являются, во-первых, разработка моделей современного научного осмысления проблем, сопряженных с языковым сознанием участников коммуникативного процесса (говорящего и слушающего), порождением, восприятием и интерпретацией речи, во-вторых, выработка бережного отношения студентов к слову не только как к эстетической ценности, но и могучему средству выражения мыслей и самовыражения личности.

Введение курса по риторике способствует внедрению в учебный процесс активных технологий обучения и воспитания — риторических технологий, которые ориентированы на переход от формально-знаковой к личностно-деятельностной парадигме.

Риторические технологии — «это совокупность приёмов и способов получения, обработки или переработки информации» [6].

В настоящее время понятие риторические технологии прочно вошло в теорию и практику научного образования, но пока остается неясным его место и взаимосвязи в терминологическом поле риторики как науки. Определение данного понятия предстает достаточно широко со следующих позиций: проектирование речетворческой системы, управление образовательным процессом, личностный подход, процессы, научные направления, технологическое обеспечение процессов и т. д.

Риторическая технология определяется как «проект и реализация системы последовательного развертывания речетворческой деятельности, направленной на достижение целей образования, воспитания и развития личности обучаемых, поэтому риторическая технология есть область исследования теории и практики (в рамках системы риторического образования), имеющая связи со всеми сторонами организации риторической системы для достижения специфических и потенциально воспроизводимых результатов» [1]. Риторическая технология — «систематический метод планирования, применения и оценивания всего процесса обучения и усвоения знаний путем учета человеческих и речетворческих ресурсов и взаимодействия между ними для достижения более эффективной формы образования» [8]. Риторическая технология — это «проект определенной риторической системы, реализуемый на практике (мысленный аналог реальности),

то есть комплекс знаний, умений, позволяющий коммуниканту добиваться результативности в общении» [2].

Риторические технологии работают «на мотивацию обучения, помогают развивать речь обучаемых и их творческие возможности, дают навыки работы в коллективе, позволяют взаимодействовать с окружающими людьми, обеспечивают коммуникативную компетенцию личности и ее успешность в обществе» [5].

Ведущими способами деятельности (формы и методы) являются речевые упражнения, в том числе и с игровыми элементами, коммуникативные и ситуационные игры, анализ текстов по заданному алгоритму с обязательным включением рефлексии.

Названные формы можно объединить понятием «риторический тренинг» [5], риторическая игра, где риторическая деятельность приобретает творческий, личностно окрашенный характер.

Обучение посредством риторических игр, «риторических тренингов» [5] может быть обогащено достижениями психолингвистики, семиотики и новой дидактики. Предлагаемые этими дисциплинами схемы позволяют выстроить систему по совершенствованию текстопорождающей деятельности. Базовым звеном в процессе текстопорождения является следующая модель: КОМУ хочу сказать? + ЧТО хочу сказать? + ЗАЧЕМ хочу сказать? Именно она разворачивает, претворяет замысел в текст — «знаковую деятельность, структурообразующий процесс, работу и игру, пространство, где прочерчены линии смысловых сдвигов» [4] — целостное и завершенное произведение речемыслительного процесса.

В целях прочного усвоения знаний существенным также является рационализация и оптимизация учебного материала, отбор главного, существенного, актуального в содержании курса, а также активизация творческой и самостоятельной деятельности обучаемых при сохранении принципов научности, целостности, системности.

Организация учебного процесса (с использованием риторических технологий) идет в форме коллективного диалога между обучаемыми, участие в котором предполагает уважительное отношение к носителям других точек зрения.

Для развития личности в процессе коммуникативного речетворчества «особое внимание необходимо обратить на нравственные аспекты общения: уважение к авторскому замыслу, отсутствие силовых позиций в общении, желательность создания «ситуации успеха», признание права на ошибку в процессе речевой творческой деятельности» [5], поскольку «одной из главнейших задач современного образования является нравственное воспитание» [6].

Таким образом, риторические технологии направлены на формирование реального речевого мастерства, выработку системы умений и навыков,

необходимых для практического владения эффективной и риторически культурной речью (прежде всего устным словом).

Следовательно, ценность риторического образования состоит в том, что оно, во-первых, оказывает существенное позитивное влияние на жизненные принципы, коммуникативную и общую культуры личности; во-вторых, способствует успешной самореализации в социуме, активной жизненной позиции человека, способного совершать достойные речевые поступки, отстаивать собственную точку зрения, сохраняя толерантность; в-третьих, стимулирует потребности к саморазвитию и самосовершенствованию личности и развивает ответственное отношение к слову, сказанному или написанному; в-четвертых, формирует коммуникативные умения, связанные с владением различными речевыми жанрами (устной и письменной формы).

Библиографический список

1. Волков, А.А. Риторика в философском образовании / А.А. Волков // Вестник Московского государственного университета. Филология. Серия 9. — 1996. — № 4. — С. 112—115.

2. Грейдина, Н.Л. Риторика и современное образование / Н.Л. Грейдина. — Пятигорск, 2005. — С. 4—15.

3. Гузеев, В. Гуманитарный прорыв в образовании возможен / В. Гузеев // Народное образование. — М., 2006. — № 2. — С. 126.

4. Гусинский, Э.Н. Введение в философию образования / Э.Н. Гусинский, Ю.И. Турчанинова. — М., 2000. — С. 5—15.

5. Евдокимова, И.В. Риторика как новая технология формирования коммуникативной компетенции / И.В. Евдокимова // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». Сборник тезисов 2012-2013 учебный год. — М.: Чистые пруды. — С. 67—80.

6. Курцева, З.И. Коммуникативно-нравственное развитие учащихся в системе непрерывного риторического образования / З.И. Курцева. — М: МИОО, 2007. — С. 27—35.

7. Матвеева, Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистка, риторика / Т.В. Матвеева. — М.: Флинта: Наука, 2003. — С. 265—270.

8. Сластенин, В.А. Психология и педагогика: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Сластенин, В.П. Каширин. — М.: Академия, 2006. — С. 187.

УДК 81’234 + 81’23

ОБРАЗ МЕДИКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МЕДИКОВ, ИНЖЕНЕРОВ И ЮРИСТОВ

Е.В. Вилисова

По результатам свободного ассоциативного эксперимента, описан образ медика, закреплённый в языковом сознании студентов и специалистов медиков, инженеров и юристов.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, профессия, врач, стимул, реакция

Экологическая ситуация в мире, старение населения, а также нестабильность, вызванная экономическим кризисом, приводят к необходимости получения качественного медицинского обслуживания. Повышаются требования к уровню подготовки и профессионализму поведения специалистов сферы здравоохранения. Сложившаяся ситуация привлекает больше внимания к изучению процесса становления медиков-специалистов.

Появляющиеся в большом количестве на экранах телевизоров передачи, фильмы, программы оказывают влияние на существующий в сознании людей образ медика.

В настоящее время черты образа личности врача активно изучаются представителями разных сфер: в общей и медицинской психологии, в исследованиях по медицинской этике и деонтологии, в трудах по социологии медицины, в исследованиях, посвященных анализу экономики здравоохранения и врачебной профессии. В лингвистике имеются научные работы, посвященные анализу профессионального врачебного языка и социолекта Е.В. Харченко, Г.А. Абрамовой, Н.Н. Седовой, З.А. Сергеевой, К.Ю. Пешковой, В.Ф. Новодрановой, В.В. Иванова и др. Описание образа врача представляется актуальным, поскольку он даёт представление и о состоянии данной профессии, и о состоянии медицины вообще.

Профессию медика Е.А. Климов относит к типу «человек—человек», отмечая, что их особенность заключается «в речевых действиях, выразительных свойствах внешности и одежды, постоянном совершенствовании знаний и навыков» [1]. Важной для представителей этой сферы является «душеведческая направленность ума» [1]. Такие специалисты должны уметь понять душу, чувства и внутренний мир человека такими, какие они есть, а не моделировать его стереотипный облик, навязанный средствами массовой информации или другими источниками.

Целью нашего исследования было выявить особенности представления образа «врача» в языковом сознании медиков, инженеров и юристов.

Материалом для статьи послужили данные, полученные в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента (далее САЭ) в груп-

пах 1, 3 и 5 курсов по 25 человек (студенты, обучающиеся по специальностям инженер, медик и юрист в Южно-Уральском государственном университете (далее ЮУрГУ), Челябинской государственной медицинской академии (далее ЧГМА), Челябинского института путей сообщения — филиала уральского государственного университета путей сообщения (далее ЧИПС)), а также среди работников железнодорожной станции Челябинск Главный дирекции управления движения Южно-Уральской железной дороги — филиала ОАО (далее РЖД), работников центрального суда, специалистов областной клинической психиатрической больницы № 1 г. Челябинска и Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Челябинской области (Управление Роспотребнадзора по Челябинской области).

Поскольку образ врача складывается из уровня его профессионализма, особенностей его поведения и общения, а также связан с внешностью, мы предложили респондентам привести реакции на стимулы «доктор», «врач», «инструмент», «халат».

Самая частотная реакция на стимул **доктор** — *наук (42).* Второй по частотности стала реакция *врач (41), он же врач (1).* Тождественность этих понятий в сознании людей подтверждают и реакции, полученные на стимул «**врач**»: самой частотной реакцией стало слово — *доктор (19).* Несмотря на то, что в одном из значений слова «доктор» и «врач» являются синонимами, респонденты для данных стимулов использовали разные стратегии реагирования.

Мы обратили внимание на то, что реакции, полученные на стимул «**доктор**», можно разделить на 2 группы: слова, относящиеся к сфере «наука» (**доктор —** *наук (42), наука (5), медицинских наук (3), юридических наук (2), ещё круче, чем специалист (1), степень (1), степень в науке (1))* и слова, относящиеся к медицине *(врач (39), медицина (4), хирург (4), здоровье (3)).* Чаще всего респонденты использовали имена существительные. Из 230 полученных реакций всего 18 слов выражены прилагательными и 4 — глаголами. Примечательно, что указанные слова относятся к сфере здравоохранения и связаны с профессиональной деятельностью врача (*лечит (2), вылечить (1), лечить (1), белый (1),семейный (1), медицинский (1), личный (1))*.

Значимой характеристикой образа современного **доктора** является то, что респонденты связывают его с персонажами русских и зарубежных сериалов (*Хаус (8), Быков (2), интерны (2), Вильсон (1), Тырса (1), Кто (1), Хаос (1))*, фильмов и мультфильмов (*Зло (2), Зойнберг (1)),* литературными персонажами (*Айболит (17), Ватсон (2), Живаго (2), Пилюлькин (1)),* рекламой и названиями медицинских препаратов (*Мом (3), барменталь (2)).* В реакциях врачей появляются имена знаменитых докторов: *Кулибин (1), Курбатов (1), Пирогов (1), Баль (1).* Таким образом, 11 % реакций, приве-

дённых на этот стимул — имена собственные. Можно сделать заключение, что образ «доктора» сформирован под воздействием масс-медийных средств.

Напротив, **врач** в сознании респондентов — это настоящий доктор-специалист, занимающийся врачебной деятельностью: *доктор (19), стоматолог (18), терапевт (17), хирург (10), окулист (8), больница (3), лечит (3), клятва Врача (1).*

Анализируя полученные реакции, мы выделили следующие качества, выделяемые респондентами: интеллектуальные, моральные, проявляющиеся в деятельности, относящиеся к образу жизни и характеристики внешности. Примечательно, что большее значение имеют качества, характеризующие профессиональную деятельность медика и лишь затем выделяются интеллектуальные характеристики врачей.

Приведённые ответы можно условно разделить на группы, с точки зрения положительной/отрицательной оценки. Так, **доктор** в сознании медиков, инженеров и юристов — *специалист(4), плохой (3), умный (2), хороший (2), внимательный (1), глупый (1), ещё круче чем специалист (1), самый лучший человек (1), серьёзный (1) человек, внушающий доверие (2).* **Врач —** *специалист (6), добрый (3), умный(3), хороший (3), спаситель (2), Бог (1), высококвалифицированный (1), лучший (1), профессиональный (1), опытный (1), отличный (1), волшебник (1), деловой (1), не люблю (1), не надо (1), опытный (1), ответственен (1), плохой (1), придурок (1), спасает (1), страх (1), страшный (1), страшно (1), крут (1), уважаемый человек (1).* Примеры показывают, что преобладающее количество реакций имеет положительную оценку. Вероятно, это можно объяснить тем, что в настоящее время пациент имеет возможность выбрать, к какому врачу обратиться. Выбор осуществляется по строгим требованиям, предъявляемым к специалисту. И именно указанные качества являются определяющими факторами при выборе.

Особо нас заинтересовали реакции *Бог, волшебник, Кудесник, спаситель, спасает.* Примечательно, что реакция *Бог* была дана медиком-специалистом, в то время как прочие реакции дали юристы и инженеры-специалисты. Врач смотрит на пациентов через призму работы, занимая позицию выше. Для него каждый человек — это объект с неким набором болезней. И только он — врач — является единственным носителем знаний о физическом или душевном состоянии обратившейся к нему личности, только он может пояснить результаты анализов или пояснить диагноз. Для людей деятельность врача всегда была сакральна, она была связана с различными волшебными атрибутами и ритуалами, выполняемыми шаманами и знахарями. Возможно, именно поэтому даже сегодня врач остаётся волшебным человеком-носителем человеческих «медицинских тайн»

и воспринимается единственным *спасителем* в борьбе с недугами, с тем, что *страшно.*

Наименьшее количество всех приведённых реакций описывает внешность медика. Главным атрибутом — признаком врача является его спецодежда: *белый халат (8), халат (6), белый (4), в белом (1), в халате (1), человек в белом халате (1).* Данная характеристика не влияет на особенности восприятия врача и является зрительным средством отличия специалистов сферы здравоохранения. Обратившись к реакциям, полученным на стимул «**халат»,** мы убедились, что в сознании людей он прочно связан с личностью медика. Так, 45 % слов относятся к медицинской сфере: *белый (69), медицинский (8), врач (6), больница (3), врача (2).* Респонденты-медики отмечают практическую сторону использования **халата.** Для них халат — это *одежда (7), костюм (1), аккуратный (1), кровь (1) и стирка (1).* Инженеры и юристы рассматривают халат, как элемент, способствующий созданию домашнего уюта: *махровый (15), домашний (11), дом (6), баня (5), грязный (4), в цветочек (3).*

Кроме спецодежды, от прочих специалистов медика отличают применяемые им в профессиональной деятельности инструменты. **Доктор** представляется человеком с *неврологическим молоточком (1), повязкой (1), фонендоскопом (1).* **Врач** обязательно имеет при себе *фонендоскоп (3) и шприц (1).* В *чемоданчике* **врача** находятся *скальпель (7), молоток (3), нож (2), ножницы (2), инструмент врача (2), инструмент хирурга (2), хирургический инструмент (2), зажим (1), операционный инструмент (1), инструмент стоматолога (1).* Наличие *ящика* или *чемоданчика* с подобным содержимым являются отличительной чертой *хирурга и стоматолога.*

Несмотря на то, что образ **врача** вызывает в сознании «страх» (*страх, страшный, страшно),* респонденты отмечают, что **врач** — это *друг человека, сильный, надёжный, уважаемый человек, специалист,* вызывающий *доверие*, который *лечит*, занимается *лечением,* обязательно *вылечит и спасёт*.

Библиографический список

1. Климов, Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. — М.: Академия, 2004. — 304 с.

УДК 821.112.2 + 796.332

ДИНАМИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКОЙ ФУТБОЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

М.В. Санатина

Эмпирическое исследование заимствованной футбольной терминологии немецкого языка. Рассмотрены этапы формирования футбольной терминосистемы немецкого языка, факторы, влияющие на использование заимствований.

Ключевые слова: терминосистема, заимствование, табуизация, эвфимизация.

Футбол является одним из самых популярных видов спорта во всем мире, и, в частности, в Германии. Становление немецкого «языка футбола» началось в 1875 году, оно связано с именем Конрада Коха, который является родоначальником немецкого футбола и его терминологии. В своей книге «Футбол. Правила футбольной ассоциации средних классов Брауншвейгской гимназии (Fußball. Regeln des Fußball-Vereins der mittleren Classen des Martino-Catharineums zu Braunschweig)» он не только излагает правила футбола, но и объясняет основные понятия и термины [6].

Под *термином* мы понимаем «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [2].

На первом этапе формирования футбольной терминосистемы доминирующим было явление сосуществования немецкоязычных терминов и их синонимов, заимствованных из английского языка. [1].

Как известно, заимствование в языке является одним из важнейших факторов его развития. Заимствование увеличивает лексическое богатство языка, служит источником новых корней, словообразовательных элементов и точных терминов и является следствием изменений, происходящих в социуме [5].

Заимствованием является «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т. п.), перенесенный из одного языка в другой» [2].

Основным способом образования немецких терминов в этот период является калькирование.

Калька — образование нового слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы [2].

Например,

Dropkick = Fallstoß (удар с полулёта), *off-side = abseits* (вне игры).

В конце XIX — начале XX века в Германии активно развиваются идеи национализма. Футбол провозглашается в это время «антинациональной» игрой [10].

Лексика наиболее чутко, по сравнению с другими системами языка, реагирует на все изменения в обществе. Именно лексика может претерпевать интенсивные изменения, в отличие от фонетики или морфологии [3].

Немецкий языковой союз обвинял игроков, тренеров и журналистов, освещавших матчи, в частом использовании английских терминов: «Заметка об игре в газете „Фоссише цайтунг“ (Vossische Zeitung) «кишела» английскими выражениями, такими как goal, captain, half time, goalkeeper» [6].

В 1903 году К. Кох опубликовал статью в газете Немецкого языкового союза, в которой обратился к соратникам с призывом избегать употребления английской терминологии, которая «замусоривает» немецкий язык. В конце данного сочинения прилагался список предлагаемых немецких эквивалентов английских заимствований. Например,

centre-forward = Mittelstürmer (центральный нападающий), corner-kick = Eckball (угловой удар), drawn = unentschieden (ничья), free-kick = Freistoß (свободный удар), goal=Tor, Mal (гол), half time = Halbzeit (тайм), referee = Schiedsrichter (судья) [6].

С приходом в 1933 году Гитлера к власти все активные терминологические единицы, заимствованные из других языков, превращаются в историзмы, а исконно немецкие неологизмы находят свое место в системе терминов.

Вследствие тоталитарного режима в терминологии футбола, происходит искусственное образование лексических единиц, искусственная табуизация и эвфимизация, построение лексических идеологем [4].

В данный период использование лексики регулировалось государством, запрещалось употребление тех или иных слов и оборотов, давались конкретные указания, какими терминами нужно заменять запрещенную лексику [8].

На данном этапе происходят также попытки образования синонимических рядов из немецких терминов, например,

Seitenläufer / Außenläufer (полузащитник), Angreifer / Angriffsspieler (нападающий), Außenstürmer / Flugelstürmer (крайний нападающий.)

После окончания Второй мировой войны немецкая футбольная терминология характеризуется заимствованием футбольных терминов из английского языка с сохранением в терминосистеме немецкого эквивалента, например,

Laws of the game / Spielregeln (правила игры), Fairneß/Fair play (честная игра), Newcomer / Ankömmling (новичок).

Также происходит *ретерминологизация* заимствований из английского языка, которые долгое время не употреблялись (1933—1945 гг).

Ретерминологизация — процесс перенос готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным переосмыслением [2]. В нашем случае, это возвращение «забытых» терминов к употреблению.

Это объясняется тем, что после второй мировой войны многие термины, возникшие во время национал-социализма, ассоциировались в сознании носителей языка с гитлеровским режимом. Соответственно, группа терминов получает негативную коннотацию и поэтому отчасти упраздняется [1]. К данным терминам можно отнести следующие:

Dropkick / Tropfenschuss (удар с полулета), Cup / Pokal (кубок), Foul / Strafstoß(одиннадцатиметровый).

В настоящее время немецкую футбольную терминологию заполонили англицизмы. Основные термины используются синонимично, но все большую популярность приобретают именно заимствования:

Team, foul, kick, pressing, dribbling.

Данная тенденция привела к тому, что борцы за чистоту языка стали проводить акции по «защите» немецкого языка от англицизмов. Например, газета «Deutsche Sprachwelt» в октябре 2006 года опубликовала так называемый трансфер-лист футбольных англицизмов, который предложила заменить соответствующими немецкими словами:

Additional time=Nachspielzeit, Assist=Vorlage, Goalgetter=Torjäger, Penalty=Elfmeter и др.

Посредством этой акции этой организаторы хотели привлечь внимание к проблеме чрезмерного употребления английских терминов в сфере футбола. Часто у данных терминов имеется понятный большинству немецкий эквивалент. Но следует подчеркнуть, что этот список не является предписанием или запретом. С помощью употребления немецких терминов авторы хотят показать верность языку и языковое единство людей, говорящих по-немецки, а также сделать понимание футбола более доступным для людей, не владеющих английским языком [7].

В настоящее время существует ещё одна тенденция в немецкой футбольной терминологии — адаптация английских терминов в немецком языке и использование так называемого языка Denglisch. Например,

Dribbeln (gedribbelt), Kicken (Er kickt), kaputtgefoult и др [5].

Но, не смотря на то, что употребление англицизмов во всех сферах жизни возросло, исследователи подчеркивают, что, вследствие национализма и языкового пуризма, количество англицизмов в немецкой футбольной терминосистеме составляет около 1 % [6].

Итак, в современном немецком языке футбола можно выделить три группы спортивных терминов:

1. Ряд терминов укоренился в немецком языке и подавил английские выражения:

goal → Tor, out → Abseits

2. Для многих терминов до сих пор нет немецких слов, им можно лишь дать описательное определение:

Chop — «мяч, который полетел не в ту сторону».

3. Для некоторых терминов существуют немецкие обозначения, но английские являются предпочтительными:

tie-break → Spielbrecher, volley → Flugball, Wild Card → Wilde Karte [9].

Библиографический список

1. Богуславский, С.С. Динамика синонимии немецких футбольных терминов / С.С. Богуславский // Записки зромано-германської філології. — Вип. 25. — 2010. — С. 15—23.

2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. «Большая Российская энциклопедия», М. 2000 — 686 с.

3. Дешериев, Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе / Ю.Д. Дешериев. — М.: Наука, 1966. — 402 с.

4. Кияк, Т.Р. Мотивированность лексических единиц. / Т.Р. Кияк. — Львов: Выща школа, 1988. — 161 с.

5. Морозова, О.Н. Английские заимствования в современном немецком языке: лингводидактический аспект. / О.Н. Морозова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2008. — Т. 1. — № 12. — С. 39—46.

6. Burkhardt, A. Wörterbuch der Fußballsprache / A. Burkhardt. — Göttingen : Die Werkstatt, 2006. — 360 S.

7. Deutsche Sprachwelt 26, http://www.deutschesprachwelt.de/archiv/papier/DSW26.pdf

8. Klemperer V. LTI: Notitzbuch eines Philologen. / V. Klemperer. — Leipzig, 1975. — 128 S.

9. Křenková, D. http://miami.uni-muenster.de/servlets/ DerivateServlet/Derivate-3260/diss_krenkova.pdf

10. Magnusson 1997: 115 Magnusson, Gunnar (1997): Konrad Koch — Der deutsche Fußballvater und Sprachreformer in Braunschweig, in: Wissenschaftliche Zeitschrift des Braunschweigischen Landesmuseums, 4, 1997; C. 105—119.

11. Spiegel Online http://www.spiegel.de.

УДК 81-144 + 81-112

ФРЕЙМ «ПОСЛЕДСТВИЯ» СТАТИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ «БУДУЩЕЕ РОССИИ»

О.А. Солопова

В настоящей статье представлен один из фреймов статических матриц «Будущее России», созданных на материале российского, американского и британского политических дискурсов середины XIX — начала XX вв.; выделены наиболее частотные метафорические модели, общие черты и особенности в конструировании слота «Каковы вероятностные позитивные последствия преобразований»?

Ключевые слова: политический дискурс, метафорическая модель, сценарий, фрейм, слот.

В любом прогнозном сценарии должны быть отражены «причинно-следственные связи между элементами исследуемой системы» [1], именно поэтому одним из метафорических фреймов синхронной модели «Будущее России» является фрейм **«Последствия»**.

Причинно-следственные закономерности являются необходимым инструментом познания любого объекта или процесса. В случае настоящего исследования объектом является модель будущего, процессом — моделируемый в сценарии переход «настоящего» в возможное будущее.

Возможность — это будущее в настоящем, это то, чего не существует в данной качественной определенности, но что может возникнуть и существовать, стать действительностью при определенных условиях [2]. Причинность явления определяет источник происхождения явления, будущего. Вероятность есть мера возможности, свойство множественности вариантов; в данном исследовании — двух «предельных» альтернатив развития: «светлого» будущего и «мрачного» будущего. Сами метафоры производят следствия. На фоне того, что имеет место до-, после-, вокруг и наряду с метафорой, «выстаиваются интра-, интер- и трансметафорические связи» [3].

Прогнозирование будущего напрямую зависит от метафор, используемых для описания «благополучного» и «неблагополучного» будущего [*Judge*, 1992], от их способности пробуждать в человеке эмоциональные ассоциации, связанные с его ожиданием. Данный фрейм является итогом, выводом сценарного представления будущего, которое проходит через поляризирующую призму, распадаясь на аксиологические противоположности — «светлое» и «мрачное».

Образы будущего России, рисуемые англоязычными СМИ, выполнены в черно-белых тонах и почти зеркально противоположны друг другу. С одной стороны, это великая и сильная держава: *the great Slavonic power,*

the great Slavonic empire, the Eastern Giant, Russia's gigantic power, the rising colossus, richness of Russia, a brighter day for Russia, Russia is prosperous, Russia's world mission, Russia's ambitious dream и др.; с другой — агрессивная, варварская страна: *a hostile and aggressive empire, a complete autocracy, barbarous Russia, cold, cruel Russia, troublesome Russia, aggressive Russia: How She Bulldozed Corea, Russia Grabs Again* и др.

Россия предстает в нескольких ипостасях, и поэтому ее вероятное будущее по-разному интерпретируется и оценивается: *There are, in fact, as in France previous to 1789, two Russias — one, the narrow, official, grinding, thriftless, unnational «old» state; and the other, the people, who may be the «new» state to-morrow* / The Spectator, 12.10.1876 (US). Существует две России: одна — недалекое, казенное, деструктивное, нерачительное, антинародное «старое» государство; другая — ее народ, который завтра может стать «новой» страной.

В российском политическом дискурсе рассматриваемого хронологического среза также Российская Империя поделена на две половины: *По **сю** сторону — новый міръ, новые люди, пестрый свѣтъ зачавшейся цивилизаціи, — «образованность», по преимуществу въ наружныхъ, внѣшнихъ ея проявленіяхъ и начиная съ самыхъ низшихъ ея ступеней. По ту сторону — застой, крѣпость старинѣ до суевѣрія; по сю — форсированный «прогресс». Россія раздѣлилась на двѣ половины различающихся не только внутренно, но и внѣшне, наружнымъ видомъ, — въ крайнихъ противоположныхъ своихъ полюсахъ* / Русь, № 16, август 1884.

И соответственно, ее будущее двоится: *Есть путь положительный и путь отрицательный. Положительный путь постояннаго развітія народныхъ экономическихъ началъ, народнаго, общественнаго кредита и народнаго самоуправленія; и путь отрицательный постояннаго обезсилинія оффиціальнаго міра* / Колоколъ, № 4, 1961. *On the Alps, a flake of snows, shaken from the wing of a bird, joins another, and then another; a ball is formed, which grows as it rolls, until as a mountain it falls thundering down, burying fields, houses, and villages. So it was with the present aggression of Russia. We must hope that the fall of this avalanche will only serve to fertilise the land, and to expose the naked rock from whence it fell to the battering hammer of destruction, or to the beneficial plough where progress is possible* / The Hereford Times, 25.02.1854 (GB).

Формируемый образ государства и его будущего предстает разными гранями и базируется на дихотомии «свет — тьма», «старый — новый», «современный — несовременный», «варварский — цивилизованный», «западный — восточный»: *Unless all the auguries should prove false the war in the Far East should mark the transition of Russia from Middle Ages to twentieth century, from the Eastern to the Western world, from barbarism to civilization* / The New York Times, 19.08.1905 (US). *The future greatness of Russia will*

come when she turns from the old politics to a new one / The Pall Mall Gazette, 16.11.1880 (GB). *Идти ли намъ въ мракъ средневѣковаго варварства или торопиться сравняться съ націями, стоящими во главѣ человѣчества, — вопросъ, разрѣшеніе котораго вполнѣ зависитъ отъ нашей воли и нашихъ усилій* / Сибирь, 01.01.1885.

Таким образом, фрейм «Последствия» включает два метафорических вопроса-слота: «Каковы вероятностные позитивные последствия преобразований?» «Каковы вероятностные негативные последствия преобразований?».

Анализ фрейма «Последствия», нацеленный на выявление метафорической репрезентации полярного представления будущего, показывает, что при моделировании будущего Российской Империи для американского и российского политических дискурсов середины XIX — начала XX характерно доминирование метафорических и неметафорических контекстов с позитивным оценочным потенциалом. В британском политическом дискурсе анализируемого исторического отрезка доминирует образ мрачного будущего, в представлении светлого полюса метафорические единицы редки: светлое будущее вербализируется в неметафорических контекстах.

В трех дискурсах слот «Каковы вероятностные позитивные последствия преобразований?» наполнен следующим образом. В американском политическом дискурсе метафоры с положительным оценочным зарядом наиболее частотны и образны: моделируют блестящее будущее Российской Империи. Россия представляет собой самодостаточный субъект мировой истории. Она идет по пути развития, приобретая очертания огромной и мощной империи, стремительно расширяя свои границы — ее экспансия на восток и на юг идет невероятными темпами. Укрепляясь сама, она расширяет пространство своего обустройства, обрастая и прирастая странами-соседями, их культурами и активами. Она является средоточием значительной мировой доли природных и людских ресурсов, имеет вес на мировом уровне, что позволит ей стать центральным звеном в мировом мироустройстве. Представляя собой уникальную цивилизацию, ей суждено выполнить великую миссию в будущем: *Russia is a young giant — her government a system of martial law, her population 60,000,000, her people a nation of soldiers, and her avowed mission, the conquest of the globe. Russia is now the monarch of all monarchies* / The New York Times, 13.12.1851 (US).

В российском политическом дискурсе метафоры менее образны и ярки, сферы-источники частично совпадают со сферами метафорического притяжения, типичными для политического дискурса США — путь, неживая природа. Помимо названных метафорических моделей для отечественного дискурса также характерны единицы, вербализирующие образ светлого будущего в терминах строительства, физиологии и растительного мира, акцентирующие идею необходимости единства нации, русскости:

Наше громадное, родное, русское, жизненное этнографическое зерно, при правильномъ его пониманіи, вселяетъ, конечно, не для усыпленія, а для бодрой дѣятельности, въ каждомъ изъ насъ непоколебимую увѣренность, что Россія съ успехомъ исполнитъ и эту новую задачу и выдержитъ это новое испытаніе своихъ могучихъ силъ, что она не только не потерпитъ отъ постороннего натиска, но будетъ еще богаче, сложнее / Русь, № 11, июнь 1884.

В британском политическом дискурсе аналитические статьи, тематикой которых является будущее Российской Империи и его возможное влияние на судьбы всего мира, наименее насыщены метафорами, большая часть контекстов носит неметафорический характер. Залогом успешного будущего, по мнению английских СМИ, должны стать внутриполитическая деятельность российского правительства, направленная на обустройство страны и рост благосостояния ее народа, отказ от экспансионистских намерений: *Let her (Russia) see that within her own present limits she has ample scope for the most noble of enterprises in the elevation and improvement of her eighty millions people and the development of internal prosperity, and the reign of Alexander III will be more glorious than that of Peter the Great, more noble than any one of his predecessors* / The Alnwick Mercury, 02.04.1881 (GB).

Конструируемый образ будущего отражает представления американского, российского и британского обществ середины XIX — начала XX века о Российской Империи.

Библиографический список

1 Judge, A. Presenting the Future (Part 5): Present Moment Research: exploration of nowness, 2001. URL: http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/ present1.php (дата обращения: 12.05.2005).

2. Даннеберг, Л. Смысл и бессмысленность истории // История понятий, история дискурса, история метафор / сб. статей под ред. Х.Э. Бедекера. пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 328 с. — С. 292.

3. Малая российская энциклопедия прогностики / И.В. Бестужев-Лада (гл. редактор), А.И. Агеев и др. М. : Институт экономический стратегий, 2007. — 328 с. — С. 157.

4. Спиркин, А.Г. Философия: учеб пособие. — М.: Гардарики, — 2006. — 816 с. — С. 453.

УДК 811.131.1’36

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «ЦВЕТ» ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (В ИТАЛЬЯНСКОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ)

Н.В. Шатрович

Рассматриваются фразеологические единицы, содержащие компонент-цвет в итальянском газетном тексте, проводится их лингвокультурологический анализ и особенности внутренней формы, рассматривается связь фразеологизмов и языковой картины мира с точки зрения взаимосвязи языка и культуры.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологизм, лингвокультурная специфика.

Язык приобретает все большую значимость для научного изучения культуры. Можно полагать, что система культурных стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию. Языковой символизм является ориентиром, поскольку он существенно влияет на наше представление о социальных процессах и проблемах. Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе [6]. Таким образом, язык не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение и многое, многое другое, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит важнейшим и эффективнейшим способом формирования следующих поколений, то есть инструментом культуры.

По утверждению Тер-Минасовой, язык — зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [5].

Язык как таковой является основанием культуры. Любой конкретный язык есть плод культурной эволюции соответствующего сообщества. В языке — в его словаре и грамматике — нам явлена картина мира сообщества, его, этого сообщества, кристаллизованный опыт.

В идиоматике языка, то есть, в том слое, который, по определению, национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам [6]. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно иллюстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой.

Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую-антропоцентрическую интерпретацию, в которой существенную роль играет и антропометричность, т. е. соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов.

Данная статья посвящена фразеологическим единицам с компонентом «цвет», поскольку по нашему мнению, цвет является одним из главнейших символов человеческой цивилизации. Цвет имеет огромное значение в жизни современного человека, поскольку от него зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. Но при рассмотрении карегории цвета зачастую не уделяется достаточно внимания изучению глубинного исторического и культурного опыта человека, которому свойственно постоянное стремление называть предметы и явления, окружающие его [2]. Таким образом, мы можем утверждать, что цветовое восприятие мира нашло свое отражение в лексической и фразеологической системах языка.

В символике народов цвета играют чрезвычайно важную роль. В. В. Виноградов утверждал, что различие оптических эффектов цвета, отзывающееся чувствительным образом на настроении и расположении духа, неоспоримое влияние цветов на психическую сферу человека [3].

Роль цветообозначений и в формировании языковой картины мира огромна. По утверждению Н.Н. Амосовой, цвета играют большую роль в формировании языковых картин мира, поскольку с каждым цветом у разных лингво-культурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения [1].

Использование фразеологизмов с компонентом «цвет» в итальянском газетном тексте свидетельствует о широком использовании терминов цвета как изначальных носителей национальной культуры, посредством которых создается так называемая «цветовая картина мира». В результате исследования корпуса газетных текстов было выявлено, что наибольшей частотностью употребления обладают ахроматические цвета «белый» и «черный», которые представляют собой бинарную оппозицию и характеризуют жизнь итальянского этноса, которая изначально регулировалась двумя сторонами суток — днем (белый, свет) и ночью (черный ночь) [4]. Значимость обоих цветов для итальянской языковой картины мира определяет использование в газетном тексте большого числа ФЕ с компонентами «белый» и «черный». Например, **nero destino** (злая судьба, досл. черная судьба), **vedere tutto nero** (видеть все в черном цвете, досл. видеть все черным), pecora nera (паршивая овца, досл. черная овца), maglia **nera** (аутсайдер, отстающий, досл. черная майка): *Per quanto riguarda **Foggia**, la maglia*

nera è frutto invece di un peggioramento dopo che già lo scorso anno il capoluogo pugliese si era piazzato in penultima posizione В отношении последней ФЕ интересно отметить, что в сфере спорта цветообозначения используются широко. Так, для отражения понятия, противоположного **maglia nera**, итальянским этносом используется ФЕ **maglia gialla** (лидер, досл. желтая майка), которая характеризует победителя или лидера в велогонке, поскольку велоспорт наравне с футболом является одним из наиболее популярных видов спорта в Италии и, следовательно, играет определяющую роль в формировании языковой картины мира.

Оппозиция белого и черного цветов встречается в таких ФЕ, как **la caccia al corvo bianco** (охота на белого ворона), где ФЕ **corvo bianco** выражает нечто непривычное, нечто чуждое и поэтому являющееся объектом неприятия и гонения: *Lettera minacce a Bertoni, caccia al corvo bianco*; а также в такой ФЕ, как fare vedere il nero per bianco (доказывать противоположное истине. досл. выдать черное за белое).

Что касается белого цвета — bianco — то в итальянской лингвокультуре белый цвет чаще всего предполагает отсутствие, отрицание чего-то, в отличие, например, от русской лингвокультуры, где белый цвет зачастую выражает идею невинности. Например, это такие ФЕ как **incontro in bianco** (ничья, досл. встреча в белом цвете), **cucinare in bianco** (готовить на оливковом масле без специй, досл. готовить в белом). Хотя стоит отметить, что в последнее время белый цвет наряду с отсутствием мыслится как очищение, как, например, в ФЕ **acque bianche** (очищенная вода, досл. белые воды), являющиеся синонимом *очищенной воды*: *E' l'idea dell'urtilizzo delle acque bianche e piovane per innaffiare i giardini*.

Одним из наиболее распространенных цветов для итальянской лингвокультуры, по нашему мнению, является розовый, номинирующий, в первую очередь, женское начало: **romanzo rosa** (любовная проза, досл. розовый роман), **camice rosa** (доктор-женщина, а досл. розовый рабочий халат): *I numeri odierni vedono solo il 37 % di camicie rosa*. С другой стороны использование розового цвета в языковой картине мира итальянского этноса используется для выражения понятия молодости, наивности и временного характера явлений как следствие их незрелости. Таковы ФЕ **foglio rosa** (временное водительское удостоверение, досл. розовый листок), **vedere tutto rosa** (видеть все в розовом цвете, досл. видеть все розовым): *La camera ha approvato il Foglio Rosa a 16 anni*.

Компонент «зеленый цвет» в составе ФЕ итальянского языка имеет как положительные, так и отрицательные коннотации. Так, зеленый цвет может быть связан с зеленью, травой природой, а, следовательно, с жизнью во всех ее проявлениях. Не случайно в последнее время, когда вопросы экологии и экологичного развития западной постиндустриальной цивилизации встают так остро, в современном газетном тексте нередко использу-

ются ФЕ с компонентом «зеленый»: **pensare verde** (думать об экологии, досл. думать зеленым), **la casa verde** (экологически истый дом, а досл. зеленый дом), **avere un pollice verde** (иметь склонность к садоводству, досл. иметь зеленый большой палец): *Basta un balcone, dei vasi e pollice verde*. Помимо этого зеленый цвет может иметь и отрицательные коннотации, связанные с отсутствием чего-то или с искусственным характером явления, например, такие ФЕ как ridere verde (принужденно смеяться, досл. смеяться зеленым), esserre al verde (быть на мели, досл. быть в зеленом цвете). Но поскольку в нашем исследовании не было встречено большого количества ФЕ с подобными коннотациями, они не представляются нам релевантными.

Таким образом, мы можем сказать, что фразеологизмы с компонентом цветообозначения способствуют раскрытию национальной доминаты культур. Анализ подобного рода привносит дополнительную дифференциацию в осмысление лингвоцветового фрагмента языковой картины мира и расширяет знания об особенностях соотношения языка и мышления.

Библиографический список:

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии. — М.: Инфра, 2008. — 226 с.

2. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура. — М.: Индрик, 2005. — 1308 с.

3. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова. — М.: Просвещение, 2005. — 208 с.

4. Разумкова, Н.В. Словосочетания с компонентом цвета в свете теории перевода / Н.В. Разумкова // Актуальные проблемы романистики и методики преподавания итальянского языка как иностранного. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2008. — С. 56—58.

5. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000 — 624 с.

6. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание. Новое в лингвистике. Вып. 1. — М., 1960.

СОДЕРЖАНИЕ

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Шестеркина Л.П. Универсальный журналист: профессиональные качества и задачи образования……... 3
Белова Л.И. Реализация эстетической функции современными радиостанциями (социологический анализ)……..…….. 7
Харитонова О.Ю. Метод интервью в контексте изучения исторического опыта поколений……... 11
Хлызова А.А. Понятие «образ» в журналистике: методологические аспекты исследования…… 15
Агеева Ю.П. Поэтика трехкомпонентных микроциклов с круговой последовательностью элементов (В. Каверин «Черновик человека»)…….. 19
Воронина Э.А. Приём «потока сознания» как средство психологического анализа в произведениях писателей XX века……. 23
Гончарова В.Н. Понятийные признаки концепта стланик (на материале публицистических текстов национального корпуса русского языка)……. 27
Горбачевский Ч.А. «Dead or alive», или штрихи к символике лагерной колымы……... 31
Егорьева М.П. Реализация семы «гнать, двигать» в словообразовательном гнезде с корнем вѣ- в древнерусском книжном языке…….. 35
Зыховская Н.Л. Ольфакторная поэтика Н. Лескова…….. 39
Канищева Е.В. Поэтика эссе М. Цветаевой «Световой ливень»……..... 43
Корнилова Л.Н. Семантическая категория становления как отражение языковой картины мира (на материале русской фразеологии)…… 47
Кундаева Н.Н. Жанровые особенности этюда в малой импрессионистской прозе (Н. Колоколов «Этюды»)……... 51
Мительская Ж.З. Специфика и закономерные свойства модальных фразеологизмов как семантико-грамматического класса……... 55
Пелихов Д.А. Подготовка к олимпиаде по русскому языку как форма лингводидактической работы с учащимися……. 59
Пономарева Е.В. Вербальный и невербальный компоненты в структуре художественной модели малой прозы 1920-х…… 63
Раевская М.В. Из истории функционирования предлога от (кого, чего) в деловых документах второй половины XVIII — начала XIX вв…… 67
Семьян Т.Ф. Развитие визуальной стратегии Андрея Белого в отечественной литературе XX—XXI веков…… 71
Супрунова Л.В. Современная риторическая культура и профессиональная речь преподавателя……... 75
Чигинцева Т.А. Визуальное воплощение текстов современной литературы 79
Блудова А.Г. Особенности Product Placement в современном зарубежном кинематографе……... 83

Важенина О.А. Функциональное взамодействие кинематографа и социокультурной реальности в процессе трансляции образа национальной идеи средствами кино……..... 87
Васильева В.П., Шрейдер А.Д. Влияние корпоративной культуры на удовлетворённость сотрудников трудом в организации……..... 91
Добрикова А.А. Специфика PR-проектов в социальной сфере…… 95
Лободенко Л.К. Мультимедийный аспект развития журналистского, рекламного и PR медиатекстов в Интернет СМИ……... 99
Михина Е.В. Интертекст как одна из форм коммуникации между автором и читателем в художественном дискурсе……... 103
Пелленен Л.В. Технологические аспекты подготовки пресс-релиза как ключевого инструмента взаимодействия со СМИ……..... 107
Пескова Е.Н. Гипертекстуальность как особенность современной массовой коммуникации……..... 111
Соловьева Т.С. Корпоративная культура: опыт теоретического осмысления……... 115
Хакимова Е.М. Грамматические ошибки в текстах для студенческого корпоративного издания……. 119
Чуракова М.В. Методика развития научно-исследовательской компетенции преподавателя вуза…… 123

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ

Андреев А.Н. Модернизация России в XVIII столетии как фактор формирования религиозной толерантности…… 127
Андреева Р.В. Национальная идея как фактор развития государства и повышения активности населения……..... 131
Балакина Л.П. Академик В.С. Немчинов — ученый и общественный деятель (1920—1930-е гг.). Опыт исторической биографии…… 135
Басманова Н.Д. Методологическая проблематика в дискуссиях эстетиков СССР и ГДР…… 139
Богданов А.В. Челябинский тракторный завод: проблемы строительства и выпуска продукции. 1929—1933 гг……..... 143
Богданова Ю.С. Продукты и товары для народа в первой половине 1980-х гг.: производство, распределение, потребление (на материалах Челябинской области)……... 147
Боталов С.Г., Грудочко И.В. Новые материалы из могильника Уелги (предварительные результаты исследований 2012 года)……... 151
Вишев И.В. Фактор времени против смерти ради реального личного бессмертия 155
Глухарев Д.С. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде…... 159
Грудочко И.В. Рымникский I курган с «усами»: итоги исследований……. 163
Двойненко М.О. Протестная активность общества в структуре национально-культурных смыслов государства……... 167
Докучаева С.В. Феномен «удвоение политической реальности» на основе теории Д. Истона……... 171

Епимахов А.В., Семьян И.А. Оценка параметров фортификации укрепленного поселения бронзового века каменный амбар……. 175
Кривоногова С.А. М.М. Ковалевский о европейском опыте парламентаризма и перспективах российской модернизации……. 179
Мирошниченко М.И. Воспоминания как источники по феминологии и гендерной истории Урала 1920-х — первой половины 1930-х гг. (по материалам Южноуральских архивов)……... 183
Мосин В.С. Поселение Кочегарово I В Урало-Иртышской лесостепи (краткие итоги исследований)……... 187
Парфентьева Н.В. Роль музея искусств Южно-Уральского государственного университета в художественно-эстетическом воспитании и образовании студенчества…… 191
Предеина М.Ю. Онто-гносеологический анализ категории «закон»…….. 195
Просвирнина О.И. Перспективы российской образовательной политики…. 199
Раева Т.В. Репрезентации Первой мировой войны в отечественном игровом кино (1914—1917)……. 203
Сибиряков И.В. История ЮУрГУ в устных воспоминаниях……... 207
Таиров А.Д. Археологические источники по реконструкции древних торговых коммуникаций в Урало-Казахстанских степях……..... 211
Тимофеев А.А. Модернизация социальных условий жизни горожан Южного Урала в начале XX века……..... 215
Трегубов Н.А. Национально-культурная специфика голосования на муниципальных выборах……... 219
Хвощев В.Е. Диалектика дискурсивного и догматического в политической науке..... 223

ФАКУЛЬТЕТ ЛИНГВИСТИКИ

Бабина О.И., Дюмин Н.Ю. Автоматизация заполнения морфологической зоны машиночитаемого словаря…….. 227
Варламова В.С. Особенности перевода культурно-маркированной лексики.. 231
Волков А.С. Гендерный аспект в контексте обучения художественному переводу……. 235
Кашхчян А.М. Суперструктура энциклопедического дискурса (на материале энциклопедических мультимедийных словарей ассоциативного типа)…… 239
Кравцова Е.В. Культурно-обусловленная лексика научной рецензии…… 243
Лелекова Н.В. Лингвокультурная адаптация текста при переводе……. 248
Насталовская И.Г. Компетентностный подход к педагогической практике студентов, обучающихся по магистерской программе «Филология»……. 252
Незнанов И.Н. Приемы речевой компрессии при синхронном переводе с английского языка на русский…….. 256
Осминин П.Г. Анализ специальных текстов, ориентированный на построение системы автоматизированного реферирования…… 260
Телешова Е.А. Проблема трудоустройства выпускников высших учебных заведений и пути ее решения……... 264

Ткачёва Л.Л. Проблемы формирования иноязычной компетенции студентов-лингвистов в современных условиях……... 268
Толстых О.А. Проблемы лингвокультурной трансляции в процессе перевода художественных текстов……. 272
Финаева Т.В. Компетентностный подход к пониманию устной речи…… 276
Хомутова А.А. Когнитивный компонент фонетической компетенции…….. 280
Хомутова Т.Н. Научная коммуникация: модель порождения речи……... 284
Чиркова О.И. Межпоколенная специфика образа «долг» в языковом сознании представителей старшего и младшего поколений……. 288
Башмакова Л.Ю. Особенности использования личных местоимений в англоязычной и русскоязычной культурах…….. 292
Волченкова К.Н. Тьюторство в пространстве высшей школы…… 296
Воронина Е.Н. Речевое воздействие в современной интернет-коммуникации……..……... 300
Дмитрусенко И.Н. Учебный модуль как форма организации самостоятельной работы по освоению рецептивной лексики для студентов неязыковых специальностей…….. 304
Жежера Е.А. Иноязычное образование взрослых в контексте непрерывного образования: проблемы и перспективы……. 308
Ненахова Е.А. Основные аспекты исследования детской речи (с использованием результатов исследования образа профессии в языковом сознании дошкольников)…….. 312
Передриенко Т.Ю. Уральский регион в американских медиатекстах…… 315
Файзрахманова А.Р. «Свой» в языковом сознании современных студентов 320
Шапкина Е.В. Особенности перевода личных документов…… 324
Баканова Ю.В. Использование современных интерактивных технологий в обучении иностранному языку студентов инновационнного вуза……... 328
Гудзенко Д.В. Процессуальные фразеологизмы, обозначающие конъюнктивные и дизъюнктивные отношения в русском языке…… 332
Долгополова Е.Г., Кондакова Н.У. Метод проектов как фактор формирования коммуникативной компетенции студентов направления подготовки «Туризм»……. 336
Ковалева О.И. Использование проектных технологий при обучении иностранному языку в неязыковых вузах……. 340
Колегова И.А. Модульное обучение как основа формирования иноязычной конвергентной компетенции студентов факультета журналистики…… 344
Колова С.М. Формирование социокультурной компетенции в преподавании иностранных языков в неязыковом вузе на примере дисциплины «Английский язык в социокультурном аспекте»……... 348
Короткова Е.Г. Сопровождение развития компетенций профессионального общения будущих менеджеров……... 354
Овинова Л.Н. Развитие иноязычной компетенции в рамках курса немецкого языка «Hallo, Nachbarn. Neu»……. 359
Олейник И.С. Использование «интерактивной презентации» в повышении качества языковой подготовки студентов…….. 363

Репьевская М.В. Метод нарративного анализа и метод нарративного интервью в научном исследовании……. 367
Семёнова Т.В. Лексическая манифестация эмоций…….. 370
Сергеева Л.М. Организация процесса подготовки по иностранному языку магистров направления 080100 «Экономика» и 080200 «Менеджмент» … 374
Скоробогатова А.С. К вопросу об актуальности формирования информационной компетентности преподавателя вуза…….. 378
Соболева М.Г. Клуб любителей иностранных языков как элемент поликультурной образовательной среды вуза…… 382
Ставцева И.В. Принцип косвенного целеполагания в обучении студентов вуза……. 386
Шрайбер Е.Г. Формирование профессиональной иноязычной коммуникативной компетентности юристов в образовательном процессе вуза в рамках дисциплины «Иностранный язык»……...……. 390
Яшан О.О. Экспериментальное исследование гендерных особенностей рекламного дискурса…… 394
Ярославова Е.Н. Содержательно-процессуальные особенности формирования профессионально-ориентированной коммуникативной компетенции обучающихся нелингвистического направления подготовки (уровень бакалавриата)……. 398
Бернат О.С. Риторические технологии в воспитательном и образовательном процессе…….. 403
Вилисова Е.В. Образ медика в языковом сознании медиков, инженеров и юристов……..... 407
Санатина М.В. Динамика использования заимствований в немецкой футбольной терминологии……. 411
Солопова О.А. Фрейм «последствия» статической матрицы «Будущее России»……..... 415
Шатрович Н.В. Фразеологизмы с компонентом «цвет» для отражения языковой картины мира (в итальянском газетном тексте)……... 419

НАУКА ЮУрГУ

Материалы 65-й научной конференции

СЕКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Том 1

Техн. редактор А.В. Миних

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 18.06.2013. Формат 60×84 1/16. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 25,11. Тираж 140 экз. Заказ 287/514.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.